

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ДЖОРДЖ МАРТИН

БИТВА КОРОЛЕЙ

Книга I

Век
Дракона

Annotation

Порвалась дней связующая нить — и дни вечного лета сменились днями зимы. Зимы голода, тревоги и смерти. Ибо мертвы высокие лорды, хранившие мир в королевствах, пали жертвами черного предательства — и воцарился над миром кровавый хаос войны. Ибо подняли головы грозные властители — и началась великая битва, в которой наградой победителю станет Железный Трон Семи Королевств.

Страшные настали времена — времена отваги и отмщения, интриги и магии. Ныне дева повстречает

безумца, а брат занесет меч на брата.
Ныне убитые восстанут – и пойдут
тропою Тьмы. Ныне вонзится
холодная сталь в холодные сердца.

Ныне грядет предначертанная
пророчеством БИТВА КОРОЛЕЙ...

- [Джордж Мартин](#)
 - [Пролог](#)
 - [Арья](#)
 - [Санса](#)
 - [Тирион](#)
 - [Бран](#)
 - [Арья](#)
 - [Джон](#)
 - [Кейтилин](#)
 - [Тирион](#)
 - [Арья](#)

- Давос
- Теон
- Дейенерис
- Джон
- Арья
- Тирион
- Бран
- Тирион
- Санса
- Арья
- Тирион
- Бран
- Кейтилин
- Джон
- Теон
- Тирион
- Арья
- Дейенерис

- [Бран](#)
 - [Тирион](#)
 - [Арья](#)
 - [Кейтилин](#)
-

Джордж Мартин
Битва королей
Книга I

Пролог

Хвост кометы рассек утреннюю зарю. Красная полоса кровоточила, словно рана, на розовато-пурпурном небосклоне над утесами Драконьего Камня.

Мейстер стоял на овеваемом ветром балконе своих покоев. Сюда к нему прилетали вороны после долгих странствий. Они порядком загадили горгулий – адского пса и двуногого дракона, возвышавшихся на двенадцать футов по обе стороны от него, двух из тысячи изваяний, хранящих стены древней крепости. Когда мейстер впервые приехал на

Драконий Камень, армия каменных чудовищ наводила на него оторопь, но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях. Сейчас он вместе с горгульями взирал на небо с недобрým предчувствием.

Мейстер Крессен не верил в дурные предзнаменования. И все же... За всю свою долгую жизнь он не видел кометы столь яркой и такого жуткого цвета — цвета крови, пламени и заката. Может быть, горгульи видели? Они здесь пробыли гораздо дольше, чем он, и останутся здесь, когда его не будет. Если бы их каменные языки могли говорить...

Что за глупые мысли. Мейстер оперся на парапет. Внизу о берег

било море, пальцы ощущали шероховатость черного камня. Говорить с горгульями и читать на небе приметы! Никчемный старик, впавший в детство. Неужели приобретенная тяжким опытом мудрость покинула его вместе со здоровьем и силой? Он мейстер, обученный и получивший нагрудную цепь в прославленной Староместской Цитадели. И все это ради того, чтобы теперь предаваться суевериям, словно невежественный крестьянин?

И все же, все же... Комета последнее время пылала даже днем, и бледно-серый дым поднимался над Драконьей горой позади замка, а

вчера белый ворон принес из самой Цитадели давно ожидаемую, но оттого не менее устрашающую весть о конце лета. Предзнаменования слишком многочисленны, чтобы закрывать на них глаза. Знать бы только, что они означают.

— Мейстер Крессен, к нам пришли, — произнес Пилос мягко, словно не желая вторгаться в мрачные думы старика. Знай он, какая чепуха у старца в голове, он заорал бы в голос. — Принцесса хочет посмотреть белого ворона. — Пилос, всегда точный в словах, называет ее принцессой, поскольку ее лорд-отец теперь король. Король дымящейся скалы посреди соленого моря, но тем

не менее король. — С нею ее дурак.

Старик повернулся спиной к рассвету, придерживаясь за дракона, чтобы не упасть.

— Проводи меня до стула и пригласи их сюда.

Пилос, взяв Крессена за руку, ввел его в комнату. В молодости Крессен был скор на ногу, но к восьмидесяти годам ноги стали подкашиваться под ним. Два года назад он упал и сломал себе бедро, которое так и не срослось как следует. В прошлом же году, когда он занемог, Цитадель прислала сюда Пилоса — всего за несколько дней до того, как лорд Станнис закрыл остров... чтобы помогать Крессену в

его трудах, так было сказано, но Крессен-то знал, в чем дело. Пилос должен заменить его, когда он умрет. Крессен не возражал. Надо же кому-нибудь занять его место — и случится это скорее, чем ему бы хотелось.

Младший мейстер усадил его за стол, заваленный книгами и бумагами.

— Приведи ее. Негоже заставлять леди ждать. — Он махнул рукой, чтобы поспешали, — слабый жест человека, не способного более спешить. Кожа его сморщилась, покрылась пятнами и так истончилась, что под ней виднелись жилы и кости. И как они дрожали теперь, эти руки, некогда столь

ловкие и уверенные...

Пилос вернулся с девочкой, робеющей, как всегда. За ней, подскакивая боком, как это у него водилось, тащился ее дурак в потешном колпаке из старого жестяного ведра, увенчанном оленьими рогами и увешанном коровьими колокольцами. При каждом его прыжке колокольчики звенели на разные лады: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Кто это жалует к нам в такую рань, Пилос? — спросил Крессен.

— Это мы с Пестряком, мейстер.
— Невинные голубые глаза смотрели на него с некрасивого, увы, лица. Дитя унаследовало квадратную

отцовскую челюсть и злосчастные материнские уши, а тут еще последствия серой хвори, едва не уморившей ее в колыбели. Одна щека и сторона шеи у нее омертвела, кожа там растрескалась и лупится, на ощупь словно каменная и вся в черных и серых пятнах. — Пилос сказал, что нам можно посмотреть белого ворона.

— Ну конечно, можно. — Разве он мог в чем-нибудь ей отказать? Ей и так слишком во многом отказано. Ее зовут Ширен, в следующие именины ей исполнится десять лет, и она самый печальный ребенок из всех детей, которых знал мейстер Крессен. «Ее печаль — это мой позор,

– думал старик, – еще одна моя неудача». – Мейстер Пилос, сделайте мне одолжение, принесите птицу с вышки для леди Ширен.

– С величайшим удовольствием.
– Пилос – учтивый юноша. Ему не больше двадцати пяти, но держится он степенно, как шестидесятилетний. Ему бы чуточку больше юмора, больше жизни – вот то, чего здесь недостает. Мрачные места нуждаются в свете, а не в серьезности, Драконий же Камень мрачен как нельзя более: одинокая цитадель, окруженная бурными солеными водами, с дымящейся горой на заднем плане. Мейстер должен ехать, куда его посылают,

поэтому Крессен прибыл сюда со своим лордом двенадцать лет назад и служил ему усердно. Но он никогда не любил Драконий Камень, никогда не чувствовал здесь себя по-настоящему дома. В последнее время, пробуждаясь от беспокойных снов, в которых ему являлась красная женщина, он часто не мог сообразить, где находится.

Дурак повернул свою пятнистую плешистую голову, глядя, как Пилос поднимается по крутой железной лестнице на вышку, и его колокольчики зазвенели.

— На дне морском птицы носят чешую, а не перья, — сказал он. — Я знаю, я-то знаю.

Даже для дурака Пестряк являл собой жалкое зрелище. Может быть, когда-то над его шутками и смеялись, но море отняло у него этот дар вместе с доброй половиной рассудка и всей его памятью. Тучный и дряблый, он постоянно дергался, трясся и нес всякий вздор. Теперь он смешил только девочку, и только ей было дело до того, жив он или умер.

Безобразная девочка, печальный шут и старый мейстер в придачу — вот история, способная исторгнуть слезы у любого.

— Посиди со мной, дитя. — Крессен поманил Ширен к себе. — Сейчас совсем еще рано, едва рассвело. Тебе следовало бы сладко

спать в своей постельке.

— Мне приснился страшный сон про драконов. Они хотели меня съесть.

Девочка мучилась кошмарами, сколько мейстер ее помнил.

— Мы ведь с тобой уже говорили об этом, — сказал он ласково. — Драконы ожить не могут. Они высечены из камня, дитя. В старину наш остров был крайней западной оконечностью владений великой Валирии. Валирийцы возвели эту крепость и создали каменные изваяния с искусством, которое мы давно утратили. Замок, чтобы обороняться, должен иметь башни повсюду, где сходятся под углом две

стены. Валирийцы придали башням форму драконов, чтобы сделать крепость более устрашающей, и с той же целью увенчали их тысячью горгулий вместо простых зубцов. — Он взял ее розовую ладошку в свои покрытые старческими пятнами руки и. легонько пожал. — Ты сама видишь — бояться нечего.

Но Ширен это не убедило.

— А эта штука на небе? Далла и Матрис разговаривали у колодца, и Далла сказала, что слышала, как красная женщина говорила матушке, что это дракон выдыхает огонь. А если драконы дышат, разве они не могут ожить?

«Уж эта красная женщина, —

уныло подумал мейстер. – Мало ей забивать своими бреднями голову матери, она еще и сны дочери должна отравлять. Надо будет поговорить с Даллой построже, внушить ей, чтобы не повторяла подобных историй».

– Огонь на небе – это комета, дитя мое, хвостатая звезда. Скоро она уйдет, и мы больше никогда в жизни ее не увидим. Вот посмотришь.

Ширен храбро кивнула:

– Матушка сказала, что белый ворон извещает о конце лета.

– Это правда, миледи. Белые вороны прилетают только из Цитадели. – Пальцы мейстера легли на его цепь – все ее звенья были

выкованы из разных металлов, и каждое символизировало его мастерство в особой отрасли знания. В дни своей гордой юности он носил ее с легкостью, но теперь она тяготила его, и металл охлаждал кожу. — Они больше и умнее других воронов и носят только самые важные письма. В этом сказано, что Конклав собрался, обсудил наблюдения, сделанные мастерами по всему государству, и объявил, что долгое лето наконец завершилось. Десять лет, два месяца и шестнадцать дней длилось оно — самое длинное на памяти живущих.

— Значит, теперь станет холодно?

— Ширен, летнее дитя, не знала, что

такое настоящий холод.

— Да, со временем. Быть может, боги по милости своей пошлют нам теплую осень и обильные урожаи, чтобы мы могли подготовиться к зиме. — В народе говорили, что долгое лето предвещает еще более долгую зиму, но мейстер не видел нужды пугать ребенка этими рассказнями.

Пестряк звякнул своими колокольцами:

— На дне морском всегда стоит лето. Русалки вплетают водяные цветы в свои косы и носят платья из серебристых водорослей. Я знаю, я-то знаю!

— Я тоже хочу платье из

серебристых водорослей, — хихикнула Ширен.

— На дне морском снег идет снизу вверх, а дождь сух, словно кость. Я знаю, уж я-то знаю!

— А у нас тоже будет снег? — спросила девочка.

— Да, будет. — (Хорошо бы он не выпадал еще несколько лет и недолго лежал.) — А вот и Пилос с птицей.

Ширен восторженно вскрикнула. Даже Крессен не мог не признать, что птица имеет внушительный вид: белая как снег, крупнее любого ястреба, с яркими черными глазами — последнее означало, что она не просто альбинос, а настоящий белый ворон,

выведенный в Цитадели.

— Ко мне, — позвал мейстер. Ворон расправил крылья, шумно пролетел через комнату и сел на стол перед Крессеном.

— А теперь я займусь вашим завтраком, — сказал Пилос. Крессен, кивнув, сказал ворону:

— Это леди Ширен.

Ворон мотнул головой, будто кланяясь, и каркнул:

— Леди. Леди.

Девочка раскрыла рот:

— Он умеет говорить?

— Всего несколько слов. Я говорил тебе — они умны, эти птицы.

— Умная птица, умный человек, умный-разумный дурак, — сказал шут,

побрякивая колокольчиками, и запел:

– Тени собрались и пляшут, да, милорд; да, милорд. Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд. – Он перескакивал с ноги на ногу, бренча и трезвоня вовсю.

Белый ворон закричал, захлопал крыльями и взлетел на железные перила лестницы, ведущей на вышку. Ширен как будто стала еще меньше.

– Он все время это поет. Я говорила, чтобы он перестал, но он не слушается. Я боюсь. Велите ему замолчать.

«Вряд ли у меня получится, – подумал старик. – В былое время я заставил бы его замолчать навеки, но теперь...»

Пестряк попал к ним еще мальчишкой. Светлой памяти лорд Стеффон нашел его в Волантисе, за Узким морем. Король — старый король, Эйерис II Таргариен, который в то время не совсем еще лишился рассудка, послал его милость подыскать невесту для принца Рейегара, не имевшего сестер, на которых он мог бы жениться. «Мы нашли великолепного шута, — написал лорд Крессену за две недели до возвращения из своей безуспешной поездки. — Он совсем еще юн, но проворен, как обезьяна, и остер, как дюжина придворных. Он жонглирует, загадывает загадки, показывает фокусы и чудесно поет

на четырех языках. Мы выкупили его на свободу и надеемся привезти домой. Роберт будет от него в восторге – быть может, он даже Станниса научит смеяться».

Крессен с грустью вспоминал об этом письме. Никто так и не научил Станниса смеяться, а уж юный Пестряк и подавно. Откуда ни возьмись сорвался шторм, и залив Губительные Валы оправдал свое имя. «Горделивая» – двухмачтовая галей лорда Стеффона – разбилась в виду его замка. Двое старших сыновей видели со стены, как море поглотило отцовский корабль. Сто гребцов и матросов потонули вместе с лордом Стеффоном и его леди-

женой, и прибой долго еще выносил тела на берег близ Штормового Предела.

Шута выбросило на третий день. Мейстер Крессен был при этом – он помогал опознавать мертвых. Шут был гол, вывалян в мокром песке, кожа на его теле побелела и сморщилась. Крессен счел его мертвым, как и всех остальных, но, когда Джомми взял парня за лодыжки и поволок к повозке, тот вдруг выкашлял воду и сел. Джомми до конца своих дней клялся, что Пестряк был холодным, как медуза.

Никто так и не узнал, как провел Пестряк эти два дня. Рыбаки уверяли, что какая-то русалка

научила его дышать под водой в обмен на его семя. Сам Пестряк ничего не рассказывал. Шустрый остряк-парнишка, о котором писал лорд Стеффон, так и не добрался до Штормового Предела; вместо него нашли другого человека, сломленного духом и телом, — он и говорил-то с трудом, какие уже там остроты! Но по его лицу сразу было видно, кто он. В вольном городе Волантисе принято татуировать лица рабов и слуг, и парень ото лба до подбородка был разукрашен в красную и зеленую клетку.

«Бедняга рехнулся, весь изранен и не нужен никому, а меньше всего самому себе, — сказал старый сир

Харберт, тогдашний кастелян Штормового Предела. — Милосерднее всего было бы дать ему чашу макового молока. Он уснет, и все его страдания кончатся. Он поблагодарил бы вас за это, останься у него разум». Но Крессен отказался и в конце концов одержал победу. Впрочем, он не знал, доставила ли его победа хоть сколько-нибудь радости Пестряку — даже и теперь, много лет спустя.

— Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд, — пел дурак, мотая головой и вызванивая: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Милорд, — прокричал белый ворон. — Милорд, милорд, милорд.

– Дурак поет, что ему в голову взбредет, – сказал мейстер своей напуганной принцессе, – Не надо принимать его слова близко к сердцу. Завтра он, глядишь, вспомнит другую песню, а эту мы больше не услышим. – «Он чудесно поет на четырех языках», – писал лорд Стеффон...

– Прошу прощения, мейстер, – сказал вошедший Пилос.

– Ты забыл про овсянку, – усмехнулся Крессен – это было не похоже на Пилоса.

– Мейстер, ночью вернулся сир Давос. Я услышал об этом на кухне и подумал, что надо тотчас же оповестить вас.

– Давос... ночью, говоришь ты?

Где он сейчас?

— У короля. Он почти всю ночь там пробыл.

В прежние годы лорд Станнис велел бы разбудить мейстера в любое время, чтобы испросить его совета.

— Надо было мне сказать, — расстроенно произнес Крессен. — Надо было разбудить меня. — Он выпустил руку Ширен. — Простите, миледи, но я должен поговорить с вашим лордом-отцом. Проводи меня, Пилос. В этом замке чересчур много ступенек, и мне сдается, что они назоли мне прибавляются каждую ночь.

Ширен и Пестряк вышли вместе с ними, но девочке скоро надоело

приноравливаться к шаркающей походке старика, и она убежала вперед, а дурак с отчаянным трезвоном поскакал за ней.

«Замки немилостивы к немощным», – сказал себе Крессен, спускаясь по винтовой лестнице башни Морского Дракона. Лорд Станнис находился в Палате Расписного Стола, в верхней части Каменного Барабана, центрального строения Драконьего Камня, – так его прозвали за гул, издаваемый его древними стенами во время шторма. Чтобы добраться до Барабана, нужно пройти по галерее, миновать несколько внутренних стен с их сторожевыми горгульями и черными

железными воротами и подняться на столько ступенек, что даже думать об этом не хочется. Молодежь перескакивает через две ступеньки зараз, но для старика с поврежденным бедром каждая из них – сущее мучение. Ну что ж, придется потерпеть, раз лорд Станнис не идет к нему сам. Хорошо еще, что можно опереться на Пилоса.

Ковыляя по галерее, они прошли мимо ряда высоких закругленных окон, выходящих на внешний двор, крепостную стену и рыбачью деревню за ней. На дворе лучники практиковались в стрельбе по мишеням, и слышались команды: «Наложи – натяни – пускай». Стрелы

производили шум стаи взлетающих птиц. По стенам расхаживали часовые, поглядывая между горгульями на войско, стоящее лагерем внизу. В утреннем воздухе плыл дым от костров — три тысячи человек стряпали себе завтрак под знаменами своих лордов. За лагерем стояли на якоре многочисленные корабли. Ни одному судну, прошедшему в виду Драконьего Камня за последние полгода, не позволялось уйти с острова. «Ярость» лорда Станниса, трехпалубная боевая галера на триста весел, казалась маленькой рядом с окружавшими ее пузатыми карраками и барками.

Часовые у Каменного Барабана знали мастеров в лицо и пропустили беспрепятственно.

— Подожди меня здесь, — сказал Крессен Пилосу, войдя внутрь. — Будет лучше, если я пойду к нему один.

— Уж очень высоко подниматься, мастер.

— Думаешь, я сам не помню? — улыбнулся Крессен. — Я так часто взбирался по этим ступенькам, что знаю каждую по имени.

На половине пути он пожалел о своем решении. Остановившись, чтобы перевести дыхание и успокоить боль в ноге, он услышал стук сапог по камню и оказался

лицом к лицу с сиром Давосом Сивортом, сходящим навстречу.

Давос был худощав, а его лицо сразу выдавало простолюдина. Поношенный зеленый плащ, выцветший от солнца и соли, покрывал его тощие плечи поверх коричневых, в тон глазам и волосам, дублета и бриджей. На шее висела потертая кожаная ладанка, в бородке густо сквозила седина, перчатка скрывала искалеченную левую руку. Увидев Крессена, он приостановился.

— Когда изволили вернуться, сир Давос? — спросил мейстер.

— Еще затемно. В мое излюбленное время.

Говорили, что никто не может провести корабль в темноте хотя бы наполовину так искусно, как Давос Беспалый. До того как лорд Станнис посвятил его в рыцари, он был самым отпетым и неуловимым контрабандистом во всех Семи Королевствах.

— И что же?

Моряк покачал головой:

— Все так, как вы и предсказывали. Они не пойдут с ним, мейстер. Они его не любят.

«И не полюбят, — подумал Крессен. — Он сильный человек, одаренный, даже... даже мудрый, можно сказать, но этого недостаточно. Всегда было

недостаточно.

— Вы говорили со всеми из них?

— Со всеми? Нет. Только с теми, что соизволили принять меня. Ко мне они тоже не питают любви, эти благородные господа. Для них я всегда буду Луковым Рыцарем. — Короткие пальцы левой руки Давоса сжались в кулак. Станнис велел обрубить их на один сустав, все, кроме большого. — Я разделил трапезу с Джулианом Сванном и старым Пенрозом, а Тарты встретились со мной ночью, в роще. Что до других, то Деряк Дондаррион то ли пропал без вести, то ли погиб, а лорд Карон поступил на службу к Ренли. В Радужной Гвардии он

теперь зовется Брюсом Оранжевым.

– В Радужной Гвардии?

– Ренли учредил собственную королевскую гвардию, – пояснил бывший контрабандист, – но его семеро носят не белое, а все цвета радуги, каждый свой цвет. Их лорд-командующий – Лорас Тирелл.

Очень похоже на Ренли Баратеона: основать новый блестящий рыцарский орден в великолепных ярких одеждах. Еще мальчишкой он любил яркие краски, богатые ткани и постоянно придумывал новые игры. «Смотрите! – кричал он бывало, бегая со смехом по залам Штормового Предела. – Я дракон», или: «Я колдун», или: «Я

бог дождя».

Резвый мальчик с буйной гривой черных волос и веселыми глазами теперь вырос — ему двадцать один год, но он продолжает играть в свои игры. Смотрите: я король. «Ох, Ренли, Ренли, милое дитя, знаешь ли ты, что делаешь? А если бы и знал — есть ли кому до тебя дело, кроме меня?» — печально подумал Крессен.

— Чем объясняли лорды свой отказ? — спросил он сира Давоса.

— Это все делали по-разному — кто деликатно, кто напрямик, кто извинялся, кто обещал, кто попросту врал. Да что такое слова, в конце концов? — пожал плечами Давос.

— Неутешительные же вести вы

ему привезли.

— Что поделаешь. Я не стал обманывать его ложными надеждами — сказал все начистоту.

Мейстер Крессен вспомнил, как посвятили Давоса в рыцари после снятия осады Штормового Предела. Лорд Станнис с небольшим гарнизоном около года удерживал замок, сражаясь против многочисленного войска лордов Тирелла и Редвина. Защитники были отрезаны даже от моря — его днем и ночью стерегли галеи Редвина под винно-красными флагами Бора. Всех лошадей, собак и кошек в Штормовом Пределе давно уже съели — настала очередь крыс и

кореньев. Но однажды в ночь новолуния черные тучи затянули небо, и Давос-контрабандист под их покровом пробрался мимо кордонов Редвина и скал залива Губительные Валы. Трюм его черного суденышка с черными парусами и черными веслами был набит луком и соленой рыбой. Как ни мал был этот груз, он позволил гарнизону продержаться до подхода к Штормовому Пределу Эддарда Старка, прорвавшего осаду.

Лорд Станнис пожаловал Давосу тучные земли на мысе Гнева, маленький замок и рыцарское звание... но приказал отрубить суставы на пальцах его левой руки в уплату за многолетние бесчинства.

Давос подчинился, но с условием, что Станнис сделает это сам, отказываясь претерпеть такую кару от человека более низкого звания. Лорд воспользовался тесаком мясника, чтобы исполнить свою задачу вернее и чище. Давос выбрал для своего вновь учрежденного дома имя Сиворт, а гербом – черный корабль на бледно-сером поле, с луковицей на парусах. Бывший контрабандист любил говорить, что лорд Станнис оказал ему благодеяние – теперь ему на четыре ногтя меньше приходится чистить и стричь.

Да, такой человек не станет подавать ложных надежд, не станет смягчать горькую правду.

— Сир Давос, истина может стать тяжким ударом даже для такого человека, как лорд Станнис. Он только и думает о том, как вернется в Королевскую Гавань во всем своем могуществе, сокрушит своих врагов и возьмет то, что принадлежит ему по праву. А теперь...

— Если он двинется с этим жалким войском на Королевскую Гавань, то обречет себя на гибель. Не с таким числом туда выступать. Я ему так и сказал, но вы ведь знаете, как он горд. Скорее мои пальцы отрастут заново, чем этот человек прислушается к голосу рассудка.

Старик вздохнул.

— Вы сделали все, что могли.

Теперь я должен присоединить свой голос к вашему. — И он устало возобновил свое восхождение.

Лорд Станнис Баратеон занимался делами в большой круглой комнате со стенами из голого черного камня и четырьмя узкими высокими окнами, выходящими на четыре стороны света. В центре ее стоял стол, от которого и происходило ее название, — массивная деревянная колода, вырубленная и обработанная по велению Эйегона Таргариена еще до Завоевания. Расписной Стол имел более пятидесяти футов в длину, половину этого в самом широком месте и менее четырех футов в самом

узком. Столяры Эйегона вытесали его в виде карты Вестероса, старательно выпилив по краям все мысы и заливы. На его поверхности, покрытой потемневшим за триста лет лаком, были изображены Семь Королевств времен Эйегона: реки и горы, города и замки, леса и озера.

Единственный в комнате стул стоял в точности на Том месте, которое занимал Дракониий Камень у побережья Вертероса, и был слегка приподнят для лучшего обзора карты. На нем сидел человек в туго зашнурованном кожаном колете и бриджах из грубой бурой шерсти. Когда мейстер вошел, он поднял голову.

— Я знал, что ты придешь, старик, даже и незванный. — В его голосе не было тепла — ни сейчас, да, впрочем, и почти никогда.

Станнис Баратеон, лорд Драконьего Камня и милостью богов законный Наследник Железного Трона Семи Королевств, был человеком плечистым и жилистым. Его лицо и тело было покрыто кожей, выдубленной на солнце и ставшей твердой как сталь. Люди считали его жестким, и он действительно был таким. Ему еще не исполнилось тридцати пяти, но он уже сильно облысел, и остатки черных волос окаймляли его голову за ушами словно тень короны. Его брат,

покойный король Роберт, в свои последние годы отпустил бороду. Мейстер Крессен не видел его с бородой, но говорили, что это была буйная поросль, густая и косматая. Станнис, будто наперекор брату, стриг свои бакенбарды коротко, и они иссиня-черными пятнами пролегли вдоль его впалых щек к прямоугольной челюсти. Глаза под тяжелыми бровями казались открытыми ранами — темно-синие, как ночное море. Рот его привел бы в отчаяние самого забавного из шутов: со своими бледными, плотно сжатыми губами он был создан для суровых слов и резких команд — этот рот забыл об улыбке, а смеха и вовсе

не знал. Иногда по ночам, когда мир затихал, мастеру Крессену чудилось, будто он слышит, как лорд Станнис скрипит зубами на другой половине замка.

— В прежние времена вы бы меня разбудили, — сказал старик.

— В прежние времена ты был молод. Теперь ты стар, немощен и нуждаешься в сне. — Станнис так и не научился смягчать свои речи, притворяться или льстить: он говорил то, что думал, и ему не было дела, нравится это другим или нет. — Ты уже знаешь, конечно, что сказал мне Давос. Ты всегда все знаешь, так ведь?

— От меня было бы мало пользы,

если бы я чего-то не знал. Я встретил Давоса на лестнице.

– И он, полагаю, выложил тебе все как есть? Лучше бы я обрезал ему язык вместе с пальцами.

– Плохой посланник получился бы из него тогда.

– Да и сейчас не лучше. Штормовые лорды не желают принимать мою сторону. Я им, как видно, не по нраву, а то, что дело мое правое, для них ничего не значит. Трусливые отсиживаются за своими стенами и ждут, куда ветер подует и кто вернее одержит победу. Те, что посмелее, уже примкнули к Ренли. К Ренли! – Он выплюнул это имя так, будто оно жгло ему язык.

— Ваш брат был лордом Штормового Предела последние тринадцать лет. Эти лорды — присягнувшие ему знаменосцы...

— Да — хотя по правилам должны были бы присягнуть мне. Я не напрашивался на Драконий Камень. Он мне даром не был нужен. Я прибыл сюда, потому что здесь гнездились враги Роберта, и он приказал мне искоренить их. Я построил для него флот и делал за него его работу, как преданный младший брат, и Ренли должен был выказать такую же преданность мне. Ну и как же Роберт меня отблагодарил? Сделал меня лордом Драконьего Камня, а Штормовой

Предел со всеми его доходами отдал Ренли. Баратеоны сидят в Штормовом Пределе уже триста лет, и он по праву должен был перейти ко мне, когда Роберт занял Железный Трон.

Эту старую обиду Станнис всегда чувствовал остро, а теперь и подавно. Его нынешние трудности проистекали как раз отсюда, ибо Драконий Камень, при всей своей древности и мощи, властвовал лишь над горсткой местных островных лордов, чьи владения были слишком скудно заселены, чтобы дать Станнису потребное количество воинов. Даже вместе с наемниками, прибывшими к нему из-за Узкого

моря, из вольных городов Мира и Лисса, войско за стенами замка было слишком мало, чтобы свергнуть дом Ланнистеров.

— Возможно, Роберт поступил с вами несправедливо, — осторожно ответил мейстер, — но он имел на то веские причины. Дракониий Камень долго был оплотом дома Таргариенов. Роберту нужен был сильный муж, чтобы править здесь, а Ренли тогда еще не вышел из детского возраста.

— Он и до сих пор из него не вышел. — Голос Станниса гневно раскатывался по пустому покою. — Это вороватый ребенок, который полагает, что сумеет сдернуть корону

у меня с головы. Что он сделал такого, чтобы заслужить трон? В совете он перешучивался с Мизинцем, а на турнирах облачался в свои великолепные доспехи и позволял вышибать себя из седла тем, кто сильнее. Вот и все, что можно сказать о моем брате Ренли, который возомнил себя королем. И за что только боги послали мне братьев? Скажи!

— Я не могу отвечать за богов.

— Мне сдается, последнее время у тебя и вовсе ни на что нет ответов. Как зовут мастера Ренли? Не послать ли мне за ним — авось он лучше посоветует. Как ты думаешь, что сказал этот мастер, когда мой

брат вознамерился украсть у меня корону? Какой совет дал твой собрат моему изменнику-родичу?

— Меня удивило бы, если бы лорд Ренли спросил чьего-то совета, ваше величество. — Младший из трех сыновей лорда Стеффона вырос смелым, но бесшабашным, предпочитающим действовать внезапно, а не по зрелом размышлении. В этом, как и во многом другом, он был похож на своего брата Роберта и совсем не походил на Станниса.

— Ваше величество!.. — передразнил Станнис. — Ты величаешь меня королевским титулом, но где оно, мое

королевство? Драконий Камень да несколько скал в Узком море, вот и все. — Он спустился с возвышения, на котором сидел, и его тень на столе скользнула по реке Черноводной и лесу, где стояла теперь Королевская Гавань. Страна, которую он намеревался взять в свои руки, лежала перед ним — такая близкая и такая недосыгаемая. — Нынче вечером я даю ужин моим лордам-знаменосцам, каким ни на есть: Селтигару, Велариону, Бар Эммону — всей честной компании. Скудный выбор, по правде сказать, но что поделаешь — других мне братья не оставили. Этот лиссенийский пират Салладор Саан тоже будет там и

предъявит мне новый счет, Морошмириец начнет стращать меня течениями и осенними штормами, а лорд Сангласе благочестиво сошлется на волю Семерых. Селтигар захочет знать, когда к нам присоединятся штормовые лорды. Веларион пригрозит увести своих людей домой, если мы не выступим незамедлительно. И что же я им скажу? Что мне теперь делать?

— Истинные ваши враги — это Ланнистеры, милорд. Если бы вы с братом выступили против них совместно...

— Я не стану договариваться с Ренли, — отрезал Станнис тоном, не допускающим возражений. — Во

всяком случае, пока он именует себя королем.

— Хорошо, тогда не с Ренли, — уступил мейстер. Его господин упрям и горд — уж если он решил что-то, его не отговоришь. — Есть и другие, кроме него. Сына Эддарда Старка провозгласили Королем Севера, и за ним стоит вся мощь Винтерфелла и Риверрана.

— Зеленый юнец и еще один самозванный король. Прикажешь мне поощрять раздробление моего королевства?

— Полкоролевства все-таки лучше, чем ничего, — и если вы поможете мальчику отомстить за отца...

– С какой стати мне мстить за Эддарда Старка? Он для меня пустое место. Вот Роберт – Роберт его любил. Любил как брата, о чем мне неоднократно доводилось слышать. Его братом был я, а не Нед Старк, но никто не сказал бы этого, видя, как он со мной обходится. Я отстоял для него Штормовой Предел – мои люди голодали, пока Мейс Тирелл и Пакстер Редвин пировали под нашими стенами. И что же, отблагодарил меня Роберт? Нет. Он отблагодарил Старка – за то, что снял осаду, когда мы уже перешли на крысы и коренья. По приказанию Роберта я построил флот, я правил Драконьим Камнем от его имени. И что же –

может быть, он взял меня за руку и сказал: «Молодчина, брат, что бы я без тебя делал?» Нет – он обругал меня за то, что я позволил Виллему Дарри увезти с острова Визериса и малютку, точно я мог этому помешать. Я заседал в его совете пятнадцать лет, помогая Аррену править государством, пока Роберт пил и распутничал, но, когда Джон умер, разве брат назначил меня своей десницей? Нет, он поскакал к своему милому другу Неду Старку и предложил эту честь ему. Да только добра это им обоим не принесло.

– Все так, милорд, – мягко сказал мейстер. – Вы видели много обид, но стоит ли поминать

прошлое? Будущее еще может улыбнуться вам, если вы объединитесь со Старками. Можно также подумать и о других. Что вы скажете о леди Аррен? Если королева убила ее мужа, она наверняка захочет добиться справедливости. У нее есть маленький сын, наследник Джона Аррена. Если обручить его с Ширен...

— Он слабый и хворый мальчуган, — возразил лорд Станнис. — Даже его отец признавал это, когда просил взять его на Драконию Камень. Служба в пажах могла бы пойти ему на пользу, но проклятая Ланнистерша отравила лорда

Аррена, прежде чем тот успел это осуществить, и теперь Лиза прячет мальчика в Орлином Гнезде. Она с ним ни за что не расстанется, ручаюсь тебе.

— Тогда пошлите Ширен в Гнездо. Драконий Камень — слишком мрачное место для ребенка. Отправьте с ней ее дурака, чтобы рядом было знакомое лицо.

— Хорошо лицо, хоть и знакомое — не налюбуеться. — Станнис нахмурился, размышляя. — Впрочем... попытаться, пожалуй, стоит...

— Значит, законный правитель Семи Королевств должен обращаться за помощью к вдовам и узурпаторам?

– спросил резкий женский голос с порога.

Мейстер, обернувшись, склонил голову.

– Миледи, – произнес он, удрученный тем, что не слышал, как она вошла.

– Я ни к кому не обращаюсь за помощью, – хмуро ответил Станнис. – Запомни это, женщина.

– Рада это слышать, милорд. – Леди Селиса была ростом со своего мужа, худощавая и худолитая, с торчащими ушами, острым носом и усиками на верхней губе. Она выщипывала их ежедневно и проклинала не реже, но они неизменно отрастали заново. У нее

были блеклые глаза, суровый рот, а голос хлестал точно кнут. — Леди Аррен — ваш вассал, так же как Старки, ваш брат Ренли и все остальные. Вы их единственный законный король. Не пристало вам просить их заключать с ними сделки, дабы получить то, что бог вручил вам по праву.

Она сказала «бог», а не «боги». Красная женщина опутала ее душу, отведя от богов Семи Королевств, и старых и новых, ради того единственного, который зовется Владыкой Света.

— Твой бог может оставить свои дары при себе, — сказал лорд Станнис, не разделявший пыла своей

новообращенной супруги. — Мне нужны мечи, а не его благословения. У тебя, часом, нигде не припрятано войска? — В его голосе не было нежности. Станнис никогда не умел обращаться с женщинами, даже с собственной женой. Отправившись в Королевскую Гавань, чтобы заседать в совете Роберта, он оставил Селису с дочерью на Драконьем Камне. Писал он ей редко, а навещал еще реже; свой супружеский долг он выполнял пару раз в год, не находя в этом никакого удовольствия, и сыновья, на которых он надеялся, так и не появились на свет.

— Войска есть у моих братьев, дядьев и кузенов, — ответила Селиса.

– Весь дом Флорентов встанет под ваше знамя.

– Дом Флорентов способен выставить от силы две тысячи мечей.

– Говорили, что Станнис знает, какими силами располагает каждый дом Семи Королевств. – И я бы не стал так уж полагаться на ваших братьев и дядей, миледи. Земли Флорентов чересчур близко к Хайгардену, чтобы ваш лорд-дядя рискнул навлечь на себя гнев Мейса Тирелла.

– Помощь придет не только от них. – Леди Селиса подошла поближе. – Посмотрите в ваши окна, милорд. Вот он пылает на небе – знак, которого вы ждали. Он рдеет

как пламя, как огненное сердце истинного бога. Это Его знамя — и ваше! Смотрите: зарево ширится по небу, как горячее дыхание дракона, а ведь вы — лорд Драконьего Камня. Это означает, что ваше время пришло. Не может быть знака вернее! Вам суждено отплыть с этой угрюмой скалы, как некогда сделал Эйегон Завоеватель, и покорить всех, кто противостоит вам, как покорил он. Скажите лишь слово — и вся сила Владыки Света будет вашей.

— И сколько же мечей даст мне твой Владыка Света?

— Столько, сколько вам будет нужно. Для начала — все мечи Штормового Предела, Хайгардена и

их лордов-знаменосцев.

– Давос убедит тебя в обратном. Они все присягнули Ренли. Они любят моего дражайшего младшего братца, как любили Роберта... и как никогда не любили меня.

– Да, – ответила она. – Но если бы Ренли умер...

Станнис, прищутив глаза, воззрился на свою леди, и Крессен не сдержал языка.

– Не пристало вам думать об этом, ваше величество, что бы Ренли ни натворил...

– Натворил? То, что он делает, уже не шалости – это измена. Мой брат молод и крепок, – сказал Станнис жене, – и его окружает

огромное войско вкупе с этими его радужными рыцарями.

– Мелисандра видела в пламени
его смерть.

– Братоубийство – это страшное злодейство, милорд, – произнес пораженный ужасом Крессен. – Прошу вас, послушайте меня...

Леди Селиса смерила его
ВЗГЛЯДОМ:

— И что же вы ему скажете, мейстер? Посоветуете удовольствоваться половиной королевства, преклонив колена перед Старками и продав нашу дочь Лизе Аррен?

– Я уже слушал тебя, Крессен, –
сказал Станнис. – Теперь я

послушаю ее. Ты свободен.

Мейстер с трудом преклонил колени и заковылял прочь из комнаты, чувствуя спиной взгляд леди Селисы. Спустившись с лестницы, он уже едва держался на ногах.

— Помоги мне, — сказал он Пилосу.

Благополучно вернувшись к себе, он отпустил молодого мейстера и снова вышел на балкон, глядя на море между двух горгулий. Один из боевых кораблей Салладора Саана с яркими полосатыми бортами шел мимо замка по серо-зеленым волнам, мерно работая веслами. Крессен смотрел на него, пока тот не скрылся

за мысом. Если бы его страхи могли исчезнуть столь же легко! Подумать только, до чего он дожил...

Мейстер, возлагая на себя свою цепь, отказывается от надежды иметь детей, но Крессен знал, что такое отцовские чувства. Роберт, Станнис, Ренли... трех сыновей он вырастил после того, как гневное море взяло к себе лорда Стеффона. Неужели он так дурно выполнил свою задачу, что теперь принужден будет смотреть, как один из них убивает другого? Нет, он не может этого допустить — и не допустит.

Все это — дела рук женщины. Не леди Селисы, а той, другой. Красной женщины, как зовут ее слуги, боясь

поминать ее имя.

Ну, я-то не побоюсь его назвать, – сказал мейстер каменной собаке. – Мелисандра. – Мелисандра из Асшая, колдунья, заклинательница теней и жрица Рглора, Владыки Света, Пламенного Сердца, Бога Огня и Тени. Надо остановить безумие, ползущее от нее по Драконьему Камню.

После ясного утра комната показалась мейстеру темной и мрачной. Старик дрожащими руками зажег свечу и прошел в свой кабинет под вороньей вышкой, где ровными рядами стояли на полках мази, настои и прочие снадобья. Мейстер отыскал за глиняными

кувшинчиками на нижней полке флакон индигового стекла не больше его мизинца, встряхнул его, и внутри что-то загремело. Тяжело опустившись на стул, Крессен сдул с флакона пыль и высыпал на стол его содержимое. На пергамент упало около дюжины мелких кристалликов. При свете свечи они сверкали, как драгоценные камни, и мастеру подумалось, что он никогда еще не видел пурпура такой чистоты и яркости.

Цепь у него на шее стала вдруг очень тяжелой. Он потрогал один из кристаллов кончиком пальца. Такой крошечный — а между тем имеет власть над жизнью и смертью. Их

делают из одного растения, которое встречается только на островах Яшмового моря, на другом конце света. Подсушенные листья замачивают в растворе извести, сахара и кое-каких редких специй с Летних островов. После листья выбрасывают, а в настой для густоты добавляют золу и дают ему кристаллизаться. — Дело это долгое и трудоемкое, составляющие части дороги, и достать их нелегко. Но алхимики из Лисса знают этот секрет, и Безликие из Браавоса... да и мастера тоже, хотя в стенах Цитадели об этом говорить не любят. Всем известно, что мастер получает серебряное звено в своей цепи, если

овладевает искусством врачевания, — но люди предпочитают не помнить, что умеющий врачевать умеет также и убивать.

Крессен забыл, как называется это растение в Асшае или кристаллы в Лиссе. В Цитадели это средство звалось попросту «душитель». Если растворить такой кристалл в вине, шейные мускулы человека сожмутся крепче, чем кулак, стиснув гортань. Говорят, лицо жертвы становится таким же пурпурным, как маленькое кристаллическое семечко, из которого произросла смерть, — но с человеком, подавившимся за едой, происходит то же самое.

А нынче вечером лорд Станнис

дает пир своим знаменосцам, где будет его леди-жена... и красная женщина, Мелисандра из Асшая.

«Надо отдохнуть, – сказал себе мастер Крессен. – Когда стемнеет, мне понадобятся все мои силы. Мои руки не должны трястись, и мужество не должно меня оставить. Страшное дело я задумал, но оно должно быть сделано. Если боги есть, они простят меня, я уверен». Он мало спал последние дни – короткий сон подкрепит его для предстоящего испытания. Мастер устало добрал до постели, но и с закрытыми глазами продолжал видеть комету, неистово красную в сумраке его снов. «Быть может, это

моя комета», — подумал он, уже засыпая. Кровавая звезда, предвещающая убийство...

Когда он проснулся, в спальне было темным-темно, и все суставы в его теле ныли. Крессен сел, нашарил свою клюку и с тяжелой головой встал. «Уже поздно, — подумал он, — но меня не позвали на ужин». Прежде его всегда звали на пиры, и сидел он рядом с солонкой, близ лорда Станниса. Лицо Станниса всплыло перед его внутренним взором — лицо не мужчины, а мальчика, которым тот был когда-то — ребенком, ежащимся в тени, в то время как все солнце доставалось его брату. Что бы он ни делал, Роберт

делал это лучше и быстрее. Бедный мальчик... нужно поспешить, для его же блага.

Мейстер нашел кристаллы там, где их оставил, и собрал их с пергамента. У него не было полого кольца, какими, как говорят, пользуются лисские отравители, но в широких рукавах его мантии имелось множество больших и малых карманов. Мейстер спрятал кристаллы душиителя в один из них, открыл дверь и позвал:

— Пилос! Где ты? — Не дождавшись ответа, он позвал снова, погромче:

— Пилос, мне нужна твоя помощь. — Ответа по-прежнему не

было. Странно: каморка молодого мастера находилась всего на один пролет ниже, и он должен был слышать.

В конце концов Крессен кликнул слуг и сказал им:

— Поторопитесь. Я слишком долго проспал. Должно быть, они уже пируют, едят и пьют... надо было меня разбудить. — Что же случилось с мастером Пилосом? Старик ничего не мог понять.

Он снова прошел по длинной галерее. Ночной ветер, пахнувший морем, проникал в большие окна. Факелы мигали на стенах Драконьего Камня, а в лагере горели сотни костров, точно звездное небо упало

на землю. Вверху пылала красным огнем зловещая комета. Ты слишком стар и мудр, чтобы бояться таких вещей, сказал себе мейстер.

Двери Великого Чертога были вделаны в пасть каменного дракона. У входа мейстер отпустил слуг. Ему лучше войти одному, чтобы не показаться слабым. Тяжело опираясь на клюку, он взобрался на последние несколько ступеней и прошел под каменными зубами. Двое часовых распахнули перед ним высокие красные двери, и навстречу хлынули шум и свет. Крессен вступал в пасть дракона.

За стуком ножей о тарелки и гулом голосов слышалось пение

Пестряка: «...да, милорд, да, милорд», и звенели его колокольчики. Та же жуткая песня, которую он пел нынче утром, «Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд». За нижними Столами рыцари, лучники и наемные капитаны разламывали ковриги черного хлеба, макая его в рыбную похлебку. Здесь не было ни громкого смеха, ни непристойный возгласов, обычных на пирах, — лорд Станнис такого не допускал.

Крессен направился к помосту, где сидели лорды с королем. По дороге ему пришлось обойти Пестряка. Пляшущий шут за своим трезвоном не видел и не слышал

мейстера. Перескакивая с ноги на ногу, он налетел на старика, вышиб у него клюку, и оба рухнули на пол. Вокруг поднялся хохот. Зрелище получилось смешное, спору нет.

Дурак прижался своей пестрой рожей к самому лицу Крессена, потеряв свой жестяной колпак с рогами и колокольцами.

— А на дне морском ты падаешь вверх, — объявил он. — Я знаю, я-то знаю. — Он со смехом вскочил на ноги и снова заплясал.

Мейстер, стараясь не усугублять своего смешного положения, слабо улыбнулся и попытался встать, но в бедре так стрельнуло, что старик испугался, не сломал ли его снова.

Чьи-то сильные руки подхватили его подмышки и поставили на ноги.

— Благодарю вас, сир, — пробормотал он и обернулся посмотреть, кто из рыцарей пришел к нему на помощь.

— Нужно быть осторожнее, мейстер, — сказала леди Мелисандра низким голосом, отдающим музыкой Яшмового моря. Как всегда, она была в красном с головы до пят. Просторное платье из огненного шелка с прорезями на рукавах и лифе открывало более темную кроваво-красную ткань внизу. Цепь червонного золота на шее, еще туже мейстерской, украшал единственный большой рубин. Волосы ее были не

такие, как обычно бывают у рыжих, — они имели цвет полированной меди и ярко блестели при свете факелов. Даже глаза у нее были красные... зато кожа, безупречно гладкая, без единого изъяна, светилась молочной белизной. Стройная женщина, грациозная, выше большинства рыцарей, полногрудая, с тонкой талией и сердцевидным лицом. Мужские взоры подолгу задерживались на ней, и мастера не были исключением. Многие находили ее красавицей. Но она не была красивой. Красной была она — красной и страшной.

— Б-благодарю вас, миледи.

— Человек вашего возраста

должен смотреть, куда идет. Ночь темна и полна ужасов.

Это слова из ее молитвы, вспомнил мейстер. «Ничего, у меня своя вера», – подумал он и сказал ей:

– Только дети боятся темноты. – Но не успел он это произнести, Пестряк снова завел свою песню:

– Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд.

– Вот вам и загадка, – сказала Мелисандра. – Умный дурак и глупый мудрец. – Она подобрала с пола колпак Пестряка и нахлобучила его на голову Крессену. Колокольчики тихо зазвенели. – Корона под стать вашей цепи, лорд мейстер. – Мужчины за столами смеялись.

Крессен, сжав губы, попытался побороть свою ярость. Она думает, что он слаб и беспомощен, но еще до конца ночи она убедится в обратном. Стар он или нет, он остается мастером Цитадели.

— Мне не нужно иной короны, кроме истины, — сказал он, снимая дурацкий колпак с головы.

— В этом мире есть истины, которым не учат в Староместе. — Мелисандра отвернулась от него, взметнув красными шелками, и вернулась за высокий стол, где сидел король Станнис со своей королевой. Мастер отдал рогатый колпак Пестряку и последовал за ней.

На его месте сидел Пилос.

Старик уставился на него и наконец произнес:

– Мейстер Пилос, вы... вы не разбудили меня.

– Его величество приказал вас не тревожить. – У Пилоса хватило совести покраснеть. – Он сказал, что вы ему здесь не понадобится.

Крессен оглядел рыцарей, капитанов и лордов. Вот пожилой и унылый лорд Селтигар в мантии, расшитой красными крабами. Вот красивый лорд Веларион в шелке цвета морской волны – белый с золотом морской конек у него на шее хорошо подходит к его длинным светлым волосам. Лорд Бар Эммон, толстый четырнадцатилетний юнец,

запеленат в пурпурный бархат, подбитый мехом белого котика. Сир Акселл Флорент не стал красивее даже в пышном красновато-коричневом наряде с лисьим мехом, набожный лорд Сангласс носит лунные камни на шее, запястьях и пальцах, лисский капитан Салладор Саан блещет красным атласом, золотом и камнями. Только сир Давос одет просто, в бурый дублет и зеленую шерстяную мантию, и только сир Давос смотрит на него с жалостью.

— Ты слишком стар и бестолков, чтобы быть мне полезным. — Похоже на голос лорда Станниса — но нет, не может этого быть. — Отныне моим

советником будет Пилос. Он уже занимается воронами, поскольку ты больше не можешь взбираться на вышку. Я не допущу, чтобы ты уморил себя у меня на службе.

Мейстер Крессен заморгал. «Станнис. Мой лорд, мой грустный угрюмый мальчик, не делай этого. Разве ты не знаешь, как я заботился о тебе, жил ради тебя, любил тебя, несмотря ни на что? Да, любил, больше, чем Роберта или Ренли, ибо ты был нелюбимым ребенком и больше всех нуждался во мне».

— Как вам будет угодно, милорд, — сказал Крессен вслух, — но я... я голоден. Позволено ли мне будет занять место за вашим столом? —

(Рядом с тобой, где я сидел всегда...)

Сир Давос поднялся со скамьи:

— Мейстер окажет мне честь, если сядет рядом со мной, ваше величество.

— Дело твое. — Станнис отвернулся и сказал что-то Мелисандре, сидевшей на почетном месте, по правую руку от него. Леди Селиса сидела по левую руку, и ее улыбка не уступала блеском ее драгоценностям.

«Сир Давос сидит слишком далеко, — уныло подумал Крессен. — Добрая половина лордов-знаменосцев отделяет контрабандиста от высокого стола. Надо сесть поближе, к ней, если я

хочу бросить душителя в ее чашу, но как?»

Пестряк скакал вокруг мейстера, пока тот совершал свой медленный путь вокруг стола к Давосу Сиворту.

— Здесь мы едим рыбу, — весело сообщил шут, размахивая своим дурацким жезлом, — а на дне морском рыбы едят нас. Я знаю, я-то знаю.

Сир Давос подвинулся, освобождая место на скамье.

— Нам всем бы сегодня следовало облачиться в дурацкий наряд, — проворчал он, когда мейстер сел рядом, — потому что мы собираемся свалить большого дурака. Красная женщина углядела в

пламени победу, и Станнис вознамерился действовать, невзирая на то, сколько нас. Боюсь, что еще до конца этой затеи мы все увидим то, что повидал Пестряк, – морское дно.

Крессен спрятал руки в рукавах, как будто для того, чтобы погреть их, и нащупал кристаллы под шерстью.

– Лорд Станнис.

Станнис повернулся к нему, но первой ответила леди Селиса:

– Король Станнис. Вы забываетесь, мейстер.

– Он стар и слабеет разумом, – ворчливо сказал ей король. – В чем дело, Крессен? Говори.

– Если вы собираетесь выйти в море, вам необходимо объединиться

с лордом Старком или леди Аррен...

— Я ни с кем не намерен объединяться.

— Не более, чем свет объединяется с тьмой. — Леди Селиса взяла мужа за руку. Станнис кивнул:

— Старки хотят украсть половину моего королевства — как Ланнистеры украли мой трон, а мой родной братец — крепости и мечи, принадлежащие мне по праву. Все они узурпаторы и враги мне.

«Я потерял его», — в отчаянии подумал Крессен. Если бы можно было как-нибудь незаметно подобраться к Мелисандре и к ее чаше... всего на один миг.

— Вы законный наследник

вашего брата Роберта, истинный государь Семи Королевств, король андалов, ройнаров и Первых Людей, — отважно произнес мейстер, — но при всем при том не можете надеяться на победу, не имея союзников.

— У него есть союзник, — заявила леди Селиса. — Рглор, Владыка Света, Пламенное Сердце, Бог Огня и Тени.

— Боги — союзники в лучшем случае ненадежные, — не уступал старик, — а этот здесь и вовсе бессилен.

— Вы так думаете? — Леди Мелисандра повернула голову, и ее рубин сверкнул, став на миг ярким, как комета. — За такие умные речи

вас следует снова увенчать вашей короной.

– Да, – согласилась леди Селиса, – короной Пестряка. Она тебе в самый раз, старик. Надень ее снова. Я приказываю.

– На дне морском головных уборов не носят, – вмешался Пестряк. – Я знаю, я-то знаю.

Лорд Станнис насупил свои тяжелые брови и стиснул зубы, молча двигая челюстью. Он всегда стискивал зубы, когда сердился.

– Дурак, – сказал он наконец, – исполни приказ моей леди-жены. Отдай Крессену свой колпак.

«Нет, – подумал старый мейстер. – Ты не мог сказать такого. Ты всегда

был справедлив и при всей своей суровости никогда не был жестоким. Ты ни над кем не насмеялся — ведь ты не знаешь, что такое смех».

Пестряк запрыгал к нему, звеня колокольчиками: динь-дон, клинь-клон, бим-бом-бом. Мейстер сидел молча, пока дурак надевал свой рогатый колпак ему на лоб. Его голова поникла под тяжестью жестяной кепки, и колокольчики звякнули.

— Пусть теперь поет, когда захочет дать совет, — сказала леди Селиса.

— Ты заходишь слишком далеко, женщина, — ответил лорд Станнис. — Он старый человек и хорошо служил

мне.

«Сейчас я сослужу тебе последнюю службу, мой милый лорд, мой бедный одинокий сын». Крессен внезапно понял, как ему быть. Чаша сира Давоса стояла перед ним, наполовину полная красным вином. Мейстер нашел в рукаве кристаллик, зажал его между большим и указательным пальцами и протянул руку к чаше. Только бы сделать это плавно, ловко, без суеты, взмолился он — и боги вняли его мольбе. В один миг его пальцы опустели. Уже много лет его рука не была столь твердой и легкой. Давос видел, но мейстер мог поручиться, что больше никто не заметил. Крессен встал, держа чашу

в руке.

— Пожалуй, я и впрямь вел себя как дурак. Не хотите ли разделить со мной чашу вина, леди Мелисандра? В честь вашего бога, Владыки Света? В знак его могущества?

Красная женщина испытующе посмотрела на него.

— Извольте.

Мейстер чувствовал, что все взоры устремлены на него. Когда он перелез через скамью, Давос ухватил его за рукав пальцами, обрубленными лордом Станнисом и шепнул:

— Что вы делаете?

— То, что должно быть сделано, — ответил ему Крессен, — ради нашей

державы и души моего господина. — Он оторвал от себя руку Давоса, пролив немного вина на устланный тростником пол.

Женщина спустилась с помоста навстречу ему. Все смотрели на них, но Крессен видел только ее. Красный шелк, красные глаза, красный рубин на шее, красные губы приоткрыты в легкой улыбке. Она накрыла его руку, держащую чашу, своей, горячей, точно от лихорадки.

— Еще не поздно вылить все вино, мейстер.

— Нет, — прошептал он хрипло. — Нет.

— Ну, как угодно. — Мелисандра Асшайская взяла чашу из его рук и

сделала долгий, глубокий глоток. Когда она вернула чашу Крессену, вина осталось совсем немного. — А теперь вы.

Его руки тряслись, но он заставил себя быть сильным. Мейстер из Цитадели ничего не должен бояться. Вино было кислое. Он выпустил пустую чашу из рук, она упала на пол и разбилась.

— Он имеет силу и здесь, милорд, — сказала женщина. — А огонь очищает. — Рубин у нее на шее мерцал красным светом.

Крессен хотел ответить, но слова застряли у него в горле. Кашель, одолевший его при попытке хлебнуть воздуха, перешел в тонкий

свист, и железные пальцы стиснули его горло. Но даже упав на колени, он продолжал трясти головой, отрицая ее силу, отрицая ее магию, отрицая ее бога. «Дурак, дурак», – прозвенели колокольчики на жестяном колпаке, а красная женщина смотрела на него с жалостью, и пламя свечей плясало в ее красных, красных глазах.

Арья

В Винтерфелле ее прозвали Арья-лошадка, и она думала, что хуже этой клички ничего не может быть, пока Ломми Зеленые Руки не нарек ее Вороньим Гнездом.

Трогая свою голову, она сознавала, что это имя ей дали не напрасно. Когда Йорен уволок ее в переулок, она подумала, что он хочет ее убить, но старик только зажал ее, как в тисках, и обрезал все ее лохмы своим кинжалом. Ветерок раскидал по булыжнику клочья грязных каштановых волос, унося их к септе, где умер ее отец. «Я увожу из города

кучу мужчин и мальчишек, — проворчал Йорен, царапая ей голову острой сталью. — Стой смирно, мальчик». Когда он закончил, немногие волосы, оставшиеся у нее на голове, торчали во все стороны.

После он сказал ей, что до самого Винтерфелла она будет сиротой Арри. «За ворота, думаю, мы выйдем без труда, а вот дорога — другое дело... Тебе долго придется путешествовать в дурном обществе. На этот раз я веду к Стене тридцать человек, и не думай, что они все такие же, как твой сводный брат. — Йорен встряхнул ее, чтобы лучше запомнила. — Лорд Эддард открыл мне тюрьмы, и господских детей я

там не нашел. Из этой шайки половина тут же выдаст тебя королеве за помилование и пару серебряков, а другая сделает то же самое, только сперва изнасилует тебя. Поэтому держись от них подальше, а малую нужду справляй в лесу. Это будет труднее всего, так что много не пей».

Из Королевской Гавани они вышли легко, как он и предсказывал. Стражники Ланнистеров у ворот останавливали всех, но Йорен назвал одного из них по имени, и его повозки пропустили беспрепятственно. На Арию никто даже не взглянул. Они искали девочку благородного

происхождения, дочь десницы короля, а не тощего мальчишку с неровно откромсанными волосами. Арья ни разу не оглянулась назад. Ей хотелось, чтобы Черноводная вышла из берегов и смыла весь город — с Блошиным Концом, Красным Замком, Великой Септой, всеми жителями, — а первым делом принца Джоффри с его матушкой. Но она знала, что этого не будет, к тому же в городе осталась Санса. Вспомнив об этом, Арья перестала желать потопа и стала думать о Винтерфелле.

А вот насчет малой нужды Йорен ошибся. Самым трудным оказалось не это, а Ломми Зеленые Руки и Пирожок, мальчишки-сироты.

Йорен подобрал их на улице, посулив, что в Дозоре их будут кормить и обувать. Остальных он нашел в тюрьме. «Дозору нужны воины, — сказал он им в день отъезда, — но за неимением лучшего сойдете и вы».

В его добычу входили воры, браконьеры и насильники. Хуже всех были трое, которых он взял из каменных мешков, — они, как видно, пугали даже его, потому что он вез их скованными по рукам и ногам и говорил, что они останутся в железах до самой Стены. У одного из них на месте отрезанного носа зияла дыра, а у лысого толстяка с заостренными зубами и мокнущими язвами на

щеках в глазах не было ничего человеческого.

Из Королевской Гавани они выехали с пятью повозками, нагруженными припасами для Стены: кожами и отрезами ткани, железными брусьями, клеткой с воронами, книгами, бумагой и чернилами, рулоном кислотила, кувшинами с маслом, ящичками с лекарствами и специями. Повозки тащили лошади. Йорен купил еще двух верховых и полдюжины ослов для мальчишек. Арья предпочла бы настоящего коня, но на осле ехать было лучше, чем в повозке.

Мужчины не обращали на нее внимания, но с мальчишками ей

посчастливилось меньше. Она была на два года моложе самого младшего из них, не говоря уж о ее малом росте и худобе, а ее молчание Ломми и Пирожок принимали за признак страха, глупости или глухоты.

— Глянь-ка, какой меч у Вороньего Гнезда, — сказал Ломми однажды утром, когда они тащились мимо плодовых садов и овсяных полей. Он был подмастерьем красильщика до того, как начал воровать, и руки у него остались зелеными по локоть. Когда он смеялся, то реготал, как ослы, на которых они ехали. — Откуда у такой подзаборной крысы, как он, взялся меч?

Арья угрюмо прикусила губу. В голове поезда маячил выцветший черный плащ Йорена, но она решила, что ни за что не станет звать на помощь.

— Может, он оруженосец, — заметил Пирожок. Его покойная мать была булочницей, и он день-деньской возил по улицам свою тележку, выкрикивая: «Пирожки! Пирожки горячие!» — Маленький оруженосец знатного лорда.

— Какой он оруженосец? Ты посмотри на него. Спорю, что и меч у него не настоящий. Жестяной, поди, игрушечный.

Насмешек над Иглой Арья не могла вынести.

– Это меч, выкованный в замке, дурак, – рывкнула она, повернувшись в седле, – и советую тебе заткнуться. Мальчишки заржали.

– Где ж ты взял такой, Воронье Гнездо? – осведомился Пирожок.

– Спер, где ж еще, – рассудил Ломми.

– Нет! – крикнула Арья. Иглу ей подарил Джон Сноу. Пусть себе зовут ее Вороньим Гнездом, но она не потерпит, чтобы Джона обзывали вором.

– Если меч краденый, то мы можем его забрать, – сказал Пирожок. – Ведь это не его вещь. Мне бы такой пригодился.

– Давай отними, – подзадорил

его Ломми. Пирожок лягнул пятками своего осла и подъехал поближе.

– Эй, Воронье Гнездо, давай сюда меч. – Волосы у него были как солома, толстая ряшка обгорела на солнце и лупилась. – Ты все равно не умеешь с ним обращаться.

«Еще как умею, – могла бы сказать Арья. – Я уже убила одного мальчишку, толстого, вроде тебя. Я ткнула его в живот, и он умер, и тебя я тоже убью, если будешь приставать». Но она промолчала. Йорен не знал о конюшонке – кто его знает, что он сделает с ней, если проведаст об этом. Арья полагала, что в их отряде есть и убийцы – те трое колодников уж точно душегубы,

— но королева не ищет их, так что
разница есть.

— Погляди на него, — заржал
Ломми, — сейчас заплачет. Так ведь,
Воронье Гнездо?

Ночью она и правда плакала,
потому что ей приснился отец. Но
утром она проснулась с сухими, хотя
и красными, глазами и теперь не
смогла бы пролить ни слезинки,
даже если бы ее жизнь зависела от
этого.

— Нет, он штаны намочит, —
заявил Пирожок.

— Отстаньте от него, — сказал
лохматый черный парень, ехавший
позади них. Ломми прозвал его
Быком из-за рогатого шлема, который

тот все время полировал, но никогда не надевал на себя. Над Быком Ломми насмехаться не осмеливался. Тот был старше и к тому же велик для своего возраста, с широкой грудью и сильными руками.

— Ты лучше отдай меч Пирожку, Арри, — сказал Ломми. — Уж очень он ему приглянулся. Пирожок одного мальчика до смерти запинал — и с тобой то же самое сделает.

— Я повалил его и пинал по яйцам, пока он не помер, — похвастался Пирожок. — У него из яиц кровь потекла, а писька вся почернела. Лучше отдай мне меч.

Арья сняла с пояса учебный.

— На, возьми этот. — Ей не

хотелось, драться.

— На кой мне эта палка. — Он подъехал вплотную к ней и потянулся к Игле.

Арья, размахнувшись, хлопнула его осла по крупу деревянным мечом. Ослик с ревом взвился на дыбы, скинув Пирожка. Арья тоже соскочила наземь и ткнула Пирожка деревяшкой в живот, когда он попытался встать. Он охнул и хлопнулся обратно. Тогда она огрела его по лицу, и его нос хрустнул, как сухая ветка. Потекла кровь. Пирожок завыл, и Арья обернулась к Ломми, который сидел на своем осле открывши рот.

— Ты тоже хочешь мой меч? — Но

он не хотел. Он прикрыл лицо зелеными руками и завопил, чтобы она убиралась.

— Сзади! — крикнул Бык, и Арья крутнулась на месте. Пирожок привстал на колени с большим острым камнем в кулаке. Арья позволила ему бросить — она пригнула голову, и камень просвистел мимо. Тогда она набросилась на Пирожка. Он вскинул руку, но она ударила его по ней, и по щеке, и по колену. Он хотел ее схватить, но она отскочила, будто танцуя, и треснула его деревяшкой по затылку. Он свалился, снова встал и подался к ней, шатаясь, — красный, перемазанный грязью и кровью.

Арья ждала, приняв стойку водяного плясуна. Когда он подошел достаточно близко, она ткнула его между ног – так сильно, что, будь у деревянного меча острие, оно вышло бы между ягодиц.

Когда Йорен оттащил ее от Пирожка, тот валялся на земле, наложив полные штаны, и рыдал, а она продолжала молотить его что есть мочи.

– Хватит, – проревел черный брат, выхватив у нее деревянный меч, – ты убьешь его, дурака! – Ломми и другие подняли крик, но Йорен рывкнул на них:

– А ну заткнитесь, пока я сам вас не заткнул. Если такое

повторится, я привяжу вас к повозкам и волоком потащу к Стене. Тебя это в первую очередь касается, Арри. Пошли со мной, быстро.

Все смотрели на нее, даже трое скованных в фургоне. Толстяк щелкнул своими острыми зубами и зашипел, но Арья не обратила на него внимания.

Старик свел ее с дороги в лес, не переставая ругаться.

— Будь у меня хоть на грош здравого смысла, я оставил бы тебя в Королевской Гавани. Слышишь, мальчик? — Он всегда называл ее «мальчик», делая ударение на этом слове. — Спусти-ка штаны. Давай-давай, здесь тебя никто не увидит. —

Арья угрюмо повиновалась. — А теперь стань к тому дубу. Вот так. — Она обхватила руками ствол и приникла лицом к грубой коре. — А теперь кричи, да погромче.

«Не стану кричать», — упрямо подумала она, но, когда Йорен приложил ей деревяшкой по голому телу, завопила помимо воли.

— Что, больно? А вот этак? — Меч свистнул в воздухе. Арья завопила снова, цепляясь за дерево, чтобы не упасть. — И еще разок. — Арья закусил губу и съежилась в ожидании. Удар заставил ее взвиться и завывать. «Но плакать я не стану, — твердила она про себя. — Я Старк из Винтерфелла, и наш девиз —

лютоволк, а лютоволки не плачут». По левой ноге у нее бежала струйка крови, ляжки и ягодицы горели. – Ну, может быть, теперь ты меня слушаешь. В следующий раз, как накинешься с этой палкой на кого-нибудь из своих братьев, получишь в два раза больше. Все, прикройся.

«Они мне не братья», – подумала Арья, наклоняясь, чтобы подобрать штаны, но благоразумно промолчала. Руки у нее дрожали, пока она возилась с завязками.

– Больно тебе? – спросил Йорен.

Спокойная, как вода, сказала она себе, как учил ее Сирио Форель, и ответила:

– Немножко.

– Пирожнику куда больнее, – сплюнув, сказал старик. – Это не он убил твоего отца, девочка, и не воришка Ломми. Сколько их ни бей, его не вернешь.

– Я знаю, – мрачно буркнула она.

– Есть кое-что, чего ты не знаешь. Я сам не знал, что так получится. Я уже собрался в дорогу, купил и загрузил повозки, как вдруг приходит ко мне человек с парнишкой, с полным кошельком и с посланием – не важно от кого. «Лорд Эддард скоро наденет черное, – говорит он мне, – подожди, и он отправится с тобой. Зачем, по-твоему, я пришел тогда в септу?» Да

только все обернулось по-другому.

— Джоффри, — выдохнула Арья. —
Хоть бы его кто-нибудь убил!

— Убьет еще, да только не я и не ты. — Йорен сунул ей деревянный меч обратно. — Возьми в повозке кислolist и пожуй, — сказал он, когда они снова вышли на дорогу. — Легче станет.

Ей и правда стало легче, хотя вкус у кислolistа был противный, а слюна от него окрашивалась в кровавый цвет. Несмотря на это, она весь этот день, и завтрашний, и послезавтрашний шла пешком — на осле сидеть было не вмоготу. Пирожку было еще хуже: Йорену пришлось передвинуть несколько

бочек, чтобы устроить его в задке повозки на мешках с ячменем, и парень ныл каждый раз, когда колесо наезжало на камень. Ломми Зеленые Руки, хотя и не пострадал, держался от Арьи как можно дальше.

– Всякий раз, как ты смотришь на него, он дергается, – сказал ей Бык, с чьим ослом она шагала рядом. Она не ответила. Держать язык за зубами было, пожалуй, надежнее всего.

В ту ночь она, лежа в своем тонком одеяле на твердой земле, смотрела на красную комету, прекрасную и пугающую в то же время. «Красный меч», называл ее Бык, утверждая, что она похожа на

раскаленный клинок, только что вынутый из горна. Прищулив глаза особым образом, Арья тоже видела меч — только не новый, а Лед, длинный отцовский клинок из волнистой валирийской стали, красный от крови лорда Эддарда, когда сир Илин, королевский палач, срубил ему голову. Йорен заставил ее отвернуться в тот миг, но она все равно думала, что Лед должен был выглядеть так, как эта комета.

Когда она наконец уснула, ей приснился дом. Королевский Тракт на пути к Стене проходит мимо Винтерфелла. Йорен обещал, что высадит ее там — и никто так и не узнает, кто она. Ей ужасно хотелось

снова увидеть мать, Робба, Брана и Рикона... но больше всех она скучала по Джону Сноу. Вот бы приехать к Стене раньше Винтерфелла, чтобы Джон опять взъерошил ей волосы и назвал сестричкой. «Я по тебе скучала», – скажет она, а он в тот же миг скажет то же самое, как всегда у них бывало. Ей так хотелось этого – больше всего на свете.

Санса

Настало утро именин короля Джоффри – яркое и ветреное, и длинный хвост кометы был виден сквозь летящие по небу облака. Санса смотрела на него из окна своей башни, когда сир Арис Окхарт пришел, чтобы проводить ее на турнир.

– Как вы думаете, что это означает? – спросила она.

– Комета пророчит славу вашему жениху. Смотрите, как пылает она на небе в день его именин, словно сами боги подняли флаг в его честь. В народе ее называют кометой короля

Джоффри.

Джоффри, конечно, так и говорят, но Санса не была уверена, что это правда.

— Я слышала, как служанки называли ее Драконьим Хвостом.

— Король Джоффри сидит там, где некогда сидел Эйегон Драконовластный, в замке, построенном его сыном. Он наследник королей-драконов, а красный — цвет дома Ланнистеров, и это еще один знак. Эта комета послана, чтобы возвестить о восшествии Джоффри на трон, нет сомнений. Она означает, что он восторжествует над своими врагами.

«Неужели это правда?» —

подумала она. Могут ли боги быть столь жестоки? Ее мать теперь тоже враг Джоффри, и ее брат Робб. Ее отец умер по приказу короля. Неужели матушка и Робб будут следующими? Эта планета красна, но Джоффри – Баратеон не менее, чем Ланнистер, а герб Баратеонов – черный олень на золотом поле. Разве боги не должны были послать Джоффри золотую комету?

Санса закрыла ставни и отвернулась от окна.

– Вы сегодня просто прелестны, миледи, – сказал сир Арис.

– Благодарю вас, сир. – Зная, что Джоффри непременно потребует ее присутствия на турнире в его честь,

она уделила особое внимание своему лицу и одежде. На ней было платье из бледно-пурпурного шелка, а волосы покрывала сетка с лунными камнями, подарок Джоффри. Длинные рукава платья скрывали синяки на руках — ими ее тоже одарил Джоффри. Когда ему сказали, что Робба провозгласили Королем Севера, он впал в ужасную ярость и послал сира Бороса побить ее.

— Пойдемте? — Сир Арис предложил ей руку, и Санса, опершись на нее, вышла из комнаты. Если уж ее должен конвоировать кто-то из королевских гвардейцев, пусть это будет он. Сир Борос вспыльчив, сир Меррин холоден, странные

мертвые глаза сира Мендона вселяют в нее тревогу, сир Престон обращается с ней, как с несмышленным ребенком. Арис Окхарт учтив и всегда говорит с ней приветливо. Однажды он даже не подчинился Джоффри, когда тот велел ему ударить ее. В конце концов он все-таки ударил, но не сильно, как сделали бы сир Меррин или сир Борос, и он как-никак возразил королю. Другие подчинялись без возражений... кроме Пса, но его Джофф никогда не просил ее наказывать. На то имелись пятеро других.

У сира Ариса светло-каштановые волосы и довольно

приятное лицо. Сегодня он просто ослепителен в своем белом шелковом плаще, застегнутом на плече золотым листом, с развесистым дубом, вышитым блестящей золотой нитью на груди камзола.

— Как по-вашему, кто сегодня победит? — спросила Санса, спускаясь с ним по лестнице рука об руку.

— Я, — улыбнулся сир Арис, — Но боюсь, в такой победе мало чести. Турнир будет не из важных. На него записалось не более сорока человек, считая оруженосцев и вольных всадников. Не слишком почетно вышибать из седла зеленых юнцов.

«То ли дело последний турнир», — подумала Санса. Король Роберт устроил его в честь ее отца. Знатные лорды и именитые бойцы съехались на него со всех концов государства, и весь город собрался поглядеть на них. Ей хорошо помнилось это великолепие: поле, уставленное вдоль реки шатрами с рыцарским щитом над каждой дверью, длинные ряды шелковых вымпелов, трепещущих на ветру, блеск солнца на яркой стали и золоченых шпорах. Дни проходили под пение труб и гром копыт, а по ночам пировали и веселились. Это были самые волшебные дни в ее жизни — но теперь ей казалось, что все это

происходило в другом столетии. Роберт Баратеон мертв, а ее отец обезглавлен как изменник на ступенях Великой Септы Бейелора. Теперь в стране три короля, за Трезубцем бушует война, и город наполнили толпы бегущих от нее людей. Неудивительно, что турнир Джоффа приходится проводить за толстыми стенами Красного Замка.

— Вы не знаете, королева будет присутствовать? — Санса всегда чувствовала себя спокойнее при Серсее, сдерживавшей злобные выходки сына.

— Боюсь, что нет, миледи. Она сейчас на совете, который собрался по какому-то срочному делу. — Сир

Арис понизил голос. — Лорд Тайвин засел в Харренхолле, вместо того чтобы привести свое войско в город, как приказывала королева. Ее величество в ярости. — Он помолчал, пока мимо не прошли гвардейцы Ланнистеров в алых плащах и с гребнями на шлемах. Сир Арис любил посплетничать, но лишь когда был уверен, что посторонние его не слышат.

Плотники поставили во внешнем дворе галерею и устроили ристалище. Поле и правда получилось жалкое, а горстка зрителей заполняла только половину сидений. Большей частью это были солдаты городской стражи в золотых

плащах или красные гвардейцы дома Ланнистеров. Лордов и леди при дворе осталось совсем немного. Серолицый лорд Джайлс Росби кашлял в розовый шелковый платок. Леди Танда сидела в компании своих дочерей, скучной тихони Лоллис и языкатой Фалисы. Был здесь также чернокожий Джалабхар Ксо, изгнанник, которому больше некуда было деваться, и леди Эрмесанда, малютка на коленях у своей кормилицы. Говорили, что ее скоро выдадут за одного из кузенов королевы, чтобы Ланнистеры смогли получить ее земли.

Король сидел под красным балдахином, небрежно перекинув

одну ногу через резную ручку кресла. Принцесса Мирцелла и принц Томмен устроились позади него. В глубине королевской ложи стоял на страже Сандор Клиган, держа руки на поясе. Белоснежный плащ королевского гвардейца, застегнутый драгоценной брошью, выглядел нелепо поверх бурого грубошерстного камзола и кожаного колета с заклепками.

— Леди Санса, — кратко доложил Пес, увидев ее. Голос у него был как пила, входящая в дерево, и одна сторона рта из-за ожогов на лице и горле дергалась, когда он говорил.

Принцесса Мирцелла робко кивнула Сансе в знак приветствия,

зато пухлый маленький принц Томмен так и подскочил.

— Санса, ты слышала? Я сегодня тоже участвую в турнире. Мама мне разрешила. — Томмену было восемь, и он напоминал Сансе ее собственного младшего брата, Брана. Мальчики были одногодками. Бран остался в Винтерфелле. Теперь он калека, зато ему ничего не грозит.

Санса отдала бы все на свете, чтобы быть рядом с ним.

— Я опасаясь за жизнь вашего противника, — серьезно сказала она Томмену.

— Его противник будет набит соломой, — сказал Джофф, вставая. На нем был позолоченный панцирь

со львом, стоящим на задних лапах, — в пору на войну отправляться. Сегодня ему исполнилось тринадцать, и он был высок для своего возраста, зеленоглазый и золотоволосый, как все Ланнистеры.

— Ваше величество, — сказала Санса, присев в реверансе. Сир Арис поклонился:

— Прошу извинить меня, ваше величество. Я должен подготовиться к состязанию.

Джоффри небрежным жестом отпустил его и оглядел Сансу с ног до головы.

— Я рад, что ты надела мои камни.

Итак, король сегодня

расположен быть галантным. Санса испытала облегчение.

– Я благодарна вам за них... и за ваши приветливые слова. Поздравляю ваше величество с днем ваших именин.

– Садись, – приказал Джоффри, указав ей на свободное место рядом с собой. – Ты слышала? Король-попрошайка умер.

– Кто? – Санса испугалась на миг, подумав, что он имеет в виду Робба.

– Визерис. Последний сын безумного короля Эйериса. Он скитался по Вольным Городам еще до моего рождения, называя себя королем. Так вот, мать говорит, что

дотракийцы наконец короновали его — расплавленным золотом. — Джоффри засмеялся. — Забавно, тебе не кажется? Ведь их эмблемой был дракон. Все равно как если бы твоего изменника-братца загрыз волк. Может быть, я и правда скормлю его волкам, когда поймаю. Я говорил тебе, что намерен вызвать его на поединок?

— Мне очень хотелось бы посмотреть на это, ваше величество. — (Больше, чем ты думаешь.) Санса отвечала ровно и учтиво, но Джоффри все равно прищурил глаза, стараясь понять, не насмехается ли она над ним. — Вы нынче тоже выйдете на поле? — поспешно

спросила она. Король нахмурился.

— Моя леди-мать сказала, что мне не подобает участвовать в турнире, устраиваемом в мою честь. Иначе я стал бы первым. Верно ведь, Пес?

— Среди этого сборища? — дернул ртом Пес. — Почему бы и нет?

«На отцовском турнире первым был он», — вспомнила Санса.

— А вы будете сегодня сражаться, милорд? — спросила она.

— Не стоит труда надевать доспехи, — презрительно процедил он. — Это турнир комаришек.

— Ишь, как злобно мой Пес лает, — засмеялся король. — Быть может, я прикажу ему сразиться с

победителем этого дня. Насмерть. — Джоффри любил заставлять людей сражаться насмерть.

— Тогда у вас станет одним рыцарем меньше. — Пес так и не принес рыцарского обета. Его брат был рыцарем, а он ненавидел своего брата.

Запели трубы. Король сел на место и взял Сансу за руку. Прежде это заставило бы ее сердце забиться сильнее — но это было до того, как он в ответ на мольбу о милосердии поднес ей голову ее отца. Теперь его прикосновение было ей омерзительно, но она знала, что показывать этого нельзя, и принудила себя сидеть смирно.

— Сир Меррин Трант из Королевской Гвардии, — объявил герольд.

Сир Меррин появился с западной стороны двора в блистающих, украшенных золотом белых доспехах, на молочно-белом скакуне с пышной серой гривой. Плащ струился позади него, как снегопад. В руке он держал двенадцатифутовое копье.

— Сир Хоббер из дома Редвинов, что в Бору, — пропел герольд.

Сир Хоббер выехал с восточной стороны на черном жеребце в винно-красной с синим попоне, с копьем, раскрашенным в те же цвета. Его щит украшала виноградная гроздь — герб

его дома. Близнецы Редвины, как и Санса, были гостями королевы помимо своей воли. Сансе хотелось бы знать, кто придумал выставить их на турнир Джоффри. Уж наверное, не они сами.

По сигналу мастера над ристалищем бойцы опустили свои копья и пришпорили коней. Зрители, солдаты и знатные господа, подбадривали их криками. Рыцари сшиблись посреди двора в грохоте дерева и стали. Копья, и белое и полосатое, раскололись в щепки. Хоббер Редвин пошатнулся, но удержался в седле. Повернув коней, рыцари разъехались по своим концам поля, где оруженосцы вручили им

новые копыя. Сир Хорас, близнец Хоббера, кричал, поддерживая брата.

Но при втором наскоке сир Меррин ударил острием копыя в грудь сиру Хобберу и выбил его из седла. Тот с грохотом рухнул наземь, и сир Хорас, выбранившись, поспешил ему на помощь.

– Скверный бой, – сказал король Джоффри.

– Сир Бейлон Сванн из Стонхельма, что на Красном Дозоре, – возвестил герольд. Шлем сира Бейлона украшали широкие белые крылья, а на его щите черные лебеди сражались с белыми. – Моррос из дома Слинтов, наследник лорда Яноса Харренхольского.

— Поглядите-ка на этого тупоголового выскочку, — фыркнул Джофф достаточно громко, чтобы его слышала половина зрителей. Моррос, всего лишь оруженосец, притом недавний, весьма неуклюже управлялся с копьем и щитом. Копье, как было известно Сансе, рыцарское оружие, Слинты же низкого происхождения. Лорд Янос командовал городской стражей, прежде чем Джофффри пожаловал ему Харренхолл и ввел в свой совет.

Хоть бы он упал и осрамился, с ожесточением подумала Санса. Хоть бы сир Бейлон его убил. Когда Джофффри объявил ее отцу смертный приговор, это Янос Слингт схватил

отрубленную голову лорда Эддарда за волосы и показал ее королю и народу под плач и крики Сансы.

Моррос был в плаще в черную и золотую клетку поверх черной, инкрустированной золотом Бронн, на щите красовалось окровавленное копье, которое его отец избрал девизом своего вновь учрежденного дома. Но, посылая коня вперед, он, видимо, не знал, что делать со щитом, и копье сира Бейлона угодило прямо в эмблему. Моррос выронил свое и зашатался. При падении одна его нога застряла в стремях, и конь поволок его по полю, стучая головой о землю. Джофф презрительно заулюлюкал, Санса же ужаснулась.

Значит ли это, что боги вняли ее мстительной мольбе? Но когда Морроса Флинта освободили, он был жив, хотя и весь в крови.

— Томмен, мы выбрали тебе не того противника, — сказал король брату. — Соломенный рыцарь сражается лучше, чем этот.

Следующим настал черед сира Хораса Редвина. Он превзошел своего брата, победив пожилого рыцаря, чей щит украшали серебряные грифоны на белом и голубом поле. Старик не сумел поддержать великолепия своего герба.

— Жалкое зрелище, — скривил губы Джоффри.

– Я ж говорил – комаришки, – отозвался Пес. Королю становилось скучно, и это беспокоило Сансу. Она опустила глаза и решила молчать, несмотря ни на что. Когда Джоффри Баратеон пребывал в дурном настроении, любое неосторожное слово могло привести его в ярость.

– Лотор Брюн, вольный всадник на службе лорда Бейлиша, – выкрикнул герольд. – Сир Донтос Красный из дома Холлардов.

Вольный всадник, маленький человечек в щербатой броне без девиза, появился в западном конце, но его противника не было видно. Затем на поле рысцой выбежал гнедой жеребец в красных и

багровых шелках, но без сира Донтоса. Рыцарь появился миг спустя, ругаясь почему зря. Кроме панциря и пернатого шлема, на нем ничего более не было. Он гнался за конем, сверкая тощими бледными ногами, и его мужское естество непристойно болталось. Зрители покатывались со смеху, выкрикивая оскорбления. Ухватив коня за уздечку, сир Донтос попытался сесть на него; но скакун не желал стоять смирно, а рыцарь был так пьян, что никак не мог попасть босой ногой в стремя.

Все уже просто изнемогали от смеха... все, но не король. Сансе было хорошо знакомо выражение в глазах Джоффри — такой же взгляд

был у него, когда он в Великой Септе Бейелора приговорил к смерти лорда Эддарда Старка. Сир Донтос Красный наконец отказался от своих бесплодных усилий, уселся в грязь, снял свой шлем с плюмажем и крикнул:

– Сдаюсь! Принесите мне вина.

Король встал:

– Подать сюда бочку из подвалов! Сейчас мы утопим его в ней.

– Нет, так нельзя! – вырвалось у Сансы. Король повернул к ней голову:

– Что ты сказала?

Санса не могла поверить в собственную глупость. С ума она,

что ли, сошла — сказать королю «нельзя» перед половиной его двора? Она и не хотела ничего говорить... но ведь, сир Донтос, пьяный, глупый и никчемный, не сделал никому зла.

— Ты сказала «нельзя»? Я не ослышался?

— Прошу вас, ваше величество... я хотела только сказать, что это было бы дурным знаком... убивать человека в день ваших именин.

— Лжешь. Тебя следует утопить вместе с ним, если он так тебе дорог.

— Он мне ничуть не дорог, ваше величество, — отчаянно лепетала она.
— Топите его, рубите ему голову... только умоляю, сделайте это завтра, а не сегодня, не в ваши именины. Это

очень несчастливый знак... для всех, даже для королей, так во всех песнях поется.

Джоффри помрачнел. Он понимал, что она лжет, он это видел. Он заставит ее поплатиться за это.

— Девушка верно говорит, — вмешался Пес. — Что человек посеет в свои именины, то пожинает весь год. — Он говорил равнодушно, словно его вовсе не заботило, верит ему король или нет. Правда ли это? Санса не знала. Сама она сочинила это только что, чтобы избежать наказания.

Джоффри, недовольно поерзав на сиденье, щелкнул пальцами в сторону сира Донтоса.

– Убрать его. Я казню этого дурака завтра.

– Вот-вот – он дурак, – сказала Санса. – Ваше величество очень тонко это подметили. Ему больше подходит быть дураком, чем рыцарем, правда? Его следует одеть в шутовской наряд и заставить веселить вас. Он не заслуживает такой милости, как быстрая смерть.

Король пристально посмотрел на нее.

– А ты, пожалуй, не так глупа, как говорит матушка. – Он возвысил голос. – Ты слышал, что сказала миледи, Донтос? Отныне ты мой новый дурак. Будешь спать вместе с Лунатиком и одеваться в пестрое.

Сир Донтос, которого близкая смерть отрезвила, упал на колени.

— Благодарю вас, ваше величество. И вас, миледи. Благодарю.

Гвардейцы Ланнистеров увели его прочь, и к королевской ложе подошел мастер над ристалищем.

— Ваше величество, как мне поступить — вызвать нового соперника для Брюна или огласить следующую пару?

— Ни то, ни другое. Это комаришки, а не рыцари. Я их всех предал бы смерти, не будь это мои именины. Турнир окончен. Пусть все убираются с глаз долой.

Мастер над ристалищем

поклонился, но принц Томмен был не столь послушен.

— А как же я? Я должен выехать против соломенного человека.

— В другой раз.

— Но я хочу сегодня!

— Мало ли что ты хочешь.

— А мама сказала, что можно!

— Да, сказала, — подтвердила принцесса Мирцелла.

— Мама, мама, — передразнил король. — Что вы как маленькие?

— Мы и есть маленькие, — заявила Мирцелла.

— С этим не поспоришь, — засмеялся Пес.

— Хорошо, — сказал Джоффри. — Даже мой брат не может быть хуже,

чем они. Мастер, поставьте кинтану – Томмен хочет поиграть в комара.

Томмен весело завопил и побежал одеваться, мелькая толстыми ножками.

– Желаю удачи, – сказала ему вслед Санса. В дальнем конце поля поставили кинтану, и для принца оседлали пони. Противником Томмена было кожаное, набитое соломой чучело ростом с ребенка. Оно стояло на поворотной опоре, со щитом в одной руке и тряпичной палицей в другой. Кто-то нацепил ему на голову пару оленьих рогов. Санса вспомнила, что отец Джоффри король Роберт тоже носил оленьи рога на шлеме... но их носит и

королевский дядя, лорд Ренли, вставший на путь измены и объявивший себя королем.

Двое оруженосцев облачили принца в его нарядные, красные с серебром, доспехи. На шлеме у него высился пышный плюмаж из красных перьев, а на щите резвились вместе лев Ланнистеров и коронованный олень Баратеонов. Оруженосцы усадили Томмена на коня, а сир Арон Сантагар, мастер над оружием Красного Замка, вручил принцу тупой серебряный меч с клинком в форме листа, сделанный по руке восьмилетнего мальчика.

Томмен высоко вскинул меч.

— Бобровый Утес! — прокричал

он тонким ребячьим голосом, пришпорил своего пони и поскакал по утоптанной земле к кинтане. Леди Танда и лорд Джайлс разразились ободряющими возгласами, и Санса присоединилась к ним. Король угрюмо молчал.

Томмен перевел пони на мелкую рысь и нанес мечом солидный удар по щиту чучела, проезжая мимо. Киитана повернулась, и мягкая палица хлопнула принца по затылку. Томмен вылетел из седла и упал, дребезжа, словно груда пустых котелков. Меч он потерял, пони ускакал прочь, а зрители грохнули со смеху. Король Джоффри смеялся громче и дольше всех, но принцесса

Мирцелла выскочила из ложи и бросилась к младшему брату.

В Сансе неожиданно разыгралась дерзкая отвага.

— Вам тоже следовало бы пойти с ней, — сказала она королю. — Вдруг ваш брат ушибся.

— Ну и что? — пожал плечами Джоффри.

— Вы должны помочь ему и сказать, какой он молодец. — Санса уже не могла остановиться.

— Чучело скинуло его в грязь. Тоже мне молодец.

— А мальчуган-то не робкого десятка, — заметил Пес. — Хочет попытаться еще раз.

Томмену помогли сесть на пони.

«Жаль, что старший не он, а Джоффри, — подумала Санса. — За Томмена я охотно вышла бы замуж».

Но тут у ворот замка послышался шум. Загрохотали цепи, решетку подняли, железные петли закрипели, и ворота открылись.

— Кто приказал? — вскричал Джоффри. В городе было беспокойно, и ворота Красного Замка оставались закрытыми день и ночь.

Под решеткой, позвякивая сталью, проехал конный отряд. Клиган приблизился к королю, опустив руку на меч. У новоприбывших был изнуренный, пыльный и обтрепанный вид, но

ехали они под штандартом с ланнистерским львом, золотым на красном поле. Несколько человек имели на себе красные плащи и кольчуги ланнистерских солдат, но большинство составляли вольные всадники и наемники в разномастных доспехах и острой стальной щетине... а следом ехали дикари из сказок старой Нэн, из страшных сказок, которые так любил Бран. Косматые и бородатые, они были одеты в звериные шкуры и вареную кожу. У некоторых на руках и головах виднелись окровавленные повязки, у других недоставало глаз, ушей и пальцев.

В середине на высоком рыжем

коне в странном седле с высокими
луками спереди и сзади ехал брат
королевы, карлик Тирион Ланнистер,
тот, кого прозвали Бесом. Он
отпустил бороду, и его острая
мордочка заросла пегим, желтым и
черным волосом, жестким, как
провода. Спину его покрывал плащ
из меха сумеречного кота, черный в
белую полосу. Он держал поводья
левой рукой – правую поддерживала
белая шелковая перевязь. При всем
при том он оставался таким же
уродцем, каким Санса запомнила его
в Винтерфелле, со своим
выпирающим лбом и разномастными
глазами. Она в жизни не встречала
более безобразного человека.

Но Томмен пришпорил своего пони и с восторженным воплем поскакал через двор. Один из дикарей, громадный и такой заросший, что видны были одни глаза, выхватил мальчика из седла во всех его доспехах и поставил на землю перед дядей. Томмен закатился смехом, отразившимся от стен. Тирион хлопнул его по панцирю, и Санса с изумлением увидела, что эти двое одного роста. Мирцелла подбежала к брату. Карлик схватил ее в охапку и закружил.

Поставив визжащую девочку, он поцеловал ее в лоб и направился через двор к Джоффри. Два его человека последовали за ним —

чернявый наемник с кошачьей походкой и тощий парень с пустым отверстием на месте одного глаза. Томмен и Мирцелла замыкали процессию.

Карлик преклонил колено перед королем.

– Ваше величество.

– Ты, – произнес Джоффри.

– Я, – подтвердил Бес, – хоть как ваш дядя и старший по возрасту я заслуживал бы более учтивого приветствия.

– Мы слышали, что ты умер, – сказал Пес. Глаза маленького человечка – и зеленый, и черный – обдали большого холодом.

– Я говорю с королем, а не с его

шавкой.

— Я рада, что ты не умер, — сказала Мирцелла.

— Полностью разделяю твое чувство, милое дитя. Миледи, — сказал Тирион Сансе, — я сожалею о ваших потерях. Поистине боги жестоки.

Санса не знала, что сказать: Как он может сожалеть о ее потерях? Уж не смеется ли он над ней? Боги здесь ни при чем. Джоффри — вот кто жесток.

— Прими и ты мои соболезнования, Джоффри, — сказал карлик.

— По поводу чего?

— У тебя, помнится, был отец.

Такой здоровенный, свирепый, с черной бородищей – припоминаешь? Он был у нас королем до тебя.

– А, ты о нем. Да, прискорбный случай. Его убил вепрь.

– Так говорят у вас при дворе, ваше величество?

Джоффри нахмурился, и Санса почувствовала, что должна что-то сказать. Как это говорила септа Мордейн? «Броня леди – ее учтивость». Одевшись в свою броню, Санса произнесла:

– Я сожалею, что моя леди-мать взяла вас в плен, милорд.

– Об этом многие сожалеют – и пожалеют еще сильнее... однако благодарю вас за участие. Джоффри,

где я могу найти твою мать?

— Она с моим советом. Твой брат Джейме продолжает проигрывать сражения. — Джоффри сердито глянул на Сансу, словно это была ее вина. — Старки захватили его в плен, мы потеряли Риверран, а теперь ее глупый братец называет себя королем.

— Кто только не называет себя королем в наши дни, — с кривой улыбкой ответил карлик.

Джоффри не совсем понял, что он хотел сказать, но вид у короля сделался подозрительным и немного растерянным.

— Это верно. Хорошо, дядя, я рад, что ты жив. Ты привез мне

подарок ко дню моих именин?

— Да. Свой ум.

— Я предпочел бы голову Робба Старка. — Джофф покосился на Сансу. — Томмен, Мирцелла, идемте.

Сандор Клиган задержался еще на миг.

— На твоём месте я придержал бы язык, малыш, — сказал он, прежде чем последовать за своим господином.

Санса осталась одна с карликом и его чудищами. Не зная, что бы еще сказать, она наконец вымолвила:

— Я вижу, вы ранены.

— Один из ваших северян угостил меня булавой в битве на Зеленом Зубце. Я спасся только тем,

что свалился с коня. — Он присмотрелся к Сансе, и его ухмылка стала чуть помягче. — Это из-за утраты отца вы так печальны?

— Мой отец был изменником, — тут же ответила Санса. — Как и мой брат и моя леди-мать. — Она быстро выучилась, как надо отвечать. — Но я верна своему возлюбленному Джоффри.

— Не сомневаюсь. Верна, как лань, окруженная волками.

— Львами, — шепнула она, не подумав, и беспокойно оглянулась — но ее никто не слышал.

Ланнистер взял ее руку и пожал:

— Я очень мелкий лев, дитя мое, и клянусь, что не стану на вас

нападать. А теперь прошу меня извинить, — добавил он с поклоном. — У меня срочное дело к королеве и ее совету.

Санса посмотрела, как он уходит, раскачиваясь из стороны в сторону на каждом шагу, точно смешная кукла из балаганчика. «Он ласковее, чем Джоффри, — подумала она, — но королева тоже была со мной ласкова. Он Ланнистер, этот карлик, ее брат и дядя Джоффри, он не может быть моим другом». Санса любила принца Джоффри всем сердцем, а королева верила и восхищалась ею. Они отплатили ей за любовь и доверие головой ее отца. Больше она не повторит своей

ошибки.

Тирион

В белом одеянии королевского гвардейца сир Мендон Мур походил на мертвеца в саване.

— Ее величество приказывала ни под каким видом не прерывать заседания совета.

— Позвольте мне все же побеспокоить ее, сир. — Тирион достал из рукава пергаментный свиток. — У меня письмо от моего отца, лорда Тайвина Ланнистера, десницы короля. Вот его печать.

— Ее величество не желает, чтобы ее беспокоили, — медленно, словно тупице, не способному

понять с первого раза, повторил сир Мендон.

Джеймс как-то сказал Тириону, Что Мур самый опасный из королевских гвардейцев — исключая, конечно, его самого, — поскольку по его лицу никогда не видно, что он сделает потом. Тирион был бы рад любому намеку. Бронн и Тиметт скорее всего убьют рыцаря, если дело дойдет до мечей, — но вряд ли стоит начинать с убийства одного из защитников Джоффри. С другой стороны, нельзя позволять прогонять себя прочь — это дурно сказывается на авторитете.

— Сир Мендон, я еще не представил вам своих спутников. Это

Тиметт, сын Тиметта, Красная Рука клана Обгорелых. А это Бронн. Вы, вероятно, помните сира Вардиса Игена, капитана стражи лорда Аррена?

— Да, я его знаю. — Блеклые серые глаза сира Мендона смотрели равнодушно, как неживые.

— Вернее, знали, — с улыбочкой поправил Бронн. Сир Мендон не соизволил ответить.

— Как бы там ни было, — беззаботно продолжал Тирион, — мне в самом деле нужно повидать мою сестру и вручить ей письмо. Будьте столь любезны, откройте нам дверь.

Белый рыцарь молчал. Тирион уже собрался вторгнуться силой, но

сир Мендон неожиданно отступил в сторону.

– Вы можете пройти, но без них.

«Победа хоть и маленькая, но приятная», – подумал Тирион. Он выдержал первое испытание. Проходя в дверь, Тирион Ланнистер чувствовал себя почти высоким. Пять королевских советников внезапно умолкли, прервав свою беседу.

– Ты, – сказала его сестра Серсея тоном недоверчивым и неприязненным в равной мере.

– Теперь я вижу, у кого Джоффри перенял свои манеры. – Тирион полюбовался валирийскими сфинксами, стерегущими дверь с видом небрежной уверенности в

себе. Серсея чувствует слабость, как собака – страх.

– Что ты здесь делаешь? – Красивые зеленые глаза сестры вперились в него без малейшего намека на привязанность.

– У меня письмо от нашего лорда-отца. – Тирион вразвалку подошел к столу и положил на него туго скатанный свиток.

Евнух Варис, взяв письмо, повертел его в напудренных пальцах.

– Как любезно со стороны лорда Тайвина. И каким красивым золотистым воском он пользуется. – Он поднес свиток к глазам. – Печать, по всей видимости, настоящая.

– Разумеется, она настоящая. –

Серсея вырвала письмо у него из рук, взломала печать и развернула пергамент.

Тирион смотрел, как она читает. Серсея заняла королевское место — видимо, Джоффри не часто оказывает совету честь своим присутствием, как, впрочем, и Роберт. Поэтому Тирион взобрался на стул десницы, что было вполне уместно.

— Бессмыслица какая-то, — сказала наконец королева. — Мой лорд-отец шлет моего брата, чтобы тот занял его место в совете. Он просит нас считать Тириона десницей короля вплоть до того времени, когда прибудет к нам сам.

Великий мейстер Пицель погладил свою пушистую белую бороду и важно кивнул.

— Полагаю, нам следует уважить волю лорда Тайвина.

— Согласен. — Брыластый, лысеющий Янос Слингт смахивал на лягушку, которая пыжится, силясь казаться больше, чем есть. — Мы отчаянно нуждаемся в вас, милорд. Мятежи по всему государству, зловещий знак на небе, волнения на городских улицах...

— А кто в этом виноват, лорд Янос? — резко спросила Серсея. — За порядок отвечают ваши золотые плащи. Что до тебя, Тирион, то ты лучше послужил бы нам на поле

БИТВЫ.

— Нет уж, спасибо, — засмеялся он. — Довольно с меня полей битвы. На стуле я сижу лучше, чем на лошади, и предпочитаю кубок вина боевому топору. А как же барабанный гром, спросите вы, и солнце, блистающее на броне, и великолепные скакуны, которые ржут и рвутся в бой? Но от барабанов у меня болит голова, в доспехах, блистающих на солнце, я поджариваюсь, точно гусь в праздник урожая, а великолепные скакуны засирают все как есть. Впрочем, я не жалуясь. После гостеприимства, оказанного мне в Долине Аррен, барабаны, конское дерьмо и мухи

кажутся просто блаженством.

— Хорошо сказано, Ланнистер, — со смехом сказал Мизинец. — Вот человек, который мне по сердцу.

Тирион улыбнулся ему, вспомнив некий кинжал с рукояткой из драконьей кости и клинком из валирийской стали. Надо будет поговорить с тобой об этом — и поскорее, подумал он. Как-то этот предмет беседы покажется лорду Петиру?

— Прошу вас, — сказал он членам совета, — позвольте мне быть вам полезным по мере моих малых сил.

Серсея перечитала письмо сызнова.

— Сколько человек ты привел с

собой?

— Несколько сотен. В основном это мои люди. Со своими отец не пожелал расстаться. Он как-никак ведет войну.

— Что проку нам будет от твоих нескольких сотен, если Ренли двинется на город или Станнис отплывет с Драконьего Камня? Я прошу войско, а отец шлет мне карлика. Десницу назначает король с согласия своего совета — и Джоффри назначил нашего лорда-отца.

— А наш лорд-отец назначил меня.

— Он не может этого сделать без согласия Джоффа.

— Если ты считаешь

необходимым обсудить это с лордом Тайвином, он стоит в Харренхолле со своим войском, – сообщил Тирион. – Милорды, не позволите ли вы мне поговорить с сестрой с глазу на глаз?

Варис встал первым, улыбаясь умильно, как всегда.

– Как вы, должно быть, соскучились по прелестному голосу вашей дражайшей сестрицы. Милорды, прошу вас, оставим их одних на несколько мгновений. Заботы, одолевающие наше несчастное государство, могут немного подождать.

Янос Слинг и великий мейстер Пицель тоже поднялись – один нерешительно, другой

величественно. Мизинец был последним.

— Я прикажу стюарду приготовить вам комнаты в крепости Мейегора, — предложил он.

— Благодарю, лорд Петир, но я займу бывшие покои лорда Старка в башне Десницы.

— Стало быть, вы храбрее меня, Ланнистер, — засмеялся Мизинец. — Всем известно, какая судьба постигла двух последних десниц.

— Двух? Если уж вам хочется напугать меня, почему бы не сказать «четырёх»?

— Четырёх? — поднял бровь Мизинец. — Неужели и другие десницы до лорда Аррена нашли в

этой башне свой печальный конец? Боюсь, я был слишком молод, чтобы уделять этому внимание.

— Последний десница Эйериса Таргариена был убит при взятии Королевской Гавани, хотя я не думаю, что он успел обосноваться в башне. Он пробыл десницей всего две недели. А его предшественника сожгли заживо. Перед этими были еще двое — они умерли без гроша в изгнании, но почитали себя счастливыми. Думается, из всех десниц только моему лорду-отцу удалось покинуть Королевскую Гавань, не лишившись имени, имущества и какой-либо части тела.

— Захватывающе, — сказал

Мизинец. – Тем больше причин, по которым я предпочел бы ночевать в темнице.

«Быть может, твое желание еще сбудется», – подумал Тирион, но вслух сказал:

– Отвага сродни безумию – так я по крайней мере слышал. Какое бы проклятие ни тяготело над башней Десницы, я, хотелось бы думать, настолько мал, что оно меня не заметит.

Янос Слинг засмеялся, Мизинец улыбнулся, а великий мейстер Пицель с церемонным поклоном вышел из комнаты вслед за ними.

– Надеюсь, отец прислал тебя не затем, чтобы ты докучал нам

уроками истории, – сказала Серсея, когда они удалились.

– Как я соскучился по твоему прелестному голосу, – вздохнул Тирион.

– Чего бы мне хотелось, так это вырвать нашему евнуху язык горячими щипцами. В своем ли уме наш отец? Или письмо подделал ты? – Серсея перечитала послание еще раз, с возрастающим раздражением. – С чего ему вздумалось навязать мне тебя? Я хотела, чтобы он сам приехал. – Она смяла пергамент в руках. – Я – регент Джоффри, и я послала ему королевский приказ!

– А он взял и не послушался. У него большая армия – он может себе

это позволить. Впрочем, не он первый, верно?

Серсея сжала губы, и краска бросилась ей в лицо.

— Если я объявлю, что это письмо — подделка, и велю бросить тебя в темницу, меня послушаются, ручаюсь тебе.

Тирион понимал, что ступает по талому льду. Один неверный шаг — и он провалится.

— Не сомневаюсь, — дружелюбно сказал он. — И наш отец, у которого большая армия, тоже не оставит это без внимания. Но зачем тебе нужно бросать меня в темницу, милая сестра, — меня, который проделал столь долгий путь, чтобы помочь

тебе?

— Твоя помощь мне не требуется.
Я вызвала отца, а не тебя.

— Да, — согласился он, — но по-настоящему тебе нужен только Джейме.

Сестра считает себя тонкой бестией, но они как-никак росли вместе. Он читал по ее лицу, как по одной из своих любимых книг — сейчас он видел на нем ярость, страх и отчаяние.

— Джейме...

— ...мой брат не меньше, чем твой, — прервал ее Тирион. — Предоставь мне свою поддержку, и я обещаю тебе: мы освободим Джейме и вернем его к нам целым и

невредимым.

— Каким образом? Мальчишка Старк и его мать вряд ли забудут, что мы обезглавили лорда Эддарда.

— Это верно — но его дочери все еще у тебя, не так ли? Я видел старшую во дворе с Джоффри.

— Да, это Санса. Я дала понять, что младшая тоже у меня, но это не правда. Я послала за ней Меррина Транта, когда Роберт умер, но вмешался ее проклятый учитель танцев, и девчонка сбежала. С тех пор ее никто не видел. Скорее всего ее нет в живых. В тот день многие расстались с жизнью.

Тирион надеялся, что обе дочери Старка здесь, но делать нечего —

придется обойтись одной.

— Расскажи мне о наших друзьях-советниках.

Она оглянулась на дверь:

— А что?

— Отец, похоже, их сильно недолюбливает. Когда я уезжал, он представлял себе, как выглядели бы их головы на стене рядом с головой лорда Старка. — Тирион подался через стол к сестре. — Ты уверена в их преданности? Ты им доверяешь?

— Я никому не доверяю, — отрезала Серсея, — но они мне нужны. Так отец думает, что они ведут нечистую игру?

— Скорее подозревает.

— Почему? Ему что-то известно?

Тирион пожал плечами:

— Ему известно, что недолгое правление твоего сына составило долгую вереницу безумств и несчастий. Из этого следует, что кто-то дает Джоффри скверные советы.

Серсея посмотрела на брата испытующе:

— У Джоффа не было недостатка и в хороших советах. Он всегда отличался сильной волей. Теперь, когда он стал королем, он думает, что должен поступать как хочет, а не как ему велят.

— Короны творят странные вещи с головами, на которые надеты, — согласился Тирион. — То, что случилось с Эддардом Старком, —

работа Джоффри?

Королева скорчила гримасу:

– Ему было велено простить Старка, позволить ему надеть черное. Эддард навсегда убрался бы с нашей дороги, и мы могли бы заключить мир с его сыном, но Джофф решил устроить народу зрелище позанимательнее. Что мне было делать? Он потребовал головы лорда Эддарда перед доброй половиной города. А Янос Слинг и сир Илин в тот же миг эту голову отчекрыжили, не успела я и слова сказать! – Серсея сжала руку в кулак. – Верховный септон жалуется на то, что мы осквернили септу Бейелора кровью, дав ему ложные сведения

относительно наших намерений.

— Его можно понять. Значит, наш лорд Слинг принимал в этом прямое участие? Скажи, а кто придумал пожаловать ему Харренхолл и дать место в совете?

— Все это устроил Мизинец. Мы нуждались в золотых плащах Слинга. Эддард Старк столкнулся с Ренли и написал Станнису, предлагая ему трон. Мы могли бы лишиться всего и чуть было не лишились. Если бы Санса не пришла ко мне и не рассказала о планах своего отца...

— Да ну? — поразился Тирион. — Его родная дочь? — Санса всегда казалась ему такой славной девочкой, милой и вежливой.

— Девчонка влюбилась поуши и готова была на все ради Джоффри — пока он не оказал ей королевскую милость, срубив голову ее отцу. Тут ее любовь быстро прошла.

— Его величество, как никто, умеет завоевывать сердца своих подданных, — криво улыбнулся Тирион. — А уволить сира Барристана Селми из Королевской Гвардии тоже придумал Джоффри?

— Джоффри хотел возложить на кого-то вину за смерть Роберта, — вздохнула Серсея, — и Варис предложил сира Барристана. Почему бы и нет? Это дало Джейме пост лорда-командующего и место в совете и позволило Джоффу бросить

кость своему псу. Джофф очень привязан к Сандору Клигану. Мы собирались предложить Селми земли и замок — это больше, чем старый дуралей заслуживал.

— Я слышал, что этот ничтожный старый дуралей убил двух стражников Слинта, когда они попытались схватить его у Грязных ворот.

Серсея заметно приуныла:

— Яносу следовало бы послать побольше людей. Он не столь надежен, как нам бы желалось.

— Сир Барристан командовал Королевской Гвардией Роберта Баратеона, — указал ей Тирион. — Они с Джейме — единственные, кто

остался в живых из семерых Эйериса Таргариена. В народе о нем говорят так же, как о Сервине Зеркальном Щите и о принце Эйемоне, Драконьем Рыцаре. Что, по-твоему, станут говорить люди, увидев его рядом с Роббом Старком или Станнисом Баратеоном?

Серсея отвела взор:

— Я об этом не подумала.

— Зато отец подумал. Поэтому он и прислал меня — чтобы положить конец этому безумию и взять в руки твоего сына.

— Если Джофф меня не слушается, он не послушается и тебя.

— Может, и послушается.

— С какой стати?

— Он знает, что ты его не тронешь.

Серсея сузила глаза:

— Если ты думаешь, что я позволю тебе тронуть моего сына, то у тебя бред.

Тирион вздохнул. Она упустила суть, как это часто с ней бывало.

— Я, как и ты, ничего ему не сделаю, — заверил он. — Но мальчик должен бояться — только тогда он будет слушаться. — Он взял сестру за руку. — Я твой брат, и я тебе нужен, согласна ты признать это или нет. И твоему сыну я тоже нужен, если он хочет усидеть на своем дурацком железном стуле.

Серсея оторопела, когда он к

ней прикоснулся.

— Ты всегда был хитер.

— На свой малый лад, — усмехнулся он.

— Может быть, попытаться стоит... но не надо заблуждаться, Тирион. Если я и приму тебя, ты будешь десницей короля по названию и моей десницей по сути. Ты будешь делиться со мной всеми своими планами и намерениями и не сделаешь ничего без моего согласия. Ты понял меня?

— Еще бы.

— И ты согласен?

— Разумеется, — солгал он. — Я весь твой, сестра. — (Пока это мне необходимо.) — У нас теперь одна

цель, и мы не должны иметь секретов друг от друга. Ты говоришь, что лорда Эддарда приказал убить Джоффри, сира Барристана уволил Вариса, лорда Слинта нам навязал Мизинец. Но кто убил Джона Аррена?

Серсея вырвала у него руку:

— Откуда мне знать?

— Безутешная вдова в Орлином Гнезде, похоже, думает, что это был я. Я хотел бы знать, почему эта мысль пришла ей в голову.

— Понятия не имею. Этот дурень Эддард Старк обвинил в том же самом меня. Судя по его намекам, он подозревал... думал...

— Что ты спишь с нашим милым

Джейме?

Она ударила его по щеке.

– Думаешь, я столь же слеп, как отец? – Тирион потер ушибленное место. – Мне нет дела, с кем ты спишь... хотя это не совсем справедливо, что ты даешь одному брату и не даешь другому.

Она снова отвесила ему пощечину.

– Потихе, Серсея, я ведь шучу. По правде сказать, я предпочел бы смазливую шлюшку. Никогда не мог понять, что находит в тебе Джейме, кроме своего отражения.

Новая оплеуха. Щеки у Тириона горели, но он улыбался.

– Если будешь продолжать в том

же духе, я могу и рассердиться.

Она удержала руку:

– А мне-то что?

– У меня появились новые друзья, которые тебе не понравятся. Как ты убила Роберта?

– Он сам себя убил. Мы только помогли. Когда Роберт погнался за вепрем, Лансель подал ему крепкого вина. Его любимое красное, но в три раза крепче того, к которому он привык. Мой дурак любил это пойло. Ему бы остановиться вовремя – но нет, он выхлестал один мех и послал Ланселя за другим. Вепрь довершил остальное. Жаль, что тебя не было на поминках, Тирион. Ты никогда еще не пробовал столь чудесного кабана.

Его зажарили с грибами и яблоками, и у него был вкус триумфа.

— Поистине, сестра, ты родилась, чтобы стать вдовой. — Тириону скорее нравился Роберт, этот здоровенный хвастливый болван... отчасти, безусловно, и потому, что Серсея его терпеть не могла. — А теперь, если ты уже перестала лупить меня по щекам, я удаляюсь. — Он обхватил ножки стула своими ногами и неуклюже сполз на пол.

— Я не разрешала тебе удалиться, — нахмурилась Серсея. — Я хочу знать, как ты намерен освободить Джейме.

— Я скажу тебе, когда сам буду знать. Замысел, как всякий плод,

должен созреть. Сейчас я собираюсь проехаться по городу и посмотреть, как обстоят в нем дела. — Тирион положил руку на голову сфинкса у двери. — Прежде чем уйти, хочу попросить тебя: позаботься о том, чтобы Санса Старк была цела и невредима. Обидно будет потерять обеих дочерей.

Выйдя из зала совета, Тирион кивнул сиру Мендону и зашагал прочь по длинному сводчатому коридору. Бронн поравнялся с ним, но Тиметт, сын Тиметта, исчез бесследно.

— А где наша Красная Рука? — осведомился Тирион.

— Пошел осматривать замок.

Такие, как он, не созданы для долгого ожидания за дверью.

– Надеюсь, он не убьет никого из важных персон. – Воины, которых Тирион привел с собой из Лунных гор, были преданы ему на свой дикарский лад, но отличались гордым нравом и вспыльчивостью и на всякое оскорбление, действительное или воображаемое, отвечали сталью. – Постарайся найти его, а заодно позаботься, чтобы разместили и накормили всех остальных. Я хочу, чтобы их поселили в казарме под башней Десницы, только пусть стюард не помешает Каменным Воронам рядом с Лунными Братьями, а Обгорелых и

вовсе надо отделить от других.

— А ты что будешь делать?

— Поеду обратно в «Сломанную наковальню».

— Без охраны? — ухмыльнулся Бронн. — Говорят, на улицах опасно.

— Я вызову капитана сестриной стражи и напому ему, что я Ланнистер не меньше, чем она. Пусть не забывает, что он присягал Бобровому Утесу, а не Серсее или Джоффри.

Час спустя Тирион выехал из Красного Замка в сопровождении дюжины ланнистерских гвардейцев в красных плащах и гребнями на шлемах. Проезжая под воротами, он увидел головы, выставленные на

стене. Почерневшие от разложения и смолы, они давно уже стали неузнаваемыми.

— Капитан Виларр, — сказал Тирион, — я хочу, чтобы к завтрашнему дню их сняли. Отдайте их Молчаливым Сестрам для погребения. — «Трудненько будет понять, какая которому телу принадлежит, — подумал он, — но делать нечего. Даже в разгаре войны нужно соблюдать какие-то приличия».

Виларр заколебался:

— Его величество приказал, чтобы головы изменников оставались на стене, пока он не займет три оставшиеся свободными пики.

– Дайте-ка угадаю. Одна для Робба Старка, две других для лордов Станниса и Ренли, не так ли?

– Точно так, милорд.

– Моему племяннику нынче исполнилось тринадцать, Виларр, – не забывайте об этом. Завтра этих голов здесь не будет, иначе одна из пустых пик может получить несколько иное украшение. Вы меня поняли, капитан?

– Я сам присмотрю за тем, чтобы их убрали, милорд.

– Вот и хорошо. – Тирион тронул коня каблуками и пустился рысью, предоставляя красным плащам поспевать за собой.

Он сказал Серсее, что намерен

посмотреть, как дела в городе, и это была не совсем ложь. Тириону Ланнистеру не слишком нравилось то, что он видел. Улицы Королевской Гавани всегда были людными и крикливыми, но теперь здесь чувствовалась угроза – Тирион не помнил такого по своим прошлым посещениям. На улице Ткачей валялся в канаве голый труп, и стая бездомных собак терзала его, однако никто не вмешивался. Многочисленные стражники расхаживали повсюду парами в своих золотых плащах, черных кольчужных рубахах и с железными дубинками под рукой. На рынках оборванные люди распродавали свои пожитки за

любую цену, которую им давали... и наблюдался явный недостаток крестьян, продающих съестное. То немногое, что имелось в наличии, стоило втрое дороже, чем год назад. Один торговец предлагал крыс, зажаренных на вертеле, выкрикивая: «Свежие крысы! Свежие крысы!» Свежие крысы, конечно, предпочтительнее тухлых, с этим не поспоришь. Пугало то, что эти крысы выглядели аппетитнее, чем большая часть продаваемого в мясных рядах. На Мучной улице чуть ли не у каждой лавки стояла охрана. «В тяжелые времена наемники стоят дешевле, чем хлеб», — подумал Тирион.

– С привозом дело плохо? – спросил он Виларра.

– Неважно, – признался тот. – В приречье идет война, а лорд Ренли поднимает мятежников в Хайгардене, поэтому дороги на юг и на запад перекрыты.

– Что предпринимает по этому поводу моя дражайшая сестра?

– Она стремится укрепить город. Лорд Слинг утроил численность городской стражи, а королева поставила тысячу мастеровых на оборонные работы. Каменщики укрепляют стены, плотники сотнями строят скорпионы и катапульты, лучных дел мастера готовят стрелы, кузнецы куют клинки, а Гильдия

Алхимики пообещала выставить десять тысяч горшков дикого огня.

Тирион беспокойно поерзал в седле. Его порадовало, что Серсея не сидит сложа руки, но дикий огонь — предательская штука, а десять тысяч горшков способны всю Королевскую Гавань превратить в головешки.

— Где же сестра взяла деньги, чтобы заплатить за все это? — Ни для кого не было тайной, что король Роберт обременил казну долгами, алхимики же бескорыстием никогда не славились.

— Лорд Мизинец всегда изыщет способ, милорд. Он учредил налог для тех, кто хочет войти в город.

— Да, это верный доход. — «Умно,

— подумал Тирион. — Умно и жестоко». Десятки тысяч людей бегут от войны в мнимую безопасность Королевской Гавани. Он видел их на Королевском Тракте — детей, матерей и озабоченных отцов, провожавших его лошадей и повозки жадными глазами. Добравшись до города, они, безусловно, отдадут все, что у них есть, только бы пройти за эти высокие надежные стены... хотя они крепко бы призадумались, если бы знали о диком огне.

Гостиница под вывеской, изображающей сломанную наковальню, стояла неподалеку от городских стен, близ Божьих ворот, через которые Тирион утром въехал в

город. Мальчишка-конюх подбежал, чтобы помочь Тириону сойти с коня.

— Отправляйтесь со своими людьми обратно в замок, — сказал карлик Виларру. — Я буду ночевать здесь.

— Не опасно ли это, милорд? — усомнился Виларр.

— Что вам сказать, капитан? Когда я покидал эту гостиницу утром, в ней было полно Черноухих. С Чиллой, дочерью Чейка, никто не может считать себя в безопасности. — И Тирион ушел в дом, оставив озадаченного капитана снаружи.

В общей комнате его встретили бурным весельем. Он узнал гортанный хохоток Чиллы и

мелодичный смех Шай. Девушка пила вино за круглым столиком у очага вместе с тремя Черноухими, которых Тирион оставил ее охранять, и каким-то толстяком, сидящим к нему спиной. «Должно быть, хозяин гостиницы», – подумал Тирион, но тут Шая обратилась к нему по имени, и незнакомец встал.

– Дражайший милорд, как я рад вас видеть, – воскликнул евнух со сладкой улыбкой на покрытом пудрой лице.

– Лорд Варис? – опешил Тирион. – Не ожидал встретить вас здесь. – Иные его побери, как он ухитрился разыскать их так быстро?

– Извините за вторжение. Мне

не терпелось познакомиться с вашей молодой леди.

— Молодая леди, — смакуя, повторила Шая. — Вы наполовину правы, милорд, — я и верно молода.

«Восемнадцать лет, — подумал Тирион. — Ей восемнадцать, и она шлюха, но сообразительная, ловкая в постели, как кошечка, с большими темными глазами, густой гривой черных волос, сладким, мягким, жадным ротиком... и моя! Будь ты проклят, евнух».

— Боюсь, что это я вторгся к вам, лорд Варис, — с деланной учтивостью сказал он. — Когда я вошел, вы все от души веселились.

— Милорд Варис хвалил

Чиллины уши и говорил, что ей, наверное, многих пришлось убить, чтобы составить такое прекрасное ожерелье, — пояснила Шая. Тириона покорило, что она называет Вариса милордом: так она и его звала в шутку во время их любовных игр. — А Чилла сказала ему, что только трусы убивают побежденных.

— Храбрые оставляют человека в живых и дают ему случай смыть свой позор, отобрав свое ухо обратно, — внесла ясность Чилла, маленькая смуглая женщина, чье жуткое ожерелье насчитывало сорок шесть человеческих ушей, высохших и сморщенных. Тирион как-то раз сосчитал. — Только так ты можешь

доказать, что не боишься врагов.

— А милорд сказал, — прыснула Шая, — что он не мог бы спать, будь он Черноухим, — ему все время бы снились одноухие враги.

— Мне такая опасность не грозит, — заметил Тирион. — Я своих врагов боюсь и потому всех их убиваю.

— Не хотите ли выпить с нами, милорд? — хихикнув, спросил Варис.

— Охотно. — Тирион сел рядом с Шаем. В отличие от нее и Чиллы он понимал, что здесь происходит. Варис явился сюда не даром. Когда он говорит: «Мне не терпелось познакомиться с вашей молодой леди», это значит: «Ты хотел

спрятать ее, но я узнал, где она и кто она такая, и вот я здесь». Тириону хотелось знать, кто его предал. Хозяин, мальчишка-конюх, стражник у ворот... или кто-то из его собственных людей?

– Я люблю возвращаться в город через Божьи ворота, – сказал Варис Шае, наполняя кубки вином. – Фигуры на них так прекрасны, что каждый раз вызывают у меня слезы. Эти глаза так выразительны, правда? Кажется, будто они следят за тобой, когда ты проезжаешь под сводом.

– Я не заметила, милорд. Завтра схожу посмотрю, если хотите.

Не беспокойся, милая, подумал Тирион, покачивая свой кубок.

Плевать он хотел на эти фигуры. Глаза, о которых он толкует, — его собственные. Он хочет сказать, что следил за нами, и узнал, что мы здесь, в тот же миг, как мы проехали в ворота.

— Будьте осторожны, дитя мое, — говорил Варис. — Сейчас в Королевской Гавани небезопасно. Я хорошо знаю эти улицы, но сегодня испытывал почти что страх, думая, как пойду сюда одинокий и безоружный. В наши смутные времена повсюду подстерегают злодеи, да-да. Люди с холодной сталью и еще более холодными сердцами. — «Куда я пришел один и без оружия, могут прийти и другие с

мечами в руках», – подразумевала его речь.

Но Шая только посмеялась:

– Если они захотят напасть на меня, Чилла живо с ними разделается, и у них станет на одно ухо меньше.

Варис расхохотался, словно в жизни ничего смешнее не слышал. Но в его глазах, когда он перевел их на Тириона, не было смеха.

– С вашей молодой леди очень приятно беседовать. На вашем месте я очень хорошо заботился бы о ней.

– Я так и делаю. Если кто-то попробует тронуть ее... я слишком мал, чтобы быть Черноухим, и на мужество не претендую. – Видишь?

Я говорю на твоём языке, евнух. Тронь её только — и ты лишишься головы.

— А теперь я вас оставляю, — сказал Варис и встал. — Я знаю, как вы должны быть утомлены. Я хотел только приветствовать вас, милорд, и сказать, как я рад вашему приезду. Наш совет очень нуждается в вас. Вы видели комету?

— Я карлик, но не слепой. — На Королевском Тракте ему казалось, что комета пылает на полнеба, затмевая луну.

— В городе её называют Красной Вестницей. Говорят, что она идет, как герольд перед королем, оповещая о грядущих огне и крови. — Евнух

потер свои напудренные руки. – Вы позволите загадать вам на прощание загадку, лорд Тирион? В одной комнате сидят три больших человека: король, священник и богач. Между ними стоит наемник, человек низкого происхождения и невеликого ума. И каждый из больших людей приказывает ему убить двух других. «Убей их, – говорит король, – ибо я твой законный правитель». «Убей их, – говорит священник, – ибо я приказываю тебе это от имени богов». «Убей их, – говорит богач, – и все это золото будет твоим». Скажите же – кто из них останется жив, а кто умрет? – И евнух с глубоким поклоном вышел из

комнаты в своих мягких туфлях.

Чилла фыркнула, а Шая наморщила свое хорошенькое личико.

— Жив останется богач — правда?

Тирион задумчиво пригубил вино:

— Все может быть. Мне думается, это зависит от наемника. — Он поставил кубок. — Пойдем-ка наверх.

Ей пришлось подождать его на верхней ступеньке, потому что у нее ноги были стройные и легкие, а у него — короткие и спотыкливые. Но Шая встретила его улыбкой.

— Ты по мне скучал? — поддразнила она, беря его за руку.

– Ужасно, – признался он. Ее рост был чуть выше пяти футов, однако ему все равно приходилось смотреть на нее снизу вверх. Только с ней ему это не мешало. На нее приятно было смотреть снизу.

– Ты будешь скучать по мне все время в своем Красном Замке, – сказала она, идя с ним в свою комнату. – Когда будешь лежать в холодной постели в башне Десницы.

– Это чистая правда. – Тирион охотно взял бы ее с собой, но его лорд-отец запретил. «Свою шлюху ты ко двору не потащишь», – заявил лорд Тайвин. Привезти ее в город – это было все, на что осмелился Тирион. Его положение целиком

зависит от лорда-отца, и девушке придется это понять. — Но ты будешь жить неподалеку. У тебя будет дом с охраной и слугами, и я буду навешать тебя так часто, как только смогу.

Шая ногой распахнула дверь. Сквозь мутные стекла узкого окошка была видна Великая Септа Бейелора, венчающая холм Висеньи, но Тириона отвлекло другое зрелище. Шая, нагнувшись, взялась за подол своего платья, стянула его через голову и швырнула в сторону. Белья она не признавала.

— Ты не будешь знать отдыха, — сказала она, стоя перед ним, розовая и прелестная, с рукой на бедре. — Будешь думать обо мне всякий раз,

когда ляжешь в постель. Между ног у тебя отвердеет, а помочь будет некому, и ты ни за что не уснешь, если только... — На лице Шаи появилась вредная ухмылочка, которую Тирион так любил. — Не потому ли эта башня называется башней Десницы, а, милорд?

— Замолчи и поцелуй меня, — приказал он. Он почувствовал вино на ее губах, и ее маленькие твердые груди, пока она развязывала его бриджи.

— Мой лев, — прошептала она, когда он прервал поцелуй, чтобы раздеться. — Мой сладкий лорд, мой гигант Ланнистер. — Тирион толкнул ее на кровать. Когда он вошел в нее и

ее ногти впились Тириону в спину, она закричала так, что Бейелор Благословенный, должно быть, проснулся в своей гробнице. Никогда еще боль не приносила ему такого удовольствия.

«Дурак, — подумал он потом, когда они лежали на провисшем тюфяке среди скомканных простыней. — Неужто жизнь ничему тебя не научила, карлик? Она шлюха, будь ты проклят, и любит твои деньги, а не твои мужские достоинства. Вспомни Тишу!» Но когда его пальцы коснулись ее соска, тот отвердел, и он увидел у нее на груди след своего страстного укуса.

— Что ты будешь делать теперь,

когда стал десницей короля, милорд?
— спросила она, когда он взял в
ладонь этот теплый славный холмик.

— То, чего Серсея не ожидает, —
произнес Тирион, наклоня голову к
ее стройной шейке. — Вершить
правосудие.

Бран

Бран предпочитал твердый камень подоконника мягкой перине и одеялам. В постели стены и потолок давили на него, в постели комната была его камерой, а Винтерфелл — тюрьмой. Широкий мир за окном манил его к себе.

Он не мог ни ходить, ни лазать, ни охотиться, ни сражаться деревянным мечом, как раньше, — но смотреть он мог. Он любил смотреть, как в Винтерфелле загораются огни, когда за ромбами окон башен и зданий зажигают свечи и растапливают камины, любил

слушать, как поют на звезды лютоволки.

Последнее время волки часто снились ему. «Они говорят со мной, как с братом», — думал он, когда они поднимали вой. Он почти что понимал их... не то чтобы по-настоящему, но почти... точно они пели на языке, который он знал когда-то, а потом забыл. Пусть Уолдеры боятся, а в Старках течет волчья кровь. Так сказала ему старая Нэн, добавив: «Только в одних она сильнее, чем в других».

Долгий, печальный вой Лета был полон горя и тоски, Лохматый Песик был более свирепым. Их голоса разносились эхом по дворам и

залам, пока весь замок не начинал гудеть, и тогда казалось, что в Винтерфелле целая стая волков, а не двое... Двое, а раньше было шестеро. «Может, они тоже скучают по своим братьям и сестрам? – думал Бран. – Может, это они зовут Серого Ветра и Призрака, Нимерию и Леди? Хотят, чтобы они вернулись домой и стая собралась снова?»

«Кто поймет, что на уме у волка?» – сказал сир Родрик Кассель, когда Бран спросил его, почему они воют. Леди-мать Брана назначила сира Родрика кастеляном на время своего отсутствия, и его обязанности не оставляли ему времени на всякие пустяки. «Это они на волю просятся,

— заявил Фарлен, мастер над псарней, любивший волков не больше, чем его собаки. — Им не нравится сидеть взаперти, и винить их в этом нельзя. Дикий зверь должен жить на воле, а не в замке».

«Они хотят поохотиться, — предположил повар Гейдж, кидая кубики сала в большой котел с похлебкой. — У волка чутье куда лучше, чем у человека. Уж верно они чуют какую-нибудь дичину».

Мейстер Лювин был другого мнения: «Волки часто воют на луну — а наши воют на комету. Видишь, какая она яркая, Бран? Быть может, они думают, что это луна».

Когда Бран повторил это Оше,

она громко рассмеялась. «У твоих волков мозгов побольше, чем у твоего мастера. Они знают то, что этот серый человек давно забыл». То, как она это сказала, заставило Брана вздрогнуть, а когда он спросил у нее, что означает комета, она ответила: «Кровь и огонь, мальчик, – ничего хорошего».

Септона Шейли Бран тоже спросил про комету, когда они вместе разбирали свитки, уцелевшие после пожара в библиотеке. «Это меч, убивающий лето», – сказал септон, и когда из Староместа вскоре прилетел белый ворон с известием о начале осени, стало ясно, что он был прав.

Но старая Нэн думала иначе, а она жила на свете дольше, чем любой из них. «Драконы, – сказала она, подняв голову и пригнувшись. Она почти совсем ослепла и не могла видеть комету, но уверяла, что чувствует ее. – Это драконы, мальчик». Нэн никогда не величала его принцем.

Ходор сказал только «Ходор» – больше ничего он говорить не умел.

А волки все были и были. Часовые на стене ругались, собаки в конурах лаяли как оголтелые, кони в стойлах брыкались, Уолдеры у огня тряслись, и даже мейстер Лювин жаловался, что не может спать по ночам. Только Бран ничего не имел против. Сир Родрик приговорил

волков к заточению в богороще после того, как Лохматый Песик укусил Уолдера Малого, но камни Винтерфелла проделывали со звуком странные вещи, и порой Брану казалось, что волки здесь, во дворе, у него под окном. А в другие разы он мог поклясться, что они бегают по крепостной стене, как часовые. Он жалел, что не может их видеть.

Зато комету, висящую над караульной и Часовой башней, он видел отлично. Чуть дальше стояла Первая Твердыня, круглая и приземистая, и ее горгульи чернели на фоне пурпурного зарева. Раньше Бран знал там каждый камень и внутри, и снаружи; он облазил все

эти строения, взбираясь по стенам с такой же легкостью, как другие мальчики по лестнице. Их кровли были его тайными убежищами, а вороны на верхушке разрушенной башни – его закадычными друзьями.

А потом он упал.

Бран этого не помнил, но все говорили, что он упал, – значит это скорее всего правда. Он чуть не умер тогда. Теперь, когда он видел обветшавших от непогоды горгулий на Первой Твердыне, где с ним это случилось, что-то сжималось у него в животе. Больше он не мог ни лазать, ни бегать, ни ходить, ни биться на мечах, и былые его мечты о рыцарстве приобрели прокисший

вкус.

Лето был в тот день, когда упал Бран, и долго после, когда он лежал переломанный в постели, — об этом сказал брату Робб, уходя на войну. Лето скорбел о нем, а Лохматый Песик и Серый Ветер разделяли его горе. И в ту ночь, когда ворон принес весть о смерти отца, волки тоже узнали это. Бран был с Риконом в башне мастера, и они говорили о Детях Леса, когда Лето и Лохматый Песик заглушили речь Лювина своим воєм.

Кого они оплакивают теперь? Может быть, враги убили Короля Севера, который прежде был его братом Роббом? Или его сводный

брат, бастард Джон Сноу, упал со Стены? А может, умерла мать или кто-то из сестер? Или дело в чем-то другом, как думают мейстер, септон и старая Нэн?

«Будь я по-настоящему лютоволком, я понимал бы их песню», – грустно думал Бран. В своих волчьих снах он бегал по склонам гор, торосистых ледяных гор выше всякой башни, и стоял на вершине под полной луной, видя у своих ног весь мир, как в былые времена.

– Ооооооо, – попробовал провить Бран. Он приложил ладони ковшом ко рту и поднял голову к комете:

голову и завыл на стражника:

— Оооооооооооо. Ооо-оо-оооооооооооооо.

Хэйхед сморщился:

— А ну-ка перестаньте.

— Ооооооооо-оооооооо. Оооооо-ооо-оооооооооооооо.

Часовой ретировался и вернулся с мастером Лювином — в сером, с тугой цепью на шее.

— Бран, эти звери и без тебя производят достаточно шума. — Он пришел через комнату и положил руку мальчику на лоб. — Час поздний, и тебе давно пора спать.

— Я разговариваю с волками. —

Бран стряхнул руку мастера.

— Может быть, Хэйхед уложит

тебя в постель?

— Я сам могу лечь. — Миккен вбил в стену ряд железных брусьев, и Бран мог передвигаться по комнате на руках. Это было дело долгое, трудное, и потом у него болели плечи, но Бран терпеть не мог, когда его носили.

— Только я не хочу спать и не буду.

— Все должны спать, Бран. Даже принцы.

— Когда я сплю, я превращаюсь волка. — Бран отвернулся и снова стал смотреть в ночь. — А волкам снятся сны?

— Я думаю, всем живым существам они снятся — только не

такие, как у людей.

— А мертвым? — Бран подумал об отце, чье изваяние высекал каменотес в темной крипте под Винтерфеллом.

— На этот счет говорят по-разному, а сами мертвые молчат.

— А деревьям?

— Деревьям? Нет.

— А вот и снятся, — с внезапной уверенностью сказал Бран. — Им снятся свои сны. Мне иногда снится дерево. Чардреву, как у нас в богороще. Оно зовет меня. Только волчьи сны лучше. Я чую разные запахи, а иногда чувствую вкус крови.

Мейстер Лювин оттянул цепь,

натиравшую ему шею.

– Тебе бы проводить побольше времени с другими детьми...

– Ненавижу других детей. – Бран подразумевал Уолдеров. – Я же приказывал, чтобы их отправили прочь.

– Фреи – воспитанники твоей леди-матери, – посуровел мейстер, – и присланы сюда по ее особому указанию. Ты не можешь прогнать их – кроме того, это нехорошо. Куда они денутся, если мы их прогоним?

– К себе домой. Это из-за них меня разлучили с Летом.

– Маленький Фрей не хотел, чтобы на него нападали, – не больше, чем я.

— Это был Лохматый Песик. — Большой черный волк Рикона так одичал, что даже Бран иногда его боялся. — Лето никогда никого не кусал.

— Лето перервал человеку горло в этой самой комнате — забыл? Пойми: те милые волчата, которых вы с братьями нашли в снегу, выросли в опасных зверей. Фреи правильно делают, что опасаются их.

— Это Уолдеров надо было отправить в богорощу. Пусть бы играли там в своего лорда переправы, а Лето опять бы спал со мной. Если я принц, почему вы меня не слушаетесь? Я хочу кататься на Плясунье, а Элбелли не выпускает

меня за ворота.

— И правильно делает. В Волчьем Лесу опасно — ты сам должен был это понять после своей последней прогулки. Хочешь, чтобы разбойники взяли тебя в плен и продали Ланнистерам?

— Лето спас бы меня, — упорствовал Бран. — Принцам всегда разрешают плавать по морю, охотиться на вепря в лесу и поражать цель копьем.

— Бран, дитя мое, зачем ты так мучаешь себя? Когда-нибудь ты сможешь проделать все это, но пока что тебе всего восемь лет.

— Лучше бы я был волком. Тогда я жил бы в лесу, спал, когда захочу, и

нашел бы Арью и Сансу. Я отыскал бы их по запаху и спас, а когда Робб пошел бы в бой, я дрался бы рядом с ним, как Серый Ветер. Я разорвал бы глотку Цареубийцы своими зубами, вот так, и война бы кончилась, и все вернулись бы в Винтерфелл. Если бы я был волком. — И Бран завыл:

— Оооооо-ооо-ооооооооо.

Лювин повысил голос:

— Настоящий принц был бы рад...

— АААААА-ООООООООООООО, — завыл Бран еще громче. — ОООО-ООООООООООООООООООООО.

— Ну, как знаешь, — сдался мейстер и ушел с горестным и в то же время недовольным видом.

Когда Бран остался один, выть ему сразу расхотелось, и через некоторое время он умолк. «Я и был им рад, – с обидой сказал он про себя. – Я вел себя как настоящий лорд Винтерфелла – разве не так?» Когда Уолдеры только прибыли из Близнецов, это Рикон хотел, чтобы они уехали. Хочу мать, отца и Робба, визжал четырехлетний малыш, а не этих чужих мальчиков. Как раз Брану пришлось его успокаивать и оказывать Фреям радушный прием. Он предложил им мясо, мед и место у огня – даже мейстер Лювин сказал потом, что он молодец.

Но это все было до игры.

Для игры необходимо было

бревно, шест, водоем и большое количество шума. Главное условие составляла вода, как заявили Брану оба Уолдера. Вместо бревна можно обойтись доской или даже рядом камней, а вместо шеста взять ветку, да и кричать не обязательно, но без воды играть невозможно. Поскольку мейстер Лювин и сир Родрик не отпускали детей в Волчий Лес на поиски ручья, пришлось ограничиться одним из мутных прудов в богороще. Уолдеры никогда еще не видели, как горячая вода выходит из земли с пузырями, но оба согласились, что так играть будет еще лучше.

Их обоих звали Уолдер Фрей.

Уолдер Большой сказал, что в Близнецах целая куча Уолдеров, и все они названы в честь их деда, лорда Уолдера Фрея. «А в Винтерфелле у всех свои имена», — надменно заявил Рикон, услышав об этом.

По правилам игры бревно клали поперек водоема, и один игрок становился посередине с шестом. Это и был лорд переправы, и когда другие приближались к нему, он говорил: «Я лорд переправы, кто идет?» Тогда другой игрок должен был сказать, кто они такие и зачем им нужно переправиться на ту сторону. Лорд мог заставить его поклясться и ответить на его вопросы. Правду говорить было не

обязательно, но клятву надо было соблюдать, пока не скажешь «чур-чура», и весь фокус заключался в том, чтобы сказать «чур-чура» так, чтобы лорд переправы не заметил. Тогда можно было попробовать сшибить лорда в воду и стать лордом самому, но только если ты сказал «чур-чура» — иначе ты вылетал из игры. Лорд же мог скинуть в воду кого и когда угодно, и палка была только у него.

На деле игра сводилась к пиханию, тычкам и, падениям, а также спорам о том, сказал кто-то «чур-чура» или нет. Уолдер Малый был лордом переправы чаще других.

Он назывался Уолдером Малым,

хотя был высок и толст, с красным лицом и большим круглым пузом. Уолдер Большой был, наоборот, тощим, остролицым и на полфута ниже Малого. «Он на пятьдесят два дня старше меня, — объяснял Уолдер Малый, — потому и считается, что он больше, зато я расту быстрее».

— Мы двоюродные братья, а не родные, — добавлял маленький Уолдер Большой. — Моего отца зовут Джеммос — он сын лорда Уолдера от четвертой жены. А мой кузен — Уолдер, сын Меррета. Его бабушка была Кракехолл, третья жена лорда Уолдера, и как наследник он стоит впереди меня, хотя я и старше.

— Всего на пятьдесят два дня, —

возражал Уолдер Малый. — И Близнецы все равно никому из нас не достанутся, глупая голова.

— Нет, достанутся — мне. Впрочем, мы не единственные Уолдеры. У сира Стеврона есть внук, Уолдер Черный, четвертый по очереди наследник, есть Уолдер Рыжий, сын сира Эммона, и Уолдер-Бастард — он вообще не наследник и зовется Риверс, а не Фрей. И еще девочки, которых зовут Уолдами.

— И Тир. Ты всегда забываешь про Тира.

— Он Уолтир, а не Уолдер. И он идет после нас, поэтому его можно не считать. Ну его, он мне никогда не нравился.

Сир Родрик поселил их в бывшей спальне Джона Сноу, потому что Джон теперь Ночной Дозорный и никогда не вернется домой. Брану это пришлось очень не по душе — как будто Фрей пытались занять место Джона.

Он с грустью смотрел, как Уолдеры играют с кухонной девчонкой Репкой и дочками Джозета, Бенди и Широю. Уолдеры объявили, что Бран будет судьей, который решает, кто сказал «чур-чура», а кто нет, но когда игра началась, они тут же забыли о нем.

Крики и плеск скоро привлекли других игроков: Паллу с псарни, Келона, сынишку Кейна, Тома

младшего, чей отец, Толстый Том, погиб вместе с отцом Брана в Королевской Гавани. Все они очень быстро промокли и перепачкались. Палла, черная с головы до пят, со мхом в волосах, задыхалась от смеха. Бран не слышал, чтобы столько смеялись, с той самой ночи, когда прилетел кровавый ворон. «Будь у меня ноги, я их всех посшибал бы в воду, — с горечью подумал он. — Никто не смог бы стать лордом переправы, кроме меня».

Под конец из богорощи прибежал Рикон вместе с Лохматым Песиком. Он посмотрел, как Репка с Уолдером Малым дерутся из-за палки. Репка потеряла равновесие и

со страшным плеском плюхнулась в воду, а Рикон закричал: «Теперь я! Я тоже хочу играть!» Уолдер Малый поманил его к себе, и Лохматый Песик хотел тоже прыгнуть на бревно. «Нет, Лохматик, – сказал ему Рикон, – волков в игру не берут. Оставайся с Браном». И волк остался.

Он сидел смирно, пока Уолдер Малый не перетянул Рикона палкой поперек живота. Не успел Бран и глазом моргнуть, волк махнул на бревно, вода окрасилась кровью, и Уолдеры завопили что есть мочи. Рикон смеялся, сидя в грязи, и Ходор примчался к пруду с криком: «Ходор! Ходор! Ходор!»

После этого случая Рикон, как ни странно, проникся приятнью к Уолдерам. Больше они не играли в лорда переправы, зато играли в дев и чудовищ, в кошки-мышки, в приди-ко-мне-в-замок и всякое другое. Когда Рикон был на их стороне, Уолдеры вторгались на кухню за пирожками и пряниками, носились по крепостным стенам, бросали кости щенкам в конурах и упражнялись с деревянными мечами под бдительным надзором сира Родрика. Рикон показал им даже глубокие склепы под замком, где каменотес трудился над памятником отцу. «Не имеешь права! — наорал Бран на младшего, узнав об этом. —

Это наше место, место Старков!» Но Рикон и ухом не повел.

...Дверь в спальню открылась. Вошел мейстер Лювин с зеленым кувшинчиком, в сопровождении Оши и Хэйхеда.

— Я приготовил тебе сонный настой, Бран.

Оша подхватила его в охапку — она была очень высока для женщины, жилистая и сильная — и без труда отнесла на кровать.

— Теперь ты будешь спать без сновидений, — сказал мейстер, раскупоривая кувшин. — Крепко и сладко.

— Правда? — Брану очень хотелось в это поверить.

– Да. Пей.

Бран выпил. Снадобье было густое и отдавало мелом, но в него добавили мед, и оно легко пошло внутрь.

– Завтра тебе станет лучше. – Лювин улыбнулся Брану, потрепал его по голове и вышел, но Оша задержалась и спросила:

– Снова волчьи сны?

Бран кивнул.

– Ты бы не боролся так, мальчик. Я видела, как ты говорил с сердце-деревом. Быть может, боги пытаются ответить тебе.

– Боги? – уже сонно пробормотал он. Лицо Оши расплылось и стало серым. Сладко и

крепко, подумал он.

Но когда тьма сомкнулась над ним, он очутился в богороще. Он тихо пробирался между серозелеными страж-деревьями и скрученными дубами, старыми, как само время. «А ведь я хожу», — ликующе подумал он. Частью души он признавал, что это только сон, но даже сон о том, что он ходит, был лучше, чем действительность его комнаты: стены, потолок и дверь.

Между деревьями было темно, но комета освещала ему путь, и ноги ступали уверенно. Он шел на четырех ногах, здоровых, быстрых и сильных, чувствовал под собой землю, тихое потрескивание палых листьев,

толстые корни и твердые камни, глубокие слои лесной подстилки. Это было славное чувство.

Запахи наполняли его голову, живые и пьянящие: пахучий зеленый ил горячих прудов, густой перегной под лапами, белки на дубах. Запах белок напоминал ему вкус горячей крови и косточки, хрустящие на зубах. Его рот наполнился слюной. Он ел всего полдня назад, но в мертвом мясе нет радости, даже если это оленина. Он слышал, как стрекочут и шуршат белки над ним, в безопасности среди своих листьев: они не так глупы, чтобы спускаться вниз, где он бегаёт с братом.

Брата он тоже чуял. Знакомый

запах, сильный и земляной, черный, как братнина шерсть. Брат носился вдоль стен, полный ярости. Круг за кругом, день и ночь, неумоимо ищущий... добычу, выход, мать, других братьев и сестер, свою стаю... ищущий и никогда не находящий.

Стены высились за деревьями, мертвые человечески скалы, со всех сторон замыкающие этот кусочек живого леса. Пятнистые, серые, поросшие мхом, но толстые, крепкие и высокие – через такие ни один волк не перепрыгнет. Холодное железо и расщепленное дерево загораживали все отверстия, оставленные в этих горах камней. Брат останавливался у каждой дыры и яростно щерил

клыки, но путь оставался закрытым.

Он сам кружил так же в первую ночь, но понял, что пользы от этого никакой. Рычи не рычи, путь все равно не откроется. Сколько ни бегай вдоль стен, они не отступят. Сколько ни задирай ноги, чтобы пометить деревья, человека не отпугнешь. Мир вокруг них сузился, но за огороженным стенами лесом по-прежнему стоят большие серые скалы с человеческими пещерами, Винтерфелл, вспомнил он внезапно. А за высокими, до неба, человеческими утесами зовет настоящий мир — и он должен ответить на зов или умереть.

Арья

Они ехали с рассвета до сумерек, мимо лесов, плодовых садов и опрятных полей, через деревеньки, шумные рыночные города и крепкие остроги. Когда темнело, они разбивали лагерь и ели при свете Красного Меча. Мужчины поочередно несли стражу. За деревьями Арья замечала костры других путников. С каждой ночью их становилось все больше, и с каждым днем Королевский Тракт делался все более людным.

Они шли и утром, и днем, и ночью, старики и малые дети,

мужчины высокого и низкого роста, босоногие девушки и женщины с младенцами на руках. Некоторые ехали в фермерских повозках или тряслись в телегах, запряженных волами. Еще больше народу ехало верхом — на тягловых лошадях, пони, мулах, ослах, на всем, что могло передвигать ноги. Одна женщина вела за собой дойную корову с маленькой девочкой на спине. Кузнец толкал тележку со своим инструментом — молотками, щипцами и даже наковальней, а чуть позже Арья видела другого мужчину с тележкой, где лежали двое детишек, завернутых в одеяло. Больше всего людей двигалось

пешком — с пожитками на плечах, усталые, настороженные. Они шли на юг, к Королевской Гавани, и едва ли один из ста перекидывался словом с Йореном и его подопечными, едущими на север. Арья не понимала, почему в ту сторону никто больше не направляется.

Многие путники были вооружены. Арья видела кинжалы, серпы, топоры, а кое-где и мечи. Некоторые делали себе из толстых веток дубинки или узловатые посохи. Люди сжимали свое оружие в руках и не сводили глаз с катящихся мимо повозок Йорена, однако пропускали их. Тридцать человек — это внушительная сила, что бы они ни

везли в своих повозках.

Смотри своими глазами, говорил Сирио. Слушай своими ушами. Однажды какая-то сумасшедшая закричала им с обочины дороги:

– Дураки! Вас убьют там, дураки! – Она была тощая, как огородное пугало, с впалыми глазами и сбитыми в кровь ногами.

В следующий раз к Йорену подъехал купец на серой кобыле и предложил купить у него повозки со всем, что в них есть, за четверть цены.

– Идет война, у тебя все равно все отнимут – лучше продай мне, дружище.

Йорен повернулся к нему своей

сутулой спиной и плюнул.

В тот же день Арья увидела первую могилу у дороги — маленькую, вырытую для ребенка. На сыром холмике лежал кристалл, и Ломми хотел взять его, но Бык сказал ему, что мертвых лучше не тревожить. Через несколько лиг Прейд заметил целый ряд свежих могил. С тех пор дня не проходило без подобных находок.

Однажды Арья проснулась затемно, испугавшись сама не зная чего. Вверху Красный Меч делил небо с тысячью звезд. Ночь показалась Арье необычайно тихой, хотя она слышала негромкий храп Йорена, потрескивание костра и

шорохи, производимые осликами. Но чувство было такое, словно мир затаил дыхание, и это наводило на Арию дрожь. Она уснула опять, прижимая к себе Иглу.

Утром Прейд не проснулся. Тогда она поняла, чего ей недоставало; его кашля. Они выкопали ему могилу, схоронив наемника на том месте, где он спал. Перед этим Йорен снял с него все ценное. Одному достались сапоги Прейда, другому его кинжал. Кольчугу и шлем Йорен тоже отдал, а меч протянул Быку.

— С такими ручищами, как у тебя, невредно будет научиться владеть им.

Мальчуган по имени Тарбер бросил на тело Прейда пригоршню желудей, чтобы над могилой вырос дуб.

В тот вечер они остановились на ночлег в деревне около увитой плющом гостиницы. Йорен сосчитал монеты в своем кошельке и решил, что они могут позволить себе горячий ужин.

— Спать будем снаружи, как всегда, зато у них тут есть баня, если кому охота помыться горячей водой с мылом.

Арья на это не решилась, хотя пахло от нее теперь не лучше, чем от Йорена. Живность, обитающая в ее одежде, проделала с ней весь путь от

Блошиного Конца, и топить ее было как-то нечестно. Тарбер, Пирожок и Бык встали в очередь ожидающих омовения, другие расположились перед баней или собрались в общей комнате. Йорен даже послал Ломми отнести пиво трем закованным.

Все — и мытые, и немытые — поужинали горячими пирогами со свиной и печеными яблоками. Хозяин налил им по кружке пива за счет заведения.

— У меня брат надел черное, давно уже. Умный был паренек и услужливый, но однажды попался на том, что воровал перец со стола милорда. Ну, любил он перец, что поделаешь. Он всего-то щепотку

стянул, но сир Малкольм был человек крутой. У вас на Стене есть перец? – Йорен покачал головой, и хозяин вздохнул:

– Жаль. Уж больно Линк его любил.

Арья отхлебывала из своей кружки потихоньку, между кусками теплого пирога. Отец тоже иногда давал им пиво. Санса морщилась от его вкуса и говорила, что вино гораздо более благородный напиток, но Арье, в общем, нравилось. От мыслей о Сансе и об отце ей стало грустно.

В гостинице было полно людей, направляющихся на юг, и весть о том, что Йорен следует в другую

сторону, встретили общим презрением.

– Скоро вы повернете обратно, – сказал хозяин. – На север проезда нет. Половина полей сожжена, а тот народишко, что еще остался, сидит, запершись в своих острогах. У нас одни постояльцы на рассвете уходят, а к сумеркам прибывают другие.

– Нам до этого дела нет, – упорствовал Йорен. – Талли или Ланнистеры, нам все едино. Дозор ни на чью сторону не становится.

«Лори Талли – мой дедушка», – подумала Арья. Ей было далеко не все едино, но она прикусила губу и стала слушать дальше.

– Воюют не только Ланнистеры

и Талли, — возразил хозяин. — Там еще и дикари с Лунных гор — попробуй-ка втолкуй им, что ты ни на чьей стороне. Кроме того, в дело вмешались Старки — их ведет молодой лорд, сын покойного десницы.

Арья встрепенулась и наострила уши. Уж не Робб ли это?

— Я слышал, этот парень ездит в бой на волке, — сказал желтоволосый малый.

— Дурьи рассказы, — плюнул Йорен.

— Человек, который мне это рассказал, сам видел. Клянется, что этот волк здоровый, как лошадь.

— Клятва еще не значит, что это

правда, Ход, – заметил хозяин. – Ты вот клянешься, что уплатишь мне долг, а я от тебя еще гроша ломаного не видел. – Гости расхохотались, а желтоголовый побагровел.

– У волков нынче голодный год, – молвил другой, в замызганном зеленом плаще. – Вокруг Божьего Ока они так осмелели, что такого никто и не помнит. Режут кого попало – овец, коров, собак – и людей не боятся. Кто сунется в тот лес ночью, может проститься с жизнью.

– Опять-таки сказки, и правды в них не больше, чем в других.

– Я слышала то же самое от моей двоюродной сестры, а она не из

тех, кто лжет, — заявила одна старуха. — Она говорит, что стая, эта большая, сотни голов, и все на подбор людоеды. А вожаком у них волчица, тварь из седьмого пекла.

Волчица? Арья хлебнула пива. Где это Божье Око — не рядом ли с Трезубцем? Жаль, что карты нет. Нимерию она оставила около Трезубца. Ей не хотелось этого делать, но Джори сказал, что выбора нет, — если волчица вернется с ними, ее убьют за то, что она покусала Джоффри, хотя тот вполне это заслужил. Пришлось кричать и бросаться камнями, и только когда несколько камней Арьи попали в цель, волчица наконец отстала.

«Наверно, она меня теперь и не узнает, — подумала Арья. — А если она меня помнит, то ненавидит».

— Я слышал, что как-то адова сука явилась в деревню, — сказал человек в зеленом плаще. — День был базарный, народу полно, а она пришла как ни в чем не бывало и вырвала младенца из рук матери. Когда это дошло до лорда Мотона, он и его сыновья поклялись покончить с ней. Они выследили волчицу до ее логова со стаей гончих и едва-едва ушли живыми, а из собак ни одна не вернулась.

— Сказки это, — не сдержавшись выпалила Арья. — Волки не едят младенцев.

– Тебе-то почем знать, паренек?

– спросил человек в зеленом плаще.

Не успела Арья придумать ответ, как Йорен сгреб ее за руку.

– Мальчишка нахлебался пива, только и всего.

– А вот и нет. Не едят они младенцев...

– Выйди вон, мальчик... и поучись молчать, когда взрослые разговаривают. – Йорен пихнул ее к боковой двери, ведущей на кухню. – Ступай и присмотри, чтобы конюх напоил наших лошадей.

Арья вышла, сама не своя от ярости.

– Не едят, – буркнула она и пнула камень, подвернувшийся ей

под ноги. Он укатился под фургон.

— Мальчик, — позвал чей-то ласковый голос. — Славный мальчик.

Это был один из закованных. Арья настороженно приблизилась, держа руку на рукояти Иглы.

Узник, брякнув цепями, показал ей на пустую кружку.

— Человеку охота еще пивка. Эти тяжелые оковы вызывают у человека жажду. — Он был самый молодой из трех, стройный, красивый и всегда улыбался. Волосы его, рыжие с одной стороны и белые с другой, сбились в грязный колтун после тюрьмы и дороги. — Человек и в баньку бы с радостью сходил, — добавил он, видя, как смотрит на него Арья, — а

мальчик завел бы себе друга.

— У меня уже есть друзья.

— Это вряд ли, — сказал безносый, толстый и приземистый, с мощными ручищами. Руки, ноги, грудь и даже спина у него поросли черными волосами. Он напоминал Арье картинку из книги, где изображалась обезьяна с Летних островов. Из-за дыры на лице на него нельзя было смотреть долго.

Лысый открыл рот и запищал, точно огромная белая ящерица. Арья отшатнулась, а он разинул рот еще шире — там болтался обрубок языка.

— Перестань, — вскричала она.

— Человек не выбирает, с кем ему сидеть в каменном мешке, —

сказал красивый с бело-рыжими волосами. Что-то в его манере говорить напоминало ей Сирию, но и отличалось от него. — Эти двое невежи, и человек просит за них прощения. Тебя зовут Арри, правда?

— Его зовут Воронье Гнездо, — сказал безносый. — И он ходит с палкой. Гляди, лоратиец, как бы он тебя ею не огрел.

— Человеку остается только стыдиться своих спутников, Арри. Человек имеет честь быть Якеном Хгаром из вольного города Лората. Попасть бы туда снова. Товарищей человека по заточению зовут Рорж, — он указал кружкой на безносого, — и Кусака. — Кусака снова зашипел на

нее, показав желтые заостренные зубы. — Нужно же как-нибудь называть человека, правда? Кусака не может говорить и не умеет писать, но зубы у него очень острые, поэтому его называют Кусакой и он улыбается. Тебе приятно с нами познакомиться?

— Нет. — Арья попятилась прочь от повозки. «Они ничего мне не сделают, — твердила она про себя, — они прикованы».

— Человеку впору заплакать. — Красивый перевернул кружку вверх дном, а безносый Рорж с ругательствами швырнул свою в Арию. Оковы сделали бросок неуклюжим, но тем не менее тяжелая

оловянная кружка угодила бы ей в голову, если бы она не отскочила.

– А ну принеси нам пива, прыщ. Быстро!

– Захлопни пасть! – (А как поступил бы в таком случае Сирио?) Арья вынула свой деревянный меч.

– Поди-ка сюда – я суну тебе эту палку в задницу и отделаю до крови.

Страх ранит глубже чем меч. Арья заставила себя подойти к повозке. Каждый шаг давался ей труднее, чем предыдущий. «Свирепая, как росوماха, спокойная, как вода», – пело у нее в голове. Сирио не побоялся бы их. Она могла уже дотронуться до колеса, когда Кусака вскочил и дернулся к ней,

гремя цепями. Кандалы остановили его руки в полужуте от ее лица, и он зашипел. Она ударила его – сильно, прямо между его маленьких глазок.

Кусака с воплем отшатнулся назад и что было мочи дернул свою цепь. Она натянулась, и Арья услышала, как скрипит старое сухое дерево днища повозки, куда цепь была вделана. На руках, протянувшихся к Арье, надулись жилы, но цепь держала крепко, и колодник в конце концов повалился на пол. Из язв у него на щеках сочилась кровь.

– У мальчика храбрости больше, чем здорового смысла, – заметил Якен Хгар.

Арья попятилась. Почувствовав чью-то руку у себя на плече, она обернулась и вскинула деревянный меч, но это оказался Бык.

— Чего тебе?

Он примирительно поднял руки.

— Йорен никому из нас не велел подходить к этим троим.

— Я их не боюсь, — заявила Арья.

— Ну и дурак. А я вот боюсь. — Бык взялся за свой меч, и Рорж засмеялся. — Пойдем-ка отсюда.

Арья, вызываяще шаркнув ногой, позволила Быку увести себя. Они вышли к фасаду гостиницы, преследуемые смехом Роржа и шипением Кусаки.

— Давай подеремся! — сказала

Арья Быку. Ей очень хотелось отлупить кого-то.

Он растерянно моргнул. Густые черные волосы, еще мокрые после бани, падали на его синие глаза.

— Я ж тебя побью.

— Не побьешь.

— Ты не знаешь, какой я сильный.

— А ты не знаешь, какой я шустрый.

— Ну, ты сам напросился, Арри.

— Бык достал меч Прейда. — Сталь дешевая, но это настоящий меч. Арья вынула из ножен Иглу.

— Это хорошая сталь, так что мой меч всамделишной твоего.

— Смотри же не реви, если я тебя

задену, — покачал головой Бык.

— Смотри сам не зареви. — Она ступила вбок, приняв стойку водяного плясуна, но Бык не шелохнулся, глядя на что-то позади нее. — Что там такое?

— Золотые плащи, — сказал он, и его лицо окаменело. «Не может быть», — подумала Арья, но, когда обернулась, увидела их. Они ехали по дороге, шестеро в черных кольчугах и золотых плащах городской стражи. На офицере был черный, покрытый эмалью панцирь с четырьмя золотыми дисками. У гостиницы они остановились. «Смотри своими глазами», — шепнул Арье голос Сирио. Ее глаза подметили, что кони

взмылены, — их гнали долго и не щадили. Спокойная как вода она взяла Быка за руку и отошла с ним обратно, к высокой живой изгороди.

— Что ты делаешь? — сказал он. — Пусти.

— Будь тихим, как тень, — прошептала она, пригибая его вниз. Несколько людей Йорена сидели перед баней, ожидая своей очереди.

— Эй, ребята, — крикнул им один из золотых плащей. — Это вы собираетесь надеть черное?

— Ну, скажем, мы, — последовал осторожный ответ.

— Мы бы лучше к вам пошли, — сказал старый Рейзен. — На Стене, говорят, уж больно холодно. Офицер

золотых плащей спешился.

— Я должен взять у вас одного парня.

Из гостиницы вышел Йорен, утирая косматую черную бороду.

— Кому это он понадобился?

Остальные стражники тоже спешились и стали рядом со своими конями.

— Почему мы прячемся? — спросил Бык.

— Это я им нужен, — прошипела Арья в его пахнущее мылом ухо. — Тихо.

— Его требует королева, старик, и не твое это дело, — ответил офицер, доставая из-за пояса ленту. — Вот приказ ее величества, а вот печать.

Бык за изгородью недоверчиво покрутил головой:

— Зачем ты сдался королеве, Арри?

— Тихо ты! — Она пихнула его в плечо. Йорен пощупал ленту с нашлапкой из золотистого воска и сплюнул.

— Красивая вещица. Только парень-то теперь Ночной Дозорный. И мне насрать, что он там натворил у вас в городе.

— Королеву твое мнение не интересует, старик, и меня тоже. Я должен взять парня и возьму.

Арья подумала, не убежать ли ей. Но далеко она на своем осле не ускачет от конных золотых плащей. И

она уже устала бегать. Она бежала, когда за ней пришел сир Меррин, и еще раз, когда убили ее отца. Будь она настоящей водяной плясуньей, она вышла бы к ним с Иглой и убила их всех и больше никогда ни от кого бы не бегала.

— Никого вы не возьмете, — сказал Йорен. — На то есть закон.

Золотой плащ вынул короткий меч:

— Вот он, твой закон.

— Это не закон, это меч. У меня у самого такой есть.

— Старый ты дурак, — улыбнулся офицер. — Со мной пятеро человек.

Йорен плюнул:

— А со мной тридцать.

Золотые плащи засмеялись.

— Эти-то? — сказал здоровый детина с перебитым носом. — Ну, подходи, кто первый? — У него в руке тоже сверкнула сталь.

— Я. — Тарбер выдернул вилы из копны сена.

— Нет я. — Тесак, толстый каменщик, достал молоток из кожаного фартука, который никогда не снимал.

— Я. — Курц поднялся с земли со свежевальным ножом в руке.

— Мы с дружкой. — Косс натянул свой лук.

— Да все мы. — Рейзен вскинул вверх свой длинный тяжелый посох.

Голый Доббер вышел из бани,

неся одежду в узелке, увидел, что происходит, и бросил все, кроме кинжала.

— Да тут никак драка?

— Точно. — Пирожок на четвереньках устремился за большим камнем. Арья не верила своим глазам. Ведь она Пирожка ненавидит! Почему он вступился за нее с опасностью для собственной жизни?

Стражник с перебитым носом все еще полагал, что это смешно.

— Эй, деточки, уберите-ка ваши камни и палки, пока вас не отшлепали. Из вас ни один не знает, каким концом держать меч.

— Я знаю! — Арья не позволит им

умереть за нее, как умер Сирио. Проскользнув через изгородь с Иглою в руке, она приняла стойку водяного плясуна.

Сломанный Нос заржал, а офицер смерил ее взглядом.

– Положи меч, девочка, – тебя здесь никто не обидит!

– Я не девочка! – завопила она в ярости. Что с ними такое? Они проделали такой путь ради нее, и вот она перед ними, а они только скалятся. – Это я вам нужен!

– Нам нужен он. – Офицер указал мечом на Быка, который вылез из укрытия и стал рядом с Арьей, держа наготове дешевый клинок Прейда.

Повернувшись к Быку, офицер на миг упустил из виду Йорена — и совершил ошибку. Черный брат в то же мгновение приставил меч к его кадыку.

— Ты не получишь ни одного — иначе я сейчас погляжу, поспело ли твое яблочко. В гостинице у меня есть десять или пятнадцать братьев, если до тебя посе́йчас не дошло. На твоём месте я бросил бы это перышко, сел на лошадку и двинул обратно в город. — Йорен плюнул и нажал острием чуть сильнее. — Ну так как?

Пальцы офицера разжались, и меч упал в пыль.

— Мы возьмем его себе, — сказал

Йорен. — Добрая сталь на Стене всегда пригодится.

— Будь по-твоему — пока. За мной. — Золотые плащи вложили мечи в ножны и расселись по коням. — Беги к своей Стене скорее, старикан. В следующий раз я прихвачу вместе с бастардом твою голову.

— Люди получше тебя грозились это сделать. — Йорен плашмя хлопнул своим мечом по крупу офицерского коня, и тот понесся прочь по дороге. Стражники последовали за ним.

Когда они скрылись из виду, Пирожок восторженно завопил, но Йорен обозлился еще пуще против прежнего.

– Дурак! Думаешь, на этом конец? В следующий раз он не станет совать мне свою поганую ленту. Скажите остальным, чтобы вылезли из корыт – надо ехать. Будем двигаться всю ночь – может, и опередим их малость. – Он подобрал офицерский меч. – Кому дать?

– Мне! – крикнул Пирожок.

– Только не проткни им Арри. –

Йорен протянул мальчишке меч рукоятью вперед и подошел к Арье, но обратился не к ней, а к Быку:

– Похоже, ты нужен королеве до зарезу, парень.

– Он-то ей зачем? – растерялась

Арья.

– А ты зачем, подзаборник? –

насупился Бык.

– Ты и сам бастард! – (А может, он просто притворяется бастардом?)
– Как твое настоящее имя?

– Джендри, – не совсем уверенно ответил он.

– Не знаю, на кой вы оба кому-то нужны, – сказал Йорен, – но они вас все равно не получают. Дальше поедете на конях и, как только увидите золотой плащ, шпарьте к Стене так, точно за вами дракон гонится. На нас, остальных, им наплевать.

– Только не на тебя, – сказала Арья. – Тот человек сказал, что отрубит тебе голову.

– Ну если он сумеет снять ее у

меня с плеч, пусть, так и быть,
забирает.

Джон

– Сэм! – тихо позвал Джон.

Здесь пахло бумагой, пылью и годами. Полки, нагруженные книгами в кожаных переплетах и старинными свитками, уходили высоко во мрак. Сквозь них просачивался слабый желтый свет одинокой лампы. Джон задул свою коптилку, опасаясь оставлять открытое пламя в этом скопище бумаг, и пошел на огонек, пробираясь по узким проходам под сводчатым потолком. Весь в черном, темноволосый и сероглазый, он был как тень во мраке. На руках у него

были черные перчатки чертовой кожи — на правой из-за ожогов, на левой потому, что в одной перчатке у человека дурацкий вид.

Сэмвел Тарли сидел в стенной нише, сгорбившись над столом. Свет шел от лампы у него над головой. Заслышав шаги Джона, он поднял голову.

— Ты что тут, всю ночь просидел?

— Ну что ты! — возразил Сэм.

— Ты не завтракал с нами, и твоя постель не смята. — Раст предположил, что Сэм дезертировал, но Джон в это не поверил. Дезертирство требует своего рода отваги, а Сэм этим похвастаться не

может.

— Разве теперь уже утро? Тут, внизу, не видно, день или ночь.

— Ох и дурачина же ты, Сэм. Ручаюсь, ты еще пожалеешь о своей постели, когда придется спать на голой земле.

Сэм зевнул:

— Мейстер Эйемон послал меня поискать карты для лорда-командующего. Я даже и не думал... Джон, а книги-то видал? Их здесь тысячи!

Джон посмотрел вокруг:

— В винтерфеллской библиотеке было больше ста тысяч. Ну и как, нашел ты карты?

— О да. — Пальцы Сэма, толстые

как сосиски, прошлись по гряде книг и свитков не стене. — Их меньше дюжины. — Он развернул лист пергамента. — Краска поблекла, но еще видно, где составитель отметил селения одичалых, а в другой книге... где же она? Я ее только что читал. — Он откопал под свитками пыльный том в полусгнившей коже и произнес с почтением:

— Вот. Это описание путешествия от Сумеречной Башни до Пустынного мыса на Стылом Берегу, сделанное разведчиком по имени Редвин. Даты нет, но он упоминает о Доррене Старке как о Короле Севера — стало быть, книга написана еще до Завоевания. Джон,

они сражались с великанами! Редвин даже с Детьми Леса имел дело – тут все написано. – Сэм с бесконечной осторожностью переворачивал страницы. – Он и карты нарисовал, смотри...

– Может, ты тоже напишешь, о нашем путешествии, Сэм.

Джон хотел приободрить приятеля, но промахнулся. Сэму меньше всего хотелось вспоминать о том, что ждет их завтра. Его руки бесцельно перебирали свитки на столе.

– Есть и другие карты. Будь у меня побольше времени... тут все так перепутано. Я мог бы привести все это в порядок, знаю, что мог бы –

но на это нужно время, целые годы.

— Мормонту карты понадобятся несколько раньше. — Джон вытащил из кучи свиток и сдул с него часть пыли. Когда он развернул пергамент, уголок отломился. — Гляди, этот уже крошится, — сказал он, вглядываясь в поблекшие письма.

— Осторожно. — Сэм перегнулся через стол и взял у Джона свиток, держа его, как раненого зверька. — Ценные книги переписываются, когда в этом есть нужда. С самых старых снималось до полусотни копий.

— Ну, эту грамоту можно не переписывать. Двадцать три бочонка соленой трески, восемнадцать

кувшинов рыбьего жира, бочонок соли...

— Список припасов — а возможно, счет.

— Ну и кому это надо знать — сколько соленой трески было съедено шестьсот лет назад?

— Мне надо. — Сэм заботливо вернул свиток на место. — Из таких вот описей очень много можно узнать, правда. Например, сколько человек состояло тогда в Дозоре, как они жили, что ели...

— Ели они еду, а жили так, как мы живем.

— Не скажи. Этот склеп — настоящая сокровищница, Джон.

— Тебе виднее. — Сам Джон в

этом сомневался. Сокровищница — это золото, серебро, драгоценные камни, а не пыль, пауки и гнилая кожа.

— Конечно. — Сэм был старше Джона и по закону считался взрослым мужчиной, а посмотреть на него — мальчишка, я больше ничего. — Я нашел рисунки, которые делались на деревьях, и книгу о языке Детей Леса... и еще разное, чего даже в Цитадели нет — свитки из древней Валирии, роспись чередования зимы и лет, составленную мастерами тысячу лет назад...

— До нашего возвращения книги никуда не денутся.

– Да – если мы вернемся.

– Старый Медведь берет с собой двести опытных людей, и три четверти из них – разведчики. Куорен Яолурукый приведет из Сумеречной Башни еще сотню братьев. Ты будешь в такой же безопасности, как в замке своего лорда-отца на Роговом Холме.

Сэм выдавил из себя грустную улыбку:

– Не сказать, чтобы мне там было так уж безопасно. «Боги играют с нами жестокие шутки, – подумал Джон. – Вот Пип и Жаба так и рвутся в поход, а их оставляют в Черном Замке. Зато Сэмвел Тарли, сам не отрицающий, что он трус, толстый, робкий и владеющий навыками

верховой езды не лучше, чем мечом, отправляется в Зачарованный Лес. Старый Медведь берет с собой две клетки воронов, чтобы подавать вести о своем путешествия, а мейстер Эйемон слеп и слишком слаб, чтобы ехать с ними, — поэтому вместо него приходится брать его стюарда».

— Ты нам нужен, чтобы ходить за воронами, Сэм. И должен же кто-то помогать мне усмирять Гренна.

Многочисленные подбородки Сэма заколыхались.

— За воронами мог бы смотреть ты или Гренн — да кто угодно, — с нотками отчаяния в голосе сказал он. — Я бы тебе показал, что нужно

делать. И грамоту ты знаешь – ты мог бы писать письма за лорда Мормонта не хуже, чем я.

– Я стюард Старого Медведя. Я должен буду прислуживать ему, ходить за его конем, ставить ему палатку. У меня не останется времени, чтобы смотреть еще и за птицами. Сэм, ты произнес слова. Теперь ты брат Ночного Дозора.

– Брат Ночного Дозора не должен так бояться.

– Мы все боимся – ведь мы же не дураки. – Слишком много разведчиков пропало у них за последние два года – и среди них Бенджен Старк, дядя Джона. Двух дядиных людей нашли в лесу

мертвыми, однако в ночи мертвецы ожили. Обожженные пальцы Джона до сих пор вздрагивали, когда он вспоминал об этом. Ему все еще снился упырь, мертвый Отор с горящими синими глазами и ледяными черными руками, но Сэму об этом напоминать не стоило. «В том, что ты боишься, нет позора, — говорил мне отец, — главное, как мы встречает свой страх». Пойдем, я помогу тебе донести карты.

Сэм с несчастным видом кивнул. Полки стояли так тесно, что им пришлось идти гуськом. Библиотечный подвал выходил в один из подземных ходов, которые братья называли червоточинами, — они

соединяли Черный Замок с его башнями. Летом червоточинами пользовались редко – там бегали разве что крысы и прочие гады, – но зимой дело обстояло по-иному. Когда снег достигал глубины сорок или пятьдесят футов, а с севера задувал ледяной ветер, только подземные ходы и поддерживали жизнь в Черном Замке.

«Скоро мы испытаем это на себе», – думал Джон, пока они поднимались наверх. Он видел гонца, который прилетел к мейстеру Эйемону с вестью о конце лета, – большого ворона из Цитадели, белого и молчаливого, как призрак. В раннем детстве Джон уже пережил

зиму, но все говорили, что та зима была короткая и мягкая. Эта будет другой – он чувствовал нутром.

Ступени были слишком круты, и Сэм, когда они вылезли наверх, пыхтел, как кузнечные мехи. Плащ Джона защелкал на резком ветру. Призрак спал под глинобитной стеной амбара, но при появлении Джона проснулся, поставил торчком лохматый белый хвост и потрусил за ним.

Сэм покосился на Стену. Она нависала над ними – ледяной утес семиста футов вышиной. Иногда она представлялась Джону живым существом со своими настроениями. Лед в ней менял окраску от

малейшей разницы в освещении. Стена была то густосиней, как замерзшая река, то грязно-белой, как залежалый снег, а когда на солнце набегало облако, она становилась серой, как щербатый камень. Стена тянулась на восток и на запад, сколько видел глаз, столь огромная, что бревенчатые срубы и каменные башни замка казались маленькими рядом с ней. Это был край света.

«А мы собираемся туда, за этот край».

На утреннем небе за тонкими серыми облаками проглядывала бледная красная полоса. Черные братья нарекли небесную странницу Факелом Мормонта, говоря (не

совсем в шутку), что боги послали ее, чтобы осветить старику дорогу через Зачарованный Лес.

— Эта комета такая яркая, что теперь ее видно даже и днем, — сказал Сэм, заслоняя глаза стопкой книг.

— Не заглядывайся, Старый Медведь ждет свои карты.

Призрак выбежал вперед. Замок казался покинутым — многие разведчики отправились в бордель кротового Городка, поискать зарытые сокровища и напиться до одури. Гренн ушел с ними — Пип, Халдер и Жаба предложили оплатить его первую женщину, в честь первого похода. Джона и Сэма тоже звали, но

Сэм боялся шлюх почти так же, как Зачарованного Леса, а Джон отказался наотрез. «Вы идите, коли охота, — сказал он Жабе, — а я дал обет».

Проходя мимо септы они слышали поющие голоса. Одним перед боем требуются шлюхи, другим — боги, и неизвестно, кому из них потом будет лучше. Джона септа манила не больше, чем бордель, — его боги живут в диких местах, где чардрева простирают свои белые, как кость, ветви. «У Семерых за Стеной нет власти, — подумал он, — зато мои боги будут ждать меня».

У арсенала сир Эндрю Тарт обучал новичков. Ночью их привел

Конви, один из вербовщиков, которые странствуют по Семи Королевствам, набирая людей для Стены. Новое пополнение состояло из седого старца, опирающегося на посох, двух белокурых мальчишек, по виду братьев, хлыщеватого юнца в грязном атласном наряде и дурачка с ухмылкой во весь рот, который, как видно, возомнил себя воином. Сейчас сир Эндрю доказывал ему, что он ошибся. Этот мастер над оружием был не так крут, как сир Аллистер Торис, но после его уроков синяки тоже оставались. Сэм морщился при каждом ударе, но Джон смотрел внимательно.

— Ну, что ты о них скажешь,

Сноу? – Донал Нойе стоял в дверях своей оружейни с голой грудью под кожаным фартуком и не прикрытым в кои-то веки обрубок левой руки. Толстое брюхо, мощная грудь, плоский нос и черная щетина на подбородке не делали Нойе красавцем, но Джону было приятно его видеть – оружейник стал ему настоящим другом.

– От них пахнет летом, – сказал Джон, когда сир Эндрю, наскочив на одного из рекрутов, повалил его наземь. – Где это Конви их откопал?

– В темнице одного лорда близ Чаячьего Города. Разбойник, брадобрей, нищий, двое сирот и шлюха мужского пола. И с такими-то

нам приходится оборонять области, заселенные человеком.

— Ничего, сойдут. — Джон по-свойски улыбнулся Сэму. — Мы ведь сгодились.

Нойе поманил его к себе:

— Слышал новости о своем брате?

— Да, вечером. — Новости принес Конви со своими новобранцами и в трапезной об этом только и говорили. Джон сам толком не знал, как к этому отнестись. Робб — король? Его брат, с которым он играл, сражался, разделил свою первую чашу вина? Но не материнское молоко. «Поэтому Робб будет пить летнее вино из драгоценного кубка, а

я — хлебать талую воду из ручьев, сложив руки ковшом». — Робб будет хорошим королем, — проявив лояльность, сказал Джон.

— Да ну? — Кузнец посмотрел ему в глаза. — Надеюсь, что так, парень, однако когда-то и о Роберте говорили то же самое.

— Это ведь ты ковал ему боевой молот? — вспомнил Джон.

— Да, я был его человеком, человеком Баратеонов, кузнецом и оружейником в Штормовом Пределе, пока не лишился руки. Я так стар, что помню лорда Стеффона до того, как его взяло море, а его трех сыновей знал с тех пор, как им дали имена. И скажу тебе — Роберт стал

совсем не тот, когда надел корону. Некоторые люди — как мечи, они созданы для боя. Повесь их на стенку — я они заржавеют.

— А его братья? — спросил Джон. Оружейник поразмыслил немного:

— Роберт — это чистая сталь. Станнис — чугун, черный и прочный, но хрупкий. Он ломается, но не гнется. А Ренли — это медь. Она блестит и приятна для глаз, но в конечном счете немногого стоит.

«А из какого металла сделан Робб?» — подумал Джон, но спрашивать не стал. Раз Нойе человек Баратеонов, он скорее всего считает Джоффри законным королем, а Робба изменником. Среди

братьев Ночного Дозора существовал негласный уговор – не копать в таких делах слишком глубоко. Люди прибывают на Стену со всех Семи Королевств, и былую любовь и преданность забыть нелегко, какие бы клятвы ты ни принес... кому это знать, как не Джону. Взять Сэма – его дом присягнул Хайгардену, чей лорд, Тирелл, поддерживает короля Ренли. Лучше о таких вещах не говорить. Ночной Дозор ничью сторону не держит.

– Нас ждет лорд Мормонт, – сказал Джон.

– Раз так, не буду задерживать. – Нойе хлопнул его по плечу и улыбнулся. – Да будут с тобой завтра

боги, Сноу. И привези с собой своего дядю, слышишь?

– Привезем непременно.

Лорд-командующий Мормонт поселился в Королевской башне после того, как пожар уничтожил его собственную. Джон оставил Призрака с часовыми за дверью.

– Опять ступеньки, – уныло пробурчал Сэм. – Ненавижу лестницы.

– Ну уж в лесу их точно не будет.

Не успели они войти в горницу, ворон сразу углядел их и завопил:

– Сноу!

Мормонт прервал свою беседу.

– Долго же вы провалялись с этими картами. – Он расчистил

место на столе, где стояли остатки завтрака. — Давайте их сюда. Я посмотрю их позже.

Торен Смолвуд, жилистый разведчик со слабым подбородком и еще более слабым ртом, укрытым в жидкой бородачке, смерил Сэма и Джона холодным взглядом. Он был из прихвостней Аллистера Торне и не любил их обоих.

— Место лорда-командующего должно находиться в Черном Замке, откуда он и отдает приказы, — сказал Смолвуд Мормонту, не обращая внимания на них. — У меня такое мнение.

— Такое, такое, такое, — захлопал крыльями ворон.

— Вот станешь лордом-командующим и будешь поступать согласно своему мнению — но я как будто еще не умер и братья не избрали тебя на мое место.

— Теперь, когда Бен Старк пропал, а сир Джареми убит, Первым Разведчиком стал я, — упорствовал Смолвуд, — и вылазкой командовать тоже должен я.

Но Мормонт остался тверд.

— Я уже послал за Стену Бена Старка, а до него сира Уэймара. Я не намерен посылать еще и тебя, а после сидеть и неизвестно сколько ждать твоего возвращения. Кроме того, Старк остается Первым Разведчиком, пока мы не будем знать

с полной уверенностью, что он умер. И если этот день настанет, его преемника назначу я, а не ты. А теперь довольно занимать мое время. Ты не забыл, что мы выезжаем чуть свет?

Смолвуд встал с места.

— Как прикажете, милорд, — сказал он и сердито глянул на Джона, словно это была его вина.

— Первый Разведчик! — Старый Медведь воззрился на Сэма. — Уж скорее я назначу Первым Разведчиком тебя. Он имеет наглость говорить мне в лицо, что я слишком стар, чтобы ехать с ним. А как по-твоему, парень, — стар я или нет? — Казалось, что волосы, покинувшие

пятнистый череп Мормонта, переместились в косматую седую бороду, ниспадающую на грудь. Мормонт запустил в нее руку. – По-твоему, я дряхлый старец?

Сэм только пискнул что-то – Старый Медведь наводил на него ужас.

– Нет, милорд, – поспешно вмешался Джон. – Вы крепки, как... как...

– Нечего меня умасливать, Сноу, – ты знаешь, что я терпеть этого не могу. Давай-ка глянем на ваши карты. – Мормонт бегло просмотрел их, ворча себе под нос. – Это все, что ты смог найти?

– Т-там есть еще, м-милорд, –

проямлил Сэм, — но беспорядок...

— Это все старые, — сказал Мормонт, и ворон подхватил:

— Старые, старые.

— Селения могли исчезнуть, но холмы и реки остались на месте, — заметил Джон.

— И то верно. Ты уже отобрал воронов, Тарли?

— М-мейстер Эйемон хочет с-сам отобрать их вечером, после к-кормежки.

— Мне нужны самые лучшие птицы. Умные и сильные.

— Сильные, — сказал его собственный ворон, охорашиваясь. — Сильные, сильные.

– Если случится так, что нас всех перебьют, пусть мой преемник знает, где и как мы умерли.

Сэмвел Тарли от таких слов лишился дара речи. Мормонт подался вперед:

– Тарли, когда я был наполовину моложе тебя, моя леди-мать сказала мне: не стой с открытым ртом, иначе ласка примет его за свою норку и залезет тебе прямо в горло. Если хочешь сказать что-то, говори, если нет – остерегайся ласок. – Он махнул рукой на них обоих. – Ступай прочь, не до тебя. Мейстер уж верно найдет тебе какое-нибудь дело.

Сэм сглотнул, попятился и устремился прочь так быстро, что

чуть не поскользнулся на тростнике.

— Что, этот парень и правда такой дурак, каким кажется? — спросил лорд-командующий, когда он ушел.

— Дурак, — заверил ворон. Мормонт не стал дожидаться, когда Джон ответит.

— Его лорд-отец занимает высокий пост в совете короля Ренли, и я подумал было, не послать ли к нему сынка... но решил, что не стоит. Ренли не станет слушать этого толстого нытика. Пошлю сира Арнелла. Он не в пример круче, а мать у него из Фоссовеев зеленого яблока.

— Не скажет ли милорд, что он

хочет получить от короля Ренли?

— То же самое, что от них от всех, парень. Людей, лошадей, мечи, доспехи, зерно, сыр, вино, шерсть, гвозди... Ночной Дозор не гордый, мы берем что дают. — Мормонт побарабанил пальцами по грубо обтесанной столешнице. — Сир Аллистер, если ветры будут благоприятны, доберется до Королевской Гавани к перемене луны... но не знаю, будет ли прок от этого мальчишки Джоффри. Дом Ланнистеров никогда не был другом Дозору.

— Торне покажет им руку упыря. — Жуткую бледную руку с черными пальцами — она и в склянке

шевелилась, как живая.

— Жаль, что у нас нет другой — мы бы послали ее Ренли.

— Дайвен говорит, за Стеной можно найти что угодно.

— Да, говорит. Он говорит также, что в последнюю свою вылазку видел медведя пятнадцати футов вышиной. — Мормонт фыркнул. — Моя сестра будто бы взяла медведя себе в любовники — скорее уж я поверю в это, чем в зверя пятнадцати футов ростом. Впрочем, когда мертвые встают... и все-таки нет, человек должен верить только своим глазам. Я видел, как встают мертвые, а вот гигантских медведей еще не видел. — Он вперил в Джона долгий,

испытующий взгляд. — Кстати, о руках. Как там твоя?

— Лучше. — Джон стянул перчатку и показал руку Мормонту. Шрамы покрывали всю нижнюю часть предплечья, и новая розовая кожица была еще тугой и нежной, но дело шло на поправку. — Только чешется. Мейстер Эймон говорит, что это хорошо. Он дал мне мазь, чтобы я взял ее с собой в поход.

— Ожоги не помешают тебе орудовать Длинным Когтем?

— Нет, не думаю. — Джон согнул и разогнул пальцы, как велел ему делать мейстер. — Я должен каждый день разрабатывать пальцы, чтобы они оставались гибкими, — так

сказал мейстер Эйемон.

— Эйемон хоть и слепой, а дело свое знает. Я молюсь, чтобы боги даровали ему еще лет двадцать. Ты знаешь, что он мог бы стать королем?

— Он говорил мне, что его отец был королем, — удивился Джон, — но я думал, что сам он — младший сын.

— Так и есть. Отцом его отца был Дейерон Таргариен, второй этого имени, присоединивший Дорн к государству. Договор предусматривал его женитьбу на дорнийской принцессе. Она родила ему четверых сыновей. Мейекар, отец Эйемона, был самым младшим из них, а Эйемон — его третьим сыном. Имей в виду, все это происходило задолго до

моего рождения, хотя Смолвуд и считает меня древним старцем.

– Мейстера Эйемона назвали в честь Рыцаря-Дракона.

– Верно. Некоторые полагают, что настоящим отцом короля Дейерона был принц Эйемон, а не Эйегон Недостойный. Но как бы там ни было, наш Эйемон не унаследовал воинственной натуры Рыцаря-Дракона. Как говорит он сам, меч у него был медлителен, зато ум скор. Неудивительно, что дед отправил его в Цитадель. Тогда ему было лет девять или десять... и на очереди к престолу он был тоже не то девятым, не то десятым.

Джон знал, что Эйемон отметил

больше сотни своих именин. Трудно было представить дряхлого, сморщенного, слепого мастера маленьким мальчиком не старше Арьи.

– Эйемон корпел над книгами, – продолжал Мормонт, когда старший из его дядей, наследный принц, по несчастной случайности погиб на турнире. Он оставил двух сыновей, но и они вскоре последовали за ним в могилу после великого Весеннего Мора. Король Дейерон тоже умер, и корона перешла ко второму сыну короля, Эйерису.

– К Безумному Королю? – Джон совсем запутался. Эйерис царствовал перед Робертом – значит, не так уж

давно.

— Нет, к Эйерису Первому. Тот, кого низложил Роберт, был второй этого имени.

— Как давно было то, о чем вы рассказываете?

— Лет восемьдесят назад или около того — и все-таки я еще не родился, когда Эйемон уже выковал с полдюжины звеньев своей мейстерской цепи. Эйерис женился на своей родной сестре, как было заведено у Таргариенов, и правил лет десять или двенадцать. Эйемон между тем принял обет и оставил Цитадель, чтобы служить при дворе какого-то мелкого лорда... а его дядя-король умер, не оставив потомства.

Железный Трон перешел к последнему из четырех сыновей Дейерона – к Мейекару, отцу Эйемона. Новый король призвал ко двору всех своих сыновей и Эйемона тоже хотел ввести в свой совет, но тот отказался, не желая незаконно занимать место, по праву принадлежащее великому мейстеру. Вместо этого он стал служить в замке своего старшего брата, другого Дейерона. Брат этот тоже умер – кажется, от оспы, которую подхватил у какой-то шлюхи, оставив после себя только слабоумную дочь. Следующим по старшинству братом был Эйерион.

– Эйерион Чудовище? – Сказка о

Принце, Который Возомнил Себя Драконом, была одной из самых страшных историй старой Нэн и очень нравилась маленькому брату Джона Брану.

— Он самый, хотя он себя величал Эйерионом Пламенным. Однажды, будучи в подпитии, он влил в себя сосуд дикого огня, сказав своим друзьям, что это превратит его в дракона, но боги по милости своей превратили его в труп. Неполный год спустя король Мейекар погиб в битве с мятежным лордом.

Джон имел кое-какое понятие об истории государства — их винтерфеллский мейстер об этом позаботился.

— В тот же год состоялся Великий Совет, — сказал он, — и лорды, минуя младенца-сына принца Эйериона и дочь принца Дейерона, вручили корону Эйегону.

— Верно, но не совсем. Сначала они негласно предложили ее Эйемону. Он сказал им, что боги предназначили его служить, а не править, и отказался нарушить свой обет, хотя сам верховный септон предлагал разрешить его. Делать нечего. Ни один разумный человек не желал видеть на троне отпрыска Эйериона, а дитя Дейерона, будучи женского пола, страдало к тому же слабоумием, поэтому лордам не осталось иного выбора, как отдать

корону младшему брату Эйемона Эйегону, пятому этого имени. Этого короля прозвали Эйегон Невероятный, ибо он родился четвертым сыном четвертого сына. Эйемон знал — и был прав, — что, если он останется при дворе, люди, недовольные правлением его брата, захотят его использовать, и поэтому удалился на Стену. Здесь он и оставался, пока его брат и сын его брата, а там и внук всходили на престол и умирали — и пока Джейме Ланнистер не пресек род Королей-Драконов.

— Король, — каркнул ворон, перелетел через горницу и сел Мормонту на плечо. — Король, —

повторил он, переминаясь с лапы на лапу.

– Видать, ему нравится это слово, – улыбнулся Джон.

– Его легко произнести – и полюбить тоже легко.

– Король, – повторила птица.

– По-моему, это он вас хочет короновать, милорд.

– В стране и без того три короля – чересчур много, на мой вкус. – Мормонт почесал ворона под клювом, не сводя глаз с Джона Сноу. Тот почувствовал себя странно.

– Милорд, для чего вы рассказали мне историю мейстера Эйемона?

– Разве для всего должна быть

причина? – Мормонт хмуро поерзал на стуле. – Твоего брата Робба провозгласили Королем Севера, и это связывает тебя с Эйемоном. У вас обоих братья короли.

– Нас связывает не только это. Мы оба дали обет.

Старый Медведь громко фыркнул, и ворон, снявшись с него, описал круг по комнате.

– Дайте мне по человеку на каждый нарушенный обет, который я видел, и у Стены никогда не будет недостатка в защитниках.

– Я всегда знал, что Робб будет лордом Винтерфелла.

Мормонт посвистал. Птица вернулась к нему и села на руку.

— Лорд — одно дело, король — другое. — Он достал из кармана горсть зерна и дал ворону. — Твоего брата Робба оденут в шелк, бархат и атлас ста разных цветов, ты же будешь жить и умрешь в черной кольчуге. Он женится на прекрасной принцессе, и она родит ему сыновей — у тебя жены не будет, и ты никогда не возьмешь в руки родное дитя. Робб будет править, ты — служить, и люди будут звать тебя вороной, а его — ваше величество. Певцы будут славить каждый его чих, твои же подвиги останутся невоспетыми. Скажи мне, что все это тебя не волнует, Джон, и я скажу, что ты лжешь, — и не погрешу против истины.

Джон напрягся как натянутая тетива.

— А если бы даже и волновало, то что я могу — я, бастард?

— Как же ты намерен жить дальше — ты, бастард?

— Волноваться — и соблюдать свои обеты.

Кейтилин

Корону для ее сына только что выковали, и Кейтилин Старк казалось, что этот убор тяжело давит на голову Робба.

Древняя корона Королей Зимы пропала триста лет назад – Торрхен Старк отдал ее Эйегону Завоевателю, когда преклонил перед ним колено. Что сделал с короной Эйегон, не знал никто. Кузнец лорда Хостера хорошо сделал свою работу, и новая корона, если верить сказкам, очень походила на старую. Разомкнутый обруч из кованной бронзы, покрытый рунами Первых Людей, венчали девять

черных железных зубцов в форме мечей. О золоте, серебре и драгоценных камнях не было и помину. Бронза и железо — вот металлы зимы, темные и пригодные для борьбы с холодом.

Они сидели в Великом Чертоге Риверрана, дожидаясь, когда приведут пленного, и Кейтилин заметила, что Робб сначала сдвинул корону назад, на свои густые, цвета осени, волосы, потом вернул на место, потом покрутил, точно от этого она меньше сжимала ему лоб. «Нелегкое это дело — носить корону, — подумала Кейтилин, — особенно для мальчика пятнадцати лет».

Когда стража ввела пленника,

Робб потребовал свой меч. Оливар Фрей подал его рукоятью вперед, и король, обнажив клинок, возложил его себе на колени – грозный знак.

– Ваше величество, вот человек, который был вам нужен, – объявил сир Робин Ригер, капитан гвардии дома Талли.

– На колени перед королем, Ланнистер! – вскричал Теон Грейджой, и сир Робин заставил пленника преклонить колена.

«Этот на льва никак не похож», – подумала Кейтилин. Сир Клеос Фрей – сын леди Дженны, сестры лорда Тайвина Ланнистера, но ему не досталось ничего от знаменитой красоты Ланнистеров – ни зеленых

глаз, ни золотистых волос. Вместо этого он унаследовав крутые каштановые кудри, слабый подбородок и тонкие черты своего родителя, сира Эммока-Фрея второго, сына старого лорда Уоллера. Глаза у него блеклые, водянистые и без конца мигают — но это, возможно, от яркого света. В подземельях Риверрана темно и сыро... а сейчас они к тому же битком набиты.

— Встаньте, сир Клеос. — Голос Робба был не столь ледяным, как у его отца, но и не походил на голос пятнадцатилетнего мальчика. Война сделала его мужчиной до срока. Сталь на его коленях слабо мерцала в

утреннем свете.

Но не меч вызывал тревогу у сира Клеоса, а зверь, Серый Ветер, как назвал его Робб, лютоволк крупнее самой большой собаки, поджарый и темный как дым, с глазами цвета расплавленного золота. Когда зверь вышел вперед и обнюхал пленного рыцаря, все в зале почуяли запах страха. Сира Клеоса взяли во время битвы в Шепчущем Лесу, где Серый Ветер перегрыз глотки полудюжине человек.

Рыцарь поспешно встал и так явно начал пятиться, что кое-кто из зрителей не сдержал смеха.

— Благодарю вас, милорд.

— Ваше величество! — рывкнул

лорд Амбер, Вольный Джон, самый громогласный из северных знаменосцев Робба... а также самый преданный и самый свирепый, по его собственному уверению. Он первый провозгласил сына Кейтилин Королем Севера и не потерпел бы никакого пренебрежения по отношению к своему новому сюзерену.

— Виноват, — торопливо поправился сир Клеос. — Ваше величество.

«Он не из храбрых, — подумала Кейтилин. — Поистине больше Фрей, чем Ланнистер. Его кузен. Цареубийца, вел бы себя по-иному. Сир Джейме Ланнистер никогда не

выговорил бы этот титул сквозь свои безупречные зубы».

— Я вызвал вас из темницы, чтобы вы отвезли мое послание вашей кузине Серсее Ланнистер в Королевскую Гавань. Вы поедете под мирным знаменем, взяв с собой тридцать моих лучших людей.

Сир Клеос испытывал явное облегчение.

— Буду счастлив доставить послание вашего величества королеве.

— Вы должны понять, что я вас не освобождаю. Ваш дед лорд Уолдер обещал мне поддержку от имени дома Фреев. Многие ваши дядья и кузены в Шепчущем Лесу сражались

на нашей стороне, вы же предпочли стать под львиное знамя. Это делает вас Ланнистером, а не Фреем. Поклянитесь своей рыцарской честью, что вы, доставив мое письмо, снова вернетесь сюда с ответом королевы.

— Клянусь, — тут же ответил сир Клеос.

— Вас слышали все, кто присутствует в этом зале, — заметил ему сир Эдмар Талли, брат Кейтилин, говоривший от имени Риверрана и лордов Трезубца вместо их умершего отца. — Если не вернетесь, вся страна узнает, что вы клятвопреступник.

— Я исполню свою клятву, — чопорно ответил сир Клеос. — Что

содержится в письме?

— Предложение мира. — Робб встал с мечом в руке, Серый Ветер занял место рядом с ним и в зале настала тишина. — Скажите королеве-регентше, что, если она примет мои условия, я вложу меч в ножны и положу конец войне между нами.

Кейтилин заметила, как в задней части зала высокий, тощий лорд Рикард Карстарк растолкал стражу и вышел вон. Больше никто не двинулся с места, а Робб оставил уход Карстарка без внимания.

— Оливар, бумагу, — приказал он. Оруженосец принял у него меч и подал свернутый пергамент, Робб

развернул его:

— Во-первых, королева должна освободить моих сестер и доставить их морем в Белую Гавань. Само собой разумеется, что помолвка Сансы с Джоффри Баратеоном должна считаться расторгнутой. Когда я получу от моего кастеляна известие о том, что сестры благополучно вернулись в Винтерфелл, я освобожу кузенов королевы, оруженосца Виллема Ланнистера и вашего брата Тиона Фрея, коих препровожу в Бобровый Утес или в другое место, по желанию королевы.

Кейтилин хотелось бы знать, какие мысли прячутся за всеми

этими лицами, за нахмуренными лбами и плотно сжатыми губами.

— Во-вторых, нам должно быть возвращено тело моего лорда-отца, дабы он, мог обрести покой рядом со своими братом и сестрой в крипте Винтерфелла, как сам бы того желал. Останки его гвардейцев, погибших вместе с ним в Королевской Гавани, тоже следует вернуть.

«На юг отправились живые люди, а домой вернутся их кости. Нед был прав. Мое место в Винтерфелле, сказал он мне, но разве я его послушала? Ступай, сказала я, — ты должен стать десницей Роберта для блага нашего дома и наших детей... это моя вина,

моя и ничья иная».

– В-третьих, я должен получить обратно отцовский меч, Лед, – здесь, в Риверране.

Ее брат сир Эдмар Талли стоял, заложив большие пальцы за пояс, с каменным лицом.

– В-четвертых, пусть королева прикажет своему отцу лорду Тайвину освободить моих рыцарей и лордов-знаменосцев, взятых в плен на Зеленом Зубце. Когда он сделает это, я освобожу пленных, взятых в Шепчушем Лесу и в позднейшем сражении, – всех, кроме сира Джейме Ланнистера, который останется моим заложником, чтобы обеспечить послушание своего отца.

Кейтилин старалась разгадать, что означает хитрая улыбка на лице Теона Грейджоя. Он всегда держал себя так, будто его забавляет что-то, недоступное остальным, и Кейтилин это не нравилось.

— И наконец, король Джоффри и королева-регентша должны отречься от всех своих притязаний на северные области. Север более не часть их владений, но свободное и независимое королевство, как в старину. В него входят все земли Старков к северу от Перешейка, а также земли, орошаемые рекой Трезубец и ее притоками, от Золотого Зуба на западе до Лунных гор на востоке.

– КОРОЛЬ СЕВЕРА! – взревел Большой Джон, взмахнув кулачищем величиной с окорок. – Старк! Старк! Король Севера!

Робб снова скатал пергамент в трубку.

– Мейстер Виман начертил карту, где показаны границы нашего королевства. Вы отвезете копию королеве. Лорд Тайвин должен отойти за эти границы, прекратив набеги, поджоги и грабежи. Королева-регентша и ее сын должны отказаться от каких бы то ни было податей с моего народа и освободить моих лордов и рыцарей от всех клятв, обещаний, долгов и обязательств перед Железным Троном и домами

Баратеонов и Ланнистеров. Кроме того, Ланнистеры доставят мне в залог нашего мира десять знатных заложников, выбранных по обоюдному нашему согласию. Я приму их как почетных гостей в соответствии с их родом и званием. В том случае, если условия этого договора будут соблюдаться, я буду ежегодно освобождать двух заложников и возвращать их родным и близким. — Робб бросил свернутый пергамент к ногам рыцаря. — Таковы мои условия. Если она примет их, мы заключим мир. Если нет... — он свистнул, и Серый Ветер зарычал, оскалив зубы, — она получит еще один Шепчущий Лес.

— Старк! — снова взревел Большой Джон, и другие голоса подхватили его клич. — Старк, Старк, Король Севера! — Лютоволк задрал голову и завыл.

Сир Клеос сделался синевато-белым, как прокисшее молоко.

— Королева получит ваше послание, ми... ваше величество.

— Хорошо. Сир Робин, пусть его накормят досыта и дадут ему чистую одежду. Он отправится в путь на рассвете.

— Будет исполнено, ваше величество, — сказал сир Робин Риге.

— На этом и покончим. — Рыцари и лорды-знаменосцы преклонили одно колено, когда Робб двинулся к

выходу вместе с Серым Ветром. Оливар Фрей забежал вперед, чтобы открыть ему дверь. Кейтилин с братом последовала за сыном.

— Ты все сделал как надо, — сказала она Роббу, когда они вышли на галерею, — хотя эти шуточки с волком больше пристали мальчику, чем королю.

Робб с улыбкой почесал Серого Ветра за ухом.

— Зато какую рожу он скорчил! Ты видела, матушка?

— Я видела, как лорд Карстарк вышел вон.

— Я тоже заметил. — Робб снял с себя корону и отдал Оливару. — Отнеси ее ко мне в опочивальню.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Могу поспорить, многие чувствовали то же самое, что и лорд Карстарк, – сказал Эдмар. – Как можно говорить о мире, когда Ланнистеры словно чума опустошают владения моего отца, грабя его добро и убивая его людей? Говорю снова: мы должны выступить на Харренхолл.

– У нас слишком мало сил для этого, – уныло ответил Робб.

– Сидя здесь, мы сильнее не станем, – настаивал Эдмар. – Наше войско тает день ото дня.

– А кто в этом повинен? – напустилась на брата Кейтилин. Именно по настоянию Эдмара Робб

после коронации разрешил речным лордам разъехаться по собственным землям, чтобы защитить их от врага. Сир Марк Пайпер и лорд Карил Вене уехали первыми. Лорд Джонас Браккен последовал за ними, намереваясь отбить назад свой сожженный дотла замок и похоронить павших, а теперь и лорд Ясон Маллистер изъявил желание вернуться в свое поместье Сигард, чудом не затронутое войной.

— Нельзя требовать от моих речных лордов, чтобы они сидели сложа руки, когда их поля топчут, а крестьян предают мечу, — сказал Эдмар, — но лорд Карстарк — северянин. Нехорошо будет, если он

покинет нас.

– Я поговорю с ним, – сказал Робб. – Он потерял в Шепчущем Лесу двух сыновей. Кто упрекнет его в том, что он не желает заключить мир с их убийцами – и с убийцами моего отца...

– Дальнейшее кровопролитие не вернет нам отца, а лорду Рикарду – сыновей, – заметила Кейтилин. – Предложение должно быть сделано – хотя мудрее было бы поставить более мягкие условия.

– Будь они мягче, я поперхнулся бы ими. – У сына пробивалась борода, более рыжая, чем волосы на голове. Роббу кажется, что она придает ему суровый, королевский...

взрослый вид. Но с бородой или без нее, он остается пятнадцатилетним мальчишкой и жаждет мести не меньше, чем Рикард Карстарк. Ей стоило труда добиться от него даже этих злосчастных условий.

— Серсея Ланнистер никогда не согласится обменять твоих сестер на пару своих кузенов. Ей нужен ее брат, и тебе это прекрасно известно. — Кейтилин много раз говорила ему об этом, но оказалось, что короли прислушиваются к своим матерям далеко не так, как простые сыновья.

— Я не могу освободить Цареубийцу, даже если бы захотел. Мои лорды никогда мне этого не позволят.

— Твои лорды сделали тебя своим королем.

— И с той же легкостью могут переделать все обратно.

— Если за твою корону нам благополучно возвратят Арию и Сансу, мы с радостью уплатим эту цену. Половина твоих лордов жаждет прикончить Ланнистера в его темнице. Если он умрет у нас и плену, будут говорить, что...

— ...что он вполне этого заслуживал, — прервал ее Робб.

— А твои сестры? — резко спросила Кейтилин. — Они тоже заслуживают смерти? Ручаюсь тебе, что Серсея, если хоть один волосок упадет с головы ее брата, оплатит

нам кровью за кровь...

— Ланнистер не умрет. С ним никому даже говорить нельзя без моего ведома. Ему дают пищу, воду, свежую солому — это больше, чем полагалось бы. Но я не намерен его освобождать — даже ради Арьи и Сансы.

Кейтилин вдруг заметила, что сын смотрит на нее сверху вниз. Неужели это из-за войны он так быстро вырос — или все дело в короне, которую на него возложили?

— Ты боишься снова встретиться с Джейме Ланнистером в поле — ведь так?

Серый Ветер зарычал, словно гнев Робба передался ему, а Эдмар

Талли положил руку на плечо Кейтилин.

— Не надо, Кет. В этом мальчик прав.

— Не называй меня мальчиком. — Робб выплеснул гнев на своего злополучного дядю, желавшего его поддержать. — Я почти взрослый, и я король — твой король, сир. А Джейме Ланнистера я не боюсь. Я побил его один раз и побью еще, если придется, только... — Он откинул волосы с глаз. — Вот на отца я бы Цареубийцу обменял, а...

— ...А на девочек — нет? — с ледяным спокойствием спросила Кейтилин. — Девочки в счет не идут, так?

Робб не ответил, но глаза у него стали обиженными. Голубые глаза, глаза Талли – это она дала их ему. Она сделала ему больно, но он слишком сын своего отца, чтобы признаться в этом.

«Ты ведешь себя недостойно, – сказала она себе. – Боги праведные, что со мной случилось? Робб делает что может, он очень старается, я же вижу... но я потеряла Неда, скалу, на которую опиралась моя жизнь. Я не выдержу, если потеряю еще и девочек».

– Я сделаю для сестер все, что можно, – сказал Робб. – Если у королевы есть хоть немного здравого смысла, она примет мои условия.

Если нет, я заставлю ее пожалеть о том дне, когда она мне отказала. — Ему явно не хотелось продолжать этот разговор. — Матушка, ты уверена, что не хочешь ехать в Близнецы? Там не воюют, и ты познакомишься бы с дочерью лорда Фрея, чтобы помочь мне выбрать невесту, когда война кончится.

«Он хочет, чтобы я уехала, — устало подумала Кейтилин. — Королям, как видно, матерей иметь не полагается, и я говорю ему вещи, которых он не желает слышать».

— Ты достаточно взрослый, чтобы решить без материнской помощи, которая из дочек лорда Уолдера тебе по вкусу, Робб.

– Тогда поезжай с Теоном. Он отправляется завтра. Он поможет Маллистерам доставить пленников в Сигард и отплывет на Железные острова. Ты могла бы тоже сесть на корабль и к новой луне вернуться в Винтерфелл, если ветры будут благоприятны. Бран и Рикон нуждаются в тебе.

«В отличие от тебя – это ты хочешь сказать?»

– Моему лорду-отцу осталось совсем немного времени. Пока твой дед жив, мое место в Риверране, рядом с ним.

– Я мог бы приказать тебе как король.

Кейтилин пропустила это мимо

ушей.

— Говорю тебе еще раз: пошли в Пайк кого-нибудь другого, а Теона оставь при себе.

— Кто же лучше договорится с Бейлоном Грейджоем, чем его сын?

— Ясон Маллистер. Титос Блэквуд. Стеврон Фрей. Кто угодно... только не Теон.

Робб присел на корточки рядом с Серым Ветром, ероша волку шерсть и стараясь не смотреть матери в глаза.

— Теон храбро сражался за нас. И я рассказывал тебе, как он спас Брана от одичалых в лесу. Если Ланнистеры не захотят заключить мир, мне понадобятся боевые ладьи

лорда Грейджоя.

— Ты получишь их вернее, если оставишь его сына в заложниках.

— Теон полжизни пробыл в заложниках.

— На то были причины. Бейлону Грейджою доверять нельзя. Вспомни — он тоже носил корону, хотя и недолго. Может статься, он мечтает надеть ее снова.

— Я его за это не виню, — встав, сказал Робб. — Я — Король Севера, а он пусть будет королем Железных островов, если хочет. Я буду рад надеть на него корону, если он поможет мне свалить Ланнистеров.

— Робб...

— Я пошлю Теона. Доброго дня,

матушка. Пошли, Серый Ветер. — Робб быстро удалился, и лютоволк потрусил за ним.

Кейтилин оставалось только посмотреть ему вслед. Ее сын стал ее королем. Какое это странное чувство. Приказывай, сказала она ему во Рву Кейлин, — вот он и приказывает.

— Пойду навещу отца, — сказала она. — Хочешь со мной, Эдмар?

— Мне надо сказать пару слов новым лучникам, которых обучает сир Десмонд. Я зайду к нему позже.

Если он еще будет жив, подумала Кейтилин, но промолчала. Брат охотнее пошел бы на битву, чем к одру умирающего.

Самый короткий путь к

центральному зданию замка, где лежал ее отец, вел через богорощу с ее густой травой, дикими цветами, зарослями вязов и краснодрева. Листва шелестела на деревьях, ничего не зная о вести, которую принес в Риверран белый ворон две недели назад. Настала осень, объявил Конклав, — но боги еще не оповестили об этом леса и ветры, за что Кейтилин была благодарна им. Осень всегда страшит, ибо впереди у нее маячит призрак зимы, и даже мудрецы не ведают, не окажется ли следующий урожай последним.

Хостер Талли, лорд Риверрана, лежал в своей горнице, выходящей на восток, где реки Камнегонка и

Красный Зубец сливались под стенами его замка. Он спал, когда вошла Кейтилин, – волосы и борода у него были белыми, как его простыни, и смерть, растущая внутри, изглодала могучее некогда тело.

Рядом с кроватью, все еще в кольчуге и замызганном дорожной грязью плаще, сидел брат отца, Черная Рыба. Его сапоги покрывала густая пыль.

– Робб уже знает, что ты вернулся, дядя? – Сир Бринден Талли был глазами и ушами Робба, командиром его разведчиков и передовых отрядов.

– Нет, я пришел сюда прямо с конюшни, поскольку мне сказали,

что король держит совет. Я подумал, что его величество захочет сначала выслушать мои новости наедине. — Черная Рыба был высок, худощав, с седыми волосами и четкими движениями, с морщинистым, обветренным, гладко выбритым лицом. — Как он?

Кейтилин поняла, что он спрашивает не о Роббе.

— Почти так же. Мейстер дает ему сонное вино и маковое молоко, чтобы облегчить боль, поэтому он большей частью спит, а вот ест очень мало. Мне кажется, что он слабеет с каждым днем.

— Он говорит что-нибудь?

— Да... но смысла в его словах

все меньше и меньше. Он сожалеет о незаконченных делах, вспоминает о людях, давно умерших, и временах, давно минувших. Порой он забывает, который теперь год, и не узнает меня. Однажды он назвал меня именем матери.

— Он все еще тоскует по ней, и у тебя ее лицо. Скулы, подбородок...

— Ты помнишь ее лучше, чем я. Ее так давно нет с нами. — Кейтилин села на кровать и отвела прядь тонких белых волос, упавшую отцу на лицо.

— Каждый раз, уезжая, я не ведаю, застану ли его в живых. — Несмотря на их ссоры, между отцом и его братом, от которого он когда-то

отрекся, существовали тесные узы.

— Хорошо, что вы хотя бы помирились.

Некоторое время они сидели молча, потом Кейтилин подняла глаза.

— Ты упомянул о новостях, которые Роббу следует знать?

Лорд Хостер застонал и повернулся на бок, как будто слышал. Бринден встал.

— Давай-ка выйдем. Не нужно его будить.

Они вышли с ним на каменный треугольный балкон, выступающий наружу, точно нос корабля. Дядя хмуро посмотрел вверх.

— Теперь ее и днем видно. Мои

люди называют ее Красной Вестницей... но о чем она возвещает?

Тусклый красный хвост кометы выделялся на глубокой синеве, словно длинная царапина на лице бога.

— Большой Джон сказал Роббу, что это старые боги развернули красное знамя мщения за Неда. Эдмар думает, что это знак победы Риверрана — он видит там рыбу с длинным хвостом в цветах Талли, красное на голубом. — Кейтилин вздохнула. — Хотела бы я быть столь же уверенной. Темно-красный — Цвет Ланнистеров.

— Это не цвет Ланнистеров — и

не красный речной или Талли. Это кровь размазана по небу, дитя.

— Чья кровь — их или наша?

— Разве была когда-нибудь война, где только одна сторона проливала бы кровь? Все земли вокруг Божьего Ока обогреты огнем и кровью. Война дошла на юге до Черноводной, а на севере перекинулась через Трезубец и докатилась почти до Близнецов. Марк Пайпер и Карил Вене одержали кое-какие мелкие победы, и этот южный лордик Берик Дондаррион постоянно налетает на фуражиров лорда Тайвина, скрываясь после в лесу. Сир Бертон Кракехолл, говорят, все похвалялся, будто убил Дондарриона, пока не угодил со

своим отрядом в засаду лорда Берика и не положил всех своих людей до единого.

— Вместе с лордом Бериком воюют гвардейцы Неда из Королевской Гавани, — вспомнила Кейтилин. — Да сохранят их боги.

— Дондаррион и этот красный жрец из его отряда достаточно умны, чтобы сами себя уберечь, если верить байкам о них, — но лорды-знаменосцы твоего отца дело иное. Не надо было Роббу отпускать их. Они разбежались, как куропатки, и каждый пытается защитить свое, а это глупо, Кет, очень глупо. Джонаса Браккена ранили в стычке среди руин его замка, а его племянник Хендри

погиб. Титос Блэквуд прогнал Ланнистеров со своих земель, но они угнали всех коров и свиней, подчистили все до зернышка и не оставили ему ничего, кроме Древорона и выжженной пустыни вокруг. Люди Дарри отбили замок своего лорда, но не прошло и двух недель, как Грегор Клиган налетел на них и вырезал весь гарнизон вместе с лордом.

— Но ведь Дарри совсем еще мальчик, — ужаснулась Кейтилин.

— Да, притом последний в роду. За него дали бы хороший выкуп, но зачем золото такому бешеному псу, как Грегор Клиган? Клянусь, голова этого зверя стала бы достойным

подарком для всех жителей нашего королевства.

Кейтилин знала, сколь дурная репутация у сира Грегора, и все же...

— Не говори мне о головах, дядя. Серсея вздела голову Неда на пику над стеной Красного Замка, оставив ее на поживу воронам и мухам. — Даже теперь ей трудно было поверить, что Неда нет на свете. Иногда по ночам она просыпалась в темноте, и ей казалось, что он здесь, рядом с ней. — Клиган — всего лишь слепое орудие лорда Тайвина. — Кейтилин думала, что настоящая угроза заключается в нем, Тайвине Ланнистере, лорде Бобрового Утеса, Хранителе Запада, отце королевы

Серсеи, сира Джейме-Цареубийцы, Тириона-Беса и деде Джоффри Баратеона, вновь коронованного мальчика-короля.

— И то правда, — согласился сир Бринден. — А Тайвин Ланнистер, скажу я тебе, не дурак. Он сидит за надежными стенами Харренхолла, кормит свое войско нашим хлебом и жжет то, чего не может забрать. Грегор — не единственный пес, спущенный им с цепи. Сир Амори Лорх тоже рыщет в поле, и какой-то наемник из Клохора, предпочитающий калечить, а не убивать. Я видел, что они за собой оставляют. Целые деревни предаются огню, женщин насилуют и кромсают

их тела, детей убивают, убитых бросают непогребенными на съедение волкам и диким собакам... от этого даже мертвым тошно.

— Эдмар придет в ярость, когда услышит.

— Лорду Тайвину только того и надобно. Всякое зверство имеет свою цель. Он хочет выманить нас в поле, чтобы сразиться.

— Как бы Робб не поддался на эту уловку, — испугалась Кейтилин. — Ему не сидится на месте, а Эдмар, Большой Джон и другие только и подзуживают его. — Ее сын одержал две большие победы, разбив Джейме Ланнистера сперва в Шепчущем Лесу, а затем под стенами Риверрана,

но если послушать некоторых его лордов-знаменосцев, он просто новый Эйегон Завоеватель.

Бринден Черная Рыба поднял седую кустистую бровь.

— Дураки же они после этого. У меня, Кет, на войне первое правило такое: никогда не делай того, чего желает твой враг. Лорд Тайвин сам навязывает нам поле сражения — он хочет, чтобы мы двинулись на Харренхолл.

— Харренхолл. — Каждый ребенок на Трезубце знал сказку о Харренхолле, огромной крепости, которую король Харрен Черный возвел близ Божьего Ока триста лет назад, когда Семь Королевств в

самом деле были семью королевствами и речными землями правили Железные Люди с островов. Харрен в гордыне своей пожелал построить замок выше всех в Вестеросе. Сорок лет ушло на постройку – замок рос, как черная тень, на берегу озера, а люди Харрена тем временем грабили соседей, отбирая у них камень, лес, золото и рабочих. Тысячи пленных погибли в рудниках, или прикованные к волокушам, или при возведении пяти колоссальных башен. Люди замерзали зимой и умирали от жары летом. Чардрева, простоявшие три тысячи лет, валили на балки и стропила. Ради

осуществления своей мечты Харрен разорил и речные земли, и Железные острова. И в тот день, когда король поселился в своем наконец-то построенном замке, Эйегон Завоеватель высадился в Королевской Гавани.

Кейтилин помнила, как старая Нэн рассказывала эту сказку ее детям в Винтерфелле, неизменно заканчивая словами: «И тогда король Харрен узнал, что толстые стены и высокие башни от драконов не спасают. Ведь драконы умеют летать». Харрен со всем своим семейством погиб в огне, охватившем его чудовищную крепость, и ни один знатный дом, владевший

Харренхоллом с тех пор, не знал счастья. При всем своем могуществе это темное и проклятое место.

— Не хотела бы я, чтобы Робб сражался в тени этого замка, — призналась Кейтилин. — Но и бездействовать тоже нельзя, дядя.

— Никак нельзя, — согласился он. — Я еще не сказал тебе самого худшего. Люди, которых я послал на запад, донесли, что у Бобрового Утеса собирается новая рать.

Еще одно войско Ланнистеров. От этой вести ей стало дурно.

— Нужно немедленно сообщить об этом Роббу. Кто ею командует?

— Сир Стаффорд Ланнистер, как говорят. — Бринден смотрел на

сливающиеся внизу реки, и его красный с голубым плащ трепетал на ветру.

— Еще один племянник? — Ланнистеры из Бобрового Утеса были необычайно большим и плодовитым родом.

— Кузен. И брат покойной жены лорда Тайвина, стало быть, дважды родня. Он уже стар и малость туповат, но у него есть сын, Девин, — этот будет пострашнее.

— Остается надеяться, что в бою этой армией будет командовать отец, а не сын.

— У нас еще есть немного времени до встречи с ними. Это войско состоит из наемников,

вольных всадников и зеленых юнцов, набранных в притонах Ланниспорта. Сиру Стаффорду придется вооружить и обучить их, прежде чем вести на битву... и не будем забывать, что лорд Тайвин – это не Цареубийца. Он не станет действовать наобум. Он будет ждать терпеливо и носа не высунет из Харренхолла до выступления сира Стаффорда.

– Если только...

– Да?

– Если какая-нибудь новая угроза не вынудит его покинуть Харренхолл.

– Лорд Ренли, – задумчиво произнес Бринден.

– Король Ренли. – Если она

собирается просить помощи у этого человека, придется величать его так, как он того требует.

— Может статья. — Бринден сверкнул зубами в хищной улыбке. — Но он захочет чего-то взамен.

— Того же, что хотят все короли, — почестей.

Тирион

Янос Слонт был сыном мясника, и смех его звучал так, точно он разделывал тушу.

— Еще вина? — спросил его Тирион.

— Не откажусь. — Лорд Янос подставил чашу. Сложением он напоминал бочку и был способен вместить столько же жидкости. — Это красное просто чудо. Из Бора, верно?

— Дорнийское. — Слуга по знаку Тириона наполнил чашу. Если не считать челяди, они с лордом Яносом были одни в Малом Чертоге,

и стол, где горели свечи, окутывала тьма. — Диковина своего рода. Дорнийские вина не часто имеют такой букет.

— Букет, — подхватил смахивающий на лягушку лорд, отхлебнув здоровенный глоток. Янос Слинг был не из тех, кто смакует напитки, это Тирион подметил сразу. — Вот то самое слово, которое я искал. У вас прямо-таки дар на слова, лорд Тирион. И какую забавную историю вы рассказали.

— Рад, что вам понравилось. Но я не лорд в отличие от вас. Зовите меня просто Тирион, лорд Янос.

— Как угодно. — Янос хлебнул еще, забрызгав свой белый атласный

дублет. Сверху на нем был золотой полуплащ, застегнутый миниатюрным копьём с наконечником, покрытым темно-красной эмалью. Не оставалось сомнений в том, что Янос здорово захмелел.

Тирион, прикрыв рукой рот, тихонько рыгнул. Он не так налегал на вино, как лорд Янос, но тоже был полон до краев. Первым делом, поселившись в башне Десницы, он справился о лучшей в городе кухарке и взял ее к себе. В этот вечер на ужин у них был суп из бычьих хвостов, летний салат с орехами, виноградом, сладким красным укропом и тертым сыром, горячий пирог с крабами,

тыква с пряностями и куропатки в масле. К каждому блюду подавалось свое вино. Лорд Янос уверял, что никогда еще не ел так вкусно.

— Вы еще наверстаете свое, когда поселитесь у себя в Харренхолле, — сказал Тирион.

— Безусловно. Вот возьму и переманю к себе вашу кухарку — что вы на это скажете?

— Войны разыгрывались и по менее важным причинам, — сказал Тирион, и оба от души посмеялись. — Только храбрый человек мог избрать Харренхолл своим поместьем. Замок так мрачен и так огромен... дорого станет его содержать. Говорят даже, что он проклят.

– Стану я бояться груды камней. Храбрый, вы говорите? Тому, кто хочет подняться, приходится быть храбрым. Взять хоть меня. Да, Харренхолл! А почему бы и нет? Вы меня поймете. Вы тоже храбрый человек, я это чувствую. Хоть маленький, а храбрый.

– Вы слишком добры. Еще вина?

– Нет, право же, хватит... а, проклятие богам, будь по-вашему. Почему нет? Храбрый человек пьет до отвала!

– Это правда. – Тирион наполнил чашу лорда Слинта до краев. – Я просмотрел имена тех, кого вы прочите на свое старое место начальника городской стражи.

– Славные ребята. Любой из шестерых подойдет, но я бы взял Аллара Дима. Моя правая рука – отличный парень, преданный. Выберите его, и вы не пожалеете – если король одобрит, конечно.

– Само собой. – Тирион отпил немного из своей чаши. – Я сам подумывал о сире Джаселине Байвотере. Он три года был капитаном караула у Грязных ворот и отличился во время восстания Бейлона Грейджоя. Король Роберт посвятил его в рыцари в Пайке – однако его в вашем списке нет.

Янос хлебнул вина и подержал его во рту, прежде чем проглотить.

– Байвотер... Ну что ж. Он,

конечно храбрец, только... уж больно жесткий. И со странностями. Люди его не любят. Потом он калека — потерял руку при Пайке, за это его и сделали рыцарем. Не слишком выгодная сделка, на мой взгляд, — рука в обмен на сира. Сир Джаселин чересчур много понимает о себе и своей чести, вот что. Его лучше оставить там, где он есть... Тирион. Аллар Дим — вот кто вам нужен.

— Мне сказали, что Дима в городе недолюбливают.

— Его боятся — это лучше всякой любви.

— Я что-то слышал о нем. Какая-то заваруха в борделе?

— Было дело. Но это не его вина.

Он не хотел убивать ту женщину — она сама напросилась. Он ее предупредил, чтобы не мешалась.

— Мать все-таки... следовало ожидать, что она попытается спасти свое дитя. Отведайте-ка этого сыра, он хорошо идет с вином. Скажите, почему вы доверили эту тяжелую задачу именно Диму?

— Хороший командир должен знать своих людей, Тирион. Одни годятся для одной работы, другие для другой. Грудной младенец — дело нелегкое. Не всякий на это способен, даже если речь идет о шлюхе и ее отродье.

— Да, пожалуй. — При слове «шлюха» Тирион вспомнил Шаю, и

Тишу задолго до неё, и всех других женщин, которые брали с него деньги и принимали в себя его семя.

– Дим – суровый человек для суровой работы, – продолжал Слинг. – Делает то, что ему велят, а после ни слова. – Он отрезал себе ломоть сыра. – Хороший сыр, острый. Дайте мне хороший острый ножик и хороший острый сыр – и я счастлив.

– Угощайтесь, пока можно. Речные земли объаты пламенем. Ренли сидит королем в Хайгардене – скоро хороший сыр будет трудно достать. Кто, собственно, послал вас к той шлюхе?

Лорд Янос, бросив на Тириона подозрительный взгляд, засмеялся и

махнул на него куском сыра:

— А вы хитрец, Тирион. Хотели подловить меня, да? Только одного вина и сыра мало, чтобы заставить Яноса Слинта сказать больше положенного. Тем и горжусь. Никаких вопросов — и ни слова после.

— Вы с Димом — два сапога пара.

— Вот-вот. Сделайте его командиром стражи, когда я уеду к себе в Харренхолл, и вы не пожалеете.

Тирион отломил кусочек сыра. И верно острый, весь в прожилках — в самый раз подходит к вину.

— Кого бы ни назначил король, ему нелегко будет заменить вас. У

лорда Мормонта такое же
затруднение.

– Я думал, Мормонт – это леди,
которая спит с медведями.

– Я говорю о ее брате Джиоре,
лорде-командующем Ночного
Дозора. Когда я гостил у него на
Стене, он сетовал, что не может
подобрать достойного человека на
свое место. В Дозоре нынче мало
достойных людей. Он спал бы
спокойнее, будь у него человек вроде
вас – или храброго Аллара Дима.

– Ну, этого он вряд ли дождетя!
– заржал Слонт.

– Казалось бы, вы правы – но
жизнь порой принимает
неожиданный оборот. Вспомните

Эддарда Старка, милорд. Едва ли он мог предположить, что его жизнь оборвется на ступенях септы Бейелора.

— Как и кто-либо другой, — усмехнулся лорд Янос.

— Жаль, что меня тогда не было здесь. Говорят, даже Варис был удивлен.

Лорд Янос засмеялся так, что его объемный живот затрясся.

— Паук. Все-то он видит, все знает — а вот этого не знал.

— Да и откуда? — В голосе Тириона впервые пробился холодок. — Ведь это он убедил мою сестру помиловать Старка при условии, что тот наденет черное.

– А? Что? – растерянно заморгал Слинг.

– Мою сестру, – терпеливо, словно недоумку, втолковывая, повторил Тирион. – Серсею. Королеву-регентшу.

– А-а... – Слинг сглотнул, – это так... но приказ отдал король, милорд. Сам король.

– Королю тринадцать лет, – напомнил ему Тирион.

– Тем не менее он король. – Слинг насупился, тряся щеками. – Правитель Семи Королевств.

– Вернее сказать, одного или двух из семи. Можно взглянуть на ваше копье?

– Копье?

– То, которым застегнут ваш плащ.

Лорд Янос недоумевающе отколол булавку и подал Тириону.

– У нас в Ланниспорте золотых дел мастера работают лучше, – заметил тот. – Эта эмалевая кровь ярковата, на мой взгляд. Скажите, милорд, вы сами вогнали ему копье в спину или отдали приказ?

– Отдал приказ – и сейчас поступил бы так же. Лорд Старк был изменник. – Лысина Слинта побагровела, парчовый плащ свалился на пол. – Он пытался подкупить меня.

– Не ведая о том, что вы уже продались.

Слинг со стуком поставил чашу на стол.

– Вы что, пьяны? Думаете, я буду сидеть здесь и слушать, как оскорбляют мою честь?

– Какую там честь. Спору нет, ты заключил более выгодную сделку, чем сир Джаселин. Лордство и замок за копье в спину, которое к тому же вонзил не ты. – Тирион швырнул золотую булавку обратно Слинту. Она ударилась о грудь вскочившего на ноги Яноса и со звоном упала на пол.

– Мне не нравится ваш тон, мил... Бес. Я лорд Харренхолла и королевский советник – кто такой ты, чтобы выговаривать мне подобным образом?

Тирион склонил голову набок:

— Полагаю, тебе прекрасно известно, кто я такой. Сколько у тебя сыновей?

— Что тебе до моих сыновей, карлик?

— Карлик? — вспыхнул Тирион. — Лучше бы ты остановился на Бесе. Я Тирион из дома Ланнистеров, и если боги не обделили тебя хотя бы тем разумом, который даруют моллюску, ты когданибудь возблагодаришь их на коленях за то, что имел дело со мной, а не с моим лордом-отцом. Итак, сколько у тебя сыновей?

В глазах у Яноса появился страх.

— Т-трое, милорд. И дочь. Прошу вас, милорд...

– Не надо просить. – Тирион соскользнул со стула. – Даю тебе слово, что ничего худого с ними не случится. Младших определяют в оруженосцы, и если они будут служить усердно и преданно, то со временем смогут стать рыцарями. Пусть не говорят, что дом Ланнистеров не вознаграждает за верную службу. Старший сын унаследует титул лорда Слинта и эту твою жуткую эмблему. – Он пнул ногой золотое копье. – Ему дадут землю, а усадьбу он построит себе сам. Не Харренхолл, конечно, но ему и в ней хорошо будет. Он же выдаст замуж сестру.

Янос Слонт из красного

сделался белым.

— А-а... к-как же... я? — Щеки у него тряслись, как студень.

— Ты хочешь знать, что будет с тобой? — Тирион дал Слинту потрястись еще немного и ответил:

— Каррака «Летний сон» отходит с утренним приливом. Её владелец сказал мне, что она зайдет в Чаячий Город, в Три Сестры, на остров Скагос и в Восточный Дозор. Когда увидишь лорда-командующего Мормонта, передай ему мой горячий привет и скажи, что я не забыл о нуждах Ночного Дозора. Желаю вам долгих лет и хорошей службы, милорд.

Когда Янос Слинг смекнул, что

его в конечном итоге не казнят, краски вернулись на его лицо. Он выпятил челюсть.

— Это мы еще посмотрим. Бес. Карлик. Как бы ты сам не отправился в плавание на этом корабле, чтобы послужить на Стене. — У него вырвался смех, похожий на лай. — Ты тут сильно грозился, но мы поглядим. Я как-никак друг короля. Посмотрим, что скажет об этом Джоффри. И Мизинец, и королева, да-да. У Яноса Слинта много друзей. Посмотрим, кто отплывет отсюда утром.

Слонт повернулся кругом, как стражник, которым был совсем недавно, и зашагал через Малый

Чертог, стуча сапогами по камню. Он взошел по ступеням, распахнул дверь... и увидел перед собой высокого, с квадратным подбородком человека в черном панцире и золотом плаще. К его правой руке была приделана железная кисть.

– Здравствуй, Янос, – сказал он, поблескивая глубоко посаженными глазами из-под нависшего лба и шапки русых с проседью волос. Шестеро золотых плащей вошли в Малый Чертог вслед за ним, а Янос Слинг попятился.

– Лорд Слинг, – сказал Тирион, – я полагаю, вы знакомы с сиром Джаселином Байвотером, новым командиром городской стражи.

– Вас ждут носилки, милорд, – сказал сир Джаселин Слинту. – Пристань далеко, а на улицах темно и небезопасно. Взять его.

Когда золотые плащи вывели своего бывшего начальника, Тирион подозвал сира Джаселина к себе и вручил ему свернутый пергамент.

– Путешествие будет долгим, и лорду Слинту понадобится общество. Позаботьтесь, чтобы эти шестеро отправились вместе с ним.

Байвотер проглядел список и улыбнулся.

– Слушаюсь.

– Там значится некий Дим, – тихо сказал Тирион. – Скажите капитану, что никто не будет в обиде,

если этого малого смоет за борт еще до Восточного Дозора.

– Говорят, в этих северных водах часто штормит, милорд. – Сир Джаселин откланялся и удалился, шурша плащом. По пути он наступил на парчовый плащ Слинта.

Тирион допил остатки дорнийского вина. Слуги сновали взад-вперед, убирая со стола. Вино он велел оставить. Когда они ушли, в зал тихо проскользнул Варис, пахнувший лавандой, в широких одеждах того же цвета.

– Все прошло прелестно, дражайший милорд.

– Почему же тогда у меня во рту такой мерзкий вкус? – Тирион

прижал пальцы к вискам. — Я велел им бросить Аллара Дима в море, и мне очень хочется проделать то же самое с тобой.

— Исход мог бы вас разочаровать. Штормы приходят и уходят, волны плещут, большие рыбы пожирают малых, а я знай себе плыву. Могу я попробовать вино, которое так понравилось лорду Слинту?

Тирион хмуро указал ему на штоф. Варис наполнил чашу.

— А-ах. Сладкое, как лето. — Он сделал еще глоток. — Я чувствую, как оно поет у меня на языке.

— А я-то думал, что это за шум. Вели ему замолчать — у меня и без того голова лопается. Это была моя

сестра — вот чего не сказал мне наипреданнейший лорд Янос. Это Серсея послала золотых плащей в тот бордель.

Варис нервно хихикнул — надо полагать, он знал это с самого начала.

— Ты знал, но молчал, — укорил его Тирион.

— Ваша дражайшая сестра, — сказал Варис скорбно — того и гляди заплачет. — Тяжело говорить такое человеку, милорд. Я не знал, как вы это воспримете. Могу я надеяться на ваше прощение?

— Нет, — рявкнул Тирион. — Будь ты проклят — и она с тобой вместе. — Он знал, что Серсею тронуть не

сможет, даже если очень захочет, а он совсем не был уверен, что хочет этого. Но ему претило изображать из себя скомороха, наказывая мелкую сошку вроде Яноса Слинта и Аллара Дима, в то время как сестра продолжает свое жестокое дело. — Впредь говори мне все, что знаешь, лорд Варис. Все.

— Долго пришлось бы рассказывать, милорд, — лукаво улыбнулся евнух. — Я много чего знаю.

— Однако дитя спасти не сумел.

— Увы. Был еще один бастард, мальчик-подросток. Его я убрал из города от греха подальше... но мне, признаться, в голову не пришло, что

и младенцу может грозить опасность. Девчушка, которой не было и года, дочь жалкой шлюхи... какой от нее мог быть вред?

— Она родилась от Роберта, — с горечью сказал Тирион. — Серсее, видимо, и этого было довольно.

— Да. Все это очень печально. Я горько виню себя за бедную малютку и за ее мать, такую юную и так любившую короля.

— Любившую или нет — кто знает. Может ли шлюха любить кого-то по-настоящему? — Тирион не знал погибшую, но вместо нее ему представлялись Шая и Тиша. — Ладно, не отвечай. Некоторые вещи я предпочитаю не знать. — Шаю он

поселил в просторном доме с собственным колодцем, конюшней и садом; он дал ей слуг, чтобы ухаживали за ней, белую птицу с Летних островов, чтобы ее развлекала, стражу для охраны, шелка, серебро и драгоценные камни. Но она не была спокойна и говорила, что хочет видеть его чаще, служить и помогать ему. «Лучше всего ты помогаешь мне тут, под одеялом», — сказал он ей однажды после любви, положив голову ей на грудь, со сладко ноющими чреслами. Она не ответила, только посмотрела — и он понял, что она ждала от него не таких слов.

Тирион вздохнул и снова хотел

налить себе вина, но вспомнил лорда Яноса и отодвинул штоф.

— Но относительно смерти Старка сестра, кажется, сказала правду. За это безумие мы должны благодарить моего племянника.

— Король Джоффри отдал приказ, а Янос Слинг и сир Илин Пейн выполнили его незамедлительно и без колебаний...

— ...так, словно ожидали этого заранее. Да, мы уже обсуждали все это, и без всякого толку. Безумие.

— Теперь, когда городская стража у нас в руках, вы можете позаботиться о том, милорд, чтобы его величество не совершал дальнейших... безумств. Есть,

конечно, еще и гвардия королевы...

— Красные плащи? Виларр присягал Бобровому Утесу, и он знает, что я здесь по указанию отца. Серсее трудновато будет обратить его людей против меня... кроме того, их только сотня, а у меня полторы сотни своих. И шесть тысяч золотых плащей — если Байвотер действительно тот, за кого ты поручился.

— Вы найдете в сире Джаселине отважного, порядочного, исполнительного... и благодарного человека.

— Благодарного, да только кому?
— Тирион не доверял Варису, хотя не мог отрицать, что тот очень полезен

и дело свое знает. — Почему вы, собственно, так стараетесь для меня, лорд Варис? — спросил он, разглядывая мягкие руки евнуха, его гладкое напудренное лицо и скользкую улыбочку.

— Вы наш десница. Я служу государству, королю и вам.

— Как служили Джону Аррену и Эддарду Старку?

— Я служил лорду Аррену и лорду Старку столь же усердно. Их безвременная смерть опечалила и ужаснула меня.

— Что тогда сказать обо мне? Я, по всей видимости, буду следующим.

— О, надеюсь, что нет, — сказал Варис, покачивая вино в своей чаше.

– Власть – странная штука, милорд. Вы уже разрешили загадку, которую я загадал вам тогда в гостинице?

– Я задумывался над ней пару раз, – признался Тирион. – Король, священник и богач – кто умрет, а кто останется жив? Кому подчиняется наемник. У этой загадки нет ответа – вернее, их слишком много. Все зависит от человека с мечом.

– Между тем он никто. У него нет ни короны, ни золота, ни благословения богов – только кусок заостренной стали.

– Этот кусок стали имеет власть над жизнью и смертью.

– Истинно так... но если нами правят люди с мечами, почему мы

тогда притворяемся, будто власть принадлежит королям? Почему сильный мужчина с мечом подчиняется ребенку вроде Джоффри или пропитанному вином олуху вроде его отца?

— Потому что короли, как мальчики, так и пьяные олухи, могут позвать других сильных мужчин с мечами.

— Значит, этим другим воинам и принадлежит власть. Или нет? Откуда они берут свои мечи? И опять-таки почему повинуются чьим-то приказам? — Варис улыбнулся. — Одни говорят, что власть заключается в знании. Другие — что ее посылают боги. Третьи — что она дается по

закону. Однако в тот день на ступенях септы Бейелора наш святейший верховный септон, законная королева-регентша и ваш столь хорошо осведомленный слуга оказались так же беспомощны, как всякий разносчик или медник в толпе. Как по-вашему, кто убил Эддарда Старка? Джоффри, отдавший приказ? Сир Илин Пейн, нанесший удар мечом? Или... кто-то другой?

Тирион склонил голову набок.

– Чего ты хочешь? Чтоб я разгадал твою проклятую загадку или чтобы голова у меня разболелась еще пуще?

– Тогда я сам скажу, – улыбнулся

Варис. – Власть помещается там, где человек верит, что она помещается. Ни больше ни меньше.

– Значит, власть – всего лишь фиглярский трюк?

– Тень на стене... но тени могут убивать. И порой очень маленький человек отбрасывает очень большую тень.

– Лорд Варис, – с улыбкой сказал Тирион, – я начинаю питать к вам странную привязанность. Может, я еще и убью вас, но, пожалуй, не без грусти.

– Я воспринимаю это как высшую похвалу.

– Кто же ты такой, Варис? – Тириону вдруг взаправду захотелось

это узнать. — Люди говорят, ты паук.

— Шпионы и осведомители редко пользуются любовью, милорд. Я всего лишь верный слуга государства.

— И евнух, не будем забывать.

— Я редко забываю об этом.

— Меня тоже зовут полумужем, но ко мне, пожалуй, боги были добрее. Я мал, и ноги у меня кривые, и я не пробуждаю в женщинах пылких желаний... но все-таки я мужчина. Шая не первая женщина в моей постели, и когда-нибудь я смогу жениться и стать отцом. Если боги будут милостивы, мой сын пойдет красотой в дядю, а умом в отца. Ты же лишен такой надежды. Карлики —

шутка богов, но евнухов создают люди. Кто сотворил это с тобой, Варис? Когда и зачем? Кто ты на самом деле?

Улыбка не исчезла с лица евнуха, но глаза больше не смеялись.

— Вы очень добры, что спрашиваете об этом, милорд, но моя история длинна и печальна, между тем измена не дремлет. — Он достал из рукава пергамент. — Капитан королевской галеи «Белый олень» собирается сняться с якоря через три дня, чтобы предложить свой корабль и свой меч лорду Станнису.

— И мы, полагаю, должны преподать ему кровавый урок? — вздохнул Тирион.

– Сир Джаселин может устроить так, чтобы он просто исчез, но королевский суд помог бы обеспечить верность других капитанов.

«И занять моего августейшего племянника».

– Делай как знаешь. Пусть Джоффри отпустит ему порцию своего правосудия.

Варис сделал пометку на пергаменте.

– Сир Хорас и сир Хоббер Редвины подкупили часового с тем, чтобы он в послезавтрашнюю ночь выпустил их через калитку. Они намереваются отплыть на пантосийской галсе «Лунный бегун»

под видом гребцов.

— Может, посадить их на весла на несколько годков — и посмотреть, как им это понравится? Но нет, моя сестра не захочет лишиться столь дорогих гостей. Скажи об этом Джаселину и пусть подкупленному ими человеку объяснят, как почетно быть братом Ночного Дозора. И пошлите людей на «Лунного бегуна» на тот случай, если Редвины найдут еще одного стража, желающего подзаработать.

— Слушаюсь. — Еще одна пометка на пергаменте. — Ваш Тиметт нынче вечером в игорном притоне на Серебряной улице убил сына некого виноторговца за то, что тот плутовал

В плашки.

– Он и правда плутовал?

– Вне всякого сомнения.

– Стало быть, честные люди этого города должны сказать Тиметту спасибо – а я позабочусь, чтобы и король его отблагодарил.

Евнух, хихикнув, сделал еще пометку.

– Мы также подверглись внезапному нашествию святых. Комета пробудила к жизни целый сонм проповедников и пророков. Они попрошайничают в кабаках и харчевнях и сулят гибель и разрушение всем, кому не лень их слушать.

– Скоро будет триста лет со дня

высадки Эйегона, – пожал плечами Тирион, – полагаю, этого следовало ожидать. Пусть себе проповедуют.

– Но они сеют страх, милорд.

– И отбивают у тебя хлеб?

Варис прикрыл рот рукой:

– Как это жестоко с вашей стороны, милорд. И последнее. Прошлым вечером леди Танда дала небольшой ужин. У меня есть перечень блюд и список гостей, если желаете взглянуть. Первую заздравную чашу лорд Джайлс поднял за короля, на что сир Бейлон Сванн заметил: «Для этого нам понадобятся три чаши». Многие смеялись.

– Полно, полно. Сир Бейлон

просто пошутил. Застольные измены меня не интересуют, лорд Варис.

— Вы столь же мудры, сколь и милостивы, милорд. — Пергамент исчез в широком рукаве. — У нас обоих много дел. Я вас оставляю.

После его ухода Тирион еще долго сидел, глядя на свечу и думая, как воспримет его сестра новость об отставке Яноса Слинта. Вряд ли с радостью — но он не видел, что Серсея может предпринять по этому поводу, кроме отправки сердитого послания лорду Тайвину в Харренхолл. Тирион теперь распоряжается городской стражей, к чему следует добавить полтора ста свирепых горцев и растущее число

наемников, вербуемых Бронном. По всем понятиям он хорошо защищен.

Эддард Старк, надо полагать, думал точно так же.

Когда Тирион вышел из Малого Чертога, Красный Замок был темен и тих. Бронн ждал в его горнице.

– Что Слинг? – спросил он.

– Лорд Янос отплывет к Стене с утренним приливом. Варис хочет мне внушить, что я заменил человека Джоффри одним из своих. Вернее будет сказать, что я заменил человека Мизинца ставленником самого Вариса, но пусть будет так.

– Должен тебя уведомить, что Тиметт убил человека...

– Варис мне говорил.

Наемника это, похоже, не удивило.

— Этот дурак думал, что одноглазого легче будет надуть. Тиметт пригвоздил его руку к столу кинжалом и голыми руками разорвал ему горло. Он напрягает пальцы вот этак и...

— Избавь меня от подробностей — мой ужин и так еле держится в животе. Как у тебя дела с новобранцами?

— Неплохо. Вечером записались еще трое.

— Откуда ты знаешь, кого брать, а кого нет?

— Я смотрю на них. Спрашиваю, где они сражались, и прикидываю,

насколько хорошо они врут. Ну а потом даю им случай убить меня, да и сам не сижусь сложа руки.

— И многих ты убил?

— Ни одного из тех, кто может нам пригодиться.

— А если кто-то из них убьет тебя?

— Такого уж точно стоит взять на службу.

Тирион немного захмелел и очень устал.

— Скажи, Бронн, если бы я велел тебе убить младенца... маленькую девочку, грудную... ты бы сделал это? Без всяких вопросов?

— Без всяких вопросов? Ну нет. — Наемник потер большой палец об

указательный. – Я спросил бы сколько.

«Зачем же мне тогда твой Аллар Дим, лорд Слинг? – подумал Тирион. – У меня своих таких целая сотня». Ему хотелось засмеяться или заплакать – а больше всего побыть с Шаем.

Арья

Дорога превратилась в две колеи, проложенные в траве. Зато здесь некому было показывать пальцем, в какую сторону они направились. Людской поток, катящийся по Королевскому Тракту, здесь сочился слабой струйкой.

Плохое заключалось в том, что дорога эта петляла, как змея, путаясь с другими, еще более узкими. Порой она пропадала вовсе и появлялась только пол-лиги спустя, когда все уже переставали надеяться. Арию это бесило. Местность здесь была довольно приятная — невысокие

холмы и поля-террасы, пересеченные лугами, рощами и маленькими долинками, где ивы клонились над ленивыми мелкими ручьями. Но из-за извивов дороги они не ехали, а скорее ползли. Особенно медленно двигались повозки, чьи оси скрипели под тяжелым грузом. Десять раз на дню приходилось останавливаться, чтобы вытащить колесо, застрявшее в колее, или соединить две упряжки, чтобы въехать на скользкий от грязи склон. Однажды посреди густой дубравы они столкнулись с парой волов, везущей дрова, и никак не могли разъехаться. Пришлось ждать, когда дровосеки выпрягут волов, повернут свою телегу, запрягут ее

снова и двинутся в ту же сторону, откуда приехали. Волы тащились еще медленнее, чем их повозки, так что в тот день они почти совсем не продвинулись.

Арья невольно оглядывалась через плечо, гадая, когда же золотые плащи их догонят. Ночью она просыпалась от малейшего шума и хваталась за Иглу. Теперь они всегда выставляли часовых, когда разбивали лагерь, но Арья им не доверяла, особенно мальчикам. От шустрых сироток из закоулков Королевской Гавани здесь было мало проку. Она пробиралась мимо них, тихая, как тень, чтобы справить ночью нужду в лесу, и ни один ее не заметил.

Однажды, когда караулил Ломми Зеленые Руки, она залезла на дуб и прыгала с дерева на дерево, пока не оказалась прямо у него над головой, а ему и невдомек было. Она бы прыгнула на него, если б не знала, что он своим воплем разбудит весь лагерь и Йорен снова задаст ей трепку.

Ломми и другие мальчишки теперь относились к Быку с почтением за то, что его разыскивала сама королева, но его это не радовало.

— Не знаю, что я ей такого сделал, — говорил он сердито. — Я исполнял свою работу, только и всего. Меха, клещи, подай-принеси.

Я собирался стать оружейником, но мастер Мотт сказал, что я должен поступить в Ночной Дозор. Больше я знать ничего не знаю. — И он уходил полировать свой шлем — красивый, круглый, с прорезью для глаз и двумя большими бычьими рогами. Бык все время начищал его масляной тряпкой до такого блеска, что шлем отражал пламя костра, но на себя никогда не надевал.

— Спорю, что он бастард того изменника, — сказал Ломми однажды ночью, понизив голос, чтобы Джендри не слышал. — Волчьего лорда, которому отсекли башку на ступенях Бейслора.

— Ничего подобного, — заявила

Арья. У ее отца был только один бастард — Джон.

Она ушла за деревья, жалея, что не может просто оседлать свою лошадь и ускакать домой. Это была хорошая лошадь, гнедая кобылка с белой звездочкой на лбу. И Арья всегда считалась хорошей наездницей. Она могла бы ускакать и никогда больше их не видеть, если сама не захочет. Только тогда некому будет разведывать для нее дорогу, прикрывать сзади или охранять, когда она спит, и когда золотые плащи ее схватят, она будет совсем одна. Безопаснее остаться с Йореном и остальными.

— Мы недалеко от Божьего Ока, —

сказал однажды утром Черный брат. – На Королевском Тракте нам будет небезопасно, пока мы не переправимся через Трезубец. Поэтому пойдем в обход озера вдоль западного берега – там нас вряд ли будут искать. – И когда две колеи в очередной раз пересеклись с двумя другими, Йорен повернул повозки на запад.

Здесь возделанные земли уступили место лесу, деревни и остроги были меньше и стояли дальше друг от друга, холмы выше и долины глубже. Еду становилось добывать все труднее. В городе Йорен запасся соленой рыбой, сухарями, салом, репой, бобами, ячменем и

кругами желтого сыра, но все это они уже съели. Вынужденный перейти на подножный корм, Йорен обратился к Коссу и Курцу, отсидевшим за браконьерство. Он посылал их в лес впереди поезда, и ввечеру они возвращались с оленями, привязанными к шесту, или связками куропаток на поясе. Мальчики собирали ежевику у дороги или забирались на изгородь и обрывали яблоки, когда случалось проезжать мимо плодового сада.

Арья, ловкая лазальщица и проворная сборщица, любила промышлять в одиночку. Как-то ей попался кролик. Бурый и жирный, он смешно дергал носом. Кролики

бегают быстрее кошек, зато по деревьям лазать не умеют. Она оглушила его своей палкой и сгребла за уши, а Йорен приготовил его с грибами и диким луком. Арье дали целую ножку, потому что кролика поймала она. Арья поделилась с Джендри. Все остальные получили по полной ложке жаркого, даже трое колодников. Якен Хгар вежливо поблагодарил Арию за такое лакомство. Кусака с блаженным видом облизал грязные пальцы, но Рорж только посмеялся и сказал:

— Тоже мне охотник. Воронье Гнездо, гроза кроликов.

На кукурузном поле близ острога под названием Белый

Шиповник их окружили какие-то крестьяне, требуя платы за собранные початки. Йорен, поглядев на их серпы, бросил им несколько медяков.

— Было время, когда человек в черном ел досыта от Дорна до Винтерфелла и даже знатные лорды почитали за честь приютить его под своим кровом, — горько посетовал он. — А теперь всякий смерд норовит содрать с нас монету за червивое яблоко.

— Эта сладкая кукуруза чересчур хороша для такой вонючей старой вороны, — огрызнулся один из деревенских. — Убирайся с нашего поля и головорезов своих забирай, не

то мы посадим тебя на кол вместо пугала для других ворон.

Ночью они запекли початки в листьях, переворачивая их раздвоенными прутиками, и съели с пылу с жару. Арье это блюдо очень понравилось, но Йорен слишком рассердился, чтобы есть. Черный как туча или как его плащ, он расхаживал по лагерю, бормоча что-то себе под нос.

Назавтра посланный на охоту Косс прискакал обратно, чтобы предупредить Йорена о расположившихся впереди ратниках.

— Их там человек двадцать или тридцать, в кольчугах и полушлемах. Некоторые сильно изранены, а один

умирает, судя по его крикам. Эти вопли позволили мне подобраться поближе. У них имеются щиты и копья, но конь только один, да и тот хромой. Они стоят на том месте довольно долго — уж больно там воняет.

— Не видел, какое у них знамя?

— Пятнистая дикая кошка, желтая с черным, на грязно-буром поле.

Йорен сунул в рот пучок кислота.

— Не знаю такого, — признался он. — Поди разбери, на чьей они стороне. Ежели их так потрепали, они наверняка захотят отнять наших коняг, за кого бы там ни воевали. А

может, и не только коняг. Свернем-ка лучше в сторону. — Пришлось сделать крюк в несколько миль, и это стоило им не меньше двух суток, но старик сказал, что они еще дешево отделались. — Спешить особо некуда — на Стене вам торчать до конца своих дней. Когда-нибудь да доберемся.

Они снова повернули на север, и Арья стала замечать у полей караулы. Одни караульщики молча стояли у дороги, провожая угрюмыми взглядами всех проезжих. Другие разъезжали верхами, с топорами, притороченными к седлам. На одном сухом дереве сидел человек с луком в руках и полным колчаном на

соседней ветке. Увидев людей, он наложил на лук стрелу и не спускал с них глаз, пока последняя повозка не скрылась из виду. Йорен бранился не переставая.

— Ишь ты, занял позиции. Хотел бы я на него поглядеть, когда придут Иные. Тогда-то он вспомнит о Дозоре!

День спустя Доббер заметил красное зарево на вечернем небе.

— Либо эта дорога снова вильнула вбок, либо солнце заходит на севере.

Йорен поднялся на пригорок, чтобы лучше видеть, и объявил:

— Пожар. — Он послюнил палец и поднял его вверх. — Ветер дует не в

нашу сторону, но лучше погодим здесь.

Стемнело, а пожар разгорался все сильнее — теперь казалось, что пылает весь северный небосклон. Иногда чувствовался даже запах дыма, но ветер не менялся, и пламя не приближалось к ним. К утру пожар догорел, но им все равно спалось не очень-то крепко.

В середине дня они добрались до места, где прежде была деревня. Поля обгорели на многие мили вокруг, от домов остались обугленные остовы. Повсюду валялись почерневшие туши животных. Потревоженное воронье, накрывшее их живым одеялом, с

карканьем взмыло вверх. Из-за частокола еще поднимался дым. Крепкий на вид палисад на поверку оказался недостаточно надежным.

Выехав вперед, Арья увидела обгоревшие тела, насаженные на острые колья вдоль ограды, — руки мертвых были воздеты, словно они пытались заслониться от пожиравшего их пламени. Йорен остановился на некотором расстоянии от селения и велел Арье с мальчишками стеречь повозки, а сам с Тесаком и Мурхом отправился в деревню пешком. Когда они вошли в разбитые ворота, изнутри поднялась воронья стая, и вороны в клетках, которых Йорен вез с собой,

раскричались в ответ сородичам.

— Может, и нам пойти? — спросила Арья Джендри, видя, что Йорен долго не возвращается.

— Йорен велел ждать. — Голос Джендри звучал как-то глухо. Арья досмотрела на него и увидела, что он надел свой сверкающий шлем с большими закругленными рогами.

Когда мужчины наконец вернулись, Йорен нес на руках маленькую девочку, а Мурх и Тесак — женщину на рваном одеяле. Девочка, не старше двух лет, все время плакала — тихо и сдавленно, словно у нее в горле что-то застряло. Говорить она то ли еще не научилась, то ли забыла, как это делается. У женщины правая

рука была обрублена по локоть, а глаза, хотя и открытые, казалось, не видели ничего.

— Не надо, — беспрестанно твердила она. — Не надо, не надо. — Рорж счел это забавным и стал ржать через Дыру на месте носа, а Кусака присоединился к нему, пока Мурх не обругал их и не велел заткнуться.

Йорен приказал расчистить для женщины место в задке одной из повозок.

— Да поживее, — добавил он. — Как стемнеет, сюда сбегутся волки, и они еще не самое страшное.

— Я боюсь, — прошептал Пирожок, глядя, как мечется в бреду однорукая женщина.

– Я тоже, – призналась Арья. Он стиснул ее плечо.

– По правде-то я никакого мальчика не убивал, Арри. Продавал матушкины пирожки, и все дела.

Арья отъехала вперед, насколько хватило храбрости, чтобы не слышать, как плачет девочка и женщина стонет «не надо». Ей вспомнилась сказка старой Нэн о человеке, которого злые великаны заточили в темный замок. Смелый и хитроумный, он обманул великанов и бежал... но за стенами замка его подстерегли Иные и выпили его горячую красную кровь. Теперь Арья понимала, что он должен был чувствовать.

К вечеру женщина умерла. Джендри и Тесак вырыли ей могилу на склоне холма, под плакучей ивой. Подул ветер, и Арье послышалось, как длинные поникшие ветки шепчут: «Не надо. Не надо. Не надо». Волосы у нее на затылке стали дыбом, и она чуть не бросилась наутек от могилы.

— Нынче огня разводить не будем, — сказал им Йорен. На ужин они ели сырые коренья, найденные Коссом, с чашкой сухих бобов, а запивали водой из ближнего ручья. У воды был странный вкус, и Ломми сказал, что это мертвецы гниют где-то выше по течению. Пирожок хотел побить его, но старый Рейзен их

расташил.

Арья выпила много, чтобы хоть чем-то наполнить живот. Она не надеялась уснуть, но все-таки уснула, а когда пробудилась, было темным-темно и ее мочевой пузырь готов был лопнуть. Бок о бок с ней лежали спящие, закутанные в плащи и одеяла. Арья нашарила Иглу, встала и прислушалась. Она различала тихие шаги часового, и люди беспокойно ворочались во сне. Рорж храпел, — Кусака дышал с присвистом. В другом фургоне ширкала сталь о камень — там сидел Йорен, жевал кислolist и точил свой кинжал.

Пирожок был в числе караульных.

– Ты куда? – спросил он, видя, что Арья идёт к деревьям. Она махнула в сторону леса. – Нельзя. – Пирожок сильно осмелел, получив, собственный меч, хотя клинок был короткий и он орудовал им, как мясницким ножом. – Старик никому не велел отлучаться.

– Мне отлить надо.

– Отлей вон у того дерева. В лесу всякое может быть, Арри. Я слышал, как волки воют.

Йорен не одобрил бы, если бы она опять подралась. Она притворилась испуганной.

– Волки? Правда, что ли?

– Точно слышал.

– Ладно, обойдусь, пожалуй. –

Она вернулась к своему одеялу и притворилась, что спит, пока шаги Пирожка не затихли вдали. Тогда она юркнула в лес с другой стороны лагеря, тихая, как тень. Здесь тоже были часовые, но она пробралась мимо них без труда и для пущей уверенности отошла вдвое дальше, чем делала обычно. Убедившись, что поблизости никого нет, она приступила к делу.

Она сидела на корточках со спущенными штанами, когда услышала под деревьями какой-то шорох. «Пирожок, — в панике подумала она. — Он меня выследил». Но глаза, устремленные на нее, зажглись отраженным лунным

светом. В животе у Арьи похолодело, и она схватилась за Иглу, не заботясь, что намочит штаны. Два глаза, четыре, восемь, двенадцать... целая стая.

Один зверь вышел из-за деревьев и уставился на нее, оскалив зубы. В голове у нее не осталось ни одной мысли, кроме как о том, какой она была дурой и как будет злорадствовать Пирожок, когда утром найдут ее обглоданный труп. Но волк повернулся и затрусил обратно во тьму, а глаза в тот же миг исчезли. Вся дрожа, Арья завязала штаны и пошла на далекий шаркающий звук, к лагерю и к Йорену.

— Волки, — прошептала она,

забравшись к нему в повозку — Там, в лесу.

— Понятное дело, — сказал он, не глядя на нее.

— Они меня напугали.

— Да ну? — Он сплюнул. — А говорят, ваша порода с волками запанибрата.

— Нимерия была лютоволчица. — Арья обхватила себя руками. — Это другое дело. И потом она убежала. Мы с Джори бросали в нее камнями, пока она не отстала, иначе королева приказала бы ее убить. — Ей грустно было вспоминать об этом. — Могу поспорить: будь она в городе, она не дала бы им отрубить отцу голову.

— У мальчика-сироты отца нет —

забыла? — Кислолист окрашивал слюну в красный свет, и казалось, что у Йорена изо рта идет кровь. — Нам надо бояться только тех волков, что ходят на двух ногах, — тех, что спалили ту деревню.

— Я домой хочу, — жалобно сказала Арья. Она очень старалась быть храброй, свирепой, как росوماха, и все такое, но в конце-то концов она всего лишь маленькая девочка.

Черный брат оторвал от кипы еще пучок кислолиста и сунул в рот.

— Надо было мне оставить тебя там, где взял, мальчик. Всех вас. В городе, сдается мне, безопаснее.

— Мне все равно. Я хочу домой.

– Вот уж скоро тридцать лет, как я вожу людей к Стене. – Слюна пузырилась у Йорена на губах, как кровавая пена. – И за все это время потерял только троих. Один старик помер от лихорадки, парня ужалила змея, покуда он облегался, да один дурак хотел убить меня во сне и получил нож в горло за свои хлопоты. – Он провел кинжалом вдоль собственного горла, чтобы показать ей. – Трое за тридцать лет. – Он выплюнул свою жвачку. – Наверно, надо было сесть на корабль. Так, конечно, по пути больше никого не соберешь, зато оно умнее... только я уже тридцать лет путешествую по этому тракту. – Он

спрятал кинжал в ножны. — Иди спать, мальчик, — слышишь?

Она попыталась, но, лежа под тонким одеялом, все время слышала волчий вой... и еще один звук, более слабый, изредка долетающий с ветром и похожий на человеческие крики.

Давос

В утреннем воздухе стоял дым горящих богов. Теперь они пылали все – Мать и Дева, Воин и Кузнец, Старица с перламутровыми глазами, Отец с позолоченной бородой и даже Неведомый, изваянный как нечто среднее между зверем и человеком. Старое сухое дерево, покрытое бесчисленными слоями краски и лака, трещало вовсю. Прохладный воздух мерцал от жара, и горгульи с каменными драконами на стенах замка колебались, словно Давос смотрел на них сквозь пелену слез. Еще похоже, будто они дрожат,

шевелиются...

— Злое это дело, — сказал Аллард, хотя у него хватило ума понизить голос. Дейл согласно буркнул что-то.

— Молчите, — сказал им Давос. — Помните, где находитесь. — Его сыновья хорошие ребята, но еще молодые и горячие, особенно Аллард. — Останься я контрабандистом, Аллард в конце концов оказался бы на Стене. Станнис избавил его от этой участи — этим я ему тоже обязан...

Сотни народу собрались у ворот замка, чтобы посмотреть, как сжигают Семерых. Пахло гарью. Даже солдатам было не по себе от

такого надругательства над богами, которым они поклонялись всю свою жизнь.

Красная женщина трижды обошла вокруг костра, творя молитву — один раз по асшайски, другой по-валирийски, третий на общем языке. Только последнюю Давос и понял.

— Рглор, озари нашу тьму. Владыка Света, мы приносим тебе в дар этих ложных богов, семь образов врага твоего. Прими их и озари нас светом своим, ибо ночь темна и полна ужасов.

Королева Селиса вторила ее словам. Станнис наблюдал бесстрастно, стиснув каменные челюсти под иссиня-черной коротко

подстриженной бородой. Он оделся роскошнее обычного, словно для выхода в септу.

Септа Драконьего Камня стояла там, где некогда Эйегон Завоеватель преклонил колена в ночь своего отплытия — но это не спасло ее от людей королевы. Они опрокинули алтари, стащили вниз статуи и разбили витражи боевыми молотами. Септон Барре мог только проклясть их, но сир Губард Рамбтон с тремя сыновьями стал на защиту своих богов. Рамбтоны убили четырех солдат королевы, но остальные одолели их. Вслед за этим Гансер Сангласс, самый мягкосердечный и набожный из лордов, заявил

Станнису, что не может более поддерживать его. Сангласса бросили в душную клеть вместе с септоном и двумя оставшимися в живых сыновьями сира Губарда. Другие лорды не замедлили усвоить этот урок.

Давос-контрабандист никогда не придавал богам особого значения, хотя, как большинство мужчин, приносил жертву Воину перед битвой, Кузнецу, когда спускал на воду корабль, и Матери, когда жена должна была родить. Зрелище их сожжения вызывало у него дурноту, и не только дым был тому причиной.

Мейстер Крессен не допустил бы этого. Но старик бросил вызов

владыке Света и был наказан за свою дерзость — так по крайней мере гласила молва. Только Давос знал правду. Он видел, как мейстер бросил что-то в чашу с вином. Яд, конечно, — что же еще? Он выпил смертную чашу, чтобы избавить Станниса от Мелисандры, но бог красной женщины чудесным образом защитил ее. Давос сам охотно убил бы Мелисандру, но что он мог поделать там, где даже мейстер из Цитадели потерпел неудачу? Он, выскочка, бывший контрабандист, Давос с Блошиного Конца, Луковый Рыцарь.

Вокруг горящих богов плясало красивое пламя — красное, желтое и

оранжевое. Септон Барре как-то говорил Давосу, что их изваяли из мачт кораблей, привезших первых Таргариенов из Валирии. За истекшие века их красили и перекрашивали, золотили, серебрили, убирали дорогими камнями. «Их красота сделает жертву еще более желанной для Рглора», — сказала Мелисандра Станнису, когда богов повергли ниц и выволокли за ворота замка.

Дева лежала поперек Воина, раскинув руки, словно обнимая его. Огонь лизал лицо Матери, и казалось, что она содрогается. Кожаная рукоять меча, пронзившего ее сердце, цвела красным пламенем.

Отец лежал в самом низу — его свалили первым. Пальцы на руке Неведомого чернели и отваливались один за другим, превращаясь в тлеющие угли. Лорд Селтигар кашлял, закрывая морщинистое лицо полотняным платком, расшитым красными крабами. Мирийцы перекидывались шутками, наслаждаясь теплом костра, но молодой лорд Бар Эммон покрылся землистыми пятнами, а лорд Веларион смотрел не на костер, а на короля.

Давос многое бы дал, чтобы разгадать его думы, но такой, как Веларион, с ним делиться не станет. От него, Давоса Сиворта, разит

рыбой и луком, а лорд Высокого Прилива ведет свой род из древней Велирии, и принцы Таргарисны трижды брали в жены девиц его дома. Так же обстоит дело и с прочими Лордами. Он никому не может довериться, и ни один из них не пригласит его на свой совет. И сыновей его они презирают. Но их внуки будут состязаться с моими на турнирах, и когда-нибудь их кровь сочетается браком с моей. Со временем мой черный корабль взлетит столь же высоко, как морской конек Велариона или красные крабы Селтигара.

В том случае, если Станнис завоюет свой трон. Если же он

проиграет...

Всем, что у него есть, Давос обязан ему. Станнис сделал его рыцарем, дал почетное место за своим столом и боевую галею вместо контрабандистского шлюпа. Дейл и Аллард тоже командуют галеями, Марик – мастер над гребцами на «Ярости», Девана король взял к себе в оруженосцы, Матгос помогает отцу на «Черной Бете». Когда-нибудь Девана посвятят в рыцари, и двух младшеньких тоже. Мария хозяйничает в маленьком замке на мысе Гнева, и слуги зовут ее «миледи», а Давос может охотиться на красного оленя в собственных лесах. Все это он получил от

Станниса Баратеона ценой нескольких пальцевых суставов. И это даже справедливо – ведь Давос всю свою жизнь плевал на королевские законы. Станнис заслужил его преданность. Давос потрогал ладанку, висящую на кожаном шнурке, обвитом вокруг шеи. Свои отрубленные пальцы он носил с собой на счастье, и сейчас счастье требовалось ему, как никогда. Как и всем нам, а пуще всего – лорду Станнису.

Пламя лизало серое небо, и клубился черный дым. Когда ветер нес его на людей, они мигали и терли глаза. Аллард отвернулся, кашляя и ругаясь. «Это вкус

грядущего, — думал Давос. — Многому еще суждено сгореть в огне до конца войны».

Мелисандра, в алых шелках и кровавом бархате, с глазами красными, как рубин у нее на шее, изрекла:

— В древних книгах Асшая сказано, что придет день после долгого лета, когда звезды прольют кровь и холодное дыхание тьмы коснется мира. В этот страшный час некий воин вынет из огня пылающий меч, и меч этот будет Светозарным, Красным Мечом Героев, и тот, кто владеет им, будет новым Азором Ахай, и тьма расступится перед ним. — Она возвысила голос, чтобы

слышали все и каждый. – Азор Ахай, возлюбленный Рглором! Воин Света, Сын Огня! Приди, твой меч ждет тебя! Приди и возьми его!

Станнис Баратеон шагнул вперед, как солдат, идущий в бой. Оруженосцы последовали за ним. Сын Давоса Деван надел на правую руку короля толстую стеганую рукавицу. На мальчике был кремовый дублет с вышитым на груди огненным сердцем. Бранен Фарринг, одетый так же, накинул на плечи Станнису жесткий кожаный плащ. За спиной у Давоса нестройно зазвенели колокольчики.

– На дне морском от огня идет не дым, а пузырьки, а пламя там

зеленое, синее и черное, – пропел Пестряк. – Я знаю, я-то знаю.

Король, сцепив зубы и завернувшись в кожаный плащ, сунул руку в огонь. Пальцами, защищенными рукавицей, он схватил меч, пронзающий сердце Матери, и сильным рывком выдернул его из горящего дерева. Он поднял меч, и вокруг раскаленной вишневой стали вспыхнуло зеленое, как яшма, пламя. Охрана бросилась гасить затлевшую кое-где одежду короля.

– Огненный меч! – воскликнула королева Селиса, а сир Акселл Флорент и другие ее приближенные подхватили крик. – Огненный меч! Он светится! Светится! Огненный

меч!

Мелисандра воздела руки.

– Смотрите! Нам был обещан знак, и вот мы видим его! Вот он. Светозарный! Азор Ахай вернулся к нам! Слава Воину Света! Слава Сыну Огня!

В ответ слышались нестройные крики. Рукавица Станниса загорелась. Выругавшись, король сунул меч острием в землю и сбил огонь о бедро.

– Властитель, озари нас светом своим! – воззвала Мелисандра.

– Ибо ночь темна и полна ужасов, – отозвалась Селиса и ее присные. «Может, и мне надо сказать эти слова? – подумал Давос. – Входит

ли это в мой долг перед Станнисом? Его ли это бог на самом деле?» Обрубленные пальцы свело судорогой.

— Станнис снял рукавицу и бросил ее наземь.

Боги в костре стали совсем уже неузнаваемыми. У Кузнеца отвалилась голова, подняв столб искр и пепла. Мелисандра запела что-то по-асшайски — голос ее поднимался и опадал, как прибой. Станнис, скинув прожженный кожаный плащ, молча слушал ее. Светозарный, воткнуемый в землю, еще светился тускло-красным огнем, но зеленое пламя уже угасало.

Когда женщина допела свою песнь, от богов остались одни

головешки, и терпение короля истощилось. Он взял королеву под локоть и повел обратно в замок, оставив Светозарный торчать в земле. Красная женщина задержалась, наблюдая, как Деван и Брайан Фарринг заворачивают обожженный, почерневший меч в королевский кожаный плащ. «Не больно-то он красив теперь, Красный Меч Героев», – подумал Давос.

Несколько лордов тихо переговаривались в подветренной от костра стороне. Заметив, что Давос смотрит на них, они умолкли. Если Станнис падет, они и меня уничтожат в тот же миг. Давос не примыкал ни к ним, ни к людям

королевы – честолюбивым рыцарям и мелким лордам, которые объявили себя приверженцами Владыки Света и тем завоевали милость леди – нет, королевы, запомни это! – Селисы.

Костер начал гаснуть, когда Мелисса и оруженосцы удалились с драгоценным мечом. Давос с сыновьями присоединился к толпе, идущей к берегу и кораблям.

– Деван держится молодцом, – заметил отец.

– Рукавицу не уронил – и то ладно, – согласился Дейл.

– Что это за огненное сердце у него на груди? – спросил Аллард. – Эмблема Баратеонов – коронованный олень.

— Лорд может выбрать себе не одну, а несколько эмблем, — ответил Давос.

— Скажем, черный кораблик и луковицу — да, отец? — улыбнулся Дейл.

Аллард пнул подвернувшийся под ноги камень.

— Иные бы взяли нашу луковицу... и огненное сердце в придачу. Дурное это дело — сжигать Семерых.

— С каких пор ты стал такой набожный? — осведомился Давос. — Что может смесить сын контрабандиста в божественных делах?

— Я сын рыцаря, отец. Если ты

не будешь об этом помнить, то и никто не будет.

– Сын рыцаря. Но не рыцарь. И не станешь им, если будешь мешаться в дела, которые тебя не касаются. Станнис – наш законный государь, и нам не подобает приставать к нему с расспросами. Мы водим его корабли и выполняем его приказы – вот и все.

– Если уж речь об этом, отец, – сказал Дейл, – мне не нравятся бочки, которые прислали мне на «Ярость». Зеленая сосна – вода в них сразу испортится.

– Я получил такие же для «Леди Марии», – подтвердил Аллард. – Все мореное дерево забрали люди королевы.

– Я поговорю об этом с королем,
– пообещал Давос. Лучше уж он сам,
чем Аллард. Его сыновья хорошие
бойцы, а моряки и вовсе отменные,
но с лордами говорить не умеют.
«Они низкого рода, как и я, но не
любят, когда им напоминают об
этом. Глядя на наш герб, они видят
только черный корабль, гордо
летащий по ветру, а на луковицу
закрывают глаза».

На памяти Давоса в их гавани
никогда еще не было так
многолюдно. На каждом причале
грузили провизию, и все гостиницы
кишели солдатами, которые пили,
играли в кости или высматривали
шлюх. Напрасная надежда – таких

женщин Станнис на свой остров не допускал. У берега теснились корабли – боевые галеи и рыбачьи лодки, крепкие карраки и плоскодонные барки. Лучшие места для стоянки занимали самые крупные корабли: флагман Станниса «Ярость» покачивался между «Лордом Стефороном» и «Морским оленем». Рядом стояли серебристая «Гордость Дрифтмарка» лорда Велариона с тремя своими сестрами, нарядный «Красный коготь» лорда Селтигара, статная «Меч-рыба» с длинным железным носом, в море на якоре «Валирийка» Салладора Саана возвышалась среди двух дюжин более мелких полосатых лисских галей.

Обветшала гостиница стояла в конце каменной пристани, где были причалены «Черная Бета», «Дух» и «Леди Мария» с полудюжиной других галей на сотню и меньше весел. Давосу захотелось пить. Он расстался с сыновьями и направил свои стопы к гостинице. У входа в нее торчала горгулья в половину человеческого роста. Дожди и соль сильно испортили ее, но они с Давосом были старые друзья.

— Будь здорова, — шепнул он, проходя внутрь, и потрепал ее по каменной голове.

В шумной харчевне Салладор Саан ел виноград из деревянной чащи. Увидев Давоса, он махнул ему

рукой.

— Садись со мной, сир рыцарь. Съешь ягоду. Или две. Сладкие — просто чудо. — Щегольство этого вкрадчивого, всегда улыбающегося лиссенийца вошло в поговорку по обеим сторонам Узкого моря. Сегодня он облачился в кафтан из серебряной парчи с прорезными рукавами, такими длинными, что их концы волочились по полу. Пуговицами ему служили яшмовые обезьянки, а на жидких белых кудряшках сидела ярко-зеленая шапка с павлиньими перьями.

Давос протолкался между столами. До того, как сделаться рыцарем, он часто покупал товары у

Салладора Саана. Лиссениец сам был контрабандистом, а заодно торговцем, банкиром, знаменитым пиратом и самозванным принцем Узкого моря. Когда пират богатеет, все готовы признать его принцем. Давос сам совершил путешествие в Лисс, чтобы переманить старого негодяя на службу к лорду Станнису.

— Вы видели, как горят боги, милорд? — спросил Давос.

— У красных жрецов в Лиссе большой храм. Они всегда что-нибудь жгут и призывают к своему Рглору. Надоели они мне со своими кострами. Будем надеяться, что королю Станнису это тоже скоро надоест. — Явно не боясь быть

услышанным, он ел свой виноград и смахивал пальцем прилипшие к губе косточки. — Вчера пришла моя «Тысячецветная птица», добрый сир. Это не военный корабль, а торговое судно, и по пути она завернула в Королевскую Гавань. Ты уверен, что не хочешь виноградинку? Там, говорят, голодают. — Салладор с улыбкой покачал кистью перед Давосом.

— Все, что мне нужно, это эль — и новости.

— Вы, вестероссцы, всегда торопитесь. Какой в этом прок? Кто спешит жить, спешит к могиле. — Салладор рыгнул. — Лорд Бобрового Утеса прислал своего карлика

управлять Королевской Гаванью. Видно, надеется, что его рожа отпугнет всех врагов или что мы все помрем со смеху, когда Бес появится на стене. Карлик прогнал олуха, который командовал золотыми плащами, и поставил на его место рыцаря с железной рукой. — Он сдавил между пальцами виноградину — кожица лопнула, и потек сок.

К ним пробилась служанка, хлопая по тянущимся к ней рукам. Давос заказал кружку эля и просил Салладора:

— Насколько хорошо защищен город?

— Стены там высокие и крепкие, но кто будет стоять на них? Они

строят скорпионы и огнеметы, верно, но золотых плащей мало, да и те новички, а других у них нет. Быстрый удар, как делает ястреб, падая на зайца, — и город наш. Если ветер будет попутным, завтра к вечеру ваш король сможет взойти на Железный Трон. Карлика мы оденем в дурацкий наряд и будем колоть ему задницу копьями, чтобы он плясал нам, а ваш добрый король, быть может, даст мне на ночь прекрасную королеву Серсею. Я слишком долго живу в разлуке со своими женами, служа ему.

— У тебя нет жен, пират, — только наложницы, и тебе хорошо платят за каждый день твоей службы и за

каждый корабль.

— Только на словах. Добрый сир, мне нужно золото, а не слова на бумаге. — Он бросил виноградину себе в рот.

— Ты получишь свое золото, когда мы возьмем казну в Королевской Гавани. В Семи Королевствах нет человека честнее, чем Станнис Баратеон. Он свое слово сдержит. — Что за мир, подумал Давос, где контрабандисты низкого рода должны ручаться за честь королей?

— Да, он говорит то же самое. А я говорю — давайте это сделаем. Даже этот виноград не такой спелый, как тот город, дружище.

Служанка принесла эль, и Давос дал ей медную монету.

— Может, мы и могли бы взять Королевскую Гавань, как ты говоришь, — только вот долго ли мы ее удержим? Известно, что у Тайвина Ланнистера в Харренхолле большое войско, а лорд Ренли...

— Ах да, младший брат. Тут дела обстоят не столь хорошо, друг мой. Король Ренли не сидит сложа руки. Виноват — здесь он лорд Ренли. Столько королей, что язык заплетается. Братец Ренли вышел из Хайгардена со своей прекрасной молодой королевой, великолепными лордами, блестящими рыцарями и большим пехотным войском и идет

по Дороге Роз к тому самому городу, о котором мы говорим.

– Он взял с собой жену?!

– Да – только не сказал мне зачем. Может, ему неохота расставаться с теплым гнездышком между ее ног даже на одну ночь, а может, он просто верит в свою победу.

– Надо сказать королю.

– Я уже позаботился об этом, добрый сир. Хотя его величество так хмурится каждый раз, когда видит меня, что я боюсь являться пред его очи. Может, я больше нравился бы ему, если бы носил власяницу и никогда не улыбался? Но я человек откровенный – пусть терпит меня в

шелках и парче. Не то я уведу свои корабли туда, где меня больше любят. Этот меч – никакой не Светозарный, дружище...

Внезапная перемена разговора смутила Давоса.

– Меч?

– Ну да – тот, который извлекли из огня. Мне многое рассказывают – людям нравится моя улыбка. На что Станнису обгоревший меч?

– Горящий меч, – поправил Давос.

– Обгоревший – и радуйся, что это так. Знаешь сказку о том, как был выкован Светозарный? Я тебе расскажу. Было время, когда весь мир окутывала тьма. Чтобы сразиться с

нею, герою нужен был меч, какого никогда еще не бывало. И вот Азор Ахай, не смыкая глаз, тридцать дней и тридцать ночей работал в храме, закаляя свой клинок в священном огне. Огонь и молот, огонь и молот — и вот наконец меч был готов. Но когда герой погрузил его в воду, сталь разлетелась на куски.

Будучи героем, он не мог просто пожать плечами и утешиться таким вот великолепным виноградом, поэтому он начал снова.

На этот раз он ковал пятьдесят дней и пятьдесят ночей, и меч вышел еще краше первого. Азор Ахай поймал льва, чтобы закалить клинок в его алой крови, но меч снова

рассыпался на части. Велико было горе героя, но он понял, что должен сделать.

Сто дней и сто ночей ковал он третий клинок, и когда тот раскалился добела в священном огне, Азор Ахай призвал к себе жену. «Нисса-Нисса, – сказал он ей, ибо так ее звали, – обнажи свою грудь и знай, что я люблю тебя больше всех на свете». И она сделала это – не знаю уж почему, – и Азор Ахай пронзил дымящимся мечом ее живое сердце. Говорят, что ее крик, полный муки и радости, оставил трещину на лунном диске, но кровь ее, душа, сила и мужество перешли в сталь. Вот как был выкован Светозарный,

Красный Меч Героев.

Понял теперь, к чему я клоню? Радуйся, что его величество вытащил из костра обыкновенный обгоревший меч. Слишком яркий свет ранит глаза, дружище, а огонь жжется. — Салладор Саан, причмокнув, доел последнюю виноградину. — Как ты думаешь, когда король прикажет нам выйти в море, добрый сир?

— Я думаю, скоро — если его бог так захочет.

— Значит, его бог — не твой, сир? Какому же богу молится сир Давос Сиворт, рыцарь лукового корабля?

Давос глотнул эля, чтобы выиграть время. Здесь полно народу, а ты не Салладор Саан, напомнил он

себе. Будь поосторожнее с ответом.

— Мой бог — король Станнис. Он создал меня и благословил своим доверием.

— Я это запомню. — Салладор Саан встал из-за стола. — Прошу прощения. От винограда я проголодался, а на «Велирийке» меня ждет обед. Рубленая баранина с перцем и жареные чайки, фаршированные грибами, сладким укропом и луком. Скоро мы будем вместе пировать в Красном Замке, а карлик нам споет. Когда будешь говорить с королем Станнисом, будь добр, не забудь упомянуть, что к новолунию он будет должен мне еще тридцать тысяч драконов. Лучше бы

он отдал этих богов мне. Они были слишком красивы, чтобы жечь их, и я выручил бы за них приличную цену в Пентосе или в Мире. Ну ладно – я прощу его, если он даст мне на ночь королеву Серсею. – Лиссениец хлопнул Давоса по спине и вышел с таким видом, словно гостиница принадлежала ему.

Сир Давос Сиворт еще долго сидел над своей кружкой и думал. Год назад он побывал со Станнисом в Королевской Гавани – на турнире, который король Роберт устроил в честь именин принца Джоффри. Он помнил красного жреца Тороса из Мира и пылающий меч, которым тот орудовал в общей схватке. Жрец

представлял собой красочное зрелище в развевающихся красных одеждах и с клинком, обьятым бледно-зеленым пламенем, но все знали, что это не настоящее волшебство, — меч в конце концов погас, и Бронзовый Джон Ройс оглоушил Тороса обыкновенной палицей.

Поглядеть бы на настоящий огненный меч. Но такой ценой... Думая о Ниссе-Ниссе, Давос представлял себе свою Марию, добродушную толстуху с обвисшими грудями и ласковой улыбкой, лучшую женщину в мире. Он попытался вообразить, как пронзает ее мечом, и вздрогнул. «Нет, не гожусь я в герои,

— решил он. — Если это цена волшебного меча, мне она не по карману».

Он допил свой эль и вышел, снова потрепав горгулью по голове и пожелав ей удачи. Она им всем понадобится, удача.

Уже совсем стемнело, когда к «Черной Бете» пришел Деван с белым как снег конем в поводу.

— Мой лорд-отец, — сказал мальчик, — его величество приказывает вам явиться к нему в Палату Расписного Стола. Садитесь на коня и отправляйтесь сей же час.

Давосу приятно было поглядеть на Девана в пышном наряде оруженосца, но королевский приказ

вызвал у него тревогу. «Уж не надумал ли Станнис выйти в море? Салладор Саан – не единственный капитан, утверждающий, что Королевская Гавань созрела для атаки, но первое, чему обучается контрабандист, – это терпение. На победу нам надеяться нечего. Я так и сказал мейстеру Крессену в тот день, как вернулся на Драконий Камень, и ничего с тех пор не изменилось. Нас слишком мало, а врагов слишком много. Для нас весла на воду – это смерть. Тем не менее Давос сел на коня – что ему оставалось?»

Из Каменного Барабана, когда он подъехал, как раз вышло около дюжины знатных рыцарей и лордов-

знаменосцев. Лорды Селтигар и Веларион коротко кивнули Давосу, остальные же сделали вид, что вовсе его не видят, — только сир Акселл Флорент остановился перемолвиться с ним словом.

Дядя королевы Селисы был толст, как бочка, с громадными ручищами и кривыми ногами. Уши у него торчали, как у всех Флорентов, — больше даже, чем у племянницы, и в них росли жесткие волосы, но это не мешало ему слышать все, что делается в замке. Сир Акселл был кастеляном Драконьего Камня десять лет, пока Станнис заседал в совете Роберта, а теперь сделался самым доверенным лицом королевы.

– Сир Давос, рад видеть вас, как всегда.

– Взаимно, милорд.

– Впрочем, я еще утром вас заметил. Как весело пылали эти ложные боги, правда?

– Ярко горели, спору нет. – Давос не доверял этому человеку при всей его учтивости. Дом Флорентов присягнул Ренли.

– Леди Мелисандра говорит, что иногда Рглор позволяет своим преданным слугам увидеть в пламени будущее. Нынче утром мне показалось, что я вижу в огне танцовщиц, прекрасных дев в желтом шелку, – они плясали и кружились перед великим королем. Мне

думается, это правдивое видение, сир. Это одна из картин торжества, ожидающего его величество, когда мы возьмем Королевскую Гавань и трон, принадлежащий ему по праву.

«Такие пляски не во вкусе Станниса», – подумал Давос, но поостерегся перечить дяде королевы.

– Я видел только огонь – притом от дыма у меня глаза заслезились. Прошу прощения, сир, меня ждет король. – Давос прошел мимо, гадая, зачем он понадобился сиру Акселлу. Он человек королевы, я – короля.

Станнис сидел у Расписного Стола с кучей бумаг перед собой. За его плечом стоял мейстер Пилос.

– Сир, – сказал король

подошедшему Давосу, – взгляните на это письмо.

Тот послушно взял в руки бумагу.

– Написано красиво, ваше величество, – вот кабы я еще прочитал это мог. – В картах Давос разбирался не хуже кого другого, а вот писанину так и не одолел. Зато Деван знает грамоту, и младшенькие, Стеффон и Станнис, тоже.

– Да, я забыл. – Король раздраженно нахмурил брови. – Пилос, прочти ему.

– Слушаюсь, ваше величество. – Мейстер взял у Давоса пергамент и прочистил горло. – «Все знают, что я – законный сын Стеффона Баратеона,

лорда Штормового Предела, от его
леди-жены Кассаны из дома
Эстермонтов. Честью нашего дома
клянусь в том, что мой
возлюбленный брат Роберт, наш
покойный король, законных
наследников не оставил. Отрок
Джоффри, отрок Томмен и девица
Мирцелла суть плоды гнусного
кровосмешения Серсеи Ланнистер с
ее братом, Джейме Цареубийцей. По
праву рождения и крови я ныне
требую вернуть мне Железный Трон
Семи Королевств Вестероса, и пусть
все добрые люди присягнут мне на
верность. Писано при Свете
Владыки, под собственноручной
подписью и печатью Станниса из

дома Баратеонов, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, правителя Семи Королевств». — Пилос с тихим шорохом свернул пергамент.

— Поставь сиром Джейме Цареубийцей, — хмуро указал Станнис. — Кем бы он ни был, он остается рыцарем. Не знаю также, стоит ли называть Роберта возлюбленным братом. Он любил меня не больше, чем был обязан, как и я его.

— Это всего лишь вежливый оборот, ваше величество, — заметил Пилос.

— Это ложь. Вычеркни. Мейстер говорит, что у нас в наличии сто

семнадцать воронов, — сказал Станнис Давосу, — и я намерен использовать их всех. Я разошлю сто семнадцать таких писем во все концы государства, от Бора до Стены. Надеюсь, что хотя бы сто из них достигнут своего назначения вопреки бурям, ястребам и стрелам, и сто мейстеров прочтут мои слова стольким же лордам в их горницах и опочивальнях, после чего письма как пить дать отправятся в огонь, а прочитавшие их будут молчать. Все эти лорды любят Джоффри, или Ренли, или Робба Старка. Я их законный король, но они отрекутся от меня, дай им только волю. Поэтому мне нужен ты.

– Я к вашим услугам, государь, – как всегда.

– Я хочу, чтобы ты отплыл на «Черной Бете» на север – к Чаячьему Городу, Перстам, Трем Сестрам, даже в Белую Гавань зайди. Твой сын Дейд отправится на «Духе» к югу, мимо мыса Гнева и Перебитой Руки, вдоль дорнийского побережья до самого Бора. Каждый из вас возьмет с собой сундук с письмами, которые вы будете оставлять в каждом порту, остроге и рыбацьем селении. Будете приколачивать их к дверям септ и гостиниц для всякого, кто умеет читать.

– Таких мало, – заметил Давос.

– Сир Давос прав, ваше

величество, — сказал Пилос. — Лучше, чтобы эти письма читались вслух.

— Лучше, но опаснее. Радужного приема эти слова не встретят, — возразил Станнис.

— Дайте мне рыцарей, которые будут их читать, — предложил Давос. — У них это выйдет доходчивей, чем у меня.

Станнису это, видимо, понравилось.

— Хорошо, ты получишь их. Я могу набрать целую сотню рыцарей, которым чтение больше по душе, чем битва. Будь откровенен, когда можно, и скрытен, когда должно. Пусти в ход все свои контрабандистские штуки: черные паруса, потаенные бухты и

прочее. Если тебе не достанет писем, возьми в плен пару септонов и засади их за переписку. Твой второй сын мне тоже понадобится. Он поведет «Леди Марию» через Узкое море, в Браавос и другие Вольные Города, чтобы доставить такие же письма тамошним правителям. Пусть весь мир знает о моей правоте и о бесчестье Серсеи.

«Узнать-то он узнает, — подумал Давос, — но вот поверит ли?» Он задумчиво посмотрел на мастера Пилоса, и король перехватил этот взгляд.

— Мастер, пора браться за переписку. Нам понадобится много писем — и скоро.

– Слушаюсь, – сказал Пилос и с поклоном удалился. Король дождался, когда он уйдет, и спросил:

– О чем ты не хотел говорить в присутствии моего мастера, Давос?

– Государь, Пилос неплохой парень, но каждый раз, глядя на его цепь, я не могу не пожалеть о мастере Крессене.

– Старик сам повинен в своей смерти! – Станнис уставился в огонь. – Я не звал его на тот пир. Он гневил меня, он давал мне дурные советы, но я не хотел, чтобы он умер. Я надеялся, что он хоть несколько лет проживет на покое. Он вполне это заслужил, но... – король скрипнул зубами, – но он умер. И Пилос

хорошо служит мне.

— Дело не столько в Пилосе, сколько в письме. Нельзя ли узнать, что говорят о нем ваши лорды?

Станнис фыркнул:

— Селтигар находит его восхитительным. Если б я показал ему содержимое моего судна, он и это нашел бы восхитительным. Другие кивают головами, как гуси, — кроме Велариона, который полагает, что дело решит сталь, а не слова на пергаменте. Как будто я сам не знаю. Пусть Иные возьмут моих лордов — я хочу знать твое мнение.

— Вы пишете прямо и сильно.

— И правдиво.

— И правдиво. Но у вас нет

доказательств этого кровосмешения. Их не больше, чем было год назад.

— Доказательство своего рода имеется в Штормовом Пределе. Бастард Роберта. Зачатый в мою свадебную ночь, на постели, приготовленной для меня и моей жены. Делена, принадлежит к дому Флорентов и была девицей, когда Роберт взял ее, поэтому он признал ребенка. Его зовут Эдрик Шторм, и говорят, он вылитый отец. Если люди его увидят, а потом посмотрят на Джоффри и Томмена, у них невольно возникнут сомнения.

— Кто ж его увидит в Штормовом-то Пределе?

Станнис побарабанил пальцами

по Расписному Столу.

— В этом и заключается трудность. Одна из многих. — Он поднял глаза на Давоса. — Ты хотел сказать еще что-то — так говори. Я не для того сделал тебя рыцарем, чтобы ты изощрялся в пустых любезностях. На то у меня есть лорды. Выкладывай, Давос.

Давос послушно склонил голову: — Там в конце есть одна фраза... как бишь ее? «Писано при Свете Владыки...»

— Да. И что же? — Король сцепил зубы.

— Народу не понравятся эти слова.

— Как и тебе? — резко спросил

Станнис.

— Не лучше ли будет сказать: «Писано пред очами богов и людей» или «Милостью богов старых и новых...»

— Ты что, святошей заделался, контрабандист?

— О том же я мог бы спросить и вас, господин мой.

— Вот оно что? Похоже, мой новый бог тебе не больше по душе, чем мой новый мейстер?

— Я не знаю Владыку Света, — признался Давос, — зато богов, которых мы сожгли нынче утром, я знал. Кузнец хранил мои корабли, а Мать дала мне семерых крепких сыновей.

– Сыновей тебе дала жена. Ей ведь ты не молишься? То, что мы сожгли утром, – всего лишь дерево.

– Может, оно и так – но когда я мальчишкой попрошайничал в Блошином Конце, септоны меня иногда кормили.

– Теперь тебя кормлю я.

– Вы дали мне почетное место за вашим столом, а я взамен говорю вам правду. Народ не станет вас любить, если вы отнимете у него богов, которым он всегда поклонялся, и навяжете им нового, чье имя даже выговорить трудно.

Станнис рывком поднялся на ноги.

– Рглор. Что тут такого

трудного? Не будут любить, говоришь? А разве меня когда-нибудь любили? Можно ли потерять то, что никогда не имел? – Станнис подошел к южному окну, глядя на освещенное луной море. – Я перестал верить в богов в тот самый день, как «Горделивая» разбилась в нашем заливе. Я поклялся никогда более не поклоняться богам, способным столь жестоко отправить на дно моих отца и мать. В Королевской Гавани верховный септон все вещал, бывало, что добро и справедливость исходят от Семерых, но то немногое, что я видел из того и другого, проистекало всегда от людей.

– Но если вы не верите в богов,

то зачем обременять себя новым? — прервал Станнис. — Я задавал себе тот же вопрос. В божественных делах я мало что понимаю, да и понимать не хочу, но красная жрица имеет силу. (Да — но что это за сила?)

— Крессен имел мудрость, — сказал Давос.

— Я верил в его мудрость и в твою хитрость — а что я получил взамен, контрабандист? Штормовые лорды отправили тебя несолоно хлебавши. Я пришел к ним как нищий, и они насмеялись надо мной. Ну что ж — я не стану больше просить, а им будет не до смеха. Железный Трон мой по праву, а попробуй возьми его! В стране

четыре короля, а у трех других золота и людей больше, чем у меня. Все, чем владею я, — это корабли и она. Красная Женщина. Известно ли тебе, что половина моих рыцарей даже имя ее называть боится? На колдунью, способную вселить такой страх во взрослых мужчин, нельзя смотреть свысока, даже если она ни на что более не способна. Тот, кто боится, все равно что побит. Но может быть, она способна и на большее — скоро я это узнаю.

Мальчишкой я как-то подобрал раненую самку ястреба, выходил ее и назвал Гордокрылой. Она сидела у меня на плече, летала за мной из комнаты в комнату, брала пищу у

меня из рук, вот только в небо подниматься не хотела. Я постоянно брал ее на охоту, но она никогда не взлетала выше деревьев. Роберт прозвал ее Слабокрылой. У него самого был сокол по имени Гром, который бил без промаха. В конце концов наш двоюродный дед сир Харберт посоветовал мне взять другую птицу. С Гордокрылой я только дурака из себя строю, сказал он — и был прав. — Станнис Баратеон отвернулся от окна и от призраков, блуждающих над морем к югу от замка. — Семеро посылали мне разве что воробьев. Пришло время попробовать другую птицу, Давос. Красного ястреба.

Теон

В Пайке не было якорной стоянки, но Теон Грейджой хотел взглянуть на отцовский замок с моря — как десять лет назад, когда боевая галей Роберта Баратеона увезла его в приемыши к Эддарду Старку. В тот день он стоял у борта, слушая, как плещут весла и бьет барабан мастера, а Пайк таял вдали. Теперь он хотел видеть, как Пайк приближается, поднимаясь из моря.

«Мариам», послушная его желаниям, обогнула мыс. Паруса хлопали, а капитан проклинал ветер, команду и капризы знатных лордов.

Теон, натянув на голову капюшон плаща, ждал, когда появится его дом.

На берегу не было ничего, кроме голых утесов, и замок казался одним из них — его стены, башни и мосты, сложенные из такого же черно-серого камня, омывались теми же солеными водами, поросли той же темно-зеленой плесенью, и те же морские птицы гадили на них. Полоса суши, на которой Грейджой воздвигли свою крепость, некогда вонзалась в океан, как меч, но волны, бившие в нее денно и нощно, раздробили ее еще пару тысяч лет назад. Остались три голых островка да дюжина скал, торчащих из воды, как колонны храма какого-то морского бога, а

гневные валы по-прежнему пенились вокруг них.

Темный, мрачный и грозный, Пайк словно врос в эти острова и утесы. Стена, отгораживающая его от материка, смыкалась вокруг большого каменного моста, перекинутого к самому большому острову. Там стоял массивный Большой замок, а дальше – Кухонный и Кровавый замки, каждый на своем островке. Башни и службы, расположенные на скалах, соединялись с ближними утесами крытыми переходами, а с дальними – подвесными мостами.

Морская башня торчала на самом конце сломанного меча,

круглая и высокая, самая старая в замке. Волны изглодали скалу, служившую ей основанием. Низ башни побелел от вековой соли, верх оброс толстым одеялом зеленого лишайника, зубчатый венец почернел от копоти сторожевых костров.

Над Морской башней развевалось отцовское знамя. «Мариам» была еще слишком далеко, но Теон и так знал, что на нем изображен гигантский кальмар дома Грейджоев, золотой кракен, раскинувший щупальца по черному полю. Знамя на железном шесте трепетало от ветра, как птица, рвущаяся в полет. Здесь на кранена не падала тень реящего над ним

лютоволка Старков.

Ни одно зрелище еще не затрагивало Теона так глубоко. В небе над замком сквозь редкие облака виднелся красный хвост кометы. Маллистеры всю дорогу от Риверрана до Сигарда спорили о том, что она предвещает. Это моя комета, сказал себе Теон, просунув руку под плащ на меху. В его кармане, в кошельке из промасленной кожи, лежало письмо от Робба Старка — бумага, чья ценность равнялась короне.

— Узнаете ваш замок, милорд? Он остался таким же, как вам запомнился? — спросила дочь капитана, прильнув к нему сбоку.

– Теперь он кажется меньше, чем был, – признался Теон, – но это, возможно, из-за расстояния. – «Мариам» – пузатая торговая шхуна из Староместа, везущая вино, ткани и зерно в обмен на железную руду, а капитан ее – пузатый южанин. Суровое море, бьющее в подножие замка, заставляет его толстые губы трястись, и он держится от земли дальше, чем хотелось бы Теону. Капитан с островов на своей ладье прошел бы вдоль самых утесов, под высоким мостом, соединяющим воротную башню с Большим замком. Южанин не смог отважиться на такое, остался на безопасном расстоянии, и Теону приходится

довольствоваться видом Пайка издали. «Мариам» даже и теперь приходится лавировать, чтобы не угодить на скалы.

— Тут, должно быть, очень ветрено, — заметила дочь капитана.

— Ветрено, холодно и сыро, — засмеялся Теон. — Незавидное место, по правде сказать... но мой лорд-отец говорил мне, что в суровых местах растут суровые люди, а суровые люди правят миром.

Капитан, сам зеленый как море, подошел к ним и спросил с поклоном:

— Можем ли мы теперь идти в порт, милорд?

— Можете, — с легкой улыбкой на

губах ответил Теон. Обещанное им золото сделало из южанина льстивого раба. Путешествие получилось бы совсем другим, если бы в Сигарде Теона, как он надеялся, ждала ладья с островов. Железные капитаны горды, обладают негибаемой волей и к знатности почтения не питают.

Острова слишком малы, чтобы поклоняться кому-то, а ладья и того меньше. Если каждый капитан, как принято говорить, — король на своем корабле, неудивительно, что острова называют страной десяти тысяч кораблей. А когда ты видишь, как твой король срет на борт и зеленеет во время бури, тебе трудно

преклонять колени и притворяться, что перед тобой бог. «Людей создает Утонувший Бог, – сказал несколько тысяч лет назад старый король Уррен Красная Рука, – но короны создают сами люди».

Притом у ладьи на дорогу ушло бы вполовину меньше времени. «Мариам», по правде сказать, – просто корыто, и Теону не хотелось бы оказаться на ней во время шторма. Впрочем, жаловаться ему особенно не на что. Он жив-здоров, не утонул, и в этом путешествии были свои прелести. Он обнял девушку одной рукой и сказал ее отцу:

– Извести меня, когда придем в

Лордпорт. Мы будем внизу, в моей каюте. — И он увел девушку на корму, а отец угрюмо посмотрел им вслед.

Каюта, собственно, принадлежала капитану, но он отдал ее в распоряжение Теона, когда они отплыли из Сигарда. Дочь свою он, правда, гостю не предоставил, но она легла к Теону в постель по доброй воле. Чаша вина, немного тихих слов — и готово. Девушка казалась пухловатой на его вкус и вся покрыта веснушками, но ее груди хорошо ложились ему в ладони, и она была девственницей, когда он ее взял. Не совсем обычно в ее возрасте, но хорошо для разнообразия. Капитан этого явно не одобрял, и Теону

забавно было смотреть, как тот подавляет свое бешенство, рассыпаясь в любезностях перед знатным лордом. Обещанный кошель с золотом никогда не покидал капитанских мыслей.

Теон сбросил мокрый плащ, и девушка сказала:

— Как вы, должно быть, рады вернуться домой, милорд. Сколько же лет вас не было?

— Десять или около того. Я был десятилетним мальчишкой, когда меня увезли в Винтерфелл и отдали на воспитание Эддарду Старку. — Воспитанник по названию, заложник по сути. Полжизни в заложниках... но теперь этому конец. Он снова

распоряжается собственной жизнью, и ни одного Старка вокруг. Он привлек к себе капитанскую дочь и чмокнул ее в ухо. — Снимай плащ.

Она опустила глаза, вдруг засмутившись, но сделала, как он велел. Когда тяжелый мокрый плащ упал с ее плеч на палубу, она слегка поклонилась Теону и улыбнулась. Улыбка у нее была глуповатая, но Теон никогда не требовал от женщин ума.

— Иди сюда, — приказал он. Она повиновалась.

— Я никогда еще не бывала на Железных островах.

— Считай, что тебе повезло. — Он погладил ее по волосам, темным и

тонким, растрепавшимся на ветру. — Это неприветливая, каменистая земля, не обещающая покоя и унылая на вид. Смерть здесь всегда где-то рядом, а жизнь скудна и сурова. Мужчины вечерами пьют эль и спорят о том, кому из них хуже живется — рыбакам, которые бьются с морем, или крестьянам, которые пытаются что-то вырастить на своей тощей почве. По правде говоря, хуже всего приходится рудокопам — они гнут спину под землей, и чего ради? Железо, свинец, олово — вот единственные наши сокровища. Не диво, что островитяне былых времен занимались морским разбоем.

Глупышка будто и не слушала

его.

— Я могла бы сойти с вами на берег — если бы вы пожелали...

— Можешь сойти, коли охота, — согласился Теон, тиская ее грудь, — только, боюсь, не со мной.

— Я готова работать у вас в замке, милорд, чистить рыбу, печь хлеб и сбивать масло. Отец говорит, что не едал ничего вкуснее моей похлебки из крабов с перцем. Вы могли бы найти мне местечко у себя на кухне, и я бы готовила вам ее.

— А по ночам согревала бы мне постель? — Он нащупал тесемки ее корсажа и стал развязывать их ловкими, опытными пальцами. — В былые времена я привез бы тебя

домой, как трофей, и сделал бы своей женой, хотела бы ты этого или нет. Все Железные Люди так поступали. У мужчины была каменная жена, настоящая, уроженка островов, как и он, и были морские жены, взятые в набегах.

Девушка широко раскрыла глаза — но не потому, что он обнажил ее груди.

— Я согласна стать вашей морской женой, милорд.

— Увы, те времена миновали. — Теон обвел пальцем тяжелую грудь, спускаясь к пухлому коричневому соску. — Мы уже не летаем по ветру, неся огонь и меч, и не берем то, что нам хочется. Мы ковыряемся в земле

и закидываем в море сети, как все прочие, и почитаем себя счастливыми, если на зиму у нас есть соленая треска и овсянка. — Он взял сосок в рот и прикусил так, что девушка ахнула.

— Можете взять меня снова, если хотите, — шепнула она ему на ухо.

Он оторвался от ее груди, оставив на коже темно-красную отметину.

— Я хочу научить тебя кое-чему новому. Развяжи мне тесемки внизу и поласкай ртом.

— Ртом?

Он легонько провел пальцем по ее пухлым губам.

— Эти губы для того и созданы,

милая. Если хочешь быть моей морской женой, делай, как я велю.

Поначалу она стеснялась, но для своего невеликого разума освоилась быстро, к удовольствию Теона. Рот у нее был столь же влажный и приятный, как другое отверстие, и ему не приходилось слушать ее глупую болтовню. «В прежние времена я и правда сделал бы ее своей морской женой, — думал он, запустив пальцы в ее спутанные волосы. — В прежние времена, когда мы еще жили по старому закону — топором, а не киркой, и брали, что хотели, будь то богатство, женщины или слава. Тогда Железные Люди не работали под землей — этим

занимались невольники, они же копались в земле или выращивали коз и овец. Ремеслом островитян была война. Утонувший Бог создал их для набегов и насилия — они терзали королевства и вписывали свои имена в память живущих огнем, кровью и песнями».

Эйегон Драконовластный уничтожил старый закон. Он сжег Черного Харрена, вернул его королевство слабосильным речным жителям и превратил Железные острова в заштатную провинцию обширного государства. Но старые кровавые предания еще рассказывались на островах — у костров из плавника, у дымных

очагов и даже в высоких чертогах Пайка. Среди титулов Теонова отца числилось «Лорд-Жнец», в то время как девиз Грейджоев гласил «Мы не сеем».

И не столько ради такого пустяка, как корона, поднял свое восстание лорд Бейлон, сколько для того, чтобы вернуться к старому закону. Роберт Баратеон с помощью своего друга Эддарда Старка положил кровавый конец этой мечте, но теперь они оба мертвы. Вместо них правят мальчишки, и государство, выкованное Эйегоном, раскололось на куски. «Сейчас то самое время, — думал Теон, пока дочь капитана водила губами по его

плоти, – тот самый год, тот самый день, а я – тот самый человек». Он криво улыбнулся, гадая, что скажет отец, услышав, что Теон, самый младший, мальчуган, заложник, преуспел там, где сам лорд Бейлон потерпел поражение.

Заключительный миг налетел внезапно, как шторм, и семя Теона наполнило рот девушки. Испуганная, она хотела отпрянуть, но Теон удержал ее за волосы. Она поднялась и прильнула к нему.

– Так хорошо, милорд?

– Неплохо.

– Солоно, – пожаловалась она.

– Как море?

Она кивнула:

– Я всегда любила море, милорд.

– Я тоже. – Он покатал ее сосок между пальцами. Это правда. Море для Железных Людей – это свобода. Он не вспоминал об этом, пока «Мариам» не отплыла из Сигарда, но вспомнил, услышав поскрипывание мачт и снастей, капитанские команды и гул ветра в парусах – звуки столь же знакомые, как биение собственного сердца, и столь же утешительные. «Больше я их не забуду, – клялся себе Теон. – Никогда больше не стану удаляться от моря».

– Возьмите меня с собой, милорд, – ныла дочь капитана. – Мне не обязательно жить у вас в замке. Я могла бы остаться где-нибудь в

городе и быть вашей морской женой.
— Она хотела погладить его по щеке,
но Теон отвел ее руку и встал с
койки.

— Мне место в Пайке, а твое — на
этом корабле.

— Я не могу больше оставаться
здесь.

Он завязал свои бриджи.

— Почему?

— Из-за отца. Когда вы уйдете, он
накажет меня, милорд, будет ругать
меня и бить.

Теон накиннул плащ.

— Такие уж они, отцы, —
согласился он, застегнув серебряную
пряжку. — Скажи ему, что он должен
радоваться. Я столько раз тебя брал,

что ты скорее всего беременна — не каждому выпадает честь растить королевского бастарда. — Она уставилась на него, и он вышел, оставив ее в каюте.

«Мариам» огибала лесистый мыс. Под его поросшими сосной скалами выбирали сети около дюжины рыбачьих лодок. Поодаль от них меняла галс большая барка. Теон прошел на нос, чтобы лучше видеть. Первым делом он заметил замок — твердыню рода Ботли. В детские годы Теона замок был слеплен из дерева и глины, но Роберт Баратеон сровнял его с землей, а лорд Савейн после отстроил из камня, и приземистое строение венчало вершину холма. На

невысоких угловых башнях висели бледно-зеленые флаги с косяками серебристых рыб.

Под сомнительной защитой рыбьего замка лежала деревня Лордпорт с кишачей кораблями гаванью. Когда Теон покидал Лордпорт, здесь было дымящееся пепелище, и сожженные ладьи усеивали каменный берег, как скелеты мертвых китов, а от домов не осталось камня на камне. Десять лет спустя следы войны почти исчезли. Жители построили себе новые хижины, взяв камни от старых, и накопили свежего дерна для крыш. Рядом с пристанью выросла новая гостиница, вдвое больше старой, с

каменным нижним этажом и двумя деревянными верхними. Но септу наверху так и не отстроили, и от нее остался только семиугольный фундамент. Видимо, свирепость Роберта Баратеона отбила у островитян охоту поклоняться новым богам.

Теона больше занимали корабли, чем боги. Между бесчисленных рыбачьих мачт он разглядел тирошийскую торговую галею, а рядом — неуклюжую иббенесскую барку с просмоленным корпусом. Ладьи, числом не менее пятидесяти или шестидесяти, стояли на якоре в море или лежали на галечном берегу к северу от гавани. На парусах кое-

где виднелись эмблемы других островов: Кровавая луна Винчей, черный боевой рог лорда Гудбразера, серебряный серп Харло. Теон искал «Молчаливого», корабль своего дяди Эурана. Этой поджарой, наводящей страх красной ладьи нигде не было видно, зато отцовский «Великий кракен» находился здесь, с большим железным тараном в форме давшего ему название животного на носу.

Уж не созвал ли лорд Бейлон знамена в честь прибытия своего сына? Теон снова нащупал кожаную ладанку под плащом. Об этом письме никто не знал, кроме него самого и Робба Старка: они не дураки, чтобы доверять свои секреты птицам. Но и

лорд Бейлон тоже далеко не глупец. Он вполне мог догадаться, для чего его сын наконец возвращается домой, и поступить соответственно.

Эта мысль не обрадовала Теона. Отцовская война давно проиграна. Теперь его, Теона, время – его план, его слава, а со временем и его корона. Тем не менее ладьи собрались – вот они, все налицо.

Впрочем, это могло быть просто мерой предосторожности – на тот случай, если война перекинется через море. Старики предусмотрительны по природе своей – а отец уже стар, как и дядя Виктарион, командующий Железным Флотом. Дядя Эурон – дело иное, но

«Молчаливого», похоже, нет в порту. «Все к лучшему, – сказал себе Теон. – Так я скорее смогу нанести свой удар».

Пока «Мариам» пробиралась к пристани, Теон беспокойно расхаживал по палубе, оглядывая берег. Он не ожидал увидеть самого лорда Бейлона, но должен же был отец прислать кого-то, чтобы встретить его. Стюарде Сайласа Кислоротого, лорда Ботли, а то и Дагмера Щербатого. Хорошо бы увидеть снова страшную Дагмерову образину. Не может быть, чтобы они не знали о его приезде. Робб посылал воронов из Риверрана, а когда в Сигарае не оказалось ладьи, Ясон

Маллистер отправил в Пайк собственных птиц, предположив, что посланцы Робба не долетели.

Однако Теон не видел ни знакомых лиц, ни почетного караула, ожидающего, чтобы сопроводить его из Лордпорта в Пайк, — люди на берегу занимались каждый своим делом. Грузчики катали бочки с вином с тирошийского судна, рыбаки кричали, распродавая дневной улов, детишки путались под ногами. Жрец в зелено-синих одеждах Утонувшего Бога вел по берегу двух лошадей, потаскушка, свесившись из окна гостиницы, зазывала проходящих иббенесских матросов.

«Мариам» встречали несколько

лордпортских купцов.

— Мы из Староместа, — отвечал на их вопросы капитан, пока корабль швартовался, — везем яблоки и апельсины, вина из Бора, перья с Летних островов. Есть перец, выделанные кожи, штука мирийского кружева, зеркала и пара сладкозвучных староместных арф. — С борта спустили сходни. — А еще я привез вам вашего наследника.

Лордпортцы уставились на Теона, как бараны, явно не понимая, кто он такой. Это разозлило его. Он сунул золотого дракона в руку капитану.

— Вели своим людям снести мои вещи на берег. Трактирщик, —

рявкнул он, сходя по трапу. — Мне нужна лошадь.

— Как прикажете, милорд, — ответил тот, даже не подумав поклониться. Теон уже забыл, как дерзки бывают островитяне. — У меня как раз есть подходящая. Куда путь изволите держать?

— В Пайк. — Этот болван его все еще не узнавал. Надо было надеть свой золотой дублет с вышитым на груди кракеном.

— Тогда вам надо отправляться поскорей, чтоб поспеть в Пайк дотемна. Мой мальчишка поедет с вами и покажет вам дорогу.

— Твой мальчишка не понадобится, — пробасил кто-то, — и

лошадь тоже. Я сам провожу своего племянника в отчий дом.

Это был тот самый жрец, что вел лошадей по берегу. Люди преклонили перед ним колено, а трактирщик пробормотал: «Мокроголовый».

Жрец, высокий и тощий, с огненными черными глазами и крючковатым носом, был одет в зеленое, серое и синее — цвета Утонувшего Бога. Через плечо у него висел на кожаном ремне мех с водой, в ниспадающие до пояса черные волосы и косматую бороду были вплетены сухие водоросли.

В памяти Теона шевельнулось что-то. Лорд Бейлон в одном из

своих редких и кратких писем упоминал, что младший его брат попал в шторм и ударился в святость, когда его благополучно вынесло на берег.

— Дядя Эйерон? — нерешительно произнес Теон.

— Да, это я, племянник. Твой лорд-отец поручил мне привезти тебя. Едем.

— Сейчас, дядя. — Теон повернулся к «Мариам». — Мои вещи.

Матрос доставил вниз высокий тисовый лук и колчан со стрелами, но сундучок с одеждой принесла сама капитанская дочь.

— Милорд. — Глаза у нее были красные. Когда он взял сундучок, она

сделала движение, словно хотела его обнять — на глазах у своего отца, его дяди-священника и половины острова.

Теон ловко уклонился:

— Благодарю.

— О, милорд, я так люблю вас.

— Мне пора ехать. — Теон

большими шагами устремился вдогонку за дядей, уже ушедшим далеко вперед. — Я не ждал тебя, дядя. Я надеялся, что мой лорд-отец и леди-мать захотят встретить меня после десятилетней разлуки или пришлют Дагмера с почетным караулом.

— Не твое дело обсуждать приказания Лорда-Жнеца из Пайка. —

Жрец держался холодно – совсем не так, как помнилось Теону. Эйерон Грейджой был самым приветливым из его дядей, озорным, и смешливым, любившим песни, эль и женщин. – Что касается Дагмера, он отправился на Старый Вик – твой отец поручил ему поднять Стонхаузов и Драммов.

– С какой целью? И зачем собрались ладьи?

– А зачем они всегда собираются? – Дядя оставил лошадей у гостиничной коновязи. Дойдя до них, он повернулся к Теону. – Скажи правду, племянник. Ты теперь молишься богам?

Теон почти вовсе не молился – но говорить такое священнику, хотя

бы и родному дяде, не подобало.

— Нед Старк молился дереву.
Нет, его боги мне чужие.

— Это хорошо. Стань на колени.
Под ногами были сплошные
камни и грязь.

— Дядя, я...

— На колени! Или ты чересчур
возгордился, пожив на зеленых
землях?

Теон преклонил колени. Он
приехал сюда с определенной целью,
и помощь Эйерона могла
понадобиться ему. Ради короны
стоит испачкать бриджи в грязи и
конском навозе.

— Наклони голову. — Дядя
откупорил свой мех и полил голову

племянника морской водой. Она промочила волосы, попала в глаза, проникла за ворот плаща и дублета и заструилась по спине. Глаза от соли защипало так, что Теон чуть не вскрикнул. Он чувствовал на своих губах вкус океана. – Да возродится раб твой Теон из моря, как возродился ты, – произнес нараспев Эйерон Грейджой. – Благослови его солью, благослови его камнем, благослови его сталью. Племянник, ты еще помнишь слова?

– То, что мертво, умереть не может, – припомнил Теон.

– То, что мертво, умереть не может, – эхом отозвался дядя, – оно лишь восстает вновь, сильнее и

крепче, чем прежде. Встань.

Теон встал, моргая слезящимися от соли глазами. Дядя молча закупорил мех, отвязал свою лошадь и сел в седло. Теон последовал его примеру. Оставив за собой гостиницу и гавань, они миновали замок лорда Ботли и углубились в каменные холмы. Жрец не сказал более ни слова.

— Я половину жизни провел вне дома, — произнес наконец Теон. — Изменилось ли что-то на островах за это время?

— Мужчины ловят рыбу, копают землю и умирают. Женщины в муках рожают детей и тоже умирают. День сменяется ночью. Ветры дуют, и за

приливом следует отлив. Острова все те же, какими создал их наш бог.

«Каким же он стал угрюмым», – подумал Теон.

– Найду ли я в Пайке мою сестру и мою леди-мать?

– Нет, твоя мать на Харло, у своей сестры. Ее мучает кашель, а там погода помягче. Твоя сестра ушла на своем «Черном Ветре» на Большой Вик с посланиями твоего лорда-отца, но скоро вернется, будь уверен.

Теону не нужно было говорить, что Аша теперь водит ладью «Черный Ветер». Он не видел сестру десять лет, но об этом знал. Странно, что она так назвала свой корабль –

волк Робба Старка зовется Серый Ветер.

— Старки серые, а Грейджой черные, — с улыбкой пробормотал он, — но ветры, похоже, одолевают нас обоих. — Жрец промолчал. — Ну а ты, дядя? Ты не был священником, когда я отплыл из Пайка. Я помню, как ты пел старые разбойные песни, стоя на столе с рогом эля в руке.

— Я был молод тогда и тщеславен, но море унесло мои безумства и мое тщеславие. Тот человек утонул, племянник. Морская вода наполнила его легкие, и рыбы съели пелену у него на глазах. Восстав из моря, я стал видеть все по-иному.

Он не только угрюм, но еще и безумен. Старый Эйерон Грейджой нравился Теону куда больше.

— Дядя, зачем отец созвал свои мечи и паруса?

— Он сам скажет тебе об этом в Пайке.

— Я хотел бы знать заранее.

— От меня ты ничего не узнаешь.

Нам запрещено говорить об этом.

— Даже со мной? — В Теоне вспыхнул гнев. Он водил людей в бой, охотился вместе с королем, не раз отличался на турнирах, скакал бок о бок с Бринденом Черной Рыбой и Большим Джоном Амбером, сражался в Шепчущем Лесу, спал со столькими девками, что всех и не

упомнишь, а дядя по-прежнему обращается с ним, как с десятилетним мальчиком. — Если отец строит военные планы, я должен их знать. Я не первый встречный — я наследник Пайка и Железных островов.

— Это мы еще посмотрим.

Слова дяди обожгли Теона как пощечина.

— То есть как «посмотрим»? Оба моих брата погибли, и я теперь у отца единственный сын.

— У него есть еще и дочь.

Аша. Она на три года старше Теона, но все же...

— Женщина наследует лишь в том случае, если нет наследника

мужского пола по прямой линии. Я не позволю лишить себя своих прав, предупреждаю тебя.

— Ты предупреждаешь слугителя Утонувшего Бога, мальчик? Я вижу, ты забыл все, что знал. И ты большой дурак, если полагаешь, что твой лорд-отец передаст свои священные острова одному из Старков. А теперь помолчи. Дорога длинна и без твоей сорочьей трескотни.

Теон придержал язык, хотя и неохотно. Вот, значит, как обстоит дело. Как будто десять лет в Винтерфелле сделали его Старком. Да, лорд Эддард воспитывал его вместе с собственными детьми, но он так и не стал одним из них. Весь

замок, от леди Старк до последней судомойки, знал, что он заложник, обеспечивающий послушание своего отца, и все относились к нему соответственно. Даже бастарда Джона Сноу уважали больше.

Лорд Эддард время от времени пытался быть ему отцом, но Теон всегда видел в нем человека, который принес в Пайк огонь и кровь, а его увез из родного дома. Ребенком он боялся сурового лица Старка и его большого темного меча. А леди Старк держалась с ним еще более отстраненно и подозрительно, если такое возможно.

Что до детей, то младшие почти все то время, что он жил в

Винтерфелле, были малыми ребятами. Только Робб да его сводный брат Джон Сноу были достаточно большими, чтобы Теон достаивал их своим вниманием. Бастард был угрюмый парень, чувствительный к насмешкам, он завидовал знатному происхождению Теона и ревновал к нему Робба, к самому Роббу Теон даже привязался немного, как к младшему брату... но об этом лучше не упоминать. В Пайке, как видно, война еще не завершилась. Теона это не удивляло. Железные острова живут прошлым — настоящее слишком сурово и неприглядно, чтобы его выносить. Кроме того, отец и дядя уже стары, а

старые лорды все такие: они уносят свою заплесневелую кровную вражду с собой в могилу, ничего не забывая и ни с чем не мирясь.

У Маллистеров, сопровождавших Теона из Риверрана в Сигард, наблюдалось то же самое. Патрек Маллистер был неплохой парень — они с Теоном разделяли склонность к вину, женщинам и соколиной охоте. Но старый лорд Ясон, заметив, что его наследнику нравится общество Теона, отозвал Патрека в сторону и напомнил ему, что Сигард построили для защиты побережья от грабителей с Железных островов, из коих главные — Грейджои из Пайка. Гулкая Башня

Сигарда получила свое название из-за громадного бронзового колокола, который в старину сзывал в замок горожан и селян, когда на западном горизонте показывались ладьи морских разбойников.

«Попробуй скажи ему, что за последние триста лет колокол звонил только однажды», – сказал Патрек Теону на другой день, поделившись с ним отцовскими наставлениями и кувшином зеленого яблочного вина.

«Это было, когда мой брат штурмовал Сигард». Лорд Ясон убил Родрика Грейджоя под стенами своего замка и отбросил островитян обратно в залив. «И если твой отец полагает, что я из-за этого питаю к

нему вражду, то это лишь потому, что он не знал Родрика».

Они много смеялись над этим по дороге к одной любвеобильной молодой мельничихе, знакомой Патрека. Жаль, что теперь Патрека нет рядом. Маллистер он или нет, он был бы куда более приятным спутником, чем суровый старый священник, в которого превратился дядя Эйерон.

Дорога, по которой они ехали, вилась вверх по каменистым склонам. Вскоре море скрылось из виду, хотя в сыром воздухе по-прежнему пахло солью. Кони ровно шли в гору мимо пастушьей хижины и заброшенного рудника. Новый,

благочестивый Эйерон Грейджой был не из разговорчивых, и они совершали путь в мрачном молчании.

— Лорд Винтерфелла теперь — Робб Старк, — не выдержал наконец Теон.

— Что один волк, что другой — разница невелика.

— Робб нарушил свою присягу Железному Трону и объявил себя Королем Севера. Там идет война.

— Вороны мейстера летают над солью не хуже, чем над камнем. Твои новости давно устарели.

— Настали новые времена, дядя.

— Всякий новый день похож на старый.

— В Риверране думают по-

другому. Там говорят, что красная комета — вестница нового века. Посланница богов.

— Да, это знак — только не от их богов, а от нашего. Это горящая головня, с какими ходили в старину. Пламя Утонувшего Бога воссияло из моря, и оно возвещает о высоком приливе. Пора ставить паруса и идти в чужие земли с огнем и мечом, как делывал он.

— Полностью с тобой согласен, — улыбнулся Теон.

— Бог спрашивает человека о согласии не больше, чем буря — дождевую каплю.

Эта капелька когда-нибудь станет королем, старик. Теону

надоело слушать дядино ворчание. Он пришпорил коня и с улыбкой пустился рысью.

Солнце клонилось к закату, когда они достигли стен Пайка — темного каменного полумесяца между двумя утесами, с воротами посередине и тремя прямоугольными башнями с каждой стороны. Теон еще различал шрамы, нанесенные камню катапультами Роберта Баратеона. Новая южная башня поднялась над руинами старой, чуть светлее других и еще не обросшая лишайником. В том месте Роберт проломил стену и ворвался в замок по щебню и мертвым телам с боевым молотом в руке, а Нед Старк шел

рядом. Теон смотрел на них из безопасной Морской башни. Порой во сне ему все еще виделись факелы и слышался грохот рухнувших стен.

Ворота были открыты, заржавевшая решетка поднята — его ждали. Незнакомые стражники на стене смотрели, как Теон Грейджой возвращается домой.

За крепостной стеной с полсотни ярдов суши вели к морю и небу. Здесь помещались конюшни, псарня и еще кое-какие службы. Овцы и свиньи теснились в загонах, собаки бегали на воле. На юге вздымались утесы, и широкий каменный мост вел в Большой замок. Спрыгнув с седла, Теон услышал шум

прибоя. Подошел конюх, чтобы принять лошадь. Пара тощих ребятишек и несколько невольников пялили на него глаза, но ни лорда-отца, ни кого-либо другого, памятного ему по детским годам, не было видно. «Хорошо же меня встречают», — подумал он. Жрец остался в седле.

— Разве ты не останешься на ночь и не поделишь с нами мясо и мед, дядя?

— Мне было велено привезти тебя, и я тебя привез. Меня ждут дела моего бога. — Эйерон Грейджой повернул коня и проехал обратно в ворота под грязными пиками решетки.

Сгорбленная старая карга в бесформенном сером платье настороженно приблизилась к Теону.

— Милорд, меня послали показать вам ваши комнаты.

— Кто послал?

— Ваш лорд-отец.

Теон снял перчатки.

— Выходит, ты знаешь, кто я. Почему отец сам не вышел встретить меня?

— Он ждет вас в Морской башне, милорд. Когда вы отдохнете с дороги.

«А я-то считал Неда Старка холодным человеком».

— Ну а ты кто такая?

— Хелья, домоправительница в замке вашего лорда-отца.

– Прежде стюардом был Сайлас. Его еще звали Кислоротым. – Теон и сейчас помнил, как от старика разило винным духом.

– Он уж пять лет как помер, милорд.

– А что мейстер Квелен?

– Покоится в море. Теперь за воронами ходит Вендамир. «Я здесь как чужой, – подумал Теон. – Все вроде по-прежнему – и все не так».

– Ладно, покажи мне комнаты, женщина.

Она с чопорным поклоном повела его к мосту. Что-что, а мост Теон помнил хорошо: его древние камни, скользкие от влаги и зеленые от лишайника, море, ревущее под

ногами, словно дикий зверь, соленый ветер, хватающий за одежду.

Представляя, как он вернется домой, Теон всегда рисовал себе уютную спальню в Морской башне, где обитал в детстве. Но старуха привела его в Кровавый замок. Комнаты здесь были больше и лучше обставлены, но холодные и сырые. Теону предоставили ряд покоев с потолками такими высокими, что они терялись во мраке. Возможно, он был бы более доволен, если бы не знал, что от этих самых комнат Кровавый замок и получил свое название. Тысячу лет назад здесь были убиты в своих постелях сыновья Речного короля, а их

изрубленные на куски тела отправили отцу на материк.

Но Грейджоев в Пайке убивали лишь изредка, да и то собственные братья, а оба его брата мертвы. Не страх перед призраками заставлял Теона с неудовольствием оглядывать свое жилище. Драпировки на стенах позеленели от плесени, тюфяк отсырел и слежался, тростник на полу завял. Годы прошли с тех пор, как эти комнаты кто-то открывал. Сырость пронизывала до костей.

– Мне нужна горячая вода и огонь в камине, – сказал Теон старухе. – В других комнатах пусть разожгут жаровни, чтобы хоть немного согреть их. И, праведные

боги, пришли кого-нибудь сменить этот тростник.

– Да, милорд. Как прикажете. – И старуха удалилась. Вскоре ему принесли горячую воду – вернее, чуть теплую и вдобавок морскую, но он все-таки смыл дорожную пыль с лица, рук и волос. Пока двое невольников разжигали жаровни, он снял грязное дорожное платье и оделся для встречи с отцом. Он выбрал сапоги из тонкой черной кожи, мягкие шерстяные серебристо-серые бриджи и черный бархатный дублет с золотым кракеном Грейджоев на груди. На шею он надел тонкую золотую цепь и опоясался ремнем из беленой кожи.

На одном бедре он прицепил кинжал, на другом – длинный меч в полосатых, черных с золотом ножнах. Попробовав кинжал на пальце, он вынул из сумки на поясе точильный брусок и несколько раз провел им по лезвию. Он гордился тем, что оружие у него всегда острое.

– Чтоб к моему возвращению тростник сменили, а в комнате было тепло, – приказал он невольникам, натягивая черные перчатки – шелковые, с тонким золотым узором.

Теон вернулся в Большой замок по крытому переходу. Эхо его шагов сливалось с неумолчным рокотом моря внизу. Чтобы попасть в Морскую башню на ее кривом

каменном столбе, нужно было пройти еще три моста, более узких, чем этот. Последний был подвесным и от крепкого соленого ветра плясал под ногами, как живой. На середине пути душа у Теона ушла в пятки. Далеко внизу волны выбрасывали высокие плюмажи пены, разбиваясь о скалы. Мальчиком он запросто бегал по этому мосту даже темной ночью. Мальчишки не верят, что с ними может случиться худое, но взрослым лучше знать.

Серая деревянная дверь с железными гвоздями оказалась запертой изнутри. Он постучал в нее кулаком и выругался, когда щепка проткнула его перчатку. Дерево

отсырело и крошилось, гвозди заржавели.

Миг спустя ему открыл стражник в черном железном панцире и круглом шлеме.

— Это вы будете сын?

— С дороги — не то сейчас узнаешь, кто я такой. — Страж отступил, и Теон поднялся по винтовой лестнице в горницу.

Отец, в длинном лежалом одеянии из тюленьих шкур, грелся у жаровни. Услышав шаги по камню, лорд Железных островов поднял глаза и взглянул на своего последнего оставшегося в живых сына. Отец был меньше ростом, чем запомнилось Теону, и очень худой. Бейлон

Грейджой всегда был тощим, но теперь он выглядел так, будто боги положили его в котел и выварили все мясо, оставив на костях только кожу и волосы. Весь костлявый, жесткий, а лицо точно вытесали из кремня. Глаза тоже кремневые, черные и острые, а волосы от долгих лет и соленого ветра стали как зимнее море – серое, с белыми гребешками. Ничем не перевязанные, они свисали до самого пояса.

– Девять лет, так? – промолвил наконец лорд Бейлон.

– Десять. – Теон снял порванную перчатку вместе с целой.

– Они забрали мальчика. Кто ты теперь?

— Мужчина. Твоя кровь и твой наследник.

— Там видно будет, — проворчал лорд Бейлон.

— Будет, — пообещал Теон.

— Десять лет, говоришь ты. У Старка ты пробыл столько же, сколько и у меня. А теперь приехал как его посланник.

— Не его. Лорд Эддард мертв, обезглавлен королевой Ланнистер.

— Они оба мертвы. Старк и Роберт, разрушивший мои стены своими каменюгами. Я поклялся пережить их обоих и пережил. Но суставы мои по-прежнему ноют от холода и сырости, что живы эти двое, что нет. Так какой мне прок от их

смерти?

— Есть прок. — Теон подошел поближе. — Я привез письмо...

— Это Нед Старк так одевал тебя? — прервал старик, прищутив глаза. — Ему нравилось рядить тебя в шелк и бархат, как свою дочурку?

Кровь бросилась в лицо Теону.

— При чем здесь дочурка? Если тебе не по вкусу мой наряд, я сменю его.

— Придется сменить. — Лорд Бейлон встал, отбросив свои меха. — А эта цацка у тебя на шее — чем она куплена, золотом или железом?

Теон потрогал золотую цепь. Он забыл. Ведь это было так давно... Согласно старому закону, только

женщины могли носить украшения, купленные за деньги, воин же снимал их с врагов, убитых его собственной рукой. Это называлось «платить железом».

– Ты краснеешь, как девушка, Теон. Я задал тебе вопрос. Ты платил за нее золотом или железом?

– Золотом, – сознался Теон.

Отец поддел цепь пальцами и дернул. Теону показалось, что у него сейчас оторвется голова, но цепь порвалась первой.

– Моя дочь взяла себе в любовники топор, и я не потерплю, чтобы мой сын обвешивался побрякушками, как шлюха. – Лорд Бейлон бросил порванную цепь в

жаровню, на горящие угли. – Все так, как я и боялся. Зеленые земли размягчили тебя, и ты стал одним из Старков.

– Ошибаешься. Нед Старк был моим тюремщиком, и в крови у меня все те же соль и железо.

Лорд Бейлон отвернулся, грея над огнем костлявые руки.

– Однако старковский щенок шлет тебя ко мне, как ручного ворона, со своим письмишком в клюве.

– Это не письмишко, а важное письмо, и он пишет в нем то, что подсказал ему я.

– Значит, волчий король прислушивается к твоим советам? –

Это как будто позабавило лорда Бейлона.

— Да, прислушивается. Мы охотились вместе, учились, делили мясо и мед, сражались бок о бок. Я заслужил его доверие. Он смотрит на меня как на старшего брата...

— Нет. — Отец ткнул пальцем ему в лицо, — Здесь, в Пайке, в моем присутствии, ты не будешь звать братом сына того человека, который предал твоих родных братьев мечу. Или ты забыл Родрика и Марона, кровь от крови твоей?

— Я ничего не забыл. — На самом-то деле Нед Старк не убивал его братьев. Родрика убил лорд Ясон Маллистер в Сигарде, Марон погиб

под руинами старой южной башни... но Старк разделался бы с ними столь же быстро, доведись им встретиться в бою. — Я прекрасно помню моих братьев. — Он и правда помнил хмельные издевки Родрика заодно с жестокими выходками и бесконечным враньем Марона. — Я помню и то, что отец мой был королем. — Он достал письмо Робба и подал его старику. — Вот, прочтите... ваше величество.

Лорд Бейлон взломал печать и развернул пергамент. Его черные глаза быстро забегали по строчкам.

— Итак, мальчишка дарит мне корону, а я за это должен истребить его врагов. — Тонкие губы старика

искривились в улыбке.

— Робб сейчас у Золотого Зуба. Когда Зуб падет, он пройдет через холмы за один день. Лорд Тайвин стоит с войском в Харренхолле, отрезанный от запада, пленный Цареубийца сидит в Риверране. На западе Роббу противостоит только сир Стаффорд Ланнистер со своими зелеными новобранцами. Сир Стаффорд неизбежно займет позицию между армией Робба и Ланниспортом. Поэтому город будет не защищен, когда мы нагрянем на него с моря. И если боги нам помогут, Бобровый Утес тоже падет, прежде чем Ланнистеры спохватятся.

— Бобровый Утес никому еще не

сдавался, – проворчал лорд Бейлон.

– Все когда-нибудь случается в первый раз. – Теон улыбнулся, предвкушая сладость этой победы, но не дождался ответной улыбки.

– Вот, значит, почему Робб Старк послал тебя сюда после столь долгого отсутствия? Чтобы добиться моего согласия на его план?

– Это мой план, а не Робба, – гордо заявил Теон, думая:

«Победа тоже будет моей, а со временем и корона». – Я сам возглавлю атаку, если ты позволишь. В награду я попрошу пожаловать мне Бобровый Утес, когда мы отобьем его у Ланнистеров. – Владея Утесом, он удержит за собой Ланниспорт и

золотые земли запада. Дом Грейджоев никогда еще не знал такого богатства и власти.

— Недурную награду ты требуешь за план и несколько чернильных строчек. — Отец перечел письмо. — Щенок ничего не говорит о награде. Он пишет письмо, что ты говоришь от его имени, я же должен выслушать тебя и отдать ему свои мечи и паруса, а он взамен даст мне корону. — Он впился в сына своими кремневыми глазами. — Даст мне корону, — резко повторил он.

— Он просто не так выразился, это следует понимать...

— Следует понимать так, как сказано. Мальчишка даст мне корону.

А то, что дают, можно и отобрать. — Лорд Бейлон бросил письмо на угли, поверх цепочки. Пергамент съежился, почернел и вспыхнул.

— Ты с ума сошел? — опешил Теон. Отец влепил ему пощечину.

— Следи за своим языком. Ты теперь не в Винтерфелле, а я не Робб Молокосос. Я Грейджой, Лорд-Жнец из Пайка, Король Соли и Камня, Сын Морского Ветра, и ни один человек не может дать мне корону. Я уплачу железную цену и сам возьму свою корону, как Уррон Красная Рука пять тысяч лет назад.

Теон попятился от внезапной вспышки отцовского гнева.

— Что ж, бери, — бросил он,

чувствуя, как горит щека. — Назови себя Королем Железных островов, если охота... пока война не кончится и победитель, оглядевшись, не приметит старого дурака, сидящего на своих камнях с железной короной на голове.

Лорд Бейлон засмеялся:

— Что ж, по крайней мере ты не трус. Но и я не дурак. Для чего, потвоему, я собрал свои корабли — чтобы они болтались на якоре? Я выкрою себе королевство огнем и мечом... но не на западе и не по указке короля Робба Молокососа. Бобровый Утес чересчур силен, а лорд Тайвин уж больно хитер. Ланниспорт мы могли бы взять, но

нипочем бы его не удержали. Нет, у меня на примете другое яблочко... может, не такое сладкое и сочное, но спелое, и устеречь его некому.

«О чем ты?» — мог бы спросить Теон, но он уже понял о чем.

Дейенерис

Дотракийцы прозвали комету «шиерак кийя», кровавая звезда. Старики говорили, что она пророчит беду, но Дейнерис Таргариен впервые увидела ее на небе в ту ночь, когда сожгла кхала Дрого, в ту ночь, когда вылупились ее драконы. «Она возвещает о моем приходе, — говорила себе Дени, глядя в ночное небо. — Боги послали ее, чтобы указать мне путь».

Но когда она изложила эту мысль словами, ее служанка Дореа ахнула.

— В той стороне лежат красные

земли, кхалиси. Страшные места – так говорят табунщики.

– Мы должны идти туда, куда указывает комета, – настаивала Дени. По правде сказать, другого пути у нее и не было.

Она не смела повернуть на север через безбрежный океан травы, именуемый Дотракийским морем. Первый же кхаласар, который встретится, поглотит горстку ее людей. Воинов убьют, а остальных возьмут в рабство. Земли Ягнячьего Народа к югу от реки для них тоже закрыты. Их слишком мало, чтобы обороняться даже от этих мирных людей, а у лхазарян нет причин любить их. Она могла бы двинуться

вниз по реке в порты Меереи, Юнкаи и Астапор, но Ракхаро заметил ей, что в ту сторону направился кхаласар Поно с тысячами пленных, чтобы продать их на невольничьих рынках, гниющими язвами усеивающих берега Залива Работоторговцев.

— С чего мне бояться Поно? — возразила Дени. — Когда он бывал у Дрого, то всегда говорил со мной ласково.

— Ко Поно говорил с вами ласково, — сказал сир Джорах Мормонт, — но кхал Поно вас убьет. Он первым покинул Дрого, взяв с собой десять тысяч воинов, — а у нас их сто.

«Не сто, а четверо, – подумала Дени. – Остальные – это женщины, старики и мальчишки, еще не заплетающие волосы в косу».

– У меня есть драконы, – сказала ода.

– Детеныши драконов. Один взмах аракха – и им конец, хотя Поно скорее всего оставит их себе. Драконьи яйца были ценнее рубинов, живой же дракон не имеет цены. Их всего трое на всем белом свете. Каждый, кто увидит их, захочет отнять, моя королева.

– Они мои, – свирепо отрезала она. Они родились из ее нужды и ее веры, из смерти ее мужа, и мертворожденного сына, и мейеги

Мирри Маз Дуур. Дени вошла в огонь, давший им жизнь, и они сосали молоко из ее набухших грудей. — Никто не отнимет их у меня, пока я жива.

— После встречи с кхалом Поновы недолго проживете. То же касается кхала Чхако и остальных. Надо идти туда, где их нет.

Дени назначила его первым своим гвардейцем... а поскольку совет Мормонта не расходился с предзнаменованием, путь ее был ясен. Созвав людей, она села на свою серебристую кобылу. Волосы ее сгорели в погребальном костре Дрого, и служанки облачили ее в шкуру храккара, белого льва

Дотракийского моря, убитого покойным кхалом. Его устрашающая морда покрывала голый череп Дени, как капюшон, а мех плащом окутывал плечи и спину. Белый дракон, запустив острые коготки в львиную гриву, обвил хвостом руку Дени, а сир Джорах занял свое привычное место рядом с ней.

— Мы пойдем вслед за кометой, — сказала Дени своему кхаласару. Никто не произнес ни слова против. Они были людьми Дрого, но теперь они — ее люди. Они нарекли ее Неопалимой и Матерью Драконов. Ее слово для них закон.

Они ехали ночью, а днем прятались от солнца под своими

шатрами. Вскоре Дени поняла, что Дореа говорила правду. Это была негостеприимная страна. Они оставляли за собой мертвых и умирающих лошадей. Поно, Чхако и прочие увели с собой лучшее, что было в табунах Дрого, оставив Дени старых, тощих, хромых и злонравных животных. Так же обстояло дело и с людьми. «Они не сильные, — говорила себе Дени, — поэтому я должна быть сильной и за них тоже. Я не должна проявлять ни страха, ни слабости, ни сомнений. Как бы я ни боялась в душе, наружно я должна оставаться королевой». Она чувствовала себя старше своих четырнадцати лет. Если она и была

когда-то ребенком, это время ушло.

На третий день похода у них умер первый человек. Беззубый старик с мутными голубыми глазами свалился с седла и больше уже не поднялся, а час спустя его не стало. Кровавые мухи жужжали над трупом, перенося его злосчастье на живых.

— Давно пора, — заявила Ирри, одна из служанок. — Человек не должен жить дольше, чем его зубы. — Остальные согласились с ней. Дени приказала убить самую слабую из полудохлых кляч, чтобы старику было на чем ехать в полночном краю.

Две ночи спустя умер грудной младенец, девочка. Мать ее была весь

день, но нечем было помочь ее горю. Бедная девчушка была слишком мала, чтобы ездить верхом. Бескрайние черные травы полночной страны не для нее — ей придется, родиться в этом мире еще раз.

В красной пустыне корма было мало, а воды еще меньше. Это был унылый край низких холмов и голых, продуваемых ветром равнин. Русл рек высохли, как мертвые кости. Кони щипали жесткую бурую призрак-траву, торчащую пучками у скал и сухих деревьев. Дени посылала вперед разведчиков, но они не находили ни родников, ни колодцев — только мелкие стоячие пруды, высыхающие под жарким

солнцем. Чем дальше углублялись они в пустыню, тем меньше делались эти пруды и тем реже встречались. Если на этих пространствах из камня, песка и красной глины и обитали боги, то жесткие, сухие, глухие к молитвам о дожде.

Сначала у них вышло вино, потом перебродившее кобылье молоко, которое табунщики любят больше меда. На исходе были лепешки и вяленое мясо. Охотники не могли найти дичи, и они кормились мясом павших лошадей. Смерть следовала за смертью. Малые дети, старухи, больные, глупые и неосмотрительные – жестокая земля всех забирала себе. Дореа отощала,

глаза у нее ввалились, и мягкие золотистые волосы высохли, как солома.

Дени голодала и терпела жажду наравне со всеми. Молоко в ее грудях иссякло, соски потрескались и кровоточили. Она худела день ото дня, пока не стала твердой, как палка, но боялась не за себя, а за драконов. Ее отца убили еще до ее рождения, как и ее отважного брата Рейегара. Мать умерла, производя ее на свет, пока снаружи ревела буря. Добрый сир Биллем Дарри, любивший ее по-своему, умер от долгой болезни, когда она была совсем еще маленькой. Ее брат Визерис, кхал Дрого, бывший ее

солнцем и звездами, даже сын, которого она носила, — боги всех их взяли к себе. «Но моих драконов они не получают», — поклялась Дени.

Драконы были не больше тощих кошек, которых она видела в доме магистра Иллирио в Пентосе... пока не расправляли крылья. Каждое крыло было втрое больше самого детеныша — великолепно расцвеченный веер из прозрачной кожи, натянутой на длинные тонкие косточки. Если посмотреть как следует, дракон почти целиком состоял из шеи, хвоста и крыльев. «Какие маленькие», — думала Дени, когда кормила их из рук. Вернее, пыталась кормить, потому что

драконы ничего не ели. При виде кровавых кусочков конины они шипели, плевались, пускали дым из ноздрей, но есть не желали... пока Дени не вспомнила то, что рассказывал ей в детстве Визерис.

«Только драконы и люди едят мясо жареным», – говорил он. Она велела своим служанкам зажарить конину дочерна, и драконы накинулись на нее с жадностью, выбрасывая головы вперед, как змеи. В день они поглощали такого обугленного мяса в несколько раз больше, чем весили сами, и наконец-то стали расти и крепнуть. Дени дивилась гладкости их чешуи и идущему от них жару... в холодные

ночи казалось, что их тела дымятся.

Каждый вечер, когда кхаласар трогался в путь, она брала одного из драконов себе на плечо. Двух других Ирри и Чхику везли в сплетенной из шерсти клетке на шесте между своими конями. Они ехали следом за Дени, и она никогда не теряла их из виду. Только тогда они вели себя тихо.

— Драконов Эйгона называли в честь богов древней Валирии, — сказала она своим кровным всадникам однажды утром после долгого ночного перехода. — Дракона Висеньи звали Вхагар, дракона Рейенис — Мираксес, а Эйгон летал верхом на Балерионе, Черном Ужасе.

Говорят, дыхание Вхагара было столь жарким, что плавило рыцарские доспехи и поджаривало человека внутри, Мираксес глотал коней целиком, а Балерион изрыгал пламя черное, как его чешуя, и крылья его были так огромны, что тень их накрывала целые города, когда он пролетал над ними.

Дотракийцы взирали на детенышей с тревогой. Самый крупный из трех был черный, лоснящийся, с ярко-алым узором на чешуе, крыльях и рожках.

– Кхалиси, – шепнул Агго, – вот он, Балерион, – он возродился снова.

– Очень может быть, кровь от моей крови, – серьезно ответила

Дени, — но для этой новой жизни нам понадобится новое имя. Я назову всех троих именами тех, кого взяли у меня боги. Зеленый будет зваться Рейегалем, как мой отважный брат, погибший на зеленых берегах Трезубца. Белый с золотом будет Визерионом. Визерис был жесток, слаб и боязлив, тем не менее он был моим братом. Его дракон совершит то, что не смог он.

— А черный? — спросил сир Джорах Мормонт.

— Черного я назову Дрогоном.

Но пока драконы благоденствовали, кхаласар ее таял на глазах, а земля вокруг делалась еще более скудной. Даже призрак-

травы почти не стало. Лошади падали на ходу — их осталось так мало, что кое-кому пришлось тащиться дальше пешком. Дореа подхватила лихорадку, и с каждой лигой ей делалось все хуже. На губах и руках у нее вздулись кровавые пузыри, волосы выпадали клочьями, и однажды вечером она не смогла сесть на коня. Чхого сказал, что ее надо либо бросить, либо привязать к седлу, но Дени вспомнилась одна ночь в Дотракийском море, когда лиссенийка научила ее секретам любви, которыми она еще крепче привязала к себе Дрого. Она напоила Дореа водой из собственного бурдюка, положила ей на лоб

влажную повязку и держала ее за руку, пока смерть не остановила лихорадочной дрожи. Только тогда Дени разрешила кхаласару продолжать путь.

Других путников им не встречалось. Дотракийцы стали боязливо поговаривать о том, что комета завела их в самые недра ада. Как-то утром, когда они разбили лагерь среди черных, изглоданных ветром камней, Дени спросила сира Джораха:

– Может быть, мы заблудились? Неужели у этой пустыни нет конца?

– Есть, – устало ответил он. – Я видел карты, составленные торговцами, моя королева. Немногие

караваны прошли этот путь, но там, на востоке, лежат великие королевства и города, полные чудес: Йи Ти, Кварт, Асшай, что у Края Теней...

— Но доживем ли мы, чтобы их увидеть?

— Не стану лгать вам. Путь оказался труднее, чем я осмеливался предположить. — Лицо рыцаря было серым и изможденным. Рана на бедре, которую он получил в схватке с кровниками кхала Дрого, так и не зажила до конца. Дени видела, что он гримасничает, садясь на коня, и в седле сидит неловко. — Мы можем погибнуть, если пойдем дальше... но если мы повернем обратно, нам уж

точно конец.

Дени поцеловала его в щеку. Он улыбнулся, и на душе у нее потеплело. «Я должна быть сильной за нас обоих, — подумала она. — Он рыцарь, но я — кровь дракона».

Следующий найденный ими пруд был обжигающе горяч, и от него несло серой, но их бурдюки почти совсем опустели. Дотракийцы охлаждали воду в горшках и кувшинах и пили еще теплой. Вкус был не менее скверным, чем запах, но вода есть вода, а их мучила жажда. Дени с отчаянием смотрела на горизонт. Их осталось две трети против прежнего, а красная пустыня все тянулась без конца и края.

«Комета насмеялась надо мной, — подумала Дейенерис, взглянув на неба. — Неужели я прошла полмира и видела рождение драконов лишь для того, чтобы умереть вместе с ними в этой раскаленной пустыне?» Она не могла в это поверить.

Рассвет нового дня застал их на растрескавшейся красной равнине. Дени уже хотела скомандовать привал, когда высланные ею разведчики галопом вернулись назад.

— Там город, кхалиси, — кричали они. — Бледный, как луна, и прекрасный, как девушка. До него ехать час, не больше.

— Показывайте, — сказала она.

Город, представший перед ней,

со своими белыми, мерцающими башнями и стенами был так красив, что она приняла его за мираж.

— Не знаешь ли ты, что это за место? — спросила она сира Джораха.

Рыцарь устало качнул головой:

— Нет, моя королева. Так далеко на востоке я никогда не бывал.

Мерцающие белые стены сулили отдых и покой, возможность поправиться и окрепнуть. Дени хотелось одного: ринуться к ним во весь опор, но вместо этого она сказала своим кровным всадникам:

— Кровь моей крови, ступайте вперед и узнайте, как называется этот город и какого приема мы можем там ожидать.

– Будет исполнено, кхалиси, – сказал Агго. Немного времени спустя они вернулись. Ракхаро перегнулся с седла. На его поясе из медальонов висел большой изогнутый аракх, который Дени вручила ему, назвав своим кровным всадником.

– Это мертвый город, кхалиси, без имени и бога, с выломанными воротами. Только ветер да мухи гуляют по его улицам.

Чхику содрогнулась:

– Там, где нет богов, по ночам правят пир злые духи. Таких мест лучше избегать – это все знают.

– Это все знают, – согласилась Ирри.

– Все, но не я. – Дени, послав

коня вскачь, первая въехала в разрушенные ворота на тихую улицу. Сир Джорах и кровные всадники последовали за ней, а дальше потянулись все прочие.

Она не знала, давно ли покинут этот город, но его белые стены, такие красивые издали, потрескались и раскрошились. За ними тянулись путаные извилистые переулки с белеными, без окон, фасадами домов. Здесь существовал только белый цвет, как будто местные жители не имели понятия о красках. Кое-где на месте домов остались только груды щебня, в других местах виднелись следы пожара. Там, где сходились шесть улиц. Дени увидела пустой

мраморный постамент. По всей видимости, здесь побывали дотракийцы. Быть может, статуя, некогда украшавшая этот постамент, стоит вместе с другими похищенными богами в Бейес Дотрак, а она, Дени, раз сто проезжала мимо нее. Визерион у нее на плече зашипел.

Они разбили лагерь перед разоренным дворцом, на обдуваемой ветром площади, где между камнями росла призрак-трава. Дени послала мужчин обследовать руины. Они пошли неохотно, но все-таки пошли... и вскоре один покрытый шрамами старик вернулся, подпрыгивая и ухмыляясь, с руками,

полными фиг. Плоды были маленькие и сморщенные, но люди накиннулись на них, отталкивая друг друга и запихивая фиги себе за щеки.

Другие посланцы тоже доложили о плодовых деревьях, укрытых в тайных садах за стенами домов. Агго нашел дворик, увитый лозами мелкого зеленого винограда, Чхого обнаружил колодец с чистой холодной водой. Попадались им и кости непогребенных с выбеленными солнцем, проломленными черепами.

— Призраки, — бормотала Ирри. — Страшные духи. Нам нельзя оставаться здесь, кхалиси, — это их место.

— Я не боюсь призраков.

Драконы сильнее их. — (А фиги важнее.) — Ступайте с Чхику, найдите мне чистого песка для омовения и не докучайте больше своими глупыми разговорами.

В прохладе своего шатра Дени жарила на углях конину и думала, как быть дальше. Здесь есть вода и пища и достаточно травы, чтобы подкормить коней. Приятно каждый день просыпаться на том же месте, бродить по тенистым садам, есть фиги и пить холодную воду сколько душе угодно.

Ирри и Чхику вернулись с ведрами белого песка, Дени разделась, и они отскребли ее дочиста.

— У тебя отрастают волосы, кхалиси, — заметила Чхику, сдувая песок с ее спины. Дени провела рукой по голове — она и правда покрылась пушком. Дотракийские мужчины заплетают волосы в длинные намасленные косы и стригут только тогда, когда терпят поражение. «Быть может, и мне следует так делать, — подумала она, — чтобы все помнили, что сила Дрого теперь живет во мне. Кхал Дрого умер с неостриженными волосами — немногие могли похвалиться этим».

Рейегаль расправил зеленые крылья, пролетел с полфута и шлепнулся на ковер. Упав, он в ярости забил хвостом, вытянул шею

и завопил. «Будь у меня крылья, мне бы тоже хотелось летать», – подумала Дени. Таргариены былых времен отправлялись на войну верхом на драконах. Она попыталась представить себе, каково это – лететь по воздуху, сидя на шее дракона. Должно быть, так же, как когда стоишь на вершине горы, – только лучше. Ты видишь под собой весь мир. Если подняться повыше, можно увидеть даже Семь Королевств и дотронуться рукой до кометы.

Ирри нарушила ее думы, сказав, что снаружи ждет сир Джорах Мормонт.

– Впусти его, – велела Дени. Натертая песком кожа горела. Она

завернулась в свою львиную шкуру. Храккар был куда больше ее и прикрывал все, что следовало прикрыть.

– Я принес вам персик, – сказал, преклонив колени, сир Джорах. Персик был такой маленький, что поместился у нее на ладони, и переспелый, но, откусив от него, Дени чуть не заплакала. Она ела его медленно, смакуя каждый кусочек. Сир Джорах сказал, что сорвал его с дерева близ западной стены.

– Вода, фрукты и тень, – молвила перемазанная сладким соком Дени. – Сами боги привели нас в это место.

– Мы должны отдохнуть здесь,

пока не наберемся сил. Красные земли немилостивы к слабым.

— Мои служанки говорят, что здесь водятся призраки.

— Призраки водятся везде. Мы носим их с собой, куда бы ни отправились.

«Это верно» — подумала она. — Визерис, кхал Дрого, мой сын Рейего — они всегда со мной».

— Как зовут твоего призрака, Джорах? Моих ты знаешь.

— Линесса, — с застывшим лицом сказал он.

— Твоя жена?

— Вторая жена.

Дени видела, что ему больно говорить о ней, но ей хотелось

узнать, в чем тут дело.

— Больше ты ничего не хочешь сказать? — Львиная шкура соскользнула с плеча, и Дени поправила ее. — Она была красива?

— Очень красива. — Взгляд сира Джораха скользнул от ее плеча к лицу. — Увидев ее впервые, я подумал, что сама Дева спустилась к нам с небес. По рождению она гораздо выше, чем я. Она была младшей дочерью лорда Лейтона Хайтауэра из Староместа. Белый Бык, командовавший гвардией вашего отца, — ее двоюродный дядя. Хайтауэры — старинный род, очень богатый и очень гордый.

— И преданный, — сказала Дени.

– Я помню, Визерис говорил, что Хайтауэры остались верны моему отцу.

– Да, это правда.

– Брак устроили ваши отцы?

– Нет. Наша женитьба – долгая и скучная история, ваше величество. Я не хотел бы утомлять вас.

– Мне все равно нечего делать. Пожалуйста, расскажи.

– Как прикажет моя королева. – Сир Джорах нахмурился. – Моя родина... вы должны понять это, чтобы понять все остальное. Медвежий остров прекрасен, но очень далек. Представьте себе старые скрюченные дубы и высокие сосны, цветущий терновник, серые камни,

поросшие мхом, ледяные речки, оббегающие с крутых холмов. Усадьба Мормонтов построена из огромных бревен и окружена земляным валом. Мой народ, не считая немногих земледельцев, живет на берегу и промышляет морем. Остров лежит далеко на севере, и зимы у нас суровее, чем вы можете себе вообразить, кхалиси.

Однако мой остров вполне устраивал меня, и я никогда не испытывал недостатка в женщинах. Были у меня и рыбачки, и крестьянские дочки — и до свадьбы, и после. В первый раз я женился молодым, на девице, которую выбрал мне отец, — на Гловер из Темнолесья.

Мы прожили с ней десять лет или около того. Она была нехороша собой, но доброго нрава. Я привязался к ней на свой лад, хотя нас связывал скорее долг, нежели страсть. Трижды она выкидывала, пытаясь родить мне наследника. После третьего раза она так и не оправилась и вскоре умерла.

Дени легонько сжала его руку.

– Мне очень жаль.

Сир Джорах кивнул:

– К тому времени мой отец надел черное, и я стал полноправным лордом Медвежьего острова. У меня не было нужды в брачных предложениях, но прежде чем я успел принять решение, лорд Бейлон

Грейджой поднял восстание против узурпатора, и Нед Старк созвал свои знамена на подмогу другу Роберту. Решающая битва произошла на Пайке. Когда камнеметные машины Роберта пробили стену короля Бейлона, первым в брешь ворвался жрец из Мира, но я ненамного отстал от него. Так я заслужил рыцарское звание.

Чтобы отпраздновать победу, Роберт устроил близ Ланниспорта турнир. Там я и встретил Линессу, девушку вдвое моложе меня. Она приехала из Староместа с отцом посмотреть, как состязаются ее братья. Я не мог оторвать от нее глаз. В припадке безумия я попросил у нее

знак отличия, чтобы носить на турнире, не надеясь, что она исполнит мою просьбу, — но она ее исполнила.

Я дерусь не хуже всякого иного, кхалиси, но на турнирах никогда не блистал. Но, обвязав вокруг руки ленту Линессы, я стал другим человеком. Я выигрывал схватку за схваткой. Я свалил лорда Ясона Маллистера и Бронзового Джона Ройса. Сир Риман Фрей, его брат сир Хостин, лорд Уэнт, Дикий Вепрь, даже сир Борос Блаунт из королевской Гвардии — никто не устоял передо мной. В последнем поединке я обломал девять копий о Джейме Ланнистера, и король

Роберт увенчал меня лаврами победителя. Я короновал Линессу королевой любви и красоты и в тот же вечер пошел к ее отцу и попросил ее руки. Я был пьян — и от вина, и от славы. По всем статьям меня следовало бы с позором отправить прочь, но лорд Лейтон принял мое предложение. Мы поженились там же, в Ланниспорте, и две недели не было на свете человека счастливее меня.

— Только две недели? — Даже Дени было отпущено больше счастья с Дрого, ее солнцем и звездами.

— Две недели ушло на то, чтобы доплыть от Ланниспорта до Медвежьего острова. Мой дом горько

разочаровал Линессу. Там было слишком холодно, слишком сыро, слишком далеко, а замок казался ей бревенчатой хижинкой. Не было у нас ни скоморохов, ни балов, ни ярмарок. Редко-редко забредал к нам какой-нибудь певец, и золотых дел мастера на острове тоже не имелось. Даже еда обернулась мучением. Мой повар мало что умел готовить, кроме жареного мяса да похлебки, и Линессе скоро опротивела рыба и оленина.

Я жил ради ее улыбки. Я послал в Старомест за новым поваром и выписал из Ланниспорта арфиста. Я добывал ей все, чего она желала, — златокузнецов, ювелиров и портных,

но этого было недостаточно. На Медвежьем острове много медведей и деревьев, а всего остального мало. Я построил для нее красивый корабль, и мы плавали в Ланниспорт и Старомест на празднества и ярмарки — однажды сходили даже в Браавос, где я занял у ростовщиков уйму денег. Я завоевал ее руку и сердце, как победитель турнира, поэтому я выходил на другие турниры ради нее, но волшебство утратило силу. Я так ни разу больше и не отличился, а каждое поражение означало потерю коня и турнирных доспехов — их приходилось выкупать или заменять новыми. Мне это было не по средствам. Наконец я настоял

на возвращении домой, но там дела у нас пошли еще хуже, чем прежде. Я не мог больше платить повару и арфисту, а Линесса просто взбесилась, когда я заикнулся о том, чтобы заложить ее драгоценности.

А дальше... я стал делать вещи, о которых мне стыдно рассказывать. Ради золота – чтобы Линесса могла сохранить свои драгоценности, своего арфиста и своего повара. В конце концов я потерял все. Услышав, что Эддард Старк собирается на Медвежий остров, я до того забыл о чести, что не решился предстать перед его судом бежал, взяв с собой жену. Ничто не имеет значения, кроме нашей любви,

говорил я себе. Мы бежали в Лисс, и я продал свой корабль, чтобы как-то прожить.

Видно было, что рассказ причиняет ему боль, и Дени не хотелось его принуждать, но ей нужно было знать, чем все это закончилось.

— Она умерла там? — мягко спросила Дени.

— Только для меня. Через полгода все золото вышло, и мне пришлось стать наемным солдатом. Пока я сражался с браавосаами на войне, Линесса перебралась в дом купецкого старшины Трегара Ормоллена. Говорят, она теперь его главная наложница и даже его жена

ее боится.

Дени ужаснулась:

– И ты ее ненавидишь?

– Почти так же сильно, как люблю. Прошу извинить меня, моя королева, – я очень устал.

Дени отпустила его, но, когда он уже собрался выйти, она не удержалась и спросила:

– Какая она была, твоя леди Линесса?

– Она немного похожа на вас, Дейенерис, – печально улыбнулся сир Джорах. – Сладких вам снов, моя королева.

Дени, вздрогнув, плотнее закуталась в львиную шкуру. «Похожа на меня». Это объясняет то, чего

Дени прежде не понимала. «Он хочет меня, — сказала она себе. — Он любит меня, как любил ее, — не как рыцарь свою королеву, а как мужчина женщину». Она попыталась представить себе, как целует сира Джораха, ласкает, как он входит в нее, — но тщетно. Закрывая глаза, она видела не его, а Дрого.

Кхал Дрого был ее солнцем и звездами, ее первым мужчиной — а может быть, и последним. Мейега Мирри Маз Дуур поклялась, что Дени никогда не родит живое дитя — кто же захочет взять ее, бесплодную, в жены? И разве может кто-нибудь соперничать с Дрого, кто умер, ни разу не обрезав волос и теперь ведет

свой звездный кхаласар по
полночным землям?

Она слышала, с какой тоской
сир Джорах говорил о своем
Медвежьем острове. «Меня он
никогда не получит, но когда-нибудь
я верну ему его дом и честь. Это я
могу сделать и сделаю».

Никакие призраки в ту ночь не
тревожили ее сон. Ей снился Дрого и
то, как они впервые ехали с ним
рядом в ночь их свадьбы. Только во
сне под ними были не кони, а
драконы.

Наутро она призвала к себе
своих кровных всадников:

— Кровь моей крови, вы нужны
мне. Каждый из нас выберет себе

трех лошадей, самых крепких и здоровых из тех, что у нас остались. Нагрузите на них воды и провизии, сколько увезут, и отправляйтесь в дорогу. Агго поедет на юго-запад, Ракхаро прямо на юг, ты же, Чхого, — на юго-восток за шиерак кийя.

— Что мы должны искать, кхалиси? — спросил Чхого.

— Все, что встретится впереди. Другие города, живые и мертвые. Караваны и оседлых жителей. Реки, озера и большое соленое море. Узнайте, как далеко простирается эта пустыня и что лежит по ту ее сторону. Я не намерена снова искать дорогу вслепую, когда покину это место. Я должна знать, куда ехать и

как лучше добраться туда.

И они уехали, позвякивая колокольчиками в волосах, а Дени с горсткой живых осталась в городе, который они назвали Вейес Толорро. Город Костей. Дни шли за днями. Женщины собирали фрукты в садах мертвецов, мужчины чистили коней и чинили седла, стремяна и обувь. Дети бегали по улицам, собирая старые бронзовые монеты, осколки пурпурного стекла и каменные кувшинчики с ручками в виде змей. Одну женщину ужалил красный скорпион, но больше смертей не было. Лошади начали прибавлять в теле. Дени лечила рану сира Джораха сама, и та заживала.

Ракхаро вернулся первым. «На юге красная пустыня тянется бесконечно, — сказал он, — а после упирается в дурную горькую воду. Ничего там нет, кроме песков, обветренных скал и колючей поросли». Он клялся, что видел скелет дракона — такой огромный, что проехал на коне сквозь его большие черные челюсти. Больше ничего примечательного ему не встретилось.

Дени дала ему дюжину самых сильных мужчин и велела им перекопать площадь. Если между камнями растет призрак-травы, прорастут и другие травы, когда камни уберут. В воде у них

недостатка нет — скоро площадь зазеленеет.

Вторым вернулся Агго. «На юго-западе все голо и выжжено», — сказал он. Агго нашел руины еще двух городов — меньше, чем Вейес Толорро, но в остальном таких же. Один из них охраняли черепа, воздетые на ржавые железные пики, и он не решился войти туда, но второй обследовал по мере возможности. Он показал Дени найденный там железный браслет с необработанным огненным опалом величиной с ее большой палец. Там были еще какие-то свитки, но они высохли и угрожали рассыпаться, поэтому Агго их не взял.

Дени поблагодарила его и отправила чинить ворота. Если кто-то пересек пустыню в старину, чтобы завоевать эти города, такое могло повториться снова.

— На всякий случай мы должны быть готовы ко всему, — заявила она.

Чхого не было так долго, что Дени уже стала бояться за него, но наконец, когда его почти уже не ждали, он появился на юго-востоке. Один из часовых, выставленных Агго, увидел его первым и закричал. Дени взбежала на стену, чтобы посмотреть своими глазами. Это была правда. Чхого вернулся, и не один. С ним ехали три незнакомца в причудливых одеждах, верхом на

безобразных горбатых животных
крупнее лошади.

Они остановились у городских
ворот и подняли головы к Дени.

— Кровь моей крови, — сказал
Чхого, — я доехал до большого города
Кварта и вернулся с тремя людьми,
которые захотели сами посмотреть
на тебя.

— Что ж, смотрите, если охота, —
сказала Дени, — но сперва назовите
мне свои имена.

Бледный синегубый человек
ответил на гортанном дотракийском:

— Я Пиат Прей, великий маг.

Лысый с драгоценным кольцом
в носу ответил на валирийском
Вольных Городов:

– Я Ксаро Ксоан Даксос из числа Тринадцати, купецкий старшина Кварта.

Женщина в лакированной деревянной маске ответила на общем языке Семи Королевств:

– Я Куэйта из Края Теней. Мы хотим видеть драконов.

– Вы их увидите, – сказала им Дейенерис Таргариен.

Джон

На старых картах Сэма эта деревня называлась Белое Дерево. По мнению Джона, это место не заслуживало звания деревни: четыре хижины из неоштукатуренного камня вокруг пустого овечьего загона и колодца. Домишки были крыты дерном, окна затянуты обтрепавшимися кожами. Над ними простирались белые ветви и темно-красные листья чудовищно громадного чардрева.

Это было самое большое дерево, которое Джон Сноу доводилось видеть: ствол добрых восьми футов в

обхватите, а ветви укрывали своим пологом всю деревню. Но тревогу в нем вызывала не столько величина дерева, сколько лицо на нем, особенно рот: не просто щель, как обычно, а дупло с рваными краями, где могла поместиться целая овца.

Но там, внутри, не овечьи кости — и в пепле лежит не овечий череп.

— Старое дерево, — хмуро произнес Мормонт с седла.

— Старое, — подтвердил ворон у него на плече. — Старое, старое, старое.

— И сильное. — Джон чувствовал его мощь. Торен Смолвуд спешил рядом со стволом, весь черный в своем панцире и кольчуге.

– Гляньте-ка на эту образину. Неудивительно, что люди боялись их, когда впервые пришли в Вестерос. Так бы и срубил эту погань.

– Мой отец верил, что перед сердце-деревом нельзя солгать, – сказал Джон. – Старые боги знают, когда человек лжет.

– Мой отец тоже в это верил, – сказал Старый Медведь. – Дай-ка мне взглянуть на этот череп.

Джон спешился. За спиной у него в черных кожаных ножнах висел Длинный Коготь, полутораручный бастардный клинок, который подарил ему Старый Медведь за спасение своей жизни. Бастардный меч для бастарда, пошучивали

братья. Рукоять для него переделали по-новому, снабдив ее волчьей головой из бледного камня, клинок же был из валирийской стали — старый, легкий и смертельно острый.

Став на колени, Джон запустил руку в перчатке в дупло, красное от высохшего сока и почерневшее от огня. Под черепом лежал еще один, поменьше, с отломанной челюстью, полусасыпанный пеплом и осколками костей.

Старый Медведь, взяв его обеими руками, заглянул в пустые глазницы.

— Одичалые сжигают своих мертвых — мы всегда это знали. Жаль, что я не спросил, почему они это

делают, когда их еще можно было найти кое-где.

Джон вспомнил упыря с горящими синими глазами на бледном мертвом лице. Теперь-то уж ясно почему.

— Если бы кости могли говорить, этот парень рассказал бы нам о многом, — проворчал Мормонт. — Как он умер, кто сжег его и зачем. И куда девались одичалые. — Он вздохнул. — Дети Леса, говорят, умели разговаривать с мертвыми, но я не умею. — Он швырнул череп обратно в дупло, подняв облачко пепла. — Обшарьте эти дома, а ты, Великан, полезай на дерево и оглядись. Надо и собак попробовать. Может, на этот

раз след окажется посвежее. — Но было ясно, что он не особенно на это надеется.

Дозорные разошлись по домам попарно, чтобы ничего не пропустить. Джону достался Эддисон Толетт, тощий как пика оруженосец, которого братья прозвали Скорбным Эддом.

— Мало нам того, что мертвые встают, — сказал он Джону. — Старый Медведь хочет, чтоб они еще и заговорили. Это добром не кончится, ручаюсь. И кто сказал, что кости не лгут? Почему это мертвый должен быть правдивее или умнее, чем при жизни? Скорей всего он стал бы ныть и жаловаться — земля, мол, чересчур

холодна, надгробная плита мала, да и червей у других побольше, чем у него...

Джону пришлось пригнуться, чтобы пройти через низкую дверь. Внутри был плотно утопанный земляной пол — никакой мебели, никаких признаков, что здесь жили люди, если не считать золы под дымовым отверстием в крыше.

— Хорошо жильё, нечего сказать, — заметил он.

— Я тоже родился в таком вот доме, — пригорюнился Скорбный Эдд. — И провел в нем свои лучшие годы — все плохое началось потом. — В одном углу валялась куча соломы, и Эдд посмотрел на нее с тоской. — Я

отдал бы все золото Бобрового Утеса, лишь бы снова поспать в постели.

— Вот это ты называешь постелью?

— Я называю постелью все, что мягче земли и имеет над собой крышу. — Эдд понюхал воздух. — Навозом пахнет.

— Да, только старым. — Запах был очень слаб — видимо, дом покинули уже довольно давно. Джон порылся в соломе, чтобы проверить, не спрятано ли чего внизу, и обошел стены. Это не заняло у него много времени. — Тут ничего нет.

Он и не ожидал ничего найти. Белое Древо — четвертая деревня, которую они проезжают, и все

четыре заброшены. Люди ушли, забрав свои скудные пожитки и всю живность, которую имели. Следов нападения нигде не замечалось. Пусто, только и всего.

— Как ты думаешь, что могло с ними случиться? — спросил Джон.

— Такое, что мы и вообразить себе не можем, — заверил Скорбный Эдд. — Я, впрочем, могу, только говорить не хочу. Довольно одного знания, что всех нас ждет гибель, — незачем думать об этом заранее.

Две собаки обнюхивали дверь изнутри, остальные рыскали по деревне. Черт ругал их почем зря со злостью, которая, похоже, никогда его не покидала. При свете,

проникающем сквозь красные листья чардрева, прыщи у него на лице казались еще ярче. Увидев Джона, он сузил глаза — любви они друг к другу не питали.

В других домах тоже ничего не нашлось.

— Ушли, — крикнул ворон Мормонта, взлетев на ветку чардрева. — Ушли, ушли, ушли.

— Год назад в Белом Древе еще жили одичалые. — Торен Смолвуд, в черной блестящей кольчуге и чеканном панцире сира Джареми Риккера, больше походил на лорда, чем сам Мормонт. Тяжелый плащ, подбитый соболем, был застегнут скрещенными серебряными

молотами Риккеров. Плащ тоже принадлежал раньше сиру Джареми... но сира Джареми убил упырь, а в Ночном Дозоре ничего даром не пропадает.

— Год назад королем был Роберт, и в стране царил мир, — заметил коренастый Джармен Баквел, командир разведчиков. — За год многое может измениться.

— Неизменным остается одно, — вставил сир Малладор Локе, — чем меньше одичалых, тем меньше хлопот. Что бы там с ними ни стряслось, я по ним плакать не стану. Грабители и убийцы, все до одного.

Красные листья над Джоном зашуршали, сучья разошлись, и

показался человек, скачущий с ветки на ветку, как белка. Бедвик был ростом не выше пяти футов, и только седина в волосах выдавала его возраст. Другие разведчики прозвали его Великаном. Сидя в развилке у них над головой, он сказал:

— На севере какая-то вода — озеро, что ли. На западе кремнистые холмы, не очень высокие. Больше ничего не видать, милорды.

— Заночевать можно здесь, — предложил Смолвуд. Старый Медведь взглянул на небо сквозь белые ветки и красные листья чардрева.

— Нет. Великан, сколько там еще до заката?

– Три часа, милорд.

– Пойдем на север, – решил Мормонт. – Если успеем добраться до озера, разобьем лагерь на берегу, авось и рыбы наловим. Джон, тащи бумагу, надо написать мейстеру Эйемону.

Джон нашел в седельной сумке пергамент, перо и чернила и принес лорду-командующему.

«В Белом Древе, – нацарапал Мормонт. – Четвертая деревня, и все пусты. Одичалые ушли».

– Найди Тарли, и пусть он это отправит. – Мормонт свистнул, ворон слетел к нему, сел на голову коня, покрутил головой и сказал:

– Зерно. – Конь заржал.

Джон развернул своего лохматого конька. За чардревом росли другие деревья, поменьше, и Дозорные, расположившись под ними, чистили коней, жевали солонину, справляли нужду, чесались и разговаривали. Получив команду двигаться дальше, они умолкли и расселись по коням. Сначала отправились передовые Джармена Баквела, потом авангард под командованием Торена Смолвуда. Далее следовал Старый Медведь со своим отрядом, сир Малладор Локе с вьючными лошадьми и наконец арьергард сира Оттина Уитерса. Итого двести человек и в полтора раза больше лошадей.

Днем они ехали по звериным тропам и вдоль ручьев, «дорогами Дозора», забираясь все дальше и дальше в глушь, ночью разбивали лагерь под звездным небом и видели над собой комету. Из Черного Замка братья выехали в хорошем настроении, с шутками и прибаутками, но мрачное молчание леса скоро взяло свое. Шутки стали реже, а ссоры чаще. Никто не желал сознаваться, что он боится — они как-никак были Ночным Дозором, — но Джон чувствовал, как им тревожно. Четыре пустых деревни, ни одного одичалого, даже дичь куда-то подевалась. Зачарованный Лес никогда еще не казался более

зачарованным – это признавали даже ветераны.

Джон снял перчатку, чтобы дать подышать обожженным пальцам. Экий мерзкий вид. Он вдруг вспомнил, как ерошил волосы Арье. Его сестричка, тоненькая как прутик. Как-то она теперь? Ему было немного грустно думать, что он, может быть, никогда уже не взлохматит ей волосы. Он стал сгибать и разгибать пальцы. Если боевая рука оцепенеет и утратит гибкость, это может для него плохо кончиться. За Стену без меча лучше не соваться.

Сэмвелл Тарли был там же, где другие стюарды, и поил своих

лошадей. Их у него на попечении было трое: его собственная и две вьючных, каждая из которых везла большую плетеную клетку с воронами. Птицы, завидев Джона, хлопали крыльями и поднимали шум. Некоторые их крики подозрительно напоминали слова.

– Ты что, говорить их учишь? – спросил Джон Сэма.

– Так, понемножку. Трое уже умеют говорить «снег» и «Сноу».

– С меня довольно и одной птицы, которая кличет меня по имени, а «снег» для черного брата слово не слишком приятное. – Снег на севере часто означает смерть.

– Что там, в Белом Древе?

– Кости, пепел и пустые дома. – Джон подал Сэму свернутый пергамент. – Старый Медведь велел отправить это Эйемону.

Сэм взял птицу из клетки, погладил ей перья, прикрепил письмо и сказал:

– Лети домой, храбрец. Домой. – Ворон каркнул что-то, в ответ, и Сэм подкинул его в воздух. Тот захлопал крыльями и полетел ввысь сквозь кроны деревьев. – Жаль, что он и меня не может прихватить с собой.

– Все маешься?

– Д-да... но уже не так боюсь, как раньше, правда. В первую ночь, когда кто-нибудь вставал отлить, мне каждый раз казалось, что это

одичалые крадутся, чтобы перерезать мне глотку. Я боялся, что если закрою глаза, то больше уж их не открою... но в конце концов все-таки рассвело. — Сэм заставил себя улыбнуться. — Может, я и трус, но не дурак. У меня все тело ноет от езды и ночевок на земле, но я почти уже совсем не боюсь. Смотри. — Он вытянул руку — показать, что она не дрожит. — И я работаю над своими картами.

«Странное дело, — подумал Джон. — Двести храбрых мужчин отправились за Стену, и единственный из них, кто стал бояться не больше, а меньше, — это Сэм, сам себя признающий трусом».

— Мы еще сделаем из тебя разведчика. Глядишь, и в передовых окажешься, как Гренн. Может, мне поговорить на этот счет со Старым Медведем?

— Посмей только! — Сэм натянул на голову капюшон своего необъятного черного плаща и взгромоздился на лошадь. Она была ездовая, медлительная и неповоротливая, но лучше подходила для его веса, чем маленькие коньки, на которых ехали разведчики. — Я надеялся, что мы останемся ночевать в деревне, — с грустью сказал он. — Хорошо бы снова поспать под крышей.

— Крыш там все равно на всех не

хватило бы. — Джон улыбнулся Сэму на прощание и отъехал. Почти вся колонна уже выступила в путь, и он двинулся в объезд деревни, чтобы избежать толкотни. Он уже насмотрелся на Белое Дерево.

Призрак выскочил из подлеска так внезапно, что конь шарахнулся и взвился на дыбы. Белый волк, когда охотился, убегал далеко, но везло ему ненамного больше, чем фуражирам, которых посылал за дичью Смолвуд. Дайвен как-то у костра сказал Джону, что в лесу так же пусто, как и в деревнях. «Ну, нас ведь много, — ответил Джон. — И шум, который мы производим, наверно, распугивает дичь». «Так оно или нет, что-то ее

распугало – это точно».

Конь успокоился, и Призрак потрусил рядом. В зарослях терновника Джон поравнялся с Мормонтом.

– Ну что, отправили птицу? – спросил Старый Медведь.

– Да, милорд. Сэм учит их говорить.

– Он еще пожалеет об этом, – фыркнул Старый Медведь. – Шуму от этих проклятых тварей хоть отбавляй, а путного ничего не услышишь.

Некоторое время они ехали молча. Потом Джон сказал:

– Если мой дядя тоже нашел эти деревни пустыми...

— ...то захотел узнать причину этого, — закончил за него лорд Мормонт, — но кому-то или чему-то нежелательно было, чтобы он узнал. Ну что ж, с Куореном нас будет триста, и враг, кто бы он ни был, нас просто так не возьмет. Мы найдем его, Джон, обещаю.

«Или они нас», — подумал Джон.

Арья

Река сине-зеленой лентой сверкала под утренним солнцем. По ее берегам густо рос тростник, и Арья заметила, как побежали круги от скользнувшей по мелководью водяной змеи. Вверху лениво кружил ястреб.

Все здесь казалось таким мирным... пока Косс не нашел мертвеца.

— Вон там, в тростнике, — показал он, и Арья тоже увидела. Тело солдата безобразно раздулось. Его зеленый плащ зацепился за корягу, и маленькие серебристые

рыбки объедали ему лицо.

— Говорил я вам, что тут мертвяки, — сказал Ломми, — раз вода мертвечиной отдает.

Йорен, увидев труп, плюнул.

— Доббер, погляди, есть ли на нем что ценное. Кольчуга, нож, пара монет — все равно. — Пришпорив своего мерина, он въехал в реку, но конь увяз в мягком иле, и за тростниками было глубоко. Йорен сердито повернул назад — мерин до колен перемазался в бурой жиже. — Тут нам не перейти. Косс, ступай вверх по течению и поищи брод, а вы, Уот и Горрен, поезжайте вниз. Мы будем ждать вас здесь. Поставьте часовых.

Доббер нашел у мертвеца на поясе кожаный кошелек с четырьмя медяками и локоном светлых волос, перевязанным красной лентой. Ломми и Тарбер, раздевшись догола, полезли в воду, и Ломми стал кидаться в Пирожка илом, крича:

– Пирожок из грязи! Пирожок из грязи!

Рорж в повозке ругался, грозился и требовал расковать его, пока Йорена нет, но никто не обращал на него внимания. Курц поймал рыбу голыми руками. Арья видела, как он это сделал: он стоял на мелководе, спокойный, как вода, а потом его рука метнулась, как змея, и схватила плывущую мимо рыбу. Это проще

даже, чем ловить кошек, — у рыб-то когтей нет.

Разведчики вернулись в середине дня. Уот доложил, что на милю вниз был деревянный мост, только его кто-то сжег. Йорен оторвал от кипы порцию кислота.

— С лошадьми, да и с ослами, мы могли бы переправиться вплавь, но повозки нам не перетащить. Притом на севере и западе дым, сплошные пожары — лучше нам, думаю, остаться на этом берегу. — Он взял прут и нарисовал в грязи круг, проведя от него черту. — Это Божье Око, река течет от него на юг. Мы сейчас вот здесь. — Он ткнул прутом рядом с линией. — С запада, как я

намеревался, озеро нам обойти не удастся, а восточный берег выведет нас обратно на Королевский Тракт. — Йорен показал туда, где линия соединялась с кругом. — Здесь, сколько мне помнится, должен быть город, крепость с каменной стеной, и господская усадьба там есть — не из важных, но у лорда наверняка имеется охрана или пара рыцарей. Если пойдем по реке на север, будем там еще засветло. У них должны быть лодки — продадим все, что у нас есть, и наймем одну. — Он провел линию через весь круг снизу доверху. — Если боги пошлют нам попутный ветер, мы приплывем вот сюда, в город Харрен, и купим там новых

лошадей, а нет, так в Харренхолле остановимся. Это усадьба леди Уэнт, а она всегда была другом Дозора.

— В Харренхолле водятся привидения, — округлил глаза Пирожок.

— Тьфу на твои привидения, — плюнул Йорен. — По коням.

Арья помнила, что рассказывала о Харренхолле старая Нэн. Злой король Харрен заперся в его стенах, но Эйегон выпустил своих драконов, и пламя поглотило весь замок. Нэн говорила, что огненные духи до сих пор посещают почерневшие башни. Бывало, что люди ложились там спать в полном здравии, а утром их находили мертвыми, сгоревшими.

Арья не до конца в это верила – притом это было давно. Пирожок просто дурак – в Харренхолле живут не привидения, а рыцари. Арья сможет открыться леди Уэнт, и рыцари благополучно проводят ее домой. Рыцари всегда всех защищают, особенно женщин. Может быть, леди Уэнт даже маленькой плаксе окажет помощь.

Дорога вдоль реки хоть и не шла в сравнение с королевской, но была не в пример лучше, чем прежде, и повозки в кои-то веки катились гладко. За час до заката они увидели первое жилье – уютный домик с соломенной крышей посреди пшеничного поля. Йорен покричал,

но никто ему не отозвался.

— Мертвые все, поди. Или попрятались. Доббер, Рей, за мной. — Они обследовали дом, и Йорен, вернувшись, проворчал:

— Ни посуды, ни денег — хоть бы грош. Скотины тоже нет. Ушли хозяева скорее всего. Может, мы даже встретили их на Королевском Тракте. — Но тут хотя бы не было пожара и не валялись мертвые тела. На огороде за домом они накопили немного лука и кореньев и набрали целый мешок тыкв.

Чуть дальше по дороге стояла хижина лесника с нетронутой поленницей рядом, а над рекой на десятифутовых сваях торчал еще

один домишко. Ни там ни сям никого не было. В полях зрели пшеница, кукуруза и ячмень, но дозорные не сидели на деревьях и не расхаживали по межам с серпами. Наконец показался городок — кучка белых домов вокруг крепостных стен, большая септа под деревянной кровлей, господская усадьба на пригорке в западном конце... и опять-таки ни единого человека.

Йорен хмуро призадумался, сидя на коне.

— Не нравится мне это — но делать нечего. Надо посмотреть как следует — может, народ где и прячется. Может, какие лодки остались либо оружие.

Оставив десятерых охранять повозки и маленькую плаксу, черный брат разделил остальных на четыре отряда по пять человек и послал обыскивать город.

— Смотрите в оба глаза и слушайте в оба уха, — наказал он им, а сам поехал в усадьбу лорда посмотреть, не осталось ли кого там.

Арья оказалась в одной компании с Джендри, Пирожком и Ломми. Толстопузый Уот прежде греб на галее, стало быть, мог сойти за моряка, поэтому их Йорен отрядил к озеру на поиски лодки. Они ехали мимо тихих белых домов, и у Арьи по телу бегали мурашки. Пустой город пугал ее почти так же, как

сожженная деревня, где они нашли маленькую плаксу и однорукую женщину. Зачем люди ушли отсюда, бросив свои дома? Что могло нагнать на них такого страха?

Солнце уже садилось, и дома отбрасывали длинные тени. Внезапный стук заставил Арию схватиться за Иглу, но это всего лишь ставня хлопала на ветру. После речного простора городская теснота наводила тревогу.

Увидев между домами и деревьями озеро, Ария стиснула лошадь коленями, проскакав мимо Уота и Джендри, и вынеслась на зеленый луг у покрытого галькой берега. Под закатным солнцем тихая

гладь озера сверкала, как чеканная медь. Арья еще не встречала таких больших озер – того берега не было видно. Слева на крепких деревянных столбах стояла над водой ветхая гостиница, справа вдавался в озеро длинный причал, а дальше к востоку тянулись другие деревянные пальцы, запущенные городом в воду.

Но единственная лодка валялась у гостиницы с совершенно прогнившим днищем.

– Пусто, – разочарованно протянула Арья. Как же им теперь быть?

– А гостиница-то, – заметил Ломми, когда подъехали остальные. – Может, там еда какая осталась? Или

эль?

– Давай поглядим, – предложил Пирожок.

– Нечего тут, – рявкнул Уот. – Йорен велел искать лодку.

– Лодки все забрали. – Арья в душе знала, что это правда.

Можно обыскать хоть весь город, но, кроме этой гнилушки, все равно ничего не найдешь. Вода тихо плескалась вокруг ее ног. Появились светлячки, мигая своими огоньками. Зеленая вода была теплая, как слезы, но не соленая. От нее пахло летом, илом и всем, что растет. Арья погрузила в нее лицо, смывая дневную пыль и пот. Когда она подняла голову, струйки побежали за

ворот, и это было приятно. Жаль, что нельзя раздеться совсем и поплавать, порезвиться в теплой воде, как розовая выдра. Может, ей удалось бы доплыть до самого Винтерфелла.

Уот позвал ее, чтобы помогала искать, и она принялась заглядывать в сарай, пока ее лошадь паслась на лугу. Им попадались паруса, гвозди, ведра с застывшей смолой и кошка с выводком котят, но лодок не было.

Когда вернулись Йорен и остальные в городе стало темно, как в лесу.

— В усадьбе никого, — сказал он. — Лорд то ли ушел на войну, то ли спрятался где-то со всеми домочадцами. В городе ни лошади ни

свиньи, но без еды мы не останемся. Тут где-то разгуливал гусь, кур я тоже видел, а в Божьем Оке полно рыбы.

– Все лодки увели, – сообщила Арья.

– Можно залатать дно у той, что на берегу, – сказал Косс.

– В ней разве что четверо поместятся.

– Гвозди у нас есть, а вокруг полно деревьев, – вмешался Ломми. – Можем сами построить лодки.

– Ты что-нибудь смыслишь в постройке лодок, красильщик? – плюнул Йорен.

– Лучше плот, – предложил Джендри. – Плот всякий может построить. Вырубим шести и

поплывем.

Йорен призадумался.

– Для шестов будет слишком глубоко, если плыть напрямик, но если держаться у берега... Повозки придется бросить, но мысль неплохая. Я это обмозгую – утро вечера мудренее.

– Может, заночуем в гостинице?
– сказал Ломми.

– Мы заночуем в крепости, заперев ворота. В каменных стенах мне лучше спится.

– Нельзя нам тут оставаться, – не сдержалась Арья. – Местные все убежали, даже лорд.

– Арри трусит, – заржал Ломми.

– Я-то нет, – отрезала она, – а

ВОТ ОНИ ДА.

— Ты у нас парнишка
смышленный, — сказал Йорен, — но все
дело в том, что здешних жителей
волей-неволей затрагивает война, а
нас нет. Ночной Дозор ни на чьей
стороне, потому и врагов у нас быть
не может.

«И друзей тоже», — подумала
она, но на сей раз промолчала.
Ломми и все остальные смотрели на
нее, и ей не хотелось показаться
трусихой.

Ворота крепости были
скреплены большими гвоздями.
Внутри лежала пара железных
брусьев толщиной с молодые
деревца. Когда их вставили одним

концом в ямку у ворот, а другим в гнездо, получился огромный Х-образный засов. После того как они обследовали крепость сверху донизу, Йорен сказал, что это, конечно, не Красный Замок, но на ночь вполне сгодится. Десятифутовой вышины стены были сложены из грубого неоштукатуренного камня с деревянным настилом поверху. На северной стороне имелась калитка, а в деревянном амбаре под соломой Геррен обнаружил люк, ведущий в узкий, извилистый подземный ход. Геррен прошел его до конца и оказался у озера. Йорен велел поставить на люк повозку, чтобы никто не пробрался к ним этим

путем, разделил всех на три стражи, а Тарбера, Курца и Тесака послал на башню караулить. Курцу дали охотничий рог, чтобы затрубить в случае опасности.

Повозки и животных завели внутрь и заперли за ними ворота. В шатком амбаре могла поместиться скотина со всего города. Убежище, где прятались горожане в опасные времена, было еще больше – низкое длинное каменное строение под соломенной крышей. Косс, выйдя за калитку, поймал гуся и двух кур, и Йорен разрешил развести костер. В крепости имелась большая кухня, но всю утварь с нее забрали. Стряпать выпало Джендри, Добберу и Арье.

Доббер велел ей ощипать птицу, пока Джендри колол дрова.

— А я почему не могу дрова колоть? — спросила она, но никто ее не слушал. Она надулась и принялась ощипывать курицу. Йорен, сидя на другом конце скамьи, точил о брусок кинжал.

Когда ужин был готов, Арья получила куриную ножку и немного лука. За едой все говорили мало, даже Ломми. Джендри, поев, стал полировать свой шлем с таким видом, точно его тут и вовсе нет. Маленькая плакса плакала, но когда Пирожок дал ей кусок гусятины, она мигом управилась с ним и стала ждать, не дадут ли еще.

Арье досталась вторая стража, и она улеглась на соломенный тюфяк в убежище, но сон не шел к ней. Она попросила у Йорена брусок и принялась точить Иглу. Сирио Форель говорил, что тупой клинок – все равно что хромая лошадь. Пирожок, присев на соседнем тюфяке, следил за ее работой.

– Где ты взял такой хороший меч? – спросил он. Она сверкнула на него глазами, и он примирительно вскинул руки. – Я ж не говорю, что ты его украл, – просто хочу знать, где ты его взял, вот и все.

– Брат подарил, – буркнула она.

– А я и не знал, что у тебя брат есть.

Арья почесала себя под рубашкой. В соломе были блохи — хотя непонятно, какое неудобство могла принести парочка новых.

— У меня их много.

— Старшие или младшие?

Не надо было ей говорить об этом. Йорен велел ей держать язык за зубами.

— Старшие. У них тоже мечи есть — длинные мечи, и они научили меня, как убивать людей, которые ко мне пристают.

— Я не пристаю, я просто разговариваю. — Пирожок ушел, и Арья свернулась калачиком на тюфяке. Где-то в передней части дома плакала маленькая девочка.

Хоть бы она унялась наконец. Ну почему она все время плачет?

Должно быть, Арья уснула, хотя даже не помнила, как закрыла глаза, и ей приснилось, что снаружи воет волк — да так жутко, что она сразу проснулась. Сев на тюфяке с бьющимся сердцем, она крикнула:

— Пирожок, проснись. Уот, Джендри, вы что, не слышали? — Она натянула один сапог.

Мужчины и мальчишки вокруг заворочались.

— Что стряслось-то? — спрашивал Пирожок.

— Чего не слышали? — ворчал Джендри.

— Арри приснился плохой сон, —

сказал кто-то.

— Да нет же, я слышал, — настаивала она. — Это был волк.

— У Арри волки в голове, — засмеялся Ломми.

— Пусть себе воют, — сказал Геррен, — они там, а мы тут.

— Волки крепость штурмовать не станут, — согласился Уот.

— Я ничего не слыхал, — заявил Пирожок.

— Это был волк, — крикнула она, натягивая второй сапог. — Случилось что-то плохое — вставайте!

Не успели они обрушиться на нее с новыми насмешками, как вой раздался снова — только теперь это был не волк, это Курц дул в свой

охотничий рог, поднимая тревогу. В мгновение ока все повскакали, натягивая одежду и хватая то оружие, которое имели. Когда рог затрубил опять, Арья бросилась к воротам. Пробегая мимо амбара, она услышала, как Кусака яростно рвет свои цепи, а Якен Хгар окликнул ее:

— Мальчик! Славный мальчик! Что там, война? Освободи нас, мальчик, — человек хочет сражаться!

Но она бежала дальше, не слушая его. За стеной стал слышен лошадиный топот и крики.

Она взобралась наверх. Парапеты были для нее высоки, и ей пришлось стать ногами в трещину между камнями, чтобы выглянуть

наружу. На миг ей показалось, что город кишмя кишит светляками — потом она поняла, что это люди с факелами мечутся галопом между домами. Занялась соломенная крыша, и оранжевый язык лизнул брюхо ночи. За ним последовали другие, и скоро огни запылали повсюду.

Джендри взобрался к ней со шлемом на голове.

— Сколько их там?

Арья попыталась посчитать, но всадники носились слишком быстро, размахивая своими факелами.

— Сто или двести — не знаю. — Сквозь рев пламени слышались крики. — Скоро они за нас примутся.

– Гляди, – показал Джендри.

Между горящих домов к крепости двигалась конная колонна. Пожар оранжево-желтыми бликами озарял шлемы, кольчуги и панцири всадников. Один держал знамя на длинном копье. Арье показалось, что оно красное, но об этом трудно было судить ночью, когда кругом ревел пожар: сейчас все казалось черным, красным или оранжевым.

Огонь перекидывался с одного дома на другой. Вот вспыхнуло дерево, и его ветви оделись пляшущей рыжей кроной. Все, кто был в крепости, поднялись – одни стояли на стенах, другие унимали испуганных животных внизу. Что-то

стукнулось об ногу Арьи — она посмотрела и увидела маленькую плаксу.

— Уйди! — крикнула Арья, выдернув ногу. — Что ты здесь делаешь? Беги спрячься, глупая!

Всадники остановились перед воротами.

— Эй, в крепости! — крикнул рыцарь в высоком остроконечном шлеме. — Откройте именем короля!

— Это которого же? — отозвался старый Рейзен, не успел Уот его остановить.

Йорен взошел на стену у ворот со своим выгоревшим черным плащом на шесте.

— Оставайтесь там, где вы есть!

– прокричал он. – Жители покинули город.

– А ты кто такой, старик? – осведомился рыцарь. – Трусливый пес лорда Берика? Если этот жирный дурак Торос с тобой, спроси его, как ему нравится огонь, зажженный нами.

– Нет здесь таких. Только парни для Ночного Дозора. Нам до вашей войны дела нет. – Он поднял шест повыше. – Не видите, что ли, что знамя у нас черное?

– Это также цвет дома Дондаррионов, – заметил вражеский знаменосец. Теперь Арья разглядела его флаг: золотой лев на красном поле. – Эмблема лорда Берика –

пурпурная молния на черном.

Арья вдруг вспомнила, как бросила в Сансу апельсин и забрызгала соком ее дурацкое шелковое платье. Тогда на турнире был какой-то южный лорд, и глупая сестрина подружка Джейн и в него влюбилась. У него была молния на щите, и отец Арьи послал его отрубить голову брату Пса. Как будто тысячу лет назад это было, в другой жизни, с другим человеком... с Арьей Старк, дочерью десницы, а не с сироткой Арри. Разве Арри мог знаться с лордами?

— Ты что, слепой? — Йорен помахал плащом из стороны в сторону. — Где ты видишь тут свою

поганую молнию?

— Ночью все знамена черные, — ответил рыцарь в остроконечном шлеме. — Открывай, не то мы будем считать вас разбойниками, стакнувшимися с врагами короля.

Йорен плюнул.

— Кто вами командует?

— Я. — Другие всадники расступились, давая дорогу, и пламя отразилось в броне боевого коня. Командир был грузный человек с мантикором на щите и витыми узорами на стальном панцире. В открытом забрале шлема виднелась бледная свинячья образина. — Сир Амори Лорх, знаменосец лорда Тайвина Ланнистера из Бобрового

Утеса, десницы короля. Настоящего короля – Джоффри. – Голос у него был высокий и тонкий. – Его именем приказываю вам открыть ворота.

Город горел, в воздухе стоял дым, и красных искр было больше, чем звезд.

– Не вижу в этом нужды, – нахмурился Йорен. – С городом делайте что хотите, нам до него дела нет, а нас оставьте в покое. Мы вам не враги.

«Смотрите вашими глазами», – хотелось Арье крикнуть людям внизу.

– Разве они не видят, что мы не лорды и не рыцари? – прошептала она.

– Я думаю, им все равно, Арри,

– шепнул в ответ Джендри. Она посмотрела на лицо сира Амори, как Сирио учил ее смотреть, и поняла, что Джендри прав.

– Если вы не предатели, откройте ворота, – настаивал сир Амори. – Мы убедимся, что ты говоришь правду, и продолжим свой путь.

Йорен жевал кислolist.

– Говорю тебе – здесь никого нет, кроме нас. Даю вам слово.

Рыцарь в высоком шлеме рассмеялся:

– Ворона дает нам свое слово.

– Ты, часом, не заблудился, старик? – хохотнул кто-то из копьеносцев. – Стена далеко к северу

отсюда.

— Еще раз приказываю тебе именем короля Джоффри доказать свою верность ему и открыть ворота, — сказал сир Амори. Йорен долго думал, жуя свою жвачку, потом плюнул и сказал:

— Что-то не хочется.

— Я так и думал. Вы отказываетесь подчиниться приказу короля и тем изобличаете себя как мятежников, черные на вас плащи или нет.

— У меня тут мальчики. Дети.

— Дети и старики умирают одинаково. — Сир Амори лениво поднял кулак, и кто-то метнул копье из тени, отбрасываемой пожаром.

Копье, должно быть, метило в Йорена, но попало в Уота рядом с ним. Острое вонзилось в горло и вышло из затылка, темное и влажное. Уот схватился за древко и мешком свалился со стены.

— Возьмите крепость и убейте их всех, — скучливо произнес сир Амори. Полетели другие копья. Арья дернула Пирожка за полу камзола, пригнув его вниз. Снаружи гремели доспехи, шуршали мечи, вынимаемые из ножен, копья стукались о щиты вперемешку с руганью и топотом копыт. Над головами у них пролетел, роняя искры, факел и шлепнулся в грязь на дворе.

– К оружию! – вскричал Йорен.
– Станьте пошире и защищайте стену там, где они будут атаковать. Косс, Утрег, держите калитку. Ломми, вытащи копье из Уота и стань на его место.

Пирожок стал доставать свой короткий меч и уронил его. Арья сунула клинок ему в руку.

– Я не умею с ним обращаться, – сказал он, глядя на нее белыми глазами.

– Это легко. – Но ложь застряла у Арьи в горле, потому что за парাপет ухватилась чья-то рука. При свете горящего города Арья видела ее так ясно, словно время остановилось. Толстые мозолистые

пальцы с курчавыми черными волосками между костяшками, с грязью под ногтем большого пальца. Страх ранит глубже, чем меч, напомнила себе Арья, когда вслед за рукой показалась верхушка круглого шлема.

Она взмахнула Иглой сверху вниз, и кованная в замке сталь рубанула прямо по костяшкам.

— Винтерфелл! — закричала Арья. Хлынула кровь, пальцы отлетели прочь, и шлем исчез так же внезапно, как и появился.

— Сзади! — завопил Пирожок. Арья обернулась. На стену лез другой солдат, бородатый и без шлема, держа кинжал в зубах, чтобы

освободить обе руки. Когда он перекинул ногу через парапет, Арья ткнула мечом ему в глаза. Игла не коснулась его — он отшатнулся и упал. Хоть бы он хлопнулся лицом вниз и язык себе откусил.

— Ты за ними следи, а не за мной! — рывкнула она на Пирожка. В следующий раз тот сам рубанул врага по рукам своим коротким мечом и скинул вниз.

Лестниц у сира Амори не имелось, но по крепостным стенам, сложенным из дикого камня, карабкаться было легко, и врагам не было конца и края. На месте каждого, кого Арья рубила, колола и спихивала со стены, тут же

появлялся другой. Рыцарь в остроконечном шлеме взобрался на гребень, но Йорен накрыл его своим черным знаменем и сунул кинжал в щель его доспехов. Со всех сторон летели факелы, и языки пламени еще долго стояли у Арьи перед глазами. Золотой лев на красном поле напоминал ей о Джоффри, и она жалела, что его здесь нет: она вогнала бы Иглу в его ухмыляющуюся рожу. Четверо солдат с топорами бросились на ворота, но Косс снял их из лука одного за другим. Доббер повалил своего противника на стену, а Ломми разmozжил врагу голову камнем, не успел тот встать, и заулюлюкал — но у Доббера в животе

торчал нож, и он тоже не поднялся больше. Арья перескочила через убитого парня не старше Джона — у него была отрублена рука. Она вроде бы этого не делала, хотя кто знает? Куил взмолился о пощаде, но рыцарь с осой на щите раздробил ему лицо своей шипастой булавой. Пахло кровью, дымом, железом и мочой, но потом все эти запахи как-то слились воедино. Какой-то тощий человечек ухитрился взобраться на стену, и она кинулась на него вместе с Джендри и Пирожком. Джендри ударил его мечом, сбив шлем с головы. Он был лысый и напуганный, у него не доставало зубов, и бороденка была седая — Арья даже пожалела его, но

все равно убила, крича: «Винтерфелл! Винтерфелл!», а Пирожок с криком «Пироги горячие!» рубанул врага по тонкой шее.

Когда тощий упал, Джендри забрал его меч и спрыгнул во двор, где тоже кипела битва. Огонь мерцал на кольчугах и клинках – враги то ли перелезли где-то через стену, то ли прорвались в калитку. Арья спрыгнула рядом с Джендри – мягко, как учил ее Сирио. В ночи звенела сталь и слышались крики раненых и умирающих. Арья не знала, куда бежать, – смерть была повсюду.

Тут Йорен встряхнул ее и заорал: – Мальчик! Уходи отсюда – наше

дело пропащее. Собери мальчишек, кого сможешь, и уводи их. Скорей!

– Но как? – крикнула она.

– Через тот люк. В амбаре.

И он снова кинулся в бой. Арья схватила Джендри за руку, крича:

– Он велел нам уходить. Через амбар.

Глаза Быка в прорезях шлема отражали огонь. Он кивнул. Они позвали Пирожка со стены и нашли Ломми Зеленые Руки – он лежал с пробившим ногу копьем. Геррен был ранен слишком тяжело, чтобы бежать с ним. В хаосе и дыму, среди мертвых тел, сидела маленькая плакса. Арья схватила ее за руку, но девчушка не хотела идти – даже

шлепки не помогали. Арья потащила ее за собой правой рукой, держа Иглу в левой. Ночь светилась тускло-красным огнем. «Это амбар горит», – подумала Арья. Пламя факела, упавшего в солому, лизало его стены, и животные, запертые внутри, кричали в голос. Из амбара выскочил Пирожок.

– Арри, скорее! Ломми уже там! Брось ее, если не хочет идти!

Арья упрямо тащила девочку за собой. Пирожок шмыгнул обратно, но вместо него выбежал Джендри. От огня его шлем так сиял, что рога казались оранжевыми. Он вскинул маленькую плаксу себе на плечо.

– Бежим!

В амбаре было жарко, как в печи. Клубился дым, и задняя стена пылала сверху донизу. Лошади и ослы бились и кричали. «Бедные», — подумала Арья. Потом она увидела повозку и трех закованных в ней. Кусака рвал цепи, и кровь текла у него по рукам. Рорж пинался и ругался во всю глотку. Якен Хгар крикнул:

– Мальчик! Славный мальчик!

Открытый люк был всего в нескольких футах перед ней, но огонь распространялся быстро, пожирая сухое дерево и солому с такой быстротой, что даже не верилось. Арья вспомнила страшное обожженное лицо Пса.

– Ход узкий, – крикнул Джендри. – Ее тут не протащишь.

– Толкай перед собой, – ответила Арья.

– Добрые, хорошие мальчики, – звал, кашляя, Якен Хгар.

– Снимите эти сраные цепи! – орал Рорж. Джендри их не слушал.

– Лезь ты первый, потом она, потом я. Скорее – ход длинный.

– Ты куда дел топор, когда дрова колол?

– Он там, около убежища. – Джендри бросил взгляд на закованных. – Я бы лучше ослов спас, да времени нет.

– Бери ее! – крикнула Арья. – Тащи! – И выскочила из амбара, а

огонь бил у нее за спиной горячими красными крыльями. Снаружи была блаженная прохлада, но люди гибли повсюду. Косс бросил свой клинок в знак того, что сдается, но его убили на месте. Все заволочло дымом. Йорена не было видно, но топор торчал там, где Джендри его оставил, — у пленницы рядом с убежищем. Арья выдернула его из чурбана, и чья-то рука в кольчуге схватила ее. Она вогнала топор врагу между ног. Лица она не видела — только темную кровь, проступившую сквозь железные звенья. Возвращение в амбар оказалось самым трудным делом в ее жизни. Дым полз из открытой двери, как черный змей, а

внутри кричали ослы, лошади и люди. Она закусила губу, пригнулась и проскочила в месте, где дым был не так густ.

Ослик, охваченный огненным кольцом, вопил от ужаса и боли, и пахло паленой шерстью. Крыша тоже горела, роняя вниз дерево и солому. Арья зажала рукой нос и рот. Повозку за дымом не было видно, но рев Кусаки указывал путь.

Рядом выросло колесо. Повозка подскочила и проехала с полфута — это Кусака опять рванул свои цепи. Якен увидел Арью, но тут и дышать было трудно, не то что разговаривать. Она швырнула топор в повозку. Рорж поймал его и поднял над головой,

пот, смешанный с копотью, стекал по его безносому лицу. Арья, кашляя, пустилась бегом. Позади сталь обрушилась на старое дерево – еще раз и еще. Миг спустя раздался громовой треск, и из повозки вывалилось днище.

Арья вниз головой нырнула в туннель, на глубину в пять футов. Грязь набила ей в рот, но ничего, это был восхитительный вкус – земли, воды, червей, жизни. Под землей было темно и прохладно – наверху лилась кровь, ревел огонь, валил дым и визжали гибнущие животные. Арья повернула пояс, чтобы Игла не мешала, и поползла. Футов через десять она услышала

шум, похожий на рев какого-то чудища, и в туннель хлынуло облако дыма и черной пыли, пахнущее адом. Арья, задержав дыхание, ткнулась лицом в грязь и заплакала — сама не зная о ком.

Тирион

Королева не была расположена ждать Вариса. — Измена сама по себе зло, — с яростью заявила она, — но это явная, ничем не прикрытая подлость, и я не желаю, чтобы этот приторный евнух учил меня, как поступать с подлецами.

Тирион взял у сестры письма и сравнил их. Это были две копии, совершенно одинаковые, хотя и написанные разным почерком.

— Первое получил мейстер Френкен в замке Стокворт, — пояснил великий мейстер Пицель, — второе передал нам лорд Джайлс.

Мизинец расчесал пальцами бороду.

— Если Станнис даже их не забыл, то такое же послание почти наверняка получил каждый лорд Семи Королевств.

— Я хочу чтобы эти письма сожгли все до единого, — провозгласила Серсея. — Ни один намек на это не должен достичь ушей моего сына и моего отца.

— Думаю, что отец уже услышал — и не только намек, — сухо заметил Тирион. — Станнис, без сомнения, послал птиц и в Бобровый Утес, и в Харренхолл. Что до сожжения писем, то какой в этом смысл? Песенка спета, вино пролито, девица брюхата.

Да и не столь это страшно, как кажется.

Серсея повернулась к нему, сверкая зелеными глазами.

— У тебя что, вовсе мозгов нет? Ты читал, что там написано? «Отрок Джоффри» — вот как он выражается. И при этом смеет обвинять меня в кровосмешении, убийстве и измене!

«Обвиняет, потому что ты виновна. — Удивительно было видеть, как кипятится Серсея из-за этих обвинений, хотя ей прекрасно известно, что это чистая правда. — Если мы проиграем войну, ей следует поступить в балаган — она прирожденная лицедейка». Тирион дождался, когда она умолкнет, и

сказал:

– Нужно же Станнису чем-то оправдать свой мятеж. Что он, потвоему, должен был написать? «Джоффри – законный сын и наследник моего брата, но я тем не менее намерен отнять у него трон?»

– Я не потерплю, чтобы меня обзывали шлюхой! «Полно, сестра, – он ведь не утверждает, что Джейме тебе платил». Тирион притворился, что читает письмо заново. Была там одна любопытная фразочка...

– «Писано при Свете Владыки», – прочел он вслух. – Странное выражение.

Пицель прочистил горло:

– Подобные слова часто

встречаются в письмах и документах из Вольных Городов, и означают они «писано пред ликом бога», только и всего. Перед богом красных жрецов — так следует понимать.

— Варис еще несколько лет назад говорил мне, что леди Селиса связалась с красной жрицей, — вспомнил Мизинец. Тирион постучал пальцем по письму:

— Как видно, ее лорд-супруг пошел по той же дорожке. Мы можем использовать это против него. Пусть верховный септон объявит народу, что Станнис изменил своим богам так же, как своему королю...

— Да, да, — нетерпеливо бросила королева, — но сначала нужно

помешать этой мерзости распространяться. Совет должен издать указ, грозящий всякому, кто будет говорить о кровосмешении или называть Джоффа бастардом, отсечением языка.

— Разумная мера, — кивнул великий мейстер Пицель, звякнув своей цепью.

— Глупость, — вздохнул Тирион. — Вырвав человеку язык, вы не докажете, что он лжец, а лишь дадите понять, что боитесь его слов.

— Ну а что ты предлагаешь? — осведомилась сестра.

— Да ничего. Пусть себе шепчутся — эта история им скоро надоест. Всякий, у кого есть хоть

щепотка разума, поймет, что это лишь неуклюжая попытка оправдать узурпацию. Разве Станнис приводит какие-то доказательства? Да и как бы он мог, когда все это ложь? — Тирион послал сестре сладчайшую улыбку.

— Это так, — пришлось признать ей, — но...

— Ваше величество, здесь ваш брат прав. — Петир Бейлиш сложил пальцы домиком. — Попытавшись замять эти разговоры, мы лишь придадим им видимость достоверности. Лучше отнестись к ним с презрением, как к жалкой выдумке, каковы они и есть. Скажу еще, что с огнем следует бороться огнем.

— О каком огне вы говорите? — испытующе посмотрела на него Серсея.

— Об истории того же рода, в которую притом будет легче поверить. Лорд Станнис многие годы своего супружества провел вдалеке от жены. Не то чтобы я упрекал его за это — я поступал бы так же, будь я женат на леди Селисе. Но если мы скажем, что дочь у него незаконная, а Станнис рогоносец... простой народ всегда склонен верить худшему о своих лордах, особенно таких суровых, мрачных и щепетильных, как Станнис Баратеон.

— Его никогда особенно не любили, это правда. — Серсея

подумала немного. — Хорошо, мы отплатим ему его же монетой. Кого бы только дать леди Селисе в любовники? У нее, кажется, двое братьев — а ее дядя все это время был с ней на Драконьем Камне...

— Да, сир Акселл Флорент — ее кастелян. — Мизинец, как ни противен был Тириону его план, придумал неплохо. Станнис никогда не был влюблен в свою жену, но он ошестинивается как еж всякий раз, когда дело касается его чести, и недоверчив по природе. Если удастся посеять раздор между ним и его сторонниками, это будет большая помощь. — Я слышал, у девочки флорентовские уши.

– Один торговец из Лисса сказал мне, – с небрежным жестом произнес Мизинец, – что лорд Станнис, должно быть, очень любит свою дочь, поскольку уставил весь свой замок ее изваяниями. «Милорд, – пришлось ответить мне, – это горгульи». Сир Акселл мог бы подойти в отцы Ширен, но я знаю по опыту: чем нелепее и безобразнее выдумка, тем охотнее ее повторяют. У Станниса есть необычайно уродливый дурак, полоумный и с татуировкой на лице.

Великий мастер ахнул, пораженный:

– Но ведь не станете же вы утверждать, что леди Селиса легла в

постель с дураком?

— Только дурак и мог лечь в постель с Селисой Флорент. А ей он, вероятно, напоминал о Станнисе. Всякая хорошая ложь должна содержать в себе крупицу правды, чтобы слушатель мог передохнуть. Дело обстоит так, что дурак этот всей душой предан девочке и сопровождает ее повсюду. Они даже похожи немного — у Ширен такое же застывшее пестрое лицо.

— Но ведь это от серой хвори, которую бедняжка перенесла в младенчестве, — растерялся Пицель.

— Мне мое объяснение больше нравится, — сказал Мизинец, — и народу оно тоже придется по душе. В

народе верят, что, если беременная женщина съест кролика, ребенок у нее родится с длинными ушами.

Серсея одарила Мизинца улыбкой, которую обычно приберегала для Джейме.

— Какой же вы злой, лорд Петир.

— Благодарю, ваше величество.

— И заядлый лжец к, тому же, —

далеко не столь ласково вставил Тирион. «Этот опаснее, чем я думал», — сказал он себе.

Зеленовато-серые глаза Мизинца встретились с разномастным взглядом карлика без малейшего смущения.

— У каждого из нас свой талант, милорд.

Королева была слишком захвачена желанием отомстить, чтобы заметить этот обмен любезностями.

— Обманут полоумным дураком! Станниса осмеют в каждом кабаке по эту сторону Узкого моря.

— Но это не должно исходить от нас, — сказал Тирион, — иначе всем станет ясно, что мы это сочинили, желая обелить себя.

У Мизинца и на это был готов ответ:

— Шлюхи любят посплетничать, а я как раз владею парой борделей. Варис тоже, без сомнения, сумеет посеять слухи в пивных и харчевнях.

— Где он, к слову сказать? —

нахмурилась Серсея.

— Я сам желал бы это знать, ваше величество.

— Паук ткёт свою тайную паутину днем и ночью, — зловеще сказал великий мейстер. — Я не доверяю ему, милорды.

— А он о вас отзывается хорошо. — Тирион слез со стула. Он-то знал, чем занят евнух, но остальным советникам знать это было не обязательно. — Прошу извинить, милорды, — меня ждут другие дела.

— Дела короля? — сразу насторожилась Серсея.

— Вам нет нужды о них беспокоиться.

— Об этом мне судить.

— Хочешь испортить мне сюрприз? Я готовлю Джоффри подарок — цепочку.

— На что ему твоя цепочка? У него их и так больше, чем нужно, и золотых, и серебряных. Если ты возомнил, что сможешь купить его любовь своими подарками...

— О, я уверен, что король и без того меня любит, как и я его. Я думаю также, что моя цепь однажды станет ему дороже всех остальных. — Тирион откланялся и вразвалку пошел к двери.

Бронн ждал у дверей зала совета, чтобы проводить его обратно в башню Десницы.

— Кузнецы ожидают твоего

появления в твоей приемной, — сказал наемник, когда они шли через двор.

— Ожидают моего появления. Очень мило сказано, Бронн. Скоро ты станешь настоящим придворным — чего доброго, и колени начнешь преклонять.

— Не пошел бы ты, карлик.

— Охотно пошел бы — только к Шае. — Леди Танда весело махала Тириону с вершины лестницы. Он сделал вид, что не замечает ее, и прибавил шаг. — Позаботься, чтобы мне приготовили носилки. Я отправлюсь со двора, как только закончу с этим делом. — Двое Лунных Братьев несли караул у двери в

башню. Тирион приветливо поздоровался с ними и скорчил гримасу, начиная взбираться по лестнице. От долгого подъема к опочивальне у него болели ноги.

Его двенадцатилетний оруженосец раскладывал одежду на кровати. Подрик Пейн был до того застенчив, что старался все делать исподтишка. Тирион не мог отделаться от подозрения, что отец навязал ему этого парня в насмешку.

— Ваш убор, милорд, — пробормотал мальчик, когда Тирион вошел. Смотрел он при этом на свои сапоги. Под, даже если выдавливал из себя какие-то слова, в глаза никогда не глядел. — Для приема. И

цепь десницы.

— Хорошо. Помоги мне одеться.

— Черный бархатный колет был усажен золотыми заклепками в виде львов, цепь состояла из массивных золотых рук, каждая из которых сжимала запястье другой. Под принес багровый шелковый плащ с золотой каймой, скроенный по росту Тириона — на обычном человеке он выглядел бы как пелерина.

Личная приемная десницы была не столь велика, как королевская, и, уж конечно, не могла сравниться с тронным залом, но Тириону нравились мирийские ковры, драпировки на стенах и ощущение уюта. Стюард у входа возгласил:

— Тирион Ланнистер, десница короля. — Карлику и это понравилось. Кузнецы, оружейники и скобяные торговцы, созванные Бронном, опустились на колени.

Он взгромоздился на высокое сиденье под круглым золотистым окном и велел им встать.

— Я знаю, что вы народ занятой, поэтому буду краток. Под, будь любезен. — Мальчик подал ему холщовый мешок. Тирион развязал его, перевернул, и содержимое с глухим лязгом вывалилось на ковер. — Их мне сделали в кузнице замка, и мне нужна еще тысяча точно таких же.

Один из кузнецов, снова

опустившись на колени, осмотрел три громадных цепных звена, скрепленных вместе.

— Крепкая Цепь.

— Крепкая, но короткая. Вроде меня. Надо ее удлинить. Как твое имя?

— Меня кличут Железным Брюхом, милорд. — Кузнец, коренастый и плечистый, в простом наряде из кожи и шерсти, имел ручищи толщиной с бычьей шеей.

— Я хочу, чтобы все кузни в Королевской Гавани ковали такие звенья и сращивали их. Всю прочую работу следует отставить. Пусть каждый человек, умеющий обращаться с железом, займется

этим, будь он мастер, подмастерье или ученик. Проезжая по Стальной улице, я хочу слышать звон молотков и днем, и ночью. И мне нужен сильный человек, который надзирал бы за этой работой. Согласен ты взяться за такое дело, мастер Железное Брюхо?

— Пожалуй, да, милорд, — но как быть с мечами и кольчугами, которые требует королева?

— Ее величество приказали, — подхватил другой кузнец, — ковать в большом количестве кольчуги и доспехи, мечи, кинжалы и топоры — для вооружения новых золотых плащей, милорд.

— Это все подождет, сначала

цепь.

— Прощения просим, милорд, но королева сказала, что тем, кто не представит работу в назначенном количестве, раздробят руки молотом — на собственной наковальне, милорд.

Добрая Серсея — она всегда старается завоевать любовь народа.

— Руки никому не раздробят — даю вам слово.

— Железно нынче вздорожало, — заметил Железное Брюхо, — а для такой цепи его понадобится много, и угля тоже.

— Лорд Бейлиш даст вам денег сколько нужно, — пообещал Тирион. Он надеялся, что уж в этом-то

Мизинец ему не откажет. — И я прикажу городской страже разыскивать для вас железо. Расплавьте все подковы в этом городе, если будет нужда.

Вперед вышел пожилой человек в богатом камчатном камзоле с серебряными застежками и плаще на лисьем меху. Став на колени, он изучил образцы звеньев и объявил:

— Милорд, это грубая работа, не требующая мастерства. Она впору тем, кто гнет подковы и кует котлы, но я, с позволения вашей милости, мастер-оружейник. Это работа не для меня и не для моих братьев по цеху. Мы куем мечи звонкие, как песня, и доспехи под стать богам, а

не это.

Тирион наклонил голову, впериw в него свои разномастные глаза.

— Как зовут тебя, мастер-оружейник?

— Саллореон, милорд. И если десница дозволит, я почту за честь сковать ему доспехи, подобающие его дому и высокому посту. — Кое-кто из кузнецов усмехнулся, но Саллореон продолжал как ни в чем не бывало:

— Панцирь и чешую, как мне думается. Чешуя с позолотой яркой, как солнце, панцирь покpоем багряной ланнистерской эмалью. Для шлема я предложил бы голову демона с длинными золотыми рогами. Когда вы выйдете в бой, враг

в ужасе побежит.

«Голова демона, — скорбно подумал Тирион. — Хорошего же они обо мне мнения».

— Мастер Саллореон, все свои грядущие битвы я намерен вести вот на этом стуле. Мне нужна цепь, а не демонские рога. Поэтому позволь сказать тебе вот что: либо ты будешь ковать цепь, либо носить ее. Выбор за тобой. — Он встал и удалился, не оглядываясь.

Бронн ждал его у ворот с носилками и конным эскортом Черноухих.

— Ты знаешь, куда ехать, — сказал ему Тирион и позволил себя посадить. Он делал все, что мог,

чтобы накормить этот голодный город: поставил несколько сотен плотников на постройку рыбацких лодок вместо катапульт, открыл Королевский Лес для всех, у кого достанет смелости пересечь реку, послал золотых плащей промышлять съестное на юг и на запад — но в городе его по-прежнему встречали обвиняющими взорами. Крытые носилки защищали его от них и давали время поразмыслить.

Медленно следуя по извилистой Дороге Тени у подножия холма Эйегона, Тирион думал об утренних событиях. Сестра, охваченная гневом, не разглядела истинного значения письма Станниса

Баратеона. Его обвинения без доказательств ничего не стоят: главное то, что он именует себя королем. Как-то теперь поступит Ренли? Не могут же они оба сесть на Железный Трон.

Тирион приоткрыл немного занавеску и выглянул наружу. Черноухие ехали по обе стороны от него в своих жутких ожерельях. Бронн впереди расчищал путь. Прохожие смотрели на них, и Тирион играл сам с собой, стараясь различить среди них осведомителей. Те, у которых наиболее подозрительный вид, скорее всего невинны — а невинных следует остерегаться.

Место, куда он направлялся, находилось за холмом Рейенис, и на улицах былолюдно, поэтому на дорогу ушел добрый час. Тирион подремывал, но проснулся, когда носилки остановились, протер глаза и вышел, опершись на руку Бронна.

Дом был в два этажа, внизу каменный, верху деревянный. В одном его углу торчала круглая башенка. Стекла во многих окнах были цветные. Над дверью покачивался красивый фонарь в виде шара из позолоченного металла и алого стекла.

— Бордель, — сказал Бронн. — Зачем мы сюда явились?

— Зачем, по-твоему, люди

посещают такие места?

— Тебе Шаи мало? — засмеялся наемник.

— Для походных утех она неплоха, но мы больше не на биваке. У маленьких мужчин большой аппетит, а здешние девки, как мне сказали, достойны самого короля.

— Разве он уже дорос для таких дел?

— Речь не о Джоффри. О Роберте. Это был его излюбленный дом. — Впрочем, и Джоффри, быть может, в самом деле уже дорос. Об этом стоит подумать. — Если ты и Черноухие захотите поразвлечься, валяйте, но у Китай девушки дорогие. На этой улице есть дома подешевле. Оставь

здесь одного человека, чтобы он знал, где найти других, когда я пожелаю вернуться.

— Будет сделано, — кивнул Бронн.

Черноухие заухмылялись.

Внутри Тириона встретила высокая женщина в развевающихся шелках, с черной кожей и глазами цвета сандалового дерева.

— Катая, — с низким поклоном назвалась она. — А ваша милость...

— Обойдемся без имен — они опасны. — Здесь пахло диковинными специями, а мозаика на полу изображала двух женщин, сплетенных в любовном объятии. — У тебя тут красиво.

— Это плод моих долгих трудов.

Рада, что деснице у нас понравилось. — Голос ее, похожий на текущий янтарь, играл переливами Летних островов.

— Титулы могут быть не менее опасны, чем имена. Покажи мне своих девушек.

— С великой радостью. Вы найдете, что они столь же нежны, как и прекрасны, и искушены во всех искусствах любви. — Она сделала грациозный жест рукой, и Тирион последовал за ней со всем достоинством, которое позволяли его ноги — вдвое короче, чем у нее.

За резным мирийским экраном с изображениями цветов и задумчивых дев, позволяющим наблюдателю

оставаться невидимым,
располагалась общая комната.
Старик наигрывал на свирели что-то
веселое. В алькове пьяный тирошиец
с пурпурной бородой, развалясь на
подушках, держал на коленях
женщину. Он расшнуровал ей корсаж
и поливал груди вином из чаши, а
потом слизывал. Еще две девицы
играли в плашки у цветного окна —
одна конопатенькая с голубым
веночком в медовых волосах, другая с
кожей черной и гладкой, как темный
янтарь, большими глазами и
маленькими острыми грудками. Их
просторные шелка придерживались
на талии бисерными поясками.
Сквозь тонкую ткань на солнце,

люющемся через цветные стекла, просвечивали их юные тела. Тирион ощутил трепет возбуждения.

— Осмелюсь предложить вам темнокожую, — сказала Катая.

— Она совсем еще ребенок.

— Ей шестнадцать, милорд.

«В самый раз для Джоффри», — подумал Тирион, вспомнив слова Бронна. Его, Тириона, первая женщина была еще моложе. Какой застенчивой казалась она, когда впервые сняла через голову платье. Длинные темные волосы и голубые глаза, где впору утонуть — он и утонул. Как давно это было... экий ты дурак, карлик.

— Эта девушка родом с твоих

земель?

— В ней течет летняя кровь, милорд, но родилась моя дочь здесь, в Королевской Гавани. — Должно быть, он не сдержал своего удивления, и Катая сказала:

— У нас женщине не зазорно быть в доме мягких подушек. На Летних островах высоко ценят тех, кто способен доставить удовольствие в любви. Многие знатные юноши и девы посвящают такому служению несколько лет после своего созревания, угождая этим богам.

— При чем же здесь боги?

— Боги создали не только наши души, но и тела — разве не так? Они дали нам голоса, чтобы мы

возносили им молитвы. Они дали нам руки, чтобы мы строили им храмы. Они вдохнули в нас желание, чтобы мы и этим способом поклонялись им.

– Не забыть сказать об этом верховному септону. Если бы я мог молиться своим мужским естеством, я был бы гораздо набожнее. С радостью принимаю твое предложение.

– Сейчас позову дочь. Пойдемте. Девушка встретила его у подножия лестницы. Она была выше Шай, хотя и не такая высокая, как мать. Ей пришлось стать на колени, чтобы Тирион мог поцеловать ее.

– Меня зовут Алаяйя, – сказала

она с легкой тенью материнского акцента. – Идемте, милорд. – Держа его за руку, она поднялась на два пролета вверх и пошла по длинному коридору. Из-за одной двери слышались стоны и крики, из-за другой – смешки и шепот. Член Тириона готов был выпрыгнуть наружу. «Не опозориться бы», – подумал он, поднимаясь с Алаяйей на башенку. Дверь наверху была только одна. Алаяйя ввела его внутрь и закрыла ее. Он увидел большую кровать под балдахином, высокий шкаф с резными любовными сценами и узкое окно, застекленное красными и желтыми ромбами.

– Ты очень красива, Алаяйя, –

сказал Тирион. – Само совершенство с головы до пят. Но сейчас меня более всего занимает твой язычок.

– Милорд сам убедится, что мой язычок хорошо выдрессирован. Меня с малых лет учили, когда пускать его в ход, а когда нет.

– Вот и хорошо, – улыбнулся он. – Ну, так что же мы с тобой будем делать? Есть у тебя какие-нибудь предложения?

– Есть. Если милорд откроет шкаф, он найдет там то, что ищет.

Тирион поцеловал ей руку и забрался в пустой шкаф. Алаяйя закрыла за ним дверцы. Он нащупал заднюю стенку и сдвинул ее вбок. За ней было черным-черно, но скоро он

нашарил железную перекладину лестницы. Взявшись за нее и найдя ногой нижнюю, он стал спускаться. Где-то гораздо ниже улицы лестница кончилась, и открылся земляной туннель. Там Тириона ждал Варис со свечой в руке.

Евнух был сам на себя не похож. Лицо в шрамах, черная щетина, остроконечный шлем, кольчуга поверх вареной кожи, кинжал и короткий меч у пояса.

— Надеюсь, Катая была любезна с милордом?

— Даже слишком. Ты уверен, что на нее можно положиться?

— Я ни в чем не уверен в этом суетном и предательском мире,

милорд. Но у Катаи нет причин любить королеву, и она знает, что от Аллара Дима избавилась благодаря вам. Пойдемте? – И Варис двинулся по подземному ходу.

У него даже походка стала другая, заметил Тирион, и пахнет от него не лавандой, а кислым вином и чесноком.

– Мне нравится твой новый наряд.

– Моя работа не позволяет мне разъезжать по улицам с отрядом рыцарей. Поэтому, покидая замок, я принимаю подходящий к случаю облик и тем сохраняю свою жизнь, чтобы и далее служить вам.

– Кожа тебе к лицу. Тебе

следовало бы явиться в таком виде на следующее заседание совета.

— Ваша сестра не одобрила бы этого, милорд.

— Она намочила бы себе юбки. — Тирион улыбнулся в темноте. — Я не заметил, чтобы ее шпионы следили за мной.

— Рад это слышать, милорд. Некоторые из людей вашей сестры служат также и мне, — без ее ведома. Я был бы огорчен, если бы они позволили себя заметить.

— Я тоже буду огорчен, если окажется, что я лазал по шкафам и страдал от неудовлетворенной похоти понапрасну.

— Отчего же понапрасну. Пусть

знают, что вы здесь. Вряд ли у кого-нибудь хватит смелости прийти к Катае под видом клиентов, но осторожность никогда не помешает.

— Как это вышло, что в борделе имеется потайной ход?

— Он был вырыт для другого десницы, которому честь не позволяла посещать такой дом открыто. Катая строго хранит тайну этого хода.

— Однако ты о нем знаешь.

— Маленькие пташки летают даже под землей. Осторожно, здесь крутые ступеньки.

Они вылезли в люк и оказались на конюшне, примерно в трех кварталах от холма Рейенис. Когда

Тирион захлопнул дверцу, в стойле заржала лошадь. Варис задул свечу, прилепив ее к балке, и Тирион огляделся. В конюшне стояли три лошади и мул. Подойдя к лысому мерину, Тирион посмотрел на его зубы.

— Старикан — и мне сдается, у него одышка.

— На таком, понятно, в битву не поскачешь — но ехать можно, и внимания он не привлекает. Как и другие. А конюхи, кроме них, ничего не замечают. — Евнух снял с колышка плащ — грубошерстный, выцветший, потертый и очень большой. — Позвольте-ка. — Он накинул плащ на плечи Тириону, укутав его с головы

до ног, и нахлобучил на голову капюшон. — Люди видят то, что ожидают увидеть, — сказал он, расправляя складки. — Карлики встречаются далеко не так часто, как дети, поэтому они увидят ребенка... Мальчика в старом отцовском плаще, которого отец послал куда-то по делу. Но еще лучше, если вы будете приходить сюда ночью.

— Впоследствии я так и предполагаю поступать, но сегодня Шая ждет меня. — Он поселил ее в доме с высокой оградой в северо-восточном углу Королевской Гавани, недалеко от моря, но не осмеливался посещать ее там из страха, что его выследят.

— Которую из лошадей вы возьмете?

— Да хоть бы и эту, — пожал плечами Тирион.

— Сейчас оседлаю. — Варис снял с другого колышка уздечку и седло.

Тирион в тяжелом плаще беспокойно топтался на месте.

— Ты пропустил весьма интересное заседание. Станнис короновал сам себя.

— Я знаю.

— Он обвиняет моих брата и сестру в кровосмешении. Хотел бы я знать, как это пришло ему в голову?

— Вероятно, он прочел книгу и обратил внимание на цвет волос одного из бастардов, как Нед Старк, а

до него Джон Аррен. Возможно и то, что кто-то нашептал ему об этом. — Смех евнуха в отличие от его обычного хихиканья прозвучал низко и гортанно.

— Кто-то вроде тебя?

— Какое подозрение! Это был не я.

— Будь это ты, ты все равно бы не признался.

— Верно. Но зачем бы я стал выдавать секрет, который хранил столь долго? Можно обмануть короля, но от сверчка в тростнике и пташки в каминной трубе не укроешься. Да и бастарды были у всех на виду.

— Бастарды Роберта? Что же в

них такого особенного?

— У него их было восемь, насколько мне известно, — сказал Варис, возясь с седлом. — Матери у них были рыжие и златокудрые, каштановые и русые, но детишки все получились черные, как воронята... и, как вороны, предвещали беду. Стоило посмотреть на Джоффри, Мирцеллу и Томмена, вышедших из чрева вашей сестры золотистыми, как солнышко, чтобы заподозрить неладное.

Тирион покачал головой. Если бы она хоть одного ребенка родила от мужа, этого хватило бы, чтобы развеять все подозрения... но тогда она не была бы Серсеей.

– Если этим шептуном был не ты, то кто же?

– Какой-нибудь предатель. – Варис затянул подпругу.

– Мизинец?

– Имен я не называл.

Тирион позволил евнуху посадить его в седло.

– Лорд Варис, – сказал он сверху, – порой мне кажется, что вы лучший мой друг в Королевской Гавани, а порой – что вы худший мой враг.

– Как странно. Вы у меня вызываете такие же чувства.

Бран

Он открыл глаза задолго до того, как бледные пальцы рассвета просунулись сквозь его ставни. В Винтерфелл на праздник урожая съехались гости. Утром они будут состязаться, наскакивая с копьями на кинтаны во дворе. Когда-то он не находил бы себе места от волнения, предвкушая такое событие, но то было раньше.

Теперь все иначе. Уолдеры будут ломать копья вместе с оруженосцами из свиты лорда Мандерли, но Бран не примет в этом участия. Он будет сидеть в отцовской горнице и

изображать из себя принца.

«Слушай и учись быть лордом»,
– сказал ему мейстер Лювин.

Бран не просил, чтобы его делали принцем. Он всегда мечтал стать рыцарем, мечтал о блестящих доспехах, реющих знаменах, копье и мече, о боевом скакуне под собой. Почему он должен проводить свои дни, слушая, как старики толкуют о вещах, которые он понимает только наполовину? Потому что ты сломанный, напомнил ему голос внутри. Лорд на своем мягком стуле может быть калекой – Уолдеры говорят, их дед такой слабый, что его всюду носят в паланкине, – а вот рыцарю на боевом коне нужна сила.

К тому же его долг стать настоящим лордом. «Ты наследник своего брата и Старк из Винтерфелла», – сказал сир Родрик и напомнил Брану, что Робб тоже принимал отцовских знаменосцев.

Лорд Виман Мандерли прибыл из Белой Гавани два дня назад – сначала он ехал на барже, потом в носилках, ибо для верховой езды был слишком толст. Его сопровождала большая свита: рыцари, оруженосцы, более мелкие лорды и леди, герольды, музыканты и даже один жонглер – под знаменами и в камзолах ста разных цветов. Бран приветствовал их в Винтерфелле с высокого каменного сиденья своего

отца, чьи подлокотники были изваяны в виде лютоволков, и сир Родрик после сказал, что он молодец. Если бы на этом все и кончилось, Бран не имел бы ничего против, но это было только начало.

«Праздник – хороший предлог, – объяснял ему сир Родрик, – но человек не стал бы ехать за сто лиг лишь ради кусочка утки и глотка вина. Такой путь может совершить только тот, кто имеет к нам важное дело».

Бран смотрел в неровный каменный потолок у себя над головой. Робб, конечно, сказал бы ему «не будь ребенком». Бран прямо-таки слышал его и их лорда-отца.

«Зима близко, Бран, а ты уже почти взрослый. Исполняй свой долг».

Когда ввалился Ходор, улыбаясь и напевая что-то не в лад, Бран уже покорился своей участи. Ходор помог ему умыться и причесаться.

— Сегодня белый шерстяной дублет, — распорядился Бран. — И серебряную пряжку. Сир Родрик хочет, чтобы я был похож на лорда. — Бран по мере возможности предпочитал одеваться сам, но некоторые задачи — как натягивание бриджей и завязывание башмаков — его раздражали. С Ходором получалось быстрее. Когда ему показывали, как делать то или иное, он управлялся с этим очень ловко, и

руки у него при всей его силище были ласковые.

— Могу поспорить, из тебя тоже получился бы рыцарь, — сказал ему Бран. — Если бы боги не отняли у тебя разум, ты стал бы великим рыцарем.

— Ходор? — заморгал тот невинными, ничего не понимающими карими глазами.

— Да. — Бран показал на него. — Ходор.

У двери висела крепкая корзина из кожи и прутьев, с отверстиями для ног. Ходор продел руки в лямки, затянул на груди ремень и стал на колени перед кроватью. Бран, держась за вбитые в стену брусья,

продел в дыры свои неживые ноги.

— Ходор, — сказал конюх и встал. В нем было около семи футов росту, и Бран у него на спине чуть ли не стучался головой о потолок. Мальчик пригнулся, когда они вышли в дверь. Однажды Ходор, унюхав запах свежего хлеба, припустил на кухню бегом, и Бран приложился так, что мастеру Лювину пришлось зашивать ему голову. Миккен дал ему из оружейни старый ржавый шлем без забрала, но Бран старался не надевать его. Уолдеры смеялись, когда видели его в шлеме.

Он держался за плечи Ходора, пока они спускались по винтовой лестнице. Снаружи уже топотали

кони и бряцали мечи – сладкая музыка. «Я только погляжу, – сказал себе Бран. – Взгляну разочек, и все».

Лорды из Белой Гавани со своими рыцарями и латниками появятся позже. Сейчас двор принадлежал их оруженосцам в возрасте от десяти до сорока лет. Брану так захотелось быть среди них, что даже в животе заныло.

На дворе поставили две кинтаны – столбы с крутящейся перекладиной, имеющей на одном конце щит, а на другом тряпичную палицу. На щитах, раскрашенных в красные и золотые цвета, были коряво намалеваны львы Ланнистеров, уже порядком

пострадавшие от первых ударов.

При виде Брана в корзине те, кто его еще не знал, вытаращили глаза, но он уже научился не обращать на это внимания. По крайней мере со спины Ходора ему все было видно — ведь он возвышался над всеми. Уолдеры как раз садились на коней. Они привезли из Близнецов красивые доспехи, блестящие серебряные панцири с голубой эмалевой гравировкой. Гребень шлема Уолдера Большого был сделан в виде замка, со шлема Уолдера Малого струился плюмаж из голубого и серого шелка. Щиты и камзолы у них тоже были разные. Уолдер Малый сочетал двойные башни

Фреев с ошестинившимся вепрем
дома своей бабки Кракехолл и
пахарем дома своей матери, Дарри.
Уолдер Большой имел на щите
усаженное воронами дерево дома
Блэквудов и сдвоенных змей Пэгов.
«Как они жадны до почестей, —
подумал Бран, глядя, как они берут
копья. — А вот Старкам, кроме
лютоволка, ничего не нужно».

Их серые в яблоках кони были
быстры, сильны и прекрасно
вышколены. Бок о бок Уолдеры
поскакали к кинтанам. Оба попали в
щит и пронеслись мимо, прежде чем
палицы успели задеть их. Удар
Уолдера Малого был сильнее, но
Брану показалось, что Уолдер

Большой лучше сидит на коне. Он отдал бы обе свои бесполезные ноги, чтобы выехать против любого из них.

Уолдер Малый, отбросив расщепившееся копье, увидел Брана и натянул поводья.

– Неважнецкий у тебя конь.

– Ходор не конь, – сказал Бран.

– Ходор, – сказал Ходор.

Уолдер Большой тоже подъехав к ним:

– У коня ума больше, это уж точно.

Мальчишки из Белой Гавани стали толкать друг дружку локтями и пересмеиваться.

– Ходор. – Парень смотрел на обоих Фреев с добродушной улыбкой,

не зная, что над ним смеются. —
Ходор! Ходор!

Конь Уолдера Малого заржал.

— Гляди-ка, они разговаривают.

Может, «ходор» по лошадиному
значит «я тебя люблю»?

— А ну заткнись, Фрей. — Бран
почувствовал, что краснеет. Уолдер
Малый пришпорил коня и толкнул
им Ходора.

— А если не заткнусь, тогда что?

— Он натравит на тебя своего
волка, кузен, — предостерег Уолдер
Большой.

— Ну и пусть. Я всегда хотел
иметь волчий плащ.

— Лето тебе башку оторвет, —
сказал Бран.

Уолдер Малый стукнул себя кольчужным кулаком по груди:

– У него что, зубы стальные? Где уж ему прокусить панцирь и кольчугу!

– Довольно! – прогремел, перекрывая шум во дворе, голос мастера Лювина. Неясно было, что мастер успел услышать, но то, что он слышал, явно рассердило его. – Я не потерплю больше этих глупых угроз. Так-то ты ведешь себя в Близнецах, Уолдер Фрей?

– Да, если хочу. – Уолдер Малый смотрел сверху на Лювина угрюмо, словно говоря: ты всего лишь мастер, и не тебе укорять Фрея с Переправы!

– Так вот, воспитанники леди Старк так себя в Винтерфелле не ведут. С чего все началось? – Мейстер посмотрел на всех по очереди. – Ну-ка говорите, не то...

– Мы шутили над Ходором, – сознался Уолдер Большой. – Я сожалею, если мы обидели принца Брана. Мы только посмеяться хотели. – У этого хотя бы хватило совести устыдиться, а Уолдер Малый только надулся.

– Ну да, я шутил, только и всего, – заявил он. Бран видел сверху, что лысина мейстера побагровела, – он, как видно, рассердился еще пуще.

– Хороший лорд защищает и утешает слабых и убогих, – сказал он

Фреям. – Я не позволю вам делать Ходора мишенью своих жестоких шуток, слышите? Он хороший, добрый парень, работающий и послушный – это больше, чем можно сказать о любом из вас. – Мейстер погрозил пальцем Уолдеру Малому. – А ты держись подальше от богороци и от волков, не то ответишь. – Хлопая длинными рукавами, он отошел на несколько шагов и оглянулся. – Пойдем, Бран. Лорд Виман ждет.

– Ходор, ступай за мейстером, – скомандовал Бран.

– Ходор, – ответил тот и широкими шагами устремился за Лювином по лестнице Большого

замка. Мейстер придержал дверь, и Бран низко пригнулся, держась за шею Ходора.

— Уолдеры... — начал он.

— Не желаю больше слышать об этом, — бросил усталый и раздраженный мейстер. — Ты прав, что вступился за Ходора, но тебе вообще не следовало там быть. Сир Родрик и лорд Виман успели позавтракать, дожидаясь тебя. Я должен сам бегать за тобой, как за малым ребенком?

— Нет, — устыдился Бран. — Я сожалею. Я только хотел...

— Я знаю, чего ты хотел, — немного смягчился Лювин. — Ладно — дело прошлое. Не хочешь ли о чем-

нибудь спросить меня перед началом беседы?

– Мы будем говорить о войне?

– Ты вообще говорить не будешь.

Тебе пока еще восемь лет...

– Скоро девять.

– Восемь, – твердо повторил мастер. – Скажешь что полагается – и молчи, пока сир Родрик и лорд Виман тебя не спросят.

– Хорошо, – кивнул Бран.

– Я не скажу сир Родрику, что произошло между тобой и Фреями.

– Спасибо.

Брана водрузили на дубовое отцовское кресло с зелеными бархатными подушками у длинного стола на козлах. Сир Родрик сидел по

правую его руку, а мейстер Лювин — по левую, с перьями, чернильницей и листом чистого пергамента. Бран провел рукой по грубой поверхности стола и попросил у лорда Вимана прощения за опоздание.

— Принцы не опаздывают, — приветливо ответил тот. — Это другие приходят раньше, чем нужно, вот и все. — Виман Мандерли раскатился громовым смехом. Неудивительно, что он не мог ездить верхом, — на вид он весил больше иного коня, а его многоречивость не уступала толщине. Он начал с того, что попросил Винтерфелл утвердить новых таможенников, назначенных им в Белой Гавани. Старые

придерживали серебро для Королевской Гавани, вместо того чтобы платить новому Королю Севера.

— Королю Роббу надо также чеканить свою монету, — заявил лорд, — и в Белой Гавани для этого самое место. — Он предложил, что сам займется этим делом, если король дозволит, и начал рассказывать о том, как укрепил оборону порта, называя цену каждого улучшения.

Кроме чеканки монеты, лорд Мандерли предложил построить Роббу военный флот.

— У нас уже несколько веков нет своих сил на море, с тех пор как Брандон Поджигатель предал огню

корабли своего отца. Дайте мне золота, и через год я представлю вам достаточно галей, чтобы взять и Драконий Камень, и Королевскую Гавань.

Разговор о военных кораблях заинтересовал Брана. Если бы его спросили, он бы ответил, что затея лорда Вимана показалась ему великолепной. Он уже видел эти корабли в своем воображении. Хотел бы он знать, может ли калека командовать одной из таких галей? Сир Родрик пообещал отослать предложение Вимана на рассмотрение Роббу, а мейстер Лювин сделал запись на пергаменте.

Настал полдень. Мейстер

Лювин послал Рябого Тома на кухню, и они пообедали прямо в горнице сыром, каплунами и черным овсяным хлебом. Лорд Виман, терзая птицу толстыми пальцами, учтиво осведомился о леди Хорнвуд, своей кузине.

— Вы ведь знаете, она урожденная Мандерли. Быть может, когда ее горе утихнет, она снова захочет стать Мандерли, а? — Он оторвал зубами кусок крыла и широко улыбнулся. — Я, со своей стороны, уже восемь лет как вдовею. Давно пора взять другую жену, вы не находите, милорды? Одному плохо. — Бросив кость на пол, он взялся за ножку. — А если леди предпочитает

мужчину помоложе, так мой Вендел тоже неженат. Теперь он на юге, сопровождает леди Кейтилин, но уж верно захочет жениться, когда вернется. Он храбрый парень и веселый — как раз такой, который снова научит ее смеяться, а? — Он утер жирный подбородок рукавом камзола.

Бран слышал, как звенит сталь под окнами. Брачные дела его не занимали — ему хотелось во двор.

Лорд подождал, когда уберут со стола, и заговорил о письме, полученным им от лорда Тайвина Ланнистера, взявшего в плен на Зеленом Зубце его старшего сына сира Вилиса.

– Он предлагает вернуть его мне без всякого выкупа, если я отзову своих людей из войска его величества и дам клятву не воевать больше.

– Вы, конечно же, откажете ему?
– сказал сир Родрик.

– На этот счет не опасайтесь. У короля Робба нет более преданного слуги, чем Виман Мандерли. Однако мне очень не хотелось бы, чтобы мой сын томился в Харренхолле больше, чем нужно. Это дурное место. Проклятое, так говорят люди. Не то чтобы я верил этим басням – однако поглядите, что случилось с Яносом Слинтом. Королева сделала его лордом Харренхолла, а ее брат тут же

сместил. И отослал, говорят, на Стену. Хорошо бы поскорее устроить размен пленными. Я ведь знаю, Вилису неохота сидеть без дела, пока война идет. Он храбр, мой сын, и свиреп, как мастиф.

У Брана уже ныли плечи от сидения на одном месте, но тут беседа подошла к концу. Когда Бран ужинал, рог возвестил о прибытии еще одной гостьи – леди Донеллы Хорнвуд. С ней не было рыцарей и вассалов – только шестеро усталых латников в пыльных оранжевых камзолах, украшенных головами лося.

– Мы бесконечно сожалеем о ваших потерях, миледи, – сказал ей

Бран, когда она пришла поздороваться с ним. Лорд Хорнвуд погиб в битве на Зеленом Зубце, их единственный сын пал в Шепчущем Лесу. — Винтерфелл не забудет этого.

— Я рада. — Она была бледная, изможденная, совсем убитая горем. — Я очень устала, милорд, и буду благодарна, если вы позволите мне отдохнуть.

— Разумеется, — сказал сир Родрик. — Поговорить мы и завтра успеем.

Назавтра почти все утро прошло в разговорах о зерне, овощах и солонине. Когда мастера в своей Цитадели объявляют о начале осени, умные люди откладывают впрок

долю каждого урожая... а вот какую долю, это еще предстояло решить. Леди Хорнвуд откладывала пятую часть, но по совету мейстера Лювина пообещала увеличить ее до четверти.

— Болтонский бастард собирает людей в Дредфорте, — предупредила она. — Надеюсь, для того, чтобы увести их на юг и присоединиться к своему отцу у Близнецов, но, когда я послала спросить о его намерениях, он заявил, что Болтоны не допускают вопросов от женщин. Точно он законный сын и имеет право на это имя.

— Лорд Болтон никогда не признавал его, насколько мне известно, — сказал сир Родрик. —

Должен вам сказать, что я совсем не знаю его.

— Его мало кто знает, — ответила леди Хорнвуд. — Он жил у своей матери, но два года назад молодой Домерик умер и Болтон остался без наследника. Тогда-то он и вызвал бастарда в Дредфорт. Этот юноша очень хитер, и у него есть слуга, почти столь же жестокий, как он сам. Слугу зовут вонючкой — говорят, он никогда не моется. Они охотятся вместе, бастард и этот вонючка, и не на оленя. Тому, что рассказывают, трудно поверить, пусть даже речь идет о Болтоне. А теперь, когда мой лорд-муж и мой милый сын ушли к богам, этот бастард зарится на мои

земли.

Брану захотелось дать леди сотню человек для защиты ее прав, но сир Родрик сказал только:

— Пусть себе зарится — но если он осмелится перейти к действиям, его постигнет суровая кара. Вам нечего опасаться, миледи... но, возможно, со временем, когда ваше горе пройдет, вы сочтете благоразумным снова выйти замуж.

— Я неспособна более рожать, а красота моя давно увяла, — с усталой улыбкой ответила она, — однако мужчины увиваются за мной вовсю — я такого и в девичестве не видала.

— Но никто из них не завоевал вашу благосклонность? — спросил

Лювин.

— Я согласна выйти замуж, если его величество прикажет, но Морс Воронье Мясо — пьяная скотина, притом старше моего отца. Что до моего высокородного кузена Мандерли, моя постель недостаточно велика, чтобы вместить его, а я определенно слишком хрупка, чтобы его выдержать.

Бран знал, что мужчины ложатся на женщин, когда они спят вместе. Да уж — под лордом Мандерли спать, наверное, все равно что под конской тушей. Сир Родрик сочувственно кивнул.

— У вас будут и другие поклонники, миледи. Авось

подберем кого-нибудь, кто вам больше по вкусу.

— Думаю, вам не придется искать долго, сир.

Когда она оставила их, мейстер Лювин улыбнулся:

— Мне кажется, сир Родрик, что миледи предпочитает вас.

Сир Родрик смущенно откашлялся.

— Какая она грустная, — сказал Бран. Сир Родрик кивнул:

— Грустная и милая и совсем недурна для женщины своих лет, при всей ее скромности. Однако способна нарушить мир в королевстве твоего брата.

— Как это? — удивился Бран.

— У нее нет прямого наследника,
— объяснил мейстер Лювин, —
поэтому на земли Хорнвудов будут
претендовать многие. Толхарты,
Флинты и Карстарки связаны с
домом Хорнвудов по женской линии,
а у Гловеров в Темнолесье
воспитывается бастард лорда
Хариса. У Дредфорта, насколько мне
известно, никаких прав нет, но их
земли соседствуют, и Русе Болтон не
из тех, кто упустит подобный случай.

Сир Родрик подергал себя за
бакенбарды.

— Если так, ее лорд-сюзерен
должен найти ей достойного супруга.

— А почему бы ей не выйти
замуж за вас? — спросил Бран. — Ведь

она вам нравится, а у Бет была бы мать.

Старый рыцарь положил руку на плечо Брану.

— Спасибо на добром слове, мой принц, но я ведь только рыцарь, да и стар уже. Я мог бы несколько лет оберегать ее земли, но после моей смерти леди Хорнвуд оказалась бы в том же положении, да и Бет грозила бы опасность.

— Пусть тогда наследником станет бастард лорда Хорнвуда, — сказал Бран, вспомнив своего сводного брата Джона.

— Это устроило бы Гловеров, а возможно, и тень лорда Хорнвуда, — сказал сир Родрик, — но не думаю,

что это понравится леди Хорнвуд. Ведь мальчик не ее кровь.

— И все же это заслуживает рассмотрения, — заметил мейстер Лювин. — Леди Донелла сама говорит, что неспособна больше рожать. Если не бастард, то кто же?

— Разрешите мне вас покинуть, — попросил Бран. Он слышал, как звенит во дворе сталь, — это оруженосцы бились на мечах.

— Ступай, мой принц, — сказал сир Родрик. — Ты вел себя молодцом. — Бран покраснел от удовольствия. Быть лордом, оказывается, не так уж скучно, а поскольку леди Хорнвуд далеко не так многословна, как лорд Мандерли, у Брана осталось еще

несколько часов дневного времени, чтобы навестить Лето. Он охотно проводил время с волком всякий раз, когда сир Родрик и мейстер позволяли.

Не успел Ходор войти в богорощу, Лето сразу выскочил из-под дуба, словно знал, что они идут. Рядом в подлеске мелькнула поджарая черная тень.

— Лохматик, — позвал Бран, — иди сюда. — Но волк Рикона исчез так же быстро, как появился.

Ходор, зная любимое место Брана, отнес его к пруду, где под развесистым сердце-деревом молился прежде лорд Эддард. По пруду бежала рябь, колебля

отражение чардрева, между тем ветра не было. Бран удивился.

Но тут из-под воды с плеском вынырнула Оша – так неожиданно, что даже Лето отскочил и зарычал. Ходор тоже шарахнулся, заныв в страхе «Ходор, Ходор», и Бран потрепал его по плечу.

– Как ты можешь здесь купаться? – спросил он Ошу. – Разве тебе не холодно?

– В младенчестве я сосала льдинки, мальчик. Я люблю холод. – Оша подплыла к берегу и вышла – голая, вся в мурашках. Лето подкрался поближе и понюхал ее. – Я хотела достать до дна.

– Я и не знал, что тут дно есть.

— Может случиться, что и нет. — Она усмехнулась. — Чего уставился, мальчик? Женщин никогда не видал?

— Видал. — Бран сто раз купался с сестрами в горячих прудах и со служанками тоже. Но Оша не такая — не мягкая и округлая, а жесткая и угловатая. Ноги у нее жилистые, а груди как два пустых кошелька. — У тебя много шрамов.

— И все нелегко мне достались. — Она отряхнула свою бурую рубаху от листьев и натянула ее через голову.

— Ты сражалась с великанами? — Оша утверждала, что за Стеной до сих пор живут великаны. Бран надеялся когда-нибудь увидеть хоть одного.

— С людьми. — Она подпоясалась куском веревки. — С черными большей частью. Даже убила одного. — Она потрясла волосами, отросшими ниже ушей за время ее пребывания в Винтерфелле. Теперь она была уже не такой страшной, как та женщина, что пыталась ограбить и убить его в Волчьем Лесу. — Ныне на кухне толковали про тебя и про Фреев.

— Ну и что они говорили?

— Что только глупый мальчишка способен задирать великана, — хмыкнула она, — и что мир наш вовсе свихнулся, если калеке приходится этого великана защищать.

— Ходор не понял, что над ним

смеялись. И он никогда не дерется. — Бран вспомнил, как когда-то отправился на рынок с матерью и септой Мордейн. Они взяли с собой Ходора, чтобы нести покупки, но он потерялся. Когда они его нашли, какие-то мальчишки загнали его в угол и тыкали палками, а он кричал «Ходор!», ежился и загораживался руками, даже не пытаясь дать отпор своим мучителям. — Септон Шейли говорит, у него мягкое сердце.

— Да — и такие ручищи, что могут отвернуть человеку голову. Так или этак, пусть лучше следят за этим Уолдером. И ты тоже следи. За тем большим, которого зовут Мальм — правильно зовут, мне сдается.

Снаружи он большой, а внутри маленький, и подлый до мозга костей.

— Он не посмеет меня тронуть. Он боится Лета, хотя и говорит, что нет.

— Что ж, может, он не такой глупый, как кажется. — Оша лютоволков побаивалась. В тот день, когда ее взяли, Лето и Серый Ветер разорвали трех одичалых на куски. — А может, и такой — тогда от него тоже добра ждать нечего. — Она подвязала волосы. — Тебе еще снятся волчьи сны?

— Нет. — Он не любил говорить о своих снах.

— Принц должен уметь врать

получше, — засмеялась она. — Что ж, твои сны — твоя забота, а мне пора назад на кухню, пока Гейдж не разорался и не начал махать своей поварешкой. С вашего позволения, мой принц.

«Зря она спросила о волчьих снах», — думал Бран, пока Ходор нес его по лестнице в спальню. Он старался не засыпать как можно дольше, но в конце концов сон всегда его одолевал. В эту ночь ему приснилось чардрово. Оно смотрело на него своими глубокими красными глазами, звало его своим кривым деревянным ртом. Трехглазая ворона слетела с его бледных ветвей, клюнула Брана в лицо и выкрикнула

его имя голосом острым как меч.

Его разбудил звук рога. Бран повернулся на бок, радуясь тому, что проснулся. Внизу слышался конский топот и крики. Еще гости — под хмельком, судя по шуму. Хватаясь за брусья, он перебрался с кровати на подоконник. На знамени был гигант в разорванных цепях — значит это приехали Амберы со своих северных земель за Последней рекой.

На следующий день он принимал их — двух дядьев Большого Джона, старых, но буйных, с бородами такими же белыми, как их плащи из шкуры северного медведя. Морса ворона однажды приняла за мертвого и клюнула в глаз — с тех пор

он носил фальшивый, из драконьего стекла. Старая Нэн рассказывала, что он зажал ту ворону в кулак и откусил ей голову, с тех пор его и прозвали Воронье Мясо. А вот почему его тощего брата Хозера зовут Смерть Шлюхам, она так и не сказала.

Не успели они сесть, Морс сразу попросил позволения жениться на леди Хорнвуд.

– Все знают, что Большой Джон – правая рука Молодого Волка. Кто, как не Амбер, лучше сохранит земли вдовицы и кто из Амберов может быть лучше меня?

– Леди Донелла еще горюет по мужу, – сказал мейстер Лювин.

– Под моими мехами она найдет

хорошее средство от горя, — засмеялся Морс. Сир Родрик учтиво поблагодарил его и обещал представить это предложение на рассмотрение самой леди и короля.

Хозеру было нужно другое: корабли.

— С севера ползут одичалые — никогда еще столько не видел. Они переплывают Тюлений залив на своих лодчонках и высаживаются на нашем берегу. Ворон в Восточном Дозоре слишком мало, чтобы им помешать, они и шмыгают на сушу что твои хорьки. Нам нужны ладьи да крепкие мужчины, чтобы плавать на них. Большой Джон увел с собой слишком много народу. Половина

нашего урожая пропала из-за того, что жать было некому.

Сир Родрик подергал свои бакенбарды.

— У вас в лесах растут высокие сосны и старые дубы, а у лорда Мандерли полным-полно моряков и корабельщиков. Вместе вы сможете построить достаточно кораблей, чтобы охранять оба ваших побережья.

— Мандерли? — фыркнул Морс Амбер. — Этот мешок сала? Я слышал, его собственные люди прозвали его Лордом Миногой. Он же едва ходит. Если ткнуть ему в брюхо мечом, оттуда вылезут десять тысяч угрей.

– Да, он толст, – согласился сир Родрик, – зато не глуп. Придется вам с ним договориться – иначе король узнает о причине вашего отказа. – И свирепые Амберы, к изумлению Брана, покорились, хотя и ворчали сильно.

Во время беседы с Амберами прибыли Гловеры из Темнолесья и большой отряд Толхартов из Торрхенова Удела. Галбарт и Роберт Гловеры оставили Темнолесье на жену Роберта, но в Винтерфелл приехала не она, а их стюард.

– Миледи просит извинить ее отсутствие. Ее дети еще слишком малы для такого путешествия, и ей не хотелось оставлять их одних. – Бран

скоро понял, что Темнолесьем по-настоящему управляет стюард, а не леди Гловер. Тот сказал, что откладывает всего лишь десятую часть урожая. Некий местный мудрец заверил его, что перед холодами еще будет теплое духово лето. Мейстер Лювин высказал свое нелицеприятное мнение о местных мудрецах, а сир Родрик приказал стюарду впредь откладывать пятую часть и расспросил его о бастарде лорда Хорнвуда, мальчике Ларенсе Сноу. На севере всем бастардам знатных домов давали фамилию Сноу — «снег». Мальчику было около двенадцати, и стюард хвалил его ум и отвагу.

– Ты хорошо придумал насчет бастарда, Бран, – сказал после мейстер Лювин. – Когда-нибудь ты станешь хорошим лордом для Винтерфелла.

– Нет, не стану. – Бран знал, что лордом ему не бывать, как и рыцарем. – Робб женится на одной из Фреев, вы мне сами сказали, и Уолдеры так говорят. У него родятся сыновья, и лордами в Винтерфелле после него будут они, а не я.

– Может быть, и так, Бран, – сказал сир Родрик, – но я был женат трижды, и мои жены рожали мне только дочерей. Теперь у меня, кроме Бет, никого не осталось. Брат мой Маррин прижил четырех крепких

сыновей, но из них только Джори дожил до взрослых лет. Когда его убили, род Маррина угас вместе с ним. Нельзя быть уверенным в том, что будет завтра.

На следующий день настал черед Леобальда Толхарта. Он говорил о погоде, о глупости простонародья и о том, как его племянник рвется в бой.

— Бенфред собрал собственную роту копейщиков. Все они мальчишки не старше девятнадцати лет, но каждый мнит себя новым Молодым Волком. Я сказал им, что они всего лишь молодые зайцы, но мальчишки только посмеялись надо мной. Теперь они именуют себя

Дикими Зайцами и носятся по округе с кроличьими шкурками на концах копий, распевая рыцарские песни.

Бран нашел это великолепным. Он помнил Бенфреда Толхарта, громогласного верзилу, – тот часто бывал в Винтерфелле со своим отцом сиром Хелманом, дружил с Роббом и Теоном Грейджоем. Но сиру Родрику явно не понравилось то, что он услышал.

– Если бы королю требовались еще воины, он послал бы за ними. Скажите своему племяннику, что он должен оставаться в Торрхеновом Уделе, как приказал его лорд-отец.

– Непременно скажу, сир, –

заверил Леобальд и лишь тогда заговорил о леди Хорнвуд. Бедняжка – ни мужа, чтобы отстоять ее земли, ни сына, чтобы их унаследовать. Его леди-жена тоже Хорнвуд, сестра покойного лорда Халиса, как им, без сомнения, известно. – Пустой дом – печальный дом. Я подумываю, не отдать ли мне своего младшего сына леди Донелле – пусть воспитывает его, как своего. Беренду скоро десять, он славный парнишка и ее родной племянник. С ним ей будет веселее, и он даже мог бы принять имя Хорнвуд...

– Если его назначат наследником? – вставил мейстер Лювин.

— ...И продолжил бы их род, — закончил Леобальд. Бран знал, что полагается сказать теперь.

— Благодарю вас за ваше предложение, милорд, — выпалил он, опередив сира Родрика. — Мы направим его на рассмотрение моему брату Роббу — ну и леди Хорнвуд, конечно.

Леобальд, видимо, удивился тому, что Бран подал голос.

— Благодарю, мой принц, — сказал он, но Бран увидел в его светло-голубых глазах жалость с примесью чего-то еще — радуется, наверно, что этот калека не его сын. На миг Бран возненавидел этого человека.

Зато мейстеру Лювину Леобальд понравился.

— Пожалуй, Верен Толхарт — наилучший выход, — сказал он, когда тот ушел. — По крови он наполовину Хорнвуд, и если он возьмет имя своего дяди...

— ...он все-таки останется мальчиком, — сказал сир Родрик, — и трудновато ему будет отстоять свои земли от таких, как Морс Амбер или этот бастард Русе Болтона. Надо подумать как следует и подать Роббу дельный совет, прежде чем он примет решение.

— Надо будет принять в расчет и то, какой лорд Роббу больше выгоден. Речные земли — часть его

королевства. Быть может, Робб пожелает скрепить этот союз, выдав леди Хорнвуд за одного из лордов Трезубца? Блэквуда, скажем, или Фрея.

— Она может взять одного из наших Фреев, — предложил Бран, — Пусть хоть обоих забирает, если охота.

— Это недобрые слова, мой принц, — мягко пожурил сир Родрик.

Уолдеры тоже недобрые. Бран хмуро опустил глаза и промолчал. В последующие дни из других усадеб прилетели вороны с письмами, выражающими сожаление. Бастарда из Дредфорта не будет на празднике, Мормонты и Карстарки ушли на юг с

Роббом, лорд Локе слишком стар, чтобы пуститься в путь, леди Флинт ждет ребенка, во Вдовьем Дозоре заразная болезнь. В конце концов все главные вассалы дома Старков как-то известили о себе, кроме Хоуленда Рида, островного жителя, давно уже не вылезавшего из своих болот, и Сервинов, чей замок стоял всего в половине дня езды от Винтерфелла. Лорд Сервин был в плену у Ланнистеров, но сын его, четырнадцатилетний подросток, одним ясным ветреным утром прибыл с двумя десятками копейщиков. Бран скакал на Плясунье по двору, когда они въехали в ворота, и пустился рысью им

навстречу. Клей Сервин всегда дружил с Браном и его братьями.

– Доброе утро, Бран, – весело воскликнул Клей. – Или тебя теперь надо называть принц Бран?

– Только если захочешь.

– А почему бы нет? – засмеялся Клей. – У нас теперь все короли да принцы. Станнис и в Винтерфелл прислал письмо?

– Станнис? Не знаю.

– Он теперь тоже король. Он пишет, что королева Серсея спала со своим братом, поэтому Джоффри – бастард.

– Джоффри Дурное Семя, – проворчал один из рыцарей Сервина. – Не диво, что он так вероломен, раз

у него отец Цареубийца.

– Да, – подхватил другой, – боги не терпят кровосмешения. Вспомните, как они низвергли Таргариенов.

У Брана пресеклось дыхание, словно чья-то гигантская рука стиснула ему грудь. Он почувствовал, что падает, и отчаянно вцепился в поводья Плясуны.

Должно быть, ужас отразился у него на лице, потому что Клей сказал:

– Бран! Тебе нехорошо? Ну, объявился еще один король – что тут такого?

– Робб и его побьет. – Бран повернул Плясунью к конюшне под

удивленными взглядами Сервина и его свиты. В ушах у него шумело, и он упал бы, не будь он привязан к седлу.

В ту ночь он молил отцовских богов не посылать ему сновидений. Но боги, если и слышали, не вняли его мольбе – кошмар, который они ему послали, был хуже всякого волчьего сна.

– Лети или умри! – вскричала трехглазая ворона, клюнув его. Он плакал и просил, но ворона не знала жалости. Она выклевала ему сперва левый глаз, потом правый, а когда он ослеп, клюнула его в лоб, вогнав свой страшный острый клюв глубоко в череп. Он завопил так, что легкие

чуть не лопнули. Голову ему словно топором раскололи, но когда ворона выдернула свой клюв, вымазанный мозгами и облепленный осколками кости, Бран снова прозрел. То, что он увидел, заставило его ахнуть от страха. Он цеплялся за башню в несколько миль высотой — пальцы у него скользили, ногти скребли по камню, ноги — дурацкие, бесполезные, неживые ноги — тянули вниз.

— Помогите! — закричал Бран. В небе над ним появился золотой человек и поднял его на башню.

— Чего не сделаешь ради любви, — тихо произнес человек и швырнул Брана в воздух.

Тирион

– Сон у меня уже не тот, что в молодости, – сказал великий мейстер Пицель, словно желая извиниться за назначенную на рассвете встречу. – Лучше уж встать еще затемно, чем ворочаться без сна в постели, думая о незавершенных делах. – Его тяжелые веки вопреки словам придавали ему сонный вид.

В комнатах под вороньей вышкой служанка мейстера подала им вареные яйца, компот из слив и овсянку, а Пицель прочел молитву.

– В наши печальные времена, когда повсюду голод, я стараюсь

ограничиваться самыми скромными кушаньями.

– Похвально. – Тирион облупил большое коричневое яйцо, некстати напомнившее ему лысую голову великого мейстера. – Но я иного мнения. Я съедаю все, что есть, – на случай если завтра этого не будет. А что, ваши вороны тоже рано поднимаются?

Пицель огладил белоснежную бороду, ниспадающую ему на грудь.

– О да. Послать за пером и чернилами после завтрака?

– Нет нужды. – Тирион положил на стол рядом с тарелкой два пергамента, туго скатанные в трубочку и запечатанные воском с

обоих концов. — Отошлите вашу девушку, чтобы мы могли поговорить.

— Оставь нас, дитя, — приказал Пицель, и служанка поспешно вышла. — Итак, эти письма...

— Предназначаются для Дорана Мартелла, принца Дорнийского. — Тирион откусил верхушку яйца — ему не доставало соли. — Здесь две копии одного и того же письма. Пошлите самых быстрых своих птиц — это дело чрезвычайной важности.

— Я отправлю их сразу после завтрака.

— Отправьте лучше сейчас. Компот может подождать, а вот государство едва ли. Лорд Ренли ведет свое войско по Дороге Роз, и

никто не знает, когда лорд Станнис отплывает с Драконьего Камня.

— Если так угодно милорду... — заморгал Пицель.

— Ему угодно.

— Мой долг служить вам. —

Пицель величественно поднялся на ноги, звякнув своей цепью. Она была тяжелая — в нее входило около дюжины мастерских ожерелий, сплетенных вместе и украшенных драгоценными камнями. Тириону казалось, что золота, серебра и платины в ней гораздо больше, чем звеньев из неблагородных металлов.

Пицель поворачивался так медленно, что Тирион успел доесть яйцо и попробовать компот —

водянистый и сильно разваренный, — прежде чем услышал хлопанье крыльев. Тогда он встал, увидел ворона, особенно черного на рассветном небе, и торопливо направился к полкам в дальнем углу комнаты.

Аптека мастера являла собой внушительное зрелище: десятки горшочков, запечатанных воском, сотни закупоренных пузырьков, флаконы матового стекла, бесчисленные кувшины с сушеными травами. Каждый сосуд был снабжен ярлычком, надписанным аккуратной рукой мастера. «Какой упорядоченный ум», — подумал Тирион. В самом деле — стоило

посмотреть повнимательнее, чтобы понять, что здесь всякому снадобью отведено свое место. И сколь любопытны эти снадобья. Тирион заметил «сладкий сон» и «ночную тень», маковое молоко, «слезы Лисса», порошок сероголова, «волчью смерть» и «пляску демона», яд василиска, слепыш, «вдовью кровь»...

Встав на цыпочки, он снял с верхней полки маленький запыленный пузырек, прочел ярлык, улыбнулся и сунул бутылочку в рукав.

Он сидел за столом и облупливал второе яйцо, когда великий мейстер осторожно слез по лесенке.

— Готово, милорд, — сообщил старец и сел. — Такие дела лучше исполнять незамедлительно, истинно так... чрезвычайной важности, вы говорите?

— Да-да. — В овсянку, чересчур густую, не помешало бы добавить масла и меда. Теперь в Королевской Гавани, правда, трудно достать и то, и другое, но в замке лорда Джайлса всего вдоволь. Половину своей провизии замок получал либо от него, либо с земель леди Танды. Росби и Стокворт располагались немного к северу от города, и война еще не затронула их.

— Принцу Дорнийскому. Могу ли я узнать...

– Лучше не надо.

– Воля ваша. – Любопытство

Пицеля так назрело, что Тирион почти чувствовал его вкус. – Может быть, королевский совет...

Тирион постучал деревянной ложкой по краю миски.

– Совет существует, чтобы советовать королю, мейстер.

– Именно так – а наш король...

– ...тринадцатилетний мальчик.

И от его имени говорю я.

– Конечно, конечно. На то вы и десница. Но превосходнейшая ваша сестра, королева Серсея, она...

– ...несет тяжкое бремя на своих прелестных белых плечах. Я не намерен усугублять это бремя. А вы?

– Тирион наклонил голову, вперив в великого мастера испытующий взгляд.

Пицель опустил глаза в тарелку. Разномастные радужки Тириона, черная и зеленая, чем-то беспокоили людей – он это знал и пользовался этим вовсю.

– Вы, безусловно, правы, милорд, – произнес старик между двумя ложками компота. – Это очень благородно с вашей стороны – так... щадить королеву.

– Такой уж я человек. – Тирион вернулся к невкусной овсянке. – Заботливый. В конце концов, Серсея – моя любимая сестра.

– И женщина к тому же. Весьма

незаурядная женщина, но все же... нелегко особе слабого пола вникать во все государственные дела.

Нашлась тоже нежная голубка. Спросите о ней Эддарда Старка.

— Я рад, что нашел в вас единомышленника. Благодарю за угощение — но мне предстоит длинный день. — Тирион слез со стула. — Уведомьте меня в случае получения ответа из Дорна.

— Непременно, милорд.

— Меня и больше никого.

— О... разумеется. — Покрытая пятнами рука Пицеля вцепилась в бороду — так утопающий цепляется за веревку, — и это порадовало Тириона. «Первый», — подумал он.

С трудом спустившись по лестнице, он вышел во двор. Солнце уже поднялось довольно высоко, и замок начал просыпаться. По стенам вышагивали часовые, рыцари и латники бились на затупленных мечах. Бронн сидел на кромке колодца. Две хорошенькие служанки пробежали мимо, неся большую корзину с тростником, но наемник даже не посмотрел на них.

— Бронн, ты приводишь меня в отчаяние, — сказал Тирион. — Такая прелестная картинка, а ты смотришь на олухов, гремящих железом.

— В этом городе около сотни заведений, где я за стертый медный грош могу получить бабенку, какую

захочу, – а вот наблюдение за этими олухами может когда-нибудь спасти мне жизнь. Кто этот парень в клетчатом синем камзоле, с тремя глазами на щите?

– Какой-то межевой рыцарь. Таллад, как он себя именует. А что?

Бронн откинул волосы с глаз.

– Он из них самый лучший – но и у него свой ритм. Когда он атакует, то наносит одни и те же удары в одном и том же порядке. – Бронн усмехнулся. – В стычке со мной это его погубит.

– Он присягнул Джоффри и вряд ли станет драться с тобой. – Тирион двинулся через двор, Бронн рядом, принаравливаясь к его коротким

шажкам. За последние дни наемник приобрел почти пристойный вид. Он вымыл и причесал свои темные волосы, был свежевыбрит и носил черный панцирь офицера городской стражи. Ланнистерский багряный, плащ у него на плечах имел узор из золотых рук – плащ подарил Бронну Тирион, когда назначил его капитаном своей личной гвардии.

– Много ли у нас сегодня просителей?

– Тридцать с лишком. Почти все с жалобами или хотят поклянчить чего-то, как всегда. В том числе и твоя любимица.

Тирион застонал:

– Леди Танда?

— Ее паж. Она опять зовет тебя на ужин. Будет олений окорок, фаршированный гусь под соусом из шелковицы и...

— ...ее дочь, — кисло завершил Тирион. Со дня его прибытия в Красный Замок леди Танда повела против него кампанию, опираясь на неисчерпаемый арсенал пирогов с миногой, дикой кабанятины и взбитых сливок. Видимо, она забрала себе в голову, что знатный карлик прекрасно подойдет в мужья ее дочери Лоллис — крупной, рыхлой, слабоумной девице, все еще девственной, по слухам, в свои тридцать три года. — Передай ей мои сожаления.

— Ты не любишь фаршированного гуся? — съехидничал Бронн.

— Ешь его сам, а заодно и женись на девице. А еще лучше пошли Шаггу.

— Шагга скорее съест девицу и женится на гусыне. Притом Лоллис тяжелее его.

— Это верно, — согласился Тирион, проходя по крытой галерее между двумя башнями. — Кому еще до меня нужда?

Наемник посерьезнел.

— Там ждет ростовщик из Браавоса с какими-то бумагами — он хочет видеть короля по поводу некого долга.

– Джофф умеет считать только до двадцати. Отправь ростовщика к Мизинцу – этот с ним поладит. Еще?

– Какой-то лордик с Трезубца говорит, что люди твоего отца сожгли его замок, изнасиловали жену и перебили всех крестьян.

– На то война. – Тирион чуял здесь руку Грегора Клигана – или сира Амори Лорха, или квохорца, еще одного отцовского пса. – Чего он хочет от Джофффри?

– Новых крестьян. Рассыпается в уверениях своей преданности престолу и просит возместить ущерб.

– Я приму его завтра. – Речной лорд – в самом ли деле он предан,

или говорит так с горя — может пригодиться. — Пригляди, чтобы его хорошо устроили и накормили горячим. Пошли ему также новую пару сапог — хороших — в дар от короля Джоффри. — Щедрый жест никогда не повредит.

Бронн коротко кивнул.

— Еще тебя добивается целая свора булочников, мясников и зеленщиков.

— Я уже сказал им, что ничего не могу им дать. — Провизия поступала в Королевскую Гавань тонкой струйкой, да и в основном предназначалась для замка и гарнизона. Цены на овощи, корни, муку и фрукты достигли

головокружительной высоты, и Тириону даже думать не хотелось о том, какое мясо варится в котлах харчевен Блошиного Конца. Лучше уж рыба. У них еще оставалась река и море... пока лорд Станнис не вышел в плавание.

— Они просят защиты. Прошлой ночью одного пекаря зажарили в его собственной печи, обвинив в том, что он слишком много заламывал за хлеб.

— А он заламывал?

— Его уж теперь не спросишь.

— Надеюсь, его не съели?

— Насколько я слышал, нет.

— Следующего съедят, — мрачно посулил Тирион. — Я и так защищаю

их как могу. Золотые плащи...

— Торговцы уверяют, что в толпе, убившей булочника, были и золотые плащи. — Просители требуют встречи с самим королем.

— Ну и дураки. — Тирион отослал бы их со словами сожаления, племянник прогонит их кнутами и копьями. Тириону даже хотелось допустить их к королю... но он не смел. Рано или поздно враг подступит к Королевской Гавани — не один, так другой, — вовсе ни к чему заводить предателей внутри городских стен. — Скажи им, что король Джоффри разделяет их опасения и сделает для них все возможное.

– Им нужен хлеб, а не посулы.

– Если я дам им хлеб сегодня, завтра они придут к воротам и запросят вдвое больше. Кто там еще?

– Черный брат со Стены. Стюард говорит, он привез с собой мертвую руку в склянке.

– Удивляюсь, как это ее никто не съел. Его, пожалуй, надо повидать. Это, случаем, не Йорен?

– Нет. Какой-то рыцарь, Торне.

– Сир Аллистер? – Из всех черных братьев, кого он видел на Стене, сир Аллистер Торне пришелся Тириону по вкусу менее всего. Озлобленный, низкий человек, придающий слишком большое значение собственной персоне. –

Нет, мне что-то пока не хочется видеть сира Аллистера. Найди ему каморку, где тростник не меняли уже с год, и пусть его рука погниет еще немного.

Бронн прыснул и пошел своей дорогой, а Тирион начал взбираться по лестнице. Ковыляя через внешний двор, он услышал, как поднимают решетку. У ворот ждала его сестра с большим отрядом.

На своем белом скакуне она возвышалась над ним — богиня в зеленом наряде.

— Здравствуй, брат, — не слишком приветливо сказала она. Королева осталась недовольна, тем, как он разделался с Яносом Флинтом.

— Ваше величество, — учтиво поклонился Тирион. — Ты сегодня прелестна. — Серсея была в золотой короне и горностаевом плаще. В ее свиту входили сир Борос Блаунт из Королевской Гвардии — в белой чешуйчатой броне и хмурый, как обычно; сир Бейлон Сванн, с луком на отделанном серебром седле; лорд Джайлз Росби, кашляющий пуще обыкновенного; Галлин-пиромант из Гильдии Алхимиков и новый фаворит королевы, ее кузен сир Лансель Ланнистер, бывший оруженосцем у ее покойного мужа и произведенный в рыцари по настоянию вдовы. Охрану составляли Виларр и двадцать его гвардейцев. —

Куда это ты собралась?

– Я объезжаю городские ворота, чтобы осмотреть новые скорпионы и огнеметные машины. Должен же кто-то проявить заботу о городской обороне, раз ты к этому безразличен.

– Ясный зеленый взор Серсеи был прекрасен, даже когда выражал презрение. – Меня уведомили, что Ренли Баратеон вышел из Хайгардена. Он идет по Дороге Роз со всем своим войском.

– Мне Варис сказал то же самое.

– Он может быть здесь к полнолунию.

– Нет, если будет двигаться столь же неспешно, – заверил ее Тирион. – Он каждую ночь пирует в

каком-нибудь замке и устраивает ассамблею на каждом перекрестке.

— И каждый день к нему собирается все больше знамен. Говорят, в его войске уже сто тысяч человек.

— Ну, это вряд ли.

— За ним стоят Штормовой Предел и Хайгарден, дурак ты этакий. Все знаменосцы Тирелла, кроме Редвинов, да и за них меня надо благодарить. Пока побитые оспой двойняшки остаются в моих руках, лорд Пакстер будет сидеть в Бору и радоваться, что можно не лезть в драку.

— Жаль, что ты и Рыцаря Цветов не зажала в своем прелестном

кулачке. Но у Ренли есть и другие заботы помимо нас. Наш отец в Харренхолле, Робб Старк в Риверране... на его месте я вел бы себя почти так же. Шел бы вперед потихоньку, выставлял бы напоказ свою силу, наблюдал и выжидал. Пусть мои соперники воюют – мне спешить некуда. Если Старк нас побьет, весь юг упадет в руки Ренли, точно плод с ветви, и это без единой потери. Ну а если выйдет по-иному, он обрушится на нас, не дав собраться с силами...

Серсею это не успокоило.

– Я хочу, чтобы ты заставил отца прийти с армией в Королевскую Гавань.

«Где этой армии делать совершенно нечего — разве что внушать тебе чувство безопасности».

— Когда это я мог заставить отца сделать то или иное?

— Ну а когда ты намерен освободить Джейме? Он стоит сотни таких, как ты.

— Только не говори об этом леди Старк, — криво усмехнулся Тирион. — У нас нет на обмен сотни таких, как я.

— Отец, должно быть, ума лишился, посылая сюда тебя. Пользы от тебя никакой — один вред. — Серсея тряхнула поводьями, повернула коня и рысью выехала за ворота в струящемся позади

горностаевом плаще, а свита последовала за ней.

По правде сказать, Ренли Баратеон не внушал Тириону и половины того страха, что его брат Станнис. Ренли пользуется любовью простого народа, но он никогда еще не водил людей в бой. Станнис же — человек жесткий, холодный и непреклонный. Знать бы, что происходит на Драконьем Камне... но ни один из рыбаков, которым Тирион заплатил и послал шпионить за островом, так и не вернулся. Даже осведомители, которые, как утверждает евнух, имеются у него в замке Станниса, хранят зловещее молчание. Но в море замечены

полосатые лисские галеи, и Варису доносят из Мира о капитанах, поступивших на службу к Станнису. Если Станнис ударит с моря, пока его брат Ренли будет штурмовать ворота, голову Джоффри скоро вздернут на пику. Хуже того – рядом с ней окажется голова Тириона. Удручающая мысль. Надо как-то удалить Шаю из города, пока дело не обернулось совсем скверно. Подрик Пейн, потупившись, стоял у дверей в горницу.

– Он там, – произнес парень, обращаясь к поясной пряжке Тириона. – В вашей горнице, милорд.

Тирион вздохнул:

– На меня смотри, Под. Меня

бесит, когда ты разговариваешь с моим паховым щитком, тем более его на мне нет. Кто у меня в горнице?

— Лорд Мизинец. — Подрик мельком взглянул на Тириона и тут же опустил глаза. — То есть лорд Петир. Лорд Бейлиш. Мастер над монетой.

— Послушать тебя, так их там полным-полно. — Парень сгорбился, точно его ударили, и Тирион ни с того ни с сего почувствовал себя виноватым.

Лорд Петир сидел у окна, томный и нарядный, в бархатном сливовом дублете и желтом атласном плаще, положив руку в перчатке на колено.

— Король стреляет зайцев из арбалета, — сказал он. — Зайцы побеждают. Хотите взглянуть?

Чтобы взглянуть, Тириону пришлось стать на цыпочки. Один заяц лежал убитый, другой, дергая длинными ушами, издыхал со стрелой в боку. Израсходованные стрелы валялись на утоптанной земле, как солома, раскиданная бурей.

— Давай! — крикнул Джоффри. Егерь выпустил зайца, которого держал, и тот поскакал прочь. Джоффри спустил курок арбалета и промахнулся на два фута. Заяц встал на задние лапы и уставился на короля, дергая носом. Джофф,

выругавшись, покрутил вороток, заново натянув тетиву, но заяц ускакал, не успел он зарядить стрелу. – Давай другого! – Егерь запустил руку в садок. Этот зверек, бурый, затерялся среди камней, а торопливый выстрел Джоффа едва не угодил сиру Престону в пах.

Мизинец отвернулся от окна и спросил Подрика:

– Любишь ты тушеную зайчатину, мальчик?

Под впери́л взор в сапоги гостя – красивые, из красной кожи с черным орнаментом.

– Это едят, милорд?

– Да. Скоро зайцы разбегутся по всему замку, и мы будем есть это три

раза в день.

— Все лучше, чем крысы на вертеле, — сказал Тирион. — Оставь нас, Под. Впрочем, лорд Петир, может быть, желает выпить чего-нибудь?

— Благодарю покорно. «Выпей с карликом — и завтра проснешься на Стене», как говорят в замке. Черное делает мою нездоровую бледность еще заметнее.

«Не бойся, милорд, — подумал Тирион, — для тебя я припас не Стену». Он сел на высокий, с мягкими подушками стул и сказал:

— Как вы нынче нарядны, милорд.

— Вы меня огорчаете. Я стараюсь

быть нарядным каждый день.

— Это новый дублет?

— Да. Вы очень наблюдательны.

— Сливовое и желтое. Это цвета вашего дома?

— Нет. Но человеку надоедает носить те же цвета день за днем — по крайней мере мне.

— И кинжал у вас красивый.

— Правда? — Мизинец с озорным блеском в глазах извлек его из ножен и оглядел, словно видел впервые. — Валирийская сталь, а рукоятка из драконьей кости. Простоват немного, конечно. Он ваш, если пожелаете.

— Мой? — Тирион посмотрел на него долгим взором. — Ну уж нет. — «Он знает, наглец. Он знает и знает,

что я знаю, но думает, что я не посмею его тронуть».

Если был когда-нибудь человек в золотой броне, то это Петир Бейлиш, а не Джейме Ланнистер. Знаменитые доспехи Джейме — это просто позолоченная сталь, а вот Мизинец... Тирион узнал о славном Петире такое, что его еще больше беспокоило.

Десять лет назад Джон Аррен дал Бейлишу какую-то мелкую должность в таможне, где лорд Петир вскоре отличился, собирая втрое больше, чем все другие королевские сборщики. Король Роберт был известный мот, и человек, способный получать с двух

золотых драконов третий, стал бесценным приобретением для королевского десницы. Мизинец взлетел наверх с быстротой стрелы. За свои три года при дворе он сделался мастером над монетой, вошел в Малый Совет, а доходы в казну возросли в десять раз против тех, что получал злосчастный предшественник Петира... правда, и долги короны сильно увеличились. Искусным жонглером был Петир Бейлиш.

И умной головой. Он не просто собирал золото и запирал его в сокровищницу, о нет. Он отделялся от кредиторов короля обещаниями и пускал королевское золото в оборот.

Он скупал повозки, лавки, дома, корабли. Он скупал зерно, когда зерна было в избытке, и продавал хлеб, когда хлеба не доставало. Он покупал шерсть на севере, полотно на юге и кружево в Лиссе, запасал это впрок, красил и продавал. Золотые драконы плодились и множились, а Мизинец все отдавал их в люди и пригонял домой вместе с выводком.

При этом он всюду пристраивал своих людей. Хранителей Ключей, всех четверых, назначил он, а также королевского счетовода и королевского весовщика и начальников всех трех монетных дворов. Из десяти портовых

смотрителей, откупщиков, таможенных сержантов, сборщиков пошлин, скупщиков шерсти, ростовщиков, винокуров девять были людьми Мизинца. В большинстве своем они происходили из средних слоев: сыновья купцов и мелких лордов, порой даже чужестранцы, — но на поверку оказывались куда способнее своих высокородных предшественников.

Никому не приходило в голову оспаривать эти назначения — да и зачем бы? Мизинец ни для кого не представлял угрозы. Умный, улыбчивый, открытый, всеобщий друг, всегда способный раздобыть столько золота, сколько нужно

королю или деснице, и притом очень скромного происхождения, чуть выше межевого рыцаря, — он был не из тех, кого боятся. Не было у него ни знаменосцев, ни армии вассалов, ни укрепленного замка, ни сколько-нибудь заметных владений, ни видов на выгодную женитьбу.

«Так как же посмею я его тронуть, даже если он изменник?» — думал Тирион и вовсе не был уверен, что посмеет, по крайней мере теперь, когда идет война. Со временем он мог бы заменить людей Мизинца на ключевых постах своими, но...

Со двора донесся крик.

— Ага. Его величество убил зайца, — заметил лорд Бейлиш.

– Очень неповоротливого, как видно. Милорд, вы воспитывались в Риверране – и, как я слышал, очень сблизились с Талли.

– Верно. Особенно с дочками.

– И насколько же?

– Я лишил их невинности – этого довольно?

Свою ложь – Тирион был почти уверен, что это ложь, – Мизинец преподнес с таким небрежным видом, что многие бы поверили. Быть может, это Кейтилин Старк лжет? И о том, как лишилась невинности, и о кинжале? Чем дольше Тирион жил, тем больше убеждался, что ничего не бывает простым и мало что можно

принимать на веру.

– Меня дочери лорда Хостера не любят, – признался он. – Вряд ли они захотят выслушать какое бы то ни было мое предложение, но к тем же словам, исходящим от вас, могут отнестись более благосклонно.

– Смотря какие это будут слова. Если вы намерены предложить Сансу в обмен на вашего брата, поищите кого-нибудь другого. Джоффри никогда не расстанется со своей игрушкой, а леди Кейтилин не такая дура, чтобы сменять Цареубийцу на девочонку.

– А если и Арью приложить? Я разослал людей на ее поиски.

– Пусть ищущие сначала найдут.

– Буду иметь это в виду, милорд. Я, собственно, надеялся на ваш успех с леди Лизой. Для нее у меня есть более заманчивое предложение.

– Лиза покладистее Кейтилин, это верно... но и боязливее, притом, как я слышал, ненавидит вас.

– Она полагает, что на то у нее есть причина. Когда я гостил у нее в Гнезде, она уверяла, что это я убил ее мужа, и не желала слышать никаких оправданий. Быть может, она изменится ко мне, если я выдам ей настоящего убийцу Джона Аррена?

Мизинец выпрямился:

– Настоящего убийцу? Признаться, мне стало любопытно. И кого же вы предлагаете?

Настал черед Тириона
улыбнуться.

– Такие подарки я делаю только своим друзьям. Лиза Аррен должна будет это понять.

– Что же вам нужно – ее дружба или ее мечи?

– И то, и другое.

Мизинец погладил свою
аккуратную бородку.

– У Лизы свои заботы. Клань из Лунных гор стали беспокоить ее пуще прежнего... и теперь горцы лучше вооружены.

– Печально, – сказал
вооруживший горцев Тирион
Ланнистер. – Но я мог бы ей в этом помочь. Одно мое слово...

— И чего же это слово будет ей стоить?

— Я хочу, чтобы леди Лиза с сыном признали Джоффри своим королем, присягнули ему на верность и...

— ...и вступили в войну со Старками и Талли? В вашем пудинге налицо таракан, Ланнистер. Никогда Лиза не пошлет своих рыцарей против Риверрана.

— Я об этом и не прошу. Во врагах у нас нет недостатка. Она могла бы помочь нам против лорда Ренли или лорда Станниса, буде тот двинется с Драконьего Камня. Взамен я обещаю ей возмездие за смерть Джона Аррена и мир в

Долине. Я даже назначу ее выроodka Хранителем Востока, как его отца. — «Хочу посмотреть, как он полетит», — пропищал в памяти Тириона детский голосок. — А чтобы скрепить договор, я отдам ей мою племянницу.

В зеленовато-серых глазах Петира Бейлиша, к удовольствию Тириона, отразилось искреннее удивление.

— Мирцеллу?

— Она сможет выйти за маленького лорда Роберта, когда подрастет, а до тех пор будет воспитанницей леди Лизы в Гнезде.

— А что скажет об этом ее величество королева? — Тирион пожал плечами, и Мизинец

расхохотался. — Я так и думал. Вы опасный человек, Ланнистер. Ну что ж, я могу пропеть эту песенку Лизе. — Снова хитрая улыбка и озорной огонек в глазах. — Если захочу.

Тирион молча кивнул, зная, что долгого молчания Мизинец не выдержит.

— Итак, — нимало не смущаясь, сказал после паузы тот, — что же вы припасли для меня?

— Харренхолл.

Любопытно было наблюдать за лицом Мизинца. Его отец был самым мелким из маленьких лордов, дед — безземельным межевым рыцарем; по наследству лорду Петиру досталось

не более нескольких акров
каменистой земли на обдуваемом
ветрами побережье Перстов.
Харренхолл же – одно из богатейших
имений Семи Королевств, его земли
обширны и плодородны, замок
входит в число самых мощных
крепостей государства... и будет
побольше Риверрана, где Петир
Бейлиш воспитывался и откуда был
изгнан, как только посмел поднять
взор на дочь лорда Хостера.

Мизинец не спеша поправил
плащ, но Тирион уловил жадный
блеск в его хитрых кошачьих газах.
«Вот ты и мой», – подумал карлик.

– Харренхолл проклят, – с
деланной скукой в голосе молвил

наконец лорд Петир.

— Ну так сровняйте его с землей и постройте заново по своему вкусу. В монете у вас недостатка не будет. Я намерен сделать вас лордом-сюзереном Трезубца. Эти речные лорды доказали, что доверять им нельзя. Пусть присягают вам, если хотят сохранить свои земли.

— Даже Талли?

— Если из Талли к тому времени кто-нибудь останется.

Мизинец походил на мальчишку, только что украдкой откусившего кусочек медовых сот. Он, конечно, опасается пчел, но мед так сладок...

— Харренхолл со всеми его землями и доходами, — задумчиво

произнес он. — Одним ударом вы делаете меня чуть ли не самым крупным лордом государства. Я не хотел бы показаться неблагодарным, милорд, но все же — почему?

— Вы хорошо послужили моей сестре в деле престолонаследия.

— Как и Янос Слинг, которому пожаловали тот же самый замок Харренхолл — и отняли обратно, когда Слинг перестал быть нужен.

— Тут вы меня поймали, милорд, — засмеялся Тирион. — Что вам сказать? Вы нужны мне, чтобы переманить к нам леди Лизу, — а в Яносе Слинге я и верно больше не нуждался. — Он передернул плечами. — Лучше уж вы в Харренхолле, чем

Ренли на Железном Троне – что может быть проще?

– В самом деле – что? А понимаете ли вы, что мне, быть может, придется переспать с Лизой Аррен, чтобы добиться ее согласия на этот брак?

– Не сомневаюсь, что вы с честью выдержите это испытание.

– Я как-то сказал Неду Старку, что когда ты остаешься голый наедине с дурнушкой, то единственный выход – это закрыть глаза и приниматься за дело. – Мизинец сложил пальцы домиком и посмотрел в разномастные глаза Тириона. – Дайте мне две недели на устройство моих дел и приготовьте

корабль, который отвезет меня в Чаячый Город.

– Очень хорошо.

Мизинец встал:

– Приятное было утро, Ланнистер. И полезное... для нас обоих, полагаю. – Он поклонился, мелькнув желтым плащом, и направился к двери.

«Второй», – подумал Тирион.

Он прошел в свою спальню и стал ждать Вариса, который вскоре должен был явиться. Наверно, он придет в сумерках или когда взойдет луна... но лучше бы пораньше. Тирион надеялся этой ночью навестить Шаю и был приятно удивлен, когда всего час спустя Гальт

из Каменных Ворон сообщил ему, что напудренный ждет у двери.

— Как жестоко с вашей стороны так мучить великого мастера, — пожурил евнух. — Он неспособен хранить секреты.

— Что я слышу? Ворона говорит, что ворон черен? Или вы не хотите знать, что я предложил Дорану Мартеллу?

— А если мои пташки уже донесли мне об этом? — хихикнул Варис.

— Вот как? — Это самое Тирион и хотел услышать. — Ну, дальше.

— Дорнийцы пока не торопятся вступать в войну. Доран Мартелл созвал свои знамена, но и только. Его

ненависть к дому Ланнистеров хорошо известна, и все полагают, что он поддержит лорда Ренли. И вы хотите этому помешать.

— Это всякому ясно.

— Единственная загадка здесь в том, что вы предлагаете ему за союз с вами. Принц человек сентиментальный — он все еще оплакивает свою сестру Элию и ее невинное дитя.

— Отец однажды сказал мне, что ни один лорд не позволит чувствам восторжествовать над честолюбием... а у нас в королевском совете как раз освободилось место после того, как лорд Янос надел черное.

– Место в совете тоже не пустяк,
– согласился Варис, – но достаточно ли этого, чтобы гордый человек забыл об убиении своей сестры?

– Зачем же забывать? – улыбнулся Тирион. – Я пообещал выдать ему убийц его сестры – живыми или мертвыми, как он пожелает. После окончания войны, разумеется.

Варис внимательно посмотрел на него.

– Мои пташки говорят мне, что Элия выкрикнула... некое имя, когда за ней пришли.

– Что же это за тайна, раз она всем известна? В Бобровом Утесе все знают, что Элию и ее ребенка

убил Грегор Клиган. Говорят, он изнасиловал принцессу, не смыв с рук крови и мозгов ее сына.

— Эта тайна присягнула на верность вашему лорду-отцу.

— Отец первый скажет, что пятьдесят тысяч дорнийцев стоят одного бешеного пса.

Варис погладил свою пудреную щеку.

— А если принц Дорван потребует не только крови рыцаря, выполнившего приказ, но и крови лорда, который приказ отдал?

— Во главе мятежа стоял Роберт Баратеон, и все приказы в конечном счете исходили от него.

— Роберта не было в Королевской

Гавани.

– Дорана Мартелла тоже.

– Хорошо. Кровь в угодую его гордости, кресло в угодую честолюбию. И, само собой, золото и земли в придачу. Лакомое предложение... но в лакомстве может скрываться яд. Будь я на месте принца, я потребовал бы чего-то большего, прежде чем протянуть руку к этим сотам. Какого-нибудь знака доброй воли, какой-нибудь верной заруки на случай измены. – Варис расплылся в самой елейной из своих улыбок. – Так кого же вы ему даете?

– Ты сам знаешь, – вздохнул Тирион.

– Ну, если угодно, то да, Томмена. Ведь нельзя же предлагать Мирцеллу и Дорану Мартеллу, и Лизе Аррен разом.

– Напомни, чтобы я больше не играл с тобой в угадалки. Ты плутуешь.

– Томмен хороший мальчик.

– Если забрать его у Серсеи и Джоффри, пока он еще мал, из него и человек может вырасти хороший.

– И хороший король?

– Король у нас Джоффри.

– Но если с его величеством приключится что-то худое, наследником будет Томмен. Такой мягкий по натуре и такой... послушный.

– Ты не в меру подозрителен, Варис.

– Воспринимаю это как похвалу, милорд. Ну что же – принц Доран вряд ли останется равнодушен к высокой чести, которую вы ему оказываете. Очень ловко, должен признать... если бы не один маленький изъян.

– Имя которому – Серсея? – засмеялся карлик.

– Что такое интересы государства против любви матери к родному чаду? Быть может, королева ради чести своего дома и безопасности своей страны согласилась бы еще расстаться либо с Томменом, либо с Мирцеллой, но с

обоими сразу? Нет.

— Чего Серсея не знает, то меня не тревожит.

— Ну а если ее величество прознает о ваших планах до того, как они осуществляются?

— Тогда я буду знать наверное, что человек, рассказавший ей о них, — мой враг.

Варис хихикнул, а Тирион подумал: «Третий».

Санса

Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой.

Слова оставались теми же, как ни перечитывала их Санса с тех пор, как обнаружила у себя под подушкой клочок пергамента. Она не знала, как попало сюда письмо и кто послал его. Оно не имело ни подписи, ни печати, и почерк был ей незнаком. Санса спрятала пергамент на груди, повторяя шепотом, совсем тихо:

«Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой».

Что это могло означать? Не отнести ли записку королеве в

доказательство своего хорошего поведения? Санса нервно потерла живот. Безобразный багровый синяк, который оставил там сир Меррин, сделался желтым, но все еще болел. Рыцарь был в кольчужной рукавице, когда ударил ее. Она сама виновата. Давно пора научиться получше скрывать свои чувства, чтобы не сердить Джоффри. Услышав, что Бес послал лорда Слинта на Стену, она забылась и сказала: «Надеюсь, что его там заберут Иные». И вызвала недовольство короля.

«Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой». Санса так усердно молилась. Быть может, боги наконец ответили ей и шлют

настоящего рыцаря, чтобы ее спасти? Одного из близнецов Редвинов или лысого сира Бейлона Сванна... или Берика Дондарриона, молодого лорда, в которого влюбилась ее подружка Джейни Пуль, с рыжевато-золотистыми волосами и звездами на черном плаще?

«Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой». Может, это жестокая шутка Джоффри – как в тот день, когда он повел ее на крепостную стену, чтобы показать ей голову отца? Или уловка, чтобы доказать ее неверность? Что, если в богороще ее будет ждать сир Илин Пейн, молча сидящий под сердце-деревом со Льдом в руке и

высматривающий белесыми глазами, не идет ли она?

«Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой». Когда дверь открылась, Санса поспешно затолкала записку под простыню и села сверху. Пришла ее горничная – похожая на мышку, с жидкими каштановыми волосами.

– Чего тебе? – спросила Санса.

– Будет ли миледи принимать ванну?

– Разведи-ка лучше огонь... я что-то озябла. – Санса дрожала, хотя минувший день был жарким.

– Слушаюсь.

Санса подозрительно следила за девушкой. Видела она записку или

нет? Не она ли положила ее под подушку? Вряд ли: девица на вид глупа и не из тех, кому стали бы доверять секреты, однако Санса плохо ее знает. Королева меняла прислугу Сансы каждые две недели, чтобы та ни с кем не успела подружиться.

Когда огонь в камине разгорелся, Санса коротко поблагодарила служанку и отослала ее. Девушка подчинилась беспрекословно, как всегда, но Сансе показалось, что глаза у нее хитрые. Небось побежит сейчас докладывать королеве или Варису. Санса была уверена, что все ее служанки шпионят за ней.

Оставшись одна, она бросила

пергамент в огонь, следя, как он съеживается и чернеет. «Приходите вечером в богорощу, если хотите попасть домой». Она подошла к окну. Внизу по подъемному мосту вышагивал рыцарь маленького роста, в бледных, как луна, доспехах и тяжелом белом плаще. Судя по росту, это мог быть только сир Престон Гринфилд. Королева позволяла Сансе свободно передвигаться по замку, но, конечно, захотела бы узнать, куда та направляется в столь поздний час. Сир Престон непременно спросит об этом — а что ему сказать? Санса порадовалась, что сожгла письмо.

Она расшнуровала платье и легла в постель, но спать не могла.

«Там ли он еще?» – думала она. Долго ли он будет ждать? Как это жестоко – послать ей записку и ничего толком не сказать. Мысли эти повторялись снова и снова.

Если бы кто-нибудь сказал ей, что делать! Ей недоставало септы Мордейн, а еще больше – верной подруги Джейни Пуль. Септа лишилась головы вместе с остальными – только за то, что служила дому Старков. Что случилось с Джейни, Санса не знала – она просто исчезла из своей комнаты, и никто ни словом не упомянул о ее судьбе. Санса старалась не думать о них слишком часто, но воспоминания порой

приходили не спросясь, и тогда было трудно удержаться от слез. Санса даже о сестре иногда скучала. Арья теперь уже в Винтерфелле – шьет, танцует, играет с Браном и маленьким Риконом, даже в зимний городок может поехать, если захочет. Сансе тоже разрешали ездить верхом, но только по двору, а это скучно – все время скакать по кругу.

Лежа без сна, Санса слышала крики – сначала далеко, потом все громче и громче. Слов она не разбирала, но шум усиливался – топотали кони, бежали куда-то люди, и кто-то выкрикивал команды. Она подкралась к окну. Солдаты бежали на стену с копьями и факелами.

Ступай в постель, сказала она себе. Это тебя не касается — просто в городе снова какие-то беспорядки. У колодцев только и было разговору, что об этих волнениях. В городе скопилось много людей, бежавших от войны, и многим не на что жить, поэтому, они грабят и убивают друг друга. Ступай в постель.

Однако белый рыцарь покинул свой пост, и мост через сухой ров никем не охранялся.

Санса не раздумывая бросилась к платяному шкафу. «Ой, что же такое я делаю? — говорила она себе, одеваясь. — Это безумие». На крепостной стене метались факелы. Может, это Станнис и Ренли пришли

наконец, чтобы убить Джоффри и отнять у него трон своего брата? Но нет: тогда стража подняла бы мост, отрезав крепость Мейегора от внешнего замка. Санса набросила простой серый плащ и взяла нож, которым резала мясо. Если это ловушка, лучше уж умереть, чем позволить им и дальше обижать себя. Она спрятала нож под плащом.

Когда она выскользнула наружу, мимо пробежал отряд гвардейцев в красных плащах. Санса выждала время и перебежала через неохраемый мост. Мужчины во дворе опоясывались мечами и седлали коней. Она увидела сира Престона у конюшни вместе с тремя

другими королевскими гвардейцами – их белые плащи ярко светились под луной. Они облачали Джоффри в доспехи. У Сансы перехватило дыхание при виде короля, но он, к счастью, ее не заметил – он кричал, требуя свой меч и арбалет.

Шум стал слабее, когда она отошла подальше, не смея оглянуться назад из страха, что Джоффри ее увидит или, того хуже, погонится за ней. Впереди вилась лестница, пересеченная полосами мерцающего света из узких окон наверху. Санса совсем запыхалась, когда взобралась наверх. Вбежав под темную колоннаду, она прислонилась к стене, чтобы перевести дух. Что-то

задело ее ногу, и она чуть из кожи не выпрыгнула — но это был только кот, тощий и черный, с наполовину оторванным ухом. Он зашипел на нее и шмыгнул прочь.

Когда она добралась до богороши, звон клинков и крики стали едва слышными. Санса плотнее запахнулась в плащ. Здесь пахло землей и листьями. «Леди понравилось бы здесь», — подумала девочка. В богороще было что-то дикое даже тут, посреди замка и посреди города, и чувствовалось, что старые боги следят за тобой тысячами невидимых глаз.

Санса предпочитала материнских богов отцовским. Ей

направились статуи, картины на витражах, аромат курений, септоны в пышных одеждах и кристаллах, волшебная игра радуг над алтарями, выложенными перламутром, ониксом и ляпис-лазурью. Но она не могла отрицать, что в богороще есть своя сила. Особенно ночью. Помогите мне, молилась Санса, пошлите мне друга, истинного рыцаря, который стал бы моим защитником...

Она переходила от дерева к дереву, трогая грубую кору. Листья касались ее щек. Может быть, она опоздала? Не мог же он уйти так скоро? Да и был ли он здесь? Не подать ли голос? Тут так тихо...

— Я уж боялся, что вы не придете, дитя мое... Санса обернулась. Из мрака вышел человек — плотный, с толстой шеей, неуклюжий. На нем был серый плащ с капюшоном, но когда лунный луч коснулся его лица, Санса сразу узнала его по багровым щекам и носу.

— Сир Донтос, — с упавшим сердцем прошептала она. — Так это вы?

— Да, миледи. — Он подошел поближе, дохнув на нее винным перегаром, и протянул ей руку.

— Нет! — Санса отпрянула, убрав свою руку под плащ, где был спрятан нож. — Что... что вам от меня нужно?

— Я хочу лишь помочь вам — как вы помогли мне.

— Вы пьяны, не так ли?

— Я выпил всего одну чашу, для храбрости. Если меня поймают, то спустят мне кожу со спины.

«Что же тогда сделают со мной?» Сансе опять вспомнилась Леди. Та нюхом чуяла ложь, но теперь она мертва. Отец убил ее из-за Арьи. Санса достала нож, держа его перед собой обеими руками.

— Вы хотите меня заколоть? — спросил Донтос.

— Хочу. Говорите, кто послал вас.

— Никто, прекрасная леди, — клянусь моей рыцарской честью.

— Рыцарской? — Джоффри

разжаловал его из рыцарей в дураки – теперь Донтос стоит даже ниже, чем Лунатик. – Я молилась богам, чтобы они послали мне рыцаря, – молилась от всего сердца, а они посылают мне старого пьяного дурака.

– Ну что ж, я это заслужил. Только странное дело... все те годы, что я был рыцарем, я, в сущности, был дураком, а теперь, когда я дурак, я почему-то чувствую себя рыцарем. А причиной этому вы... ваше милосердие, ваше мужество. Вы спасли меня не только от Джоффри, но и от себя самого. В песнях тоже поют о дураке, который был величайшим рыцарем всех времен...

– Флориан, – дрожащим голосом произнесла Санса.

– Я буду вашим Флорианом, прекрасная леди, – смиренно сказал Донтос, упав перед ней на колени.

Санса медленно опустила нож. Голова вдруг стала очень легкой, словно она плыла. «Это безумие – доверяться такому пьянице, но если я откажу ему, представится ли случай снова?»

– Как... как вы намерены увезти меня отсюда?

– Труднее всего будет вывести вас из замка. Когда мы это сделаем, вы сможете уплыть домой на корабле. Я должен буду найти деньги и сделать нужные приготовления, вот

и все.

— А нельзя ли уйти прямо сейчас? — не смея надеяться, спросила она.

— Нынче же ночью? Нет, миледи. Боюсь, что нет. Сначала мне надо придумать надежный способ вывести вас из замка, когда время придет. Это будет нелегко и не так скоро. За мной ведь тоже следят. — Он облизнул губы. — Может быть, вы уберете свое оружие?

Санса спрятала нож под плащом.

— Встаньте, сир.

— Благодарю, прекрасная леди. —

Сир Донтос неуклюже поднялся на ноги, отряхивая колени. — Страна еще не знала более достойного человека,

чем ваш лорд-отец, но я остался в стороне и позволил убить его. Я ничего не сказал, ничего не сделал... а вот вы, когда Джоффри хотел меня убить, вступились за меня. Леди, я никогда не был героем, я не Раэм Редвин и не Барристан Храбрый. Я не побеждал на турнирах, не отличался на войне... но все-таки я был рыцарем, и вы помогли мне вспомнить, что это значит. Моя жизнь немногого стоит, но она теперь ваша. — Сир Донтос положил руку на скрюченный ствол сердце-дерева, и Санса заметила, что он дрожит. — Перед богами вашего отца клянусь вернуть вас домой.

Он поклялся — поклялся перед

лицом богов.

— Я отдаю себя в ваши руки, сир. Но как я узнаю, что время пришло? Вы снова пошлете мне письмо?

Сир Донтос беспокойно
огляделся:

— Это слишком опасно. Лучше приходите сюда, в богорощу, — так часто, как только сможете. Это самое безопасное — единственное безопасное — место. Больше встречаться нигде — ни у вас, ни у меня, ни на лестнице, ни во дворе, даже если нам кажется, что мы одни. Камни в Красном Замке имеют уши, и только здесь мы можем говорить свободно.

— Хорошо. Я запомню.

– И если при других я покажусь вам жестоким, насмешливым или равнодушным, простите меня, дитя. Я должен играть свою роль, и вы делайте то же самое. Один неверный шаг – и наши головы окажутся на стене рядом с головой вашего отца.

– Я понимаю, – кивнула она.

– Вы должны быть храброй и сильной... и терпеливой, терпеливой прежде всего.

– Я буду... но, пожалуйста, постарайтесь устроить это побыстрее. Мне страшно.

– Мне тоже, – слабо улыбнулся сир Донтос. – А теперь вам пора идти, пока вас не хватились.

– А вы не пойдете со мной?

– Лучше не надо. Нас не должны видеть вместе.

Санса пошла было... но вернулась и поцеловала Донтоса в щеку, закрыв глаза.

– Мой Флориан. Боги слышали мою молитву.

Она побежала вдоль реки, мимо маленькой кухни и через свиной двор. Хрюканье свиней в загонах заглушало ее шаги. Домой. «Он хочет увезти меня домой, он защитит меня, мой Флориан». Песни о Флориане и Джонквиль она любила больше всех остальных. И Флориан тоже был некрасив, хотя и не такой старый.

Она стремглав неслась вниз по лестнице, когда откуда-то сбоку

выскочил человек, и она врезалась прямо в него. Железные пальцы стиснули ей запястье, не дав упасть, и хриплый низкий голос сказал:

— С этих ступенек падать долго, пташечка. Хочешь убить нас обоих? — Смех у него был, как пила по камню. — Я верно угадал?

Пес.

— Нет, милорд, что вы. Прошу прощения. — Санса отвела глаза, но поздно: он видел ее лицо. — Отпустите, вы делаете мне больно. — Она попыталась вырваться.

— А почему это пташечка Джоффа порхает по лестницам среди ночи? — Она не ответила, и он встряхнул ее. — Где ты была?

– В богороще, милорд, – сказала она, не посмев солгать. – Я молилась... за моего отца и за короля, чтобы с ним не случилось худого.

– Думаешь, я настолько пьян, что поверю тебе? – Пес отпустил ее. Он слегка покачивался, и полосы света падали на его жуткое обожженное лицо. – Ты уже совсем женщина... личико, грудки, да и ростом стала выше... но ты всего лишь глупая маленькая пташка, да? Поешь песенки, которым тебя научили. Ну так спой и мне. Давай. Что-нибудь о рыцарях и прекрасных девах. Ты ведь любишь рыцарей, правда?

Он пугал ее.

– Настоящих – да, милорд.

– Настоящих, – передразнил он.

– Никакой я не милорд – не больше, чем рыцарь. Как мне вбить это тебе в голову? – Клиган качнулся и чуть не упал. – Боги, как же я набрался. Любишь ты вино, пташка? Настоящее вино? Штоф красного, темного как кровь – вот все, что нужно мужчине. И женщине тоже. – Он засмеялся и потряс головой. – Напился как свинья, будь я проклят. Ладно, пташка, лети обратно в клетку. Я провожу тебя туда. Поберегу тебя для короля. – Пес с неожиданной мягкостью направил ее вниз по лестнице. Спускался он в

мрачном молчании, словно позабыл, что Санса идет рядом.

Дойдя до крепости Мейегора, она с тревогой увидела, что мост теперь охраняет сир Борос Блаунт. Он повернул свой высокий белый шлем, услышав их шаги, и Санса съежилась под его взглядом. Сир Борос из королевских гвардейцев был хуже всех — безобразный собой, с дурным нравом, вечно хмурый.

— Не бойся его, девочка. — Пес опустил тяжелую руку на ее плечо. — Если лягушку раскрасить полосками, тигром она от этого не станет.

Сир Борос поднял забрало.

— В чем дело, сир?

— Засунь своего сира поглубже,

Борос. Это ты у нас рыцарь, а я нет. Я королевский пес – помнишь?

– Король уже искал своего пса.

– Пес пил. Это ты должен был охранять короля нынче ночью, сир. Ты и прочие мои братья.

– Почему вы в такой час не у себя в комнатах, леди? – обратился Борос к Сансе.

– Я ходила в богорощу помолиться за здоровье короля. – Ложь на этот раз прозвучала более гладко, почти как правда.

– Ты думал, она сможет уснуть при таком-то шуме? – вмешался Клиган. – Что там, собственно, стряслось?

– Дурачье собралось у ворот, –

сказал сир Борос. – Кто-то распустил слух о свадебном пире Тирека, и эти оборванцы забрали себе в голову, что их тоже угостят. Его величество возглавил вылазку и разогнал их.

– Храбрый юноша, – дернул ртом Клиган.

«Посмотрим, каким он будет храбрым, когда встретится с моим братом», – подумала Санса. Пес перевел ее через мост. Поднимаясь с ним по лестнице, она спросила:

– Почему вы позволяете людям называть себя псом, а рыцарем не позволяете?

– Собак я люблю больше, чем рыцарей. Отец моего отца был псарем в Утесе. В один осенний год

лорд Титос попал между львицей и ее добычей. Львице невдомек было, что она у Ланнистеров в гербе, — она задрала коня милорда и с милордом сделала бы то же самое, но тут подоспел мой дед с гончими. Три собаки погибли, но остальные отогнали львицу. Дед мой лишился ноги, и Ланнистер за это наградил его землями и замком, а сына его взял в оруженосцы. С тех пор у нас в гербе те самые три собаки, на желтом, как осенняя трава, поле. Собака отдаст за тебя жизнь и никогда тебе не солжет. И смотрит тебе прямо в глаза. — Он поддел ее за подбородок, больно стиснув кожу. — Не то что маленькие пташки, правда?

Так ты мне и не спела.

— Я... я знаю песню о Флориане и Джонквиль.

— Флориан и Джонквиль? Дурак и его потаскушка. Нет уж, уволь. Но когда-нибудь ты мне споешь, будет тебе этого хотеться или нет.

— Я охотно спою вам.

— Такая красotka, а врать не умеешь, — фыркнул Сандор Клиган. — Ты знаешь, что собаки чуют ложь? Погляди вокруг и принюхайся хорошенько: здесь все лжецы, все до одного, и каждый лжет лучше, чем ты.

Арья

Взобравшись на самую высокую ветку, Арья увидела между деревьями дымовые трубы. Соломенные крыши сгрудились вокруг озера и впадающего в него ручейка, и деревянный причал вдавался в воду у длинного, низкого, крытого сланцем дома.

Арья продвинулась чуть подальше, пока ветка не прогнулась под ней. Лодок у причала не было, но из нескольких труб поднимался дым, и возле конюшни виднелась повозка.

Тут кто-то есть. Арья задумчиво прикусила губу. Все прочие места,

попадавшиеся им, были покинуты, будь то фермы, деревни, замки, септы или амбары. Все, что могло сгореть, Ланнистеры жгли, то, что могло умереть, убивали. Они даже лес подожгли, но он был еще зелен и влажен после недавних дождей, поэтому не загорелся. «Они и озеро зажгли бы, будь их воля», – сказал Джендри и был прав. В ночь их бегства огни горящего города так ярко сверкали на воде, что казалось, будто озеро и правда горит.

Когда на следующую ночь они наконец набрались духу вернуться в крепость, там ничего не было, кроме черных руин, остовов сгоревших домов и трупов. Бледный дым кое-где

еще поднимался над пеплом. Пирожок умолял их не ходить, а Ломми обзывал их дураками и уверял, что сир Амори схватит их и тоже убьет, но Лорх и его люди к тому времени давно уже уехали. Ворота были выломаны, стены частично разрушены, и внутри валялись непогребенные тела. Даже Джендри было страшно на это смотреть.

— Они убили всех до одного, — сказал он. — И мертвых уже обгрызли собаки, гляди.

— Или волки.

— Волки ли, собаки, все едино. Здесь больше делать нечего. Но Арья не хотела уходить, пока не найдет

Йорена. Его не могли убить, твердила она себе, он слишком крут для этого, и он брат Ночного Дозора. Она так и сказала Джендри, когда они искали Йорена среди убитых.

Удар топора раздробил ему череп, но лохматая борода могла принадлежать только ему, как и одежда — грязная, замызганная и такая выгоревшая, что из черной превратилась в серую. Сир Амори Лорх даже своих не позаботился похоронить, и рядом с Йореном лежали трупы четверых ланнистеровских латников. Сколько же еще понадобилось, чтобы одолеть его?

«Он хотел отвезти меня домой»,

— думала она, пока они копали старику могилу. Мертвых было слишком много, чтобы схоронить их всех, но Арья решила, что уж Йорена то они похоронят. «Он должен был доставить меня в Винтерфелл. Он обещал». Арье хотелось не то заплакать, не то пнуть его тело.

Это Джендри вспомнил об усадьбе лорда и тех троих, кого Йорен туда послал. Ланнистеры их тоже атаковали, но у старой башни был только один вход, притом высоко, и поднимались туда по приставной лестнице. Когда лестницу втянули внутрь, попасть туда стало невозможно. Ланнистеры навалили вокруг башни хворосту и

подожгли, но камень не горит, а уморить защитников голодом у Лорха неостало терпения. Тесак открыл дверь на зов Джендри, а Курц сказал, что им лучше пробираться на север, чем поворачивать назад, и Арья возымела надежду все-таки попасть в Винтерфелл.

Что ж, эта деревня не Винтерфелл, но соломенные крыши обещали тепло, уют, а может быть, даже еду, если у них хватит смелости пойти туда. Если это не Лорх там засел. Он передвигается верхом, а стало быть, быстрее, чем они.

Арья еще долго сидела на дереве, надеясь увидеть хоть что-нибудь, могущее развеять ее

сомнения: человека, лошадь или знамя. Пару раз она замечала какое-то движение, но дома стояли слишком далеко, чтобы быть уверенной. Однажды оттуда донеслось громкое ржание.

Кругом во множестве порхали птицы, больше частью вороны. Они кружились и над соломенными крышами, где казались Арье не больше мух. К востоку на солнце мерцало голубизной Божье Око, заполняя полмира. Порой, когда они медленно брели по илистому берегу (Джендри не признавал никаких дорог, и даже Пирожок с Ломми это понимали), Арье казалось, что озеро ее зовет. Ей хотелось прыгнуть в эти

тихие голубые воды, снова почувствовать себя чистой, поплавать и поплескаться, погреться на солнышке. Но она не решалась ни раздеться, ни постирать одежду — ведь другие могли увидеть ее. В конце дня она часто садилась на берегу и болтала в воде ногами. Вконец развалившиеся сапоги пришлось выбросить. Идти босиком поначалу было тяжело, но волдыри в конце концов прошли, порезы зажили, а подошвы ног стали жесткими, как подметки. Славно было чувствовать под ними землю и мягкий ил, который продавливался между пальцами.

С дерева Арья видела на северо-

востоке маленький лесистый остров. В тридцати ярдах от берега скользили по воде три черных лебедя, такие безмятежные... им никто не сказал, что идет война, и не было им дела до горящих городов и убитых людей. Арья смотрела на них с завистью, и ей даже немного хотелось самой стать лебедем — но при этом ей хотелось его съесть. С утра она перекусила толчеными желудями и десятком жуков. Жуки не так уж плохи, когда к ним привыкнешь. Червяки хуже, но боль в животе, когда ты целыми днями ничего не ешь, еще неприятнее. Жуков найти просто — стоит только перевернуть камень. Арья уже как-то

съела жука, когда была маленькая – просто так, чтобы заставить Сансу повизжать, – поэтому повторить это ей был нетрудно. Ласка тоже не боялась, но Пирожок выблевал своего жука обратно, а Ломми и Джендри даже пробовать не стали. Вчера Джендри поймал лягушку и поделился ею с Ломми, а Пирожок несколько дней назад нашел ежевику и обобрал куст дочиста, но в основном они пробавлялись желудями. Курц показал им, как толочь желуди камнями и делать из них кашицу. Вкус у нее был премерзкий.

Жаль, что браконьер умер. Он знал о лесе больше, чем все они,

вместе взятые, но, когда он втаскивал лестницу на башню, в плечо ему попала стрела. Тарбер залепил рану илом и мхом, и пару дней Курц уверял, что ему хорошо, даже когда горло у него почернело и краснота поползла на подбородок и на грудь. Но однажды утром он не смог встать, а на следующее утро умер.

Они похоронили его под грудой камней. Тесак взял себе его меч и охотничий рог, а Тарбер – лук, сапоги и нож. А потом они ушли, захватив все это с собой. Оставшиеся сначала думали, что эти двое просто охотятся, что скоро они вернутся с дичью и всех накормят. Они ждали долго, пока Джендри не велел

двигаться дальше. Может быть, Тарбер и Тесак сочли, что им будет легче без кучи ребят, с которыми одни хлопоты. Их можно было понять, но Арья не могла не возненавидеть их за это.

Пирожок под деревом залаял по-собачьи. Подавать сигналы таким образом научил их Курц, сказав, что это старая браконьерская хитрость. Но он не успел показать им, как делать это правильно, и птицам Пирожок подражал из рук вон плохо. Собака у него получалась лучше, но ненамного.

Арья, растопырив руки, перескочила со своей ветки на нижнюю. Водяные плясуны никогда

не падают. Легконогая, цепко обхватывая ветку пальцами ступней, она прошла несколько футов, снова прыгнула вниз и, перебирая руками листья, добралась до ствола. Грубая кора давала хорошую опору пальцам рук и ног. Арья быстро спустилась и ловко спрыгнула с высоты шесть футов.

Джендри подхватил ее под локоть.

— Долго же ты там сидел. Что ты видел?

— Рыбачью деревню, совсем маленькую, к северу вдоль берега. Тридцать шесть соломенных крыш и одна сланцевая, я сосчитал. Еще я видел повозку. Там кто-то есть.

На ее голос из кустов вылезла Ласка. Это Ломми так ее назвал. Он сказал, что она похожа на ласку, – это была не правда, но не могли же они и дальше звать ее «маленькой плаксой», тем более что плакать она наконец перестала. Она вся перемазалась – чего доброго, опять ела землю.

– А людей ты видел? – спросил Джендри.

– Нет, только крыши – но некоторые трубы дымятся, и я слышал, как ржет лошадь. – Ласка крепко обхватила ручонками ногу Арьи – теперь она часто так делала.

– Если там есть люди, то есть и еда, – сказал Пирожок слишком

громко — Джендри все время наказывал им вести себя тихо, но толку от этого было чуть. — Может, и нам достанется.

— Убить нас тоже могут запросто, — сказал Джендри.

— Надо сдаться — тогда не убьют, — возразил Пирожок.

— И ты туда же.

Ломми Зеленые Руки сидел между двух толстых дубовых корней. Во время взятия крепости копье пробило ему левую икру. К концу следующего дня он еще ковылял на одной ноге, держась за Джендри, а теперь и этого не мог. Они нарубили веток и сделали ему носилки, но тащить его было делом трудным и

медленным, и он ныл всякий раз, когда его встряхивали.

— Правильно, надо сдаться, — сказал он. — Йорену тоже следовало так поступить. Надо было открыть ворота, как ему велели.

Арье уже опостылели рассуждения Ломми о том, как должен был поступить Йорен. Он только об этом и говорил, пока они его несли, — об этом, о своей ноге и о своем пустом животе.

— Да, — согласился Пирожок, — ведь ему приказали открыть ворота именем короля. Такие приказы всегда выполняют. Сам виноват, старый хрен вонючий. Если б он сдался, ничего б они нам не сделали.

– Рыцари да лорды берут в плен только друг дружку, – нахмурился Джендри, – чтобы выкуп потом получить, а на таких, как мы, им наплевать, сдаемся мы или нет. Что ты еще видел?

– Если это рыбачья деревня, рыбу нам точно продадут, – сказал Пирожок. Озеро просто кишело рыбой, но им было нечем ее ловить. Арья попробовала хватать ее руками, как делал Косс, но рыба была проворнее, чем голуби, а вода обманывала глаз.

– Насчет рыбы не знаю, – сказала Арья, запустив руку в спутанные волосы Ласки и думая, не лучше ли их обрезать, – но над водой

толкнутся вороны – видно, там лежит какая-то падаль.

– Наверно, рыбу выкинуло на берег, – предположил Пирожок. – Если вороны ее едят, то и нам можно.

– А можно и ворон наловить, – сказал Ломми. – Разведем костер и зажарим их, как цыплят.

Джендри оброс бородой, густой и черной, и у него был очень свирепый вид, когда он хмурился.

– Я сказал – никаких костров.

– Но Ломми голоден, – заныл Пирожок, – и я тоже.

– Мы все голодные, – заметила Арья.

– Только не ты, – сплюнул Ломми. – Ты жрешь червяков.

Арье захотелось пнуть его прямо по ране.

— Я ведь предлагал и тебе накопать, если хочешь.

Ломми скривился:

— Если б не нога, я поохотился бы на вепря.

— На вепря, — передразнила она.

— Для охоты на вепря нужно особое копье, нужны лошади и собаки, и люди, чтобы поднять зверя. — Ее отец охотился на вепря в Волчьем Лесу с Роббом и Джоном. Однажды он даже Брана взял, но Арью не брал никогда, хотя она старше Брана. Септа Мордейн сказала, что такая охота не для леди, а мать пообещала только, что Арья, когда подрастет, получит

собственного ястреба. Теперь она подросла – но, будь у нее ястреб, она бы его съела.

– Ты-то что понимаешь в охоте на вепря? – сказал Пирожок.

– Побольше тебя.

Джендри был не в настроении слушать их перепалку.

– Замолчите оба. Мне надо подумать. – Он всегда морщился, когда думал, точно это причиняло ему сильную боль.

– Давай сдадимся, – сказал Ломми.

– Тебя что, заклинило? Мы даже не знаем, кто там, в той деревне. Может, удастся стащить немного еды.

– Ломми стащил бы, если б не

его нога, — сказал Пирожок. — В городе он был вором.

— Был, да плохим, — сказала Арья. — Хорошего бы не поймали.

Джендри прищурился на солнце.

— Лучше всего попытаться вечером. Как стемнеет, пойду на разведку.

— Лучше я, — сказала Арья. — Ты слишком шумишь.

Джендри принял свой свирепый вид.

— Пойдем оба.

— Пусть Арри идет, — сказал Ломми. — Он ловчее тебя.

— Я сказал — мы пойдем оба.

— А если вы не вернетесь?

Пирожок не сможет нести меня один,

сам знаешь.

— И волки тут водятся, — поддержал Пирожок. — Я слышал их ночью, когда сторожил. Совсем близко.

Арья тоже их слышала. Она спала на ветках вяза, проснулась от воя и сидела добрый час, прислушиваясь, с бегающими по телу мурашками.

— А ты даже огонь не разрешаешь развести, чтобы отогнать их, — продолжал Пирожок. — Нехорошо это — бросать нас волкам на съедение.

— Никто вас не бросает, — проворчал Джендри. — У Ломми есть копье на случай волков, да и ты при

нем остаешься. Мы только посмотрим – и сразу назад.

– Кто бы там ни был, вы должны сдать, – захныкал Ломми. – Мне нужно лекарство для ноги – она очень болит.

– Если нам подвернется лекарство, мы тебе принесем. Пошли, Арри. Я хочу подобраться поближе, пока солнце не село. Пирожок, присмотри за Лаской, чтобы не увязалась за нами.

– В прошлый раз она меня лягнула.

– Я сам тебя лягну, если ты ее не удержишь. – И Джендри, не дожидаясь ответа, надел свой шлем и зашагал прочь.

Арье пришлось бежать за ним вприпрыжку. Джендри был на пять лет старше и на фут выше ее, к тому же длинноногий. Некоторое время он ничего не говорил, только ломился через лес с сердитым лицом, производя очень много шума. Наконец он остановился и сказал:

– Мне кажется, Ломми умрет.

Арья не удивилась. Курц тоже умер от раны, а он был куда крепче Ломми. Когда приходила ее очередь его нести, она чувствовала, какой Ломми горячий, и от его ноги плохо пахло.

– Может, мы найдем мейстера...

– Мейстеры бывают только в замках, а если бы мы даже его и

нашли, он не стал бы марать руки о такого, как Ломми. — Джендри пригнулся под нависшей веткой.

— Не правда. — Арья была уверена, что мейстер Лювин помог бы всякому, кто к нему обратился.

— Он умрет, и чем скорее это будет, тем лучше для нас всех. Мы не можем его бросить — хотя если б ранили тебя или меня, он бы нас бросил, сам знаешь. — Они спустились в овраг и поднялись на крутой противоположный склон, цепляясь за корни. — Мне обрыдло его тащить и обрыдли его разговоры о сдаче. Если б он мог стоять на ногах, я вышиб бы ему зубы. От него нам никакого проку — и от плаксы

тоже.

– Не трогай Ласку – она просто голодная, и ей страшно. – Арья оглянулась, но девочки в кои-то веки за ними не было. Пирожок, наверное, удержал ее, как наказывал Джендри.

– От нее один вред, – упрямо повторил Джендри. – От нее, от Пирожка и от Ломми. Они нам только мешают – когда-нибудь нас убьют из-за них. Ты единственный на что-то годишься, даже если ты девчонка.

Арья застыла на месте:

– Я не девчонка!

– Девчонка, девчонка. Думаешь, я такой же дурак, как все они?

– Нет, ты еще глупее. Все знают,

что в Ночной Дозор девчонок не берут.

– Это верно. Не знаю, зачем Йорен тебя взял, но, думаю, какая-то причина у него была. Ты девчонка.

– Нет!

– Тогда достань свой стручок и пописай. Ну, давай.

– Я не хочу писать. Хотел бы, так достал.

– Врешь. Ты не хочешь его вынимать, потому что у тебя его нет. Я ничего не замечал, пока нас было тридцать, но ведь ты за нуждой всегда уходишь в лес, а мы с Пирожком этого не делаем. Если ты не девчонка, то, наверно, евнух какой-нибудь.

— Сам ты евнух.

— А вот и нет, — улыбнулся Джендри. — Хочешь, покажу? Мне-то скрывать нечего.

— Нет, есть что, — выпалила Арья, стараясь увести разговор в сторону от стручка, которого не имела. — Те золотые плащи приехали в гостиницу за тобой, а ты так и не сказал нам почему.

— Я сам не знаю. Я думал, что Йорен знает, но он мне ничего не сказал. А вот ты с чего взял, будто они за тобой явились?

Арья прикусила губу, вспомнив, что сказал Йорен, когда обрезал ей волосы: «Из этой шайки половина тут же выдаст тебя королеве за

помилование и пару серебряков, а другая сделает то же самое, только сперва изнасилует тебя». Но Джендри не такой – за ним тоже охотится королева.

– Я скажу, если и ты мне скажешь, – решила наконец она.

– Сказал бы, если б знал, Арри... или как там тебя зовут. У тебя ведь девчоночье имя.

Арья сердито уставилась себе под ноги. Притворяться бесполезно. Джендри знает, и у нее в штанах нет ничего, чтобы его разубедить. Ей остается либо достать Иглу и убить его здесь же на месте, либо довериться ему. Она не была уверена, что сумеет убить его, даже если

решится на это: у него тоже есть меч, и он намного сильнее. Придется сказать правду.

— Только Ломми и Пирожок этого знать не должны, — сказала она.

— От меня они ничего не узнают.

— Арья. — Она подняла на него глаза. — Меня зовут Арья. Из дома Старков.

— Старков... — Он помолчал. — Старком звали королевского десницу, которого казнили как изменника.

— Он не изменник. Это был мой отец.

Джендри округлил глаза:

— Так вот почему ты подумала...

— Ну да. Йорен вез меня домой, в Винтерфелл.

— Значит, ты из благородных... леди...

Арья оглядела свои лохмотья и босые ноги, все в мозолях и трещинах. Под ногтями грязь, локти в струпьях, руки исцарапаны. Септа Мордейн ее бы не узнала, а Санса, может, и узнала бы, но притворилась, что не узнает.

— Моя мать леди и сестра тоже, но я ею никогда не была.

— Нет, была. Ты дочь лорда и жила в замке, так ведь? И ты... о боги, я никогда... — У Джендри вдруг сделался испуганный вид. — Мне не надо было говорить это... ну, про стручки. И если я справлял при тебе нужду и все такое, то... прошу

прощения, миледи.

– Перестань! – прошипела Арья. Смеется он над ней, что ли?

– Нет уж, миледи, я знаю, как себя вести, – стоял на своем Джендри. – Когда к нам в лавку приходили благородные девицы со своими отцами, хозяин всегда велел мне преклонять колено и говорить, только если со мной заговорят, и называть их «миледи».

– Если ты будешь называть меня «миледи», это даже Пирожок заметит. И нужду справляй как справлял.

– Как прикажете, миледи.

Арья стукнула его кулаками в грудь – он споткнулся и шлепнулся

наземь.

— Ничего себе дочь лорда! — засмеялся он.

— Вот тебе в придачу. — Она лягнула его в бок, но он только засмеялся еще пуще. — Гогочи сколько хочешь — а я пойду посмотрю, что там в деревне. — Солнце уже опустилось за деревья — вот-вот начнет темнеть. На этот раз Джендри пришлось ее догонять. — Чуешь, чем пахнет? — спросила она. Он принялся:

— Тухлой рыбой?

— Ты сам знаешь, что нет.

— Надо поосторожнее. Я пойду кругом, на запад, погляжу, есть ли там дорога. Должна быть, если ты

видела повозку. А ты ступай к берегу. Если понадобится помощь, залай по-собачьи.

— Глупости. Если мне понадобится помощь, я буду звать «на помощь». — Она шмыгнула прочь, тихо ступая босыми ногами по траве, и оглянулась через плечо. Джендри смотрел ей вслед с тем мучительным выражением, которое появлялось у него на лице в минуты раздумий. Решил, наверно, что нельзя посылать леди воровать еду. Ох, какого же дурака он теперь начнет из себя строить.

Она подошла поближе к деревне, и запах стал сильнее. Нет, это было совсем не похоже на тухлую рыбу:

пахло гораздо хуже. Арья сморщила нос.

Деревья начали редеть – теперь она перебегала от куста к кусту, тихая, как тень. Через каждые несколько ярдов она останавливалась и прислушивалась. На третий раз она услышала лошадей и мужской голос. Запах стал еще мерзостнее. Человеческие трупы – вот что это такое. От Йорена и других пахло так же.

К югу от деревни стояли густые заросли ежевики. Когда Арья добралась до них, потянулись длинные тени и стали появляться светляки. Соломенные крыши виднелись за самой изгородью. Арья

прокралась вдоль нее, нашла проход и поползла на животе, пока не увидела то, откуда шел запах.

У тихо плещущих вод Божьего Ока поставили длинную виселицу из сырого зеленого дерева, и предметы, бывшие прежде людьми, висели на ней вверх ногами, а вороны клевали их, перелетая с одного на другой. На каждую ворону приходилась сотня мух. С озера подул ветер, и ближайший труп слегка повернулся на цепи. Вороны склевали ему поллица, и видно было, что над ним потрудились не только они, а кое-кто покрупнее. Горло и грудь были растерзаны, зеленые внутренности и лохмотья гниющего мяса свисали из

разодранного живота. Одну руку оторвали по самое плечо. Кости валялись тут же, обглоданные дочиста.

Арья заставила себя рассмотреть всех, повторяя: тверда, как камень. Все были мертвы и до того изуродованы, что она не сразу поняла, что их раздели, прежде чем повесить. Они не были похожи на голых людей – они вообще на людей не походили. Вороны выклевали им глаза и испортили лица. От шестого в длинном ряду осталась только нога – она так и болталась на цепи, колыхаясь от ветра.

Страх ранит глубже, чем меч. Мертвецы ее не тронут, а вот те, кто

убил их, могут. За виселицей, около длинного низкого дома у воды — того самого, со сланцевой крышей, — стояли двое мужчин в кольчужных рубахах, опираясь на копья. С пары шестов, воткнутых в илистую почву, свисали знамена — одно вроде бы красное, другое побледнее, белое или желтое, но ветер был слаб, и в сумерках Арья не могла даже разглядеть, принадлежит красное знамя Ланнистерам или нет. Но льва ей видеть было не обязательно. Она видела повешенных — кто же еще мог это сделать, как не Ланнистеры?

Потом раздался крик.

Двое с копьями обернулись, услышав его, и показался третий,

толкающий перед собой пленника. Стало слишком темно, чтобы различать лица, но пленник был в блестящем стальном шлеме, и Арья, увидев рога, поняла, что это Джендри. Дурак, дурак, ДУРАК! Будь он рядом, она лягнула бы его еще раз.

Часовые что-то громко говорили, но она была слишком далеко, чтобы разобрать слова, да тут еще вороны орали и хлопали крыльями. Один из копейщиков сорвал шлем у Джендри с головы и о чем-то его спросил. Ответ солдату, как видно, не понравился, потому что он двинул Джендри в лицо тупым концом копья и сбил его с ног. Тот, кто взял Джендри в плен, пнул

его, а второй копейщик примерил рогатый шлем. Затем Джендри поставили на ноги и повели к длинному дому. Когда открыли тяжелую дверь, оттуда выскочил маленький мальчик, но один из солдат схватил его за руку и швырнул обратно. Арья услышала изнутри плач и крик, такой громкий и полный боли, что сама больно прикусила губу.

Джендри тоже впихнули туда и заперли за ним дверь. В этот миг с озера дунул ветер, и знамена, расправившись, заполоскали. На одном был золотой лев, чего Арья и боялась, на другом три тонкие фигуры бежали по желтому, как

масло, полю. Собаки. Арья уже видела как-то этих собак, но где?

Но это было не важно. Главное то, что Джендри схватили. Он глупый и упрямый, но все-таки его надо спасать. Знают ли они, что его ищет королева?

Часовой снял свой шлем и надел вместо него шлем Джендри. Арью это рассердило, но тут она ничего поделать не могла. Ей показалось, что в длинном здании без окон снова кто-то кричит, но каменные стены глушили звук, и наверняка сказать было трудно.

Арья дождалась смены караула и еще долго потом оставалась на месте. Солдаты сновали взад-вперед.

У ручья поили лошадей.

Из леса вернулись охотники с тушей оленя на шесте. Оленя освежевали, выпотрошили, затем на том берегу ручья развели костер, и запах жареного мяса потек оттуда, смешиваясь со смрадом мертвечины. Пустой желудок Арьи свело судорогой, и ее чуть не вырвало. На вкусный запах из домов вышли другие мужчины, почти все в кольчугах или вареной коже. Когда олень изжарился, самые лакомые куски отнесли в какой-то дом.

Арья надеялась, что в темноте сможет подползти и выпустить Джендри, но часовые зажгли от костра факелы. Оруженосец принес

двум караульщикам мясо и хлеб, потом к ним присоединились еще двое, и они стали передавать из рук в руки мех с вином. Когда он опустел, двое ушли, но другие два, с копьями, остались.

Руки и ноги у Арьи совсем затекли, когда она наконец выбралась из ежевики обратно в лес. Там было черным-черно — тонкий серпик луны лишь изредка мелькал в летящих по небу тучах. «Тихая как тень», — сказала себе Арья, пробираясь между деревьями. В темноте она не решалась бежать, боясь споткнуться о корень или сбиться с дороги. Слева тихо плескало о берег Божье Око, справа ветер шелестел листвой. Где-

то далеко выли волки.

Ломми и Пирожок чуть не обмарались со страху, когда она вышла из леса позади них.

— Тихо, — шикнула она, обнимая прижавшуюся к ней Ласку.

— Мы уж думали, вы нас бросили, — сказал Пирожок, глядя на нее круглыми глазами. В руке он держал свой короткий меч, который Йорен отнял у золотого плаща. — Я принял тебя за волка.

— А где Бык? — спросил Ломми.

— Его схватили. Мы должны его освободить. Пошли со мной, Пирожок. Мы подкроемся, убьем часовых, и я открою дверь.

Пирожок и Ломми

переглянулись.

— А сколько их там?

— Я не считала, — созналась Арья. — Не меньше двадцати — но часовых только двое.

Пирожок смотрел на нее так, словно вот-вот заплачет.

— С двадцатью нам нипочем не справиться.

— Ты должен будешь справиться только с одним. Я убью другого, мы выпустим Джендри и убежим.

— Сдаться надо, вот что, — сказал Ломми. — Пойти и сдаться.

Арья упрямо потрясла головой.

— Тогда хотя бы брось эту затею, Арри, — взмолился Ломми. — Они про нас не знают. Спрячемся и подождем,

когда они уйдут. Мы ж не виноваты, что Джендри попал в плен.

– Дурак ты, Ломми, – сердито бросила Арья. – Без Джендри ты умрешь. Кто тебя нести-то будет?

– Вы с Пирожком.

– Все время, без смены? Мы не потянем. Джендри у нас самый сильный. Да говори что хочешь, мне дела нет. Я иду обратно. Так как, Пирожок?

Пирожок посмотрел на Ломми, на нее и снова на Ломми и сказал неохотно:

– Я с тобой.

– Ломми, держи Ласку.

Он обхватил малышку руками.

– А если волки приедут?

— Сдавайся, — посоветовала Арья.

Ей казалось, что дорога до деревни заняла у них несколько часов. Пирожок в темноте все время спотыкался, уходил куда-то в сторону, и ей приходилось возвращаться за ним. В конце концов она взяла его за руку и повела.

— Просто иди за мной и не шуми. — Когда на небе отразился слабый отсвет деревенских огней, она сказала:

— Там, за изгородью, виселица, а на ней мертвецы, но ты их не бойся — и помни, что страх ранит глубже, чем меч. Мы должны вести себя очень тихо и двигаться медленно. —

Пирожок кивнул.

Она первой пролезла сквозь ежевику и подождала его. Пирожок вылез бледный, запыхавшийся и весь исцарапанный. Он хотел сказать что-то, но Арья зажала ему рот. На четвереньках они проползли мимо виселицы, под качающимися трупами. Пирожок ни разу не посмотрел вверх и не издал ни звука.

Но тут ворона села ему на спину, и он глухо вскрикнул.

— Кто идет? — прогремел во тьме чей-то голос. Пирожок вскочил на ноги.

— Я сдаюсь! — Он отшвырнул от себя меч, вспугнув дюжину ворон и вызвав целый переполох. Арья

схватила его за ногу и попыталась повалить обратно, но он вырвался и побежал вперед, размахивая руками. — Я сдаюсь!

Арья тоже вскочила и выхватила Иглу, но ее уже окружили. Она замахнулась на того, кто был ближе, но он отразил удар одетой в сталь рукой, кто-то другой сбил ее с ног, а третий вырвал у нее меч. Она укусила кого-то, но зубы клацнули о холодную грязную кольчугу.

— Ишь, злющий какой, — засмеялся солдат и так треснул Арью кольчужным кулаком, что у нее чуть голова не слетела с плеч.

Они что-то громко говорили над ней, но она не разбирала ни слова —

так звенело в ушах. Она хотела уползти, но земля поехала куда-то. Они забрали Иглу. Позор был хуже боли, хотя болело очень сильно. Этот меч ей подарил Джон, а Сирио учил ее им пользоваться.

Наконец кто-то сгреб ее спереди за куртку и поставил на колени. Пирожок тоже стоял на коленях, а перед ним высился самый большой человек из всех, кого Арья видела, великан из сказок старой Нэн. Она не заметила, откуда он взялся. По его желтому камзолу неслись три черные собаки, а лицо точно из камня вырубили. Внезапно Арья вспомнила, когда видела этих собак. В ночь турнира в Королевской

Гавани, когда все рыцари вывесили щиты у своих шатров.

«Этот принадлежит брату Пса, — сказала ей Санса, когда они прошли мимо трех собак на желтом поле. — Вот увидишь — он даже больше Ходора. Его прозвали Скачущей Горой».

Арья повесила голову, плохо сознавая, что происходит вокруг. Пирожок снова заявил, что сдастся, а Гора сказал:

— Веди нас к остальным. — Арья потащилась назад мимо виселицы, а Пирожок обещал солдатам, что будет печь им пироги и плюшки — пусть только не трогают его. С ними пошли четверо мужчин — у одного был

факел, у другого длинный меч, у двоих копья.

Ломми они нашли там же, где оставили, под дубом.

— Я сдаюсь, — закричал он, как только их увидел, бросил копье и поднял руки, до сих пор зеленые от краски. — Сдаюсь.

Человек с факелом огляделся.

— Тут больше никого? Пекаренко говорил, что есть еще девчонка.

— Она убежала, когда услышала вас. Вы очень шумели.

«Беги, Ласка, — подумала Арья, — беги быстро, как только можешь, спрячься и никогда не возвращайся назад».

— Скажи, где найти этого сукина

сына Дондарриона, и тебя накормят горячим.

– Кого? – опешил Ломми.

– Говорил я тебе, эти знают не больше, чем те деревенские суки. Только время терять.

– Что у тебя с ногой, парень? – спросил один из копейщиков.

– Меня ранили.

– А идти можешь? – заботливо осведомился тот.

– Нет. Придется уж вам меня нести.

– Нести, говоришь? – Солдат небрежно поднял копье и вогнал его в мягкое горло Ломми. Паренек не успел сдаться еще раз – он дернулся и затих. Солдат вынул копье, и темная

кровь фонтаном хлынула из раны. –
Тоже выдумал – нести.

Тирион

Его предупредили, чтобы он оделся потеплее и Тирион постарался на совесть: надел толстые клетчатые бриджи и шерстяной дублет, а поверх накинул плащ из шкуры сумеречного кота, приобретенный в Лунных горах. Плащ, до нелепости длинный, был сшит на человека вдвое выше. Тирион, когда не ехал верхом, заворачивался в него несколько раз и смахивал на шар из полосатого меха.

Однако он был рад, что послушался совета. Холод в этом темном склепе пронизывал до

костей. Тиметт тут же улепетнул обратно наверх. Они находились где-то под холмом Рейенис, за Гильдией Алхимиков. Сырые каменные стены обросли селитрой, и единственным источником света служил закрытый фонарь, который с великой осторожностью нес Галлин-пиромант.

Неудивительно, что он так бережется — с такой-то посудой вокруг. Тирион взял в руки один из горшков — рыжий и круглый, словно глиняный плод. Немного великоват для его ладони, но обычному рослому человеку придется как раз по руке. А стенки так тонки, что его просили не сжимать сосуд слишком

сильно — как бы не лопнул в кулаке. Поверхность грубая, шершавая. Галлин сказал, что это делается нарочно: гладкий сосуд скорее выскользнет из пальцев.

Тирион наклонил шар, чтобы заглянуть внутрь, и дикий огонь медленно потек к горлышку. Это вещество должно быть мутно-зеленого цвета, но фонарь светит слишком тускло, чтобы проверить.

— Густой, — заметил он.

— Это от холода, милорд, — пояснил Галлин, бледный, с мягкими влажными руками и подобострастными манерами. На нем была длинная мантия в черную и алую полосу, подбитая соболем,

изрядно облезшим и побитым молью.
— При нагревании субстанция становится более текучей — как лампадное масло.

«Субстанция» — так пироманты называли дикий огонь, а друг к другу они обращались «ваша мудрость». Это раздражало Тириона не меньше, чем намеки на обширнейшие тайные знания, которыми алхимики будто бы обладали. Когда-то их гильдия и вправду была могущественной, но за последние века мастера из Цитадели вытеснили алхимиков почти повсеместно. От прежнего ордена осталась малая горстка, да и те уже даже не делают вид, что способны преобразовывать один

металл в другой... но дикий огонь они умеют делать.

— Мне говорили, будто вода его не гасит.

— Это так. Воспламенившись, субстанция будет гореть, пока не иссякнет. Более того — она пропитывает ткань, дерево, кожу и даже сталь, отчего они тоже загораются.

Тирион вспомнил красного жреца Тороса из Мира и его пылающий меч. Даже самое тонкое покрытие из дикого огня способно гореть целый час. Торосу после каждой схватки требовался новый меч, но Роберт любил жреца и охотно снабжал его оружием.

– А почему же она глину не пропитывает?

– Пропитывает, милорд. Под этим склепом есть другой, где мы храним более старые сосуды, еще со времен короля Эйериса. Он пожелал, чтобы сосуды делались в виде фруктов. Весьма опасные плоды, милорд десница, и очень, очень спелые. Мы запечатали их воском и накачали в нижний склеп воды, но тем не менее... По правилам их следовало бы уничтожить – но при взятии Королевской Гавани погибло слишком много наших мастеров, а те, что остались, неспособны справиться с этой задачей. Кроме того, больше половины запаса,

сделанного нами для короля Эйериса, потеряно. В прошлом году в хранилище под Великой Септой Бейелора обнаружили двести сосудов. Никто не помнит, как они попали туда, но излишне говорить вам, что верховный септон пришел в ужас. Я сам проследил за тем, чтобы их благополучно оттуда убрали. Я наполнил повозку песком и взял себе наиболее ловких послушников. Мы работали только по ночам, и...

— ...справились со своей работой превосходно, не сомневаюсь в этом. — Тирион положил сосуд на место. Горшки занимали весь стол, по четыре в ряд, и терялись где-то во мраке. Дальше виднелись другие

столы — много столов. — И что же, эти фрукты покойного короля Эйериса еще годятся в дело?

— О, разумеется... но тут нужна осторожность, милорд, большая осторожность. С возрастом субстанция становится еще более, как бы это сказать... капризной. Любой огонь способен воспламенить ее, любая искра. Если сосуды слишком сильно нагреть, они загорятся непроизвольно. Их нельзя выставлять на солнечный свет, даже на короткое время. Как только внутри сосуда загорается огонь, субстанция сильно расширяется, и сосуд разлетается на куски. И если поблизости от него стоят другие

сосуды, они тоже взрываются, и тогда...

— Сколько у вас сосудов в настоящее время?

— Утром его мудрость Мунсифер доложил мне, что их семь тысяч восемьсот сорок. В это число входят и четыре тысячи сосудов короля Эйериса.

— Переспелые, стало быть.

— Его мудрость Малльярд ручается, что мы сможем представить полных десять тысяч сосудов, как и обещали королеве. — Такие виды на будущее вызывали у пироманта прямо-таки непристойную радость.

Да, если враг даст вам время.

Пироманты строго хранили тайну изготовления дикого огня, но Тирион знал, что дело это долгое, опасное и трудоемкое. Должно быть, эти десять тысяч сосудов сродни похвальбе знаменосца, который клянется представить своему лорду десять тысяч мечей, а на поле битвы выводит сто двух человек. Будь у нас и в самом деле десять тысяч.

Тирион не знал, восторгаться ему или ужасаться – вероятно, и то, и другое.

– Надеюсь, что ваши братья по гильдии не станут проявлять ненужной поспешности, ваша мудрость. Десять тысяч негодных сосудов и даже один такой нам ни к

чему... и мы, разумеется, не хотим никаких несчастных случаев.

– Несчастных случаев не будет, милорд десница. Субстанция готовится опытными мастерами в голых каменных помещениях, и каждый готовый сосуд подмастерье немедленно уносит сюда. Над каждой мастерской находится комната, доверху заполненная песком. На нее наложено могущественное заклятие. Если в мастерской возникнет пожар, пол провалится, и песок сразу погасит пламя.

– И горе злополучному мастеру.
– Под заклинанием Галлин скорее всего подразумевал какой-нибудь

ловкий трюк. Тирион хотел бы осмотреть одну из этих мастерских, чтобы понять, в чем секрет, но времени на это не было — разве только после войны...

— Мои братья всегда осторожны. Но, если быть откровенным...

— Прошу вас, говорите.

— Субстанция течет по моим жилам и наполняет мое сердце, как у каждого пироманта. Мы уважаем ее мощь. Но если взять обычного солдата у одного из королевских огнеметов, то самая малая ошибка в пылу боя может привести к катастрофе. Это надо повторять снова и снова. Мой отец говорил то же самое королю Эйерису, а его отец

– старому королю Джейхерису.

– И те, как видно, слушали. Если бы они спалили этот город, мне бы уж верно кто-нибудь сказал. Итак, вы советуете соблюдать осторожность?

– Большую осторожность. Огромную.

– А этих глиняных сосудов у вас достаточно?

– Да, милорд, – благодарю за вашу заботу.

– Значит, вы не станете возражать, если я возьму у вас немного... тысяч несколько?

– Несколько тысяч?!

– Или сколько сможет выделить мне ваша гильдия без ущерба для себя. Речь идет о пустых сосудах,

поймите. Пусть их разошлют капитанам всех городских ворот.

– Хорошо, милорд, но зачем?

Тирион улыбнулся, глядя на него снизу вверх.

– Вы велите мне одеться тепло, и я одеваюсь, вы велите мне быть осторожным, и я... – Он пожал плечами. – Я видел достаточно. Не будете ли вы столь любезны проводить меня до носилок?

– С величайшим удовольствием, милорд. – Галлин поднял фонарь и повел Тириона обратно к лестнице. – Хорошо, что вы посетили нас. Это большая честь. Слишком долго королевский десница не жаловал нас своим присутствием. Последним был

лорд Россарт, принадлежавший к нашему ордену, – еще при короле Эйерисе. Король Эйерис питал большой интерес к нашей работе.

«Король Эйерис использовал вас, чтобы поджаривать своих врагов». Брат Джейме рассказал Тириону кое-что о Безумном Короле и его ручных пиромантах.

– Джоффри тоже заинтересуется ею, не сомневаюсь. – «И потому его лучше держать от вас подальше».

– Мы смеем надеяться, что король посетит нашу Гильдию собственной светлейшей персоной. Я уже говорил об этом с вашей царственной сестрой. Великий праздник...

По мере того как они поднимались, становилось теплее.

— Его величество запретил всякие празднества до окончания войны. — (По моему настоянию.) — Король считает неприличным пировать, когда его народ голодает.

— Решение, достойное золотого сердца, милорд. Быть может, тогда наши братья могли бы посетить короля в Красном Замке. Мы показали бы то, что умеем, чтобы немного отвлечь его величество от многочисленных забот. Дикий огонь — не единственный секрет нашего древнего ордена. В нашем распоряжении много чудес.

— Я поговорю об этом с сестрой.

— Тирион не возражал против нескольких магических фокусов — но довольно и того, что Джофф заставляет людей сражаться насмерть, недоставало еще, чтобы ему понравилось сжигать их заживо.

Когда они наконец выбрались наверх, Тирион скинул меховой плащ и взял его на руку. Гильдия Алхимиков представляла собой настоящий лабиринт из черного камня, но Галлен уверенно вывел его в Галерею Железных Факелов, длинную и гулкую, где двадцатифутовые опоры из черного металла были окружены мерцающим зеленым ореолом. Призрачное пламя, отражаясь от черного полированного

мрамора стен и пола, озаряло галерею изумрудным сиянием. Тирион подивился бы такому зрелищу, если б не знал, что железные факелы зажгли не далее как утром в его честь и потушат, как только за ним закроется дверь. Дикий огонь слишком дорог, чтобы тратить его впустую.

По широкой закругленной лестнице они вышли на улицу Сестер, к подножию холма Висеньи. Тирион распрощался с Галленом и пошел к Тиметту, сыну Тиметта, ожидавшего его с эскортом Обгорелых. Выбор был в самый раз, учитывая цель его сегодняшней поездки. Кроме того, увечья

Обгорелых вселяли страх в городскую чернь, что было отнюдь не лишним. Три ночи назад у ворот Красного Замка снова собралась толпа, требуя хлеба. В ответ со стены посыпались стрелы, убив четырех человек, а Джофф крикнул горожанам, что разрешает им есть своих мертвых. Чем завоевал еще больше сердец.

Тирион удивился, увидев рядом с носилками Бронна.

— А ты что здесь делаешь?

— Разношу послания. Железная Рука срочно требует тебя к Божьим воротам — не знаю зачем. А еще тебя вызывают в Мейегор.

— Вызывают? — Тирион знал только одну особу, к которой могло

относиться это слово. — Чего Серсее от меня надо?

Бронн пожал плечами:

— Королева приказывает тебе вернуться в замок немедленно и явиться в ее покои. Так мне сказал ваш хлипкий кузен. Отрастил четыре волоса на губе и думает, что он мужчина.

— Прибавим к четырем волоскам рыцарство. Он теперь сир Лансель, не забывай. — Тирион знал, что сир Джаселин не стал бы посылать за ним без веской причины. — Съезжу сначала к Байвотеру. Доложи моей сестре, что я не замедлю явиться к ней.

— Ей это не понравится.

– Вот и хорошо. Чем дольше Серсея будет ждать, тем больше обозлится, а от гнева она глупеет. Пусть лучше будет злой и глупой, чем сдержанной и хитрой. – Тирион бросил в носилки плащ, и Тиметт помог сесть ему самому.

Рынок в Божьих воротах, где в обычные времена было полным-полно крестьян, продающих овощи, был почти пуст. Сир Джаселин вышел навстречу Тириону, приветственно вскинув железную руку.

– Милорд, здесь ваш кузен Клеос Фрей – он приехал из Риверрана под мирным знаменем с письмом от Робба Старка.

– Старк предлагает условия мира?

– Фрей говорит, что да.

– Славный мой кузен. Проводите меня к нему.

Сира Клеоса поместили в тесную, без окон, караульную. Увидев Тириона, он встал.

– Как же я рад тебя видеть, Тирион.

– Такое мне не часто доводится слышать, кузен.

– Серсея с тобой?

– Сестра занята другими делами. Это письмо от Старка? – Тирион взял со стола пергамент. – Сир Джаселин, я вас более не задерживаю.

Байвотер откланялся и вышел.

– Меня просили передать его в собственные руки королевы-регентши, – сказал сир Клеос.

– Я передам. – Тирион бросил взгляд на карту, приложенную Роббом к письму. – Все в свое время, кузен. Сядь отдохни. Ты совсем измучен. – Это была чистая правда.

– Да. – Сир Клеос опустился на скамью. – Плохи дела в речных землях, Тирион, особенно вокруг Божьего Ока и вдоль Королевского Тракта. Речные лорды жгут собственный урожай, чтобы уморить нас голодом, а фуражиры твоего отца сжигают каждую деревню, взятую ими, и предают поселян мечу.

«На то и война. Простолюдинов убивают, высокородных держат ради выкупа. Надо лишний раз возблагодарить богов за то, что я родился Ланнистером».

Сир Клеос провел пальцами по редким каштановым волосам.

— Нас даже под мирным знаменем атаковали дважды. Волки в кольчугах, жаждущие растерзать всякого, кто слабее их. Одни боги знают, на чьей они стороне начинали воевать, — теперь они сами себе господа. Мы потеряли трех человек, и вдвое больше ранены.

— А что наш враг? — Тирион изучал предложенные в письме условия. Мальчишка не так уж много

просит — всего-навсего
полкоролевства, возвращения
пленных и посылки заложников,
отцовский меч... ах да, и сестер
тоже.

— Мальчик сидит в Риверране
без дела. Думаю, он боится сойтись с
твоим отцом в открытом поле. Силы
его тают день ото дня — речные
лорды разъезжаются, чтобы
защитить собственные земли.

Отец так и предполагал. Тирион
свернул в трубочку карту Старка.

— Эти условия нам не подходят.

— Быть может, вы согласитесь
хотя бы обменять девочек Старков на
Тиона и Виллема? — жалобно
спросил сир Клеос. Тион Фрей был

его младшим братом.

– Нет, – мягко сказал Тирион, – но мы предложим им собственные условия обмена. Я должен посоветоваться с Серсеей и Малым Советом. Мы выработаем условия и пошлем тебя с ними в Риверран.

Клеоса это явно не обрадовало.

– Не думаю, милорд, что Робб Старк согласится. Мира хочет леди Кейтилин, а не он.

– Леди Кейтилин хочет вернуть своих дочерей. – Тирион сполз со скамьи, держа в руке письмо. – Сир Джаселин позаботится о том, чтобы тебя обогрели и накормили. Судя по твоему виду, тебе надо хорошенько выспаться, кузен. Я пошлю за тобой,

когда что-нибудь станет известно.

Сир Джаселин со стены наблюдал, как упражняются внизу несколько сотен новобранцев. При том количестве беженцев, что наводняло Королевскую Гавань, не было недостатка в мужчинах, готовых вступить в городскую стражу за кормежку и соломенный тюфяк, но Тирион не питал иллюзий относительно того, как проявит себя это оборванное воинство в случае боя.

— Вы хорошо сделали, что послали за мной, — сказал он. — Оставляю сира Клеоса на ваше попечение. Окажите ему самый внимательный прием.

— А его эскорт? — спросил начальник стражи.

— Накормите их, дайте чистую одежду и найдите мастера, чтобы позаботился о раненых. Но в город чтобы носа не совали — ясно? Незачем Роббу Старку знать, как обстоят дела в Королевской Гавани.

— Предельно ясно, милорд.

— И еще одно. Алхимики пришлют ко всем воротам большое количество глиняных горшков. Используйте их для обучения людей, которые будут состоять при огнеметах. Наполните горшки зеленой краской, и пусть учатся заряжать и стрелять. Всякого, кто прольет краску, следует заменить.

Когда они набьют руку с краской, переходите на лампадное масло — пусть зажигают сосуды и стреляют горящими. Когда они выучатся делать это, не обжигаясь, то и с диким огнем смогут справиться.

Сир Джаселин почесал щеку железной рукой.

— Умно придумано. Только не по вкусу мне это алхимическое дерьмо.

— Мне тоже, но приходится пользоваться тем, что дают.

В носилках Тирион задернул занавески и оперся локтем о подушку. Серсея будет недовольна тем, что он перехватил письмо Старка, но отец послал его сюда управлять, а не ублажать Серсею.

Тирион полагал, что Робб Старк дал им просто золотой случай. Пусть себе сидит в Риверране, мечтая о легком мире. Тирион в ответ предложит свои условия, дав Королю Севера ровно столько, чтобы тот не терял надежды. Пусть сир Клеос таскает свой фреевский костяк взад-вперед со взаимными предложениями и возражениями. А их кузен сир Стаффорд тем временем обучит и вооружит свое новое войско, которое собрал в Бобровом Утесе. Как только он будет готов, они с лордом Тайвином выступят с двух сторон и раздавят, как тисками, Талли и Старков.

Если бы братья Роберта были

столь же сговорчивы. Ренли Баратеон, двигаясь медленно, как ледник, все же ползет на северо-восток со своим огромным южным войском, и Тирион еженощно опасается, что его разбудят известием, что лорд Станнис со своим флотом поднимается по Черноводной. Дикого огня, по всему, у них будет достаточно, но все же...

Шум на улице прервал его мысли, и Тирион осторожно выглянул в щелку. Они проезжали Сапожную площадь, где под кожаными навесами собралась изрядная толпа, чтобы послушать какого-то пророка. Балахон из некрашеной шерсти, подпоясанный

веревкой, выдавал в нем нищенствующего брата.

— Мерзость и разврат! — пронзительно возглашал он. — Вот он, знак! Вот она, кара, ниспосланная Отцом! — Он показал на размытую красную черту кометы. Далекий замок на холме Эйегона был виден прямо у него за спиной, и комета зловеще висела над его башнями. «Он хорошо выбрал свою сцену», — подумал Тирион. — Мы раздулись и распухли от скверны. Брат совокупляется с сестрой на ложе королей, и плод их греха пляшет во дворце под дудку уродливого маленького демона. Благородные леди предаются похоти

с дураками и рожают чудовищ! Даже верховный септон забыл своих богов! Он купается в душистой воде и лакомится жаворонками и миногами, когда его паства голодает! Гордыня торжествует над молитвой, нашими замками правят мерзкие твари, и золото ставится превыше всего... но больше этому не бывать! Гнилое лето кончилось, и король-распутник мертв! Когда вепрь вспорол ему брюхо, смрад поднялся до небес, и тысяча змей выползла из него, шипя и жаля. — Пророк снова указал костлявым пальцем на комету и замок. — Вот она, Вестница! Очиститесь, вопиют боги, не то мы сами очистим вас! Омойтесь вином

добродетели, иначе вас омоет огонь!
Огонь!

– Огонь! – подхватили другие голоса, но ругань и свист заглушили их.

Это утешило Тириона. Он дал команду двигаться дальше. Обгорелые врезались в толпу, расчищая дорогу, и носилки закачались, как корабль на волнах. Уродливый маленький демон – подумать только! А вот насчет верховного септона негодяй прав. Как это выразился о нем Лунатик? «Благочестивый муж, столь почитающий Семерых, что ест за всех разом, когда садится за стол». Тирион улыбнулся, вспомнив шутку

дурака.

До Красного Замка они, к его удовольствию, добрались без дальнейших происшествий. Тирион поднялся к себе гораздо более обнадеженный, чем на рассвете. «Время – вот все, что мне нужно, время, чтобы собрать все куски в одно целое. Когда цепь будет готова...»

Он открыл дверь в свою горницу, и Серсея обернулась к нему от окна, колыхнув юбками.

– Как ты смеешь пренебрегать моим зовом?

– Кто впустил тебя в мою башню?

– Твою башню? Это королевский

замок моего сына.

— Да, я слышал. — Ее вторжение отнюдь не обрадовало Тириона. Кравн еще получит свое — сегодня стражу несли его Лунные Братья. — Я как раз собирался прийти к тебе сам.

— Неужели!

Он закрыл за собой дверь.

— Ты сомневаешься во мне?

— Всегда — и у меня есть на то причины.

— Мне больно это слышать. — Он направился к буфету за вином — от разговоров с Серсеей у него каждый раз появлялась жажда. — Никакой вины за собой я не знаю.

— Какой же ты мерзкий гаденыш. Мирцелла — моя единственная дочь.

И ты воображаешь, что я позволю продать ее, будто мешок овса?

«Мирцелла, — подумал он. — Итак, яичко проклюнулось. Посмотрим, какого цвета птенчик».

— Отчего же непременно мешок овса? Мирцелла — принцесса, следовательно, можно сказать, рождена для такой судьбы. Или ты собираешься выдать ее за Томмена?

Она размахнулась, выбив чашу у него из рук и расплескав вино по полу.

— Язык бы тебе вырвать за такие слова, хоть ты мне и брат. Регент при Джоффри я, а не ты, и я не позволю, чтобы Мирцеллу отправили дорнийцу таким же манером, как

меня когда-то отправили Роберту Баратеону.

Тирион стряхнул вино с пальцев и вздохнул.

— Почему, собственно? В Дорне ей будет куда безопаснее, чем здесь.

— Ты совсем дурак или притворяешься? Ты знаешь не хуже меня, что Мартеллам не за что любить нас.

— Зато им есть за что нас ненавидеть. И тем не менее я думаю, что они согласятся. Обида, нанесенная принцу Дорану домом Ланнистеров, насчитывает всего одно поколение, а со Штормовым Пределом и Хайгарденом дорнийцы воюют уже тысячу лет. Непонятно,

почему Ренли считает Дорн своим союзником. Мирцелле девять, Тристану Мартеллу одиннадцать — я предложил поженить их, когда она достигнет четырнадцатого года. До того времени она будет жить в Солнечном Копье, как почетная гостья, под опекой принца Дорана.

— Как заложница, — сжала губы Серсея.

— Как почетная гостья — и думаю, Мартелл будет обращаться с ней лучше, чем Джоффри с Сансой Старк. Я располагаю послать с ней сира Ариса Окхарта. Рыцарь из Королевской Гвардии в качестве телохранителя никому не позволит забыть, кто она такая.

– Много будет пользы от твоего сира Ариса, если Доран Мартелл решит искупить смерть своей сестры смертью моей дочери.

– Мартелл слишком благороден, чтобы убивать девятилетнюю девочку, особенно столь милую и невинную, как Мирцелла. Пока она у него, он может быть уверен, что мы выполним свои обязательства, а условия договора слишком заманчивы, чтобы отказываться. Мирцелла – лишь часть этих условий. Я предлагаю ему убийцу его сестры, место в совете, кое-какие замки на Марках...

– Это слишком. – Серсея отошла от него, шурша юбками,

настороженная, как львица. — Ты предлагаешь ему слишком много, притом без моего ведома и согласия.

— Мы говорим о принце Дорнийском. Предложи я меньше, он бы плюнул мне в лицо.

— Это слишком! — настаивала Серсея.

— А ты бы что ему предложила — свою щель? — вспыхнул Тирион.

Он не успел увернуться от пощечины, и голова у него отлетела назад.

— Милая, дражайшая сестрица. Объявляю тебе: сейчас ты ударила меня в последний раз.

— Не надо мне угрожать, малыш, — засмеялась она. — Думаешь, письмо

отца тебя охранит? Это всего лишь бумажка. У Эддарда Старка тоже была такая – и что же?

«У Эддарда Старка не было городской стражи, – подумал Тирион, – и моих горцев, и наемников, набранных Бронном. Однако у меня тоже все основано на доверии – к Варису, к Сиру Джаселину Байвотеру, к Бронну. Быть может, лорд Старк заблуждался так же, как и я».

Однако вслух он не сказал ничего – умный человек не станет лить дикий огонь на жаровню. Вместо этого он снова налил себе вина.

– Как по-твоему, что будет с Мирцеллой, если Королевская

Гавань падет? Ренли и Станнис воткнул ее голову рядом с твоей.

Серсея залилась слезами.

Тирион удивился бы меньше, если бы сюда влетел сам Эйегон Завоеватель верхом на драконе, жонглируя лимонными пирогами. Он не видел сестру плачущей со времен их детства в Бобровом Утесе. Он неуклюже сделал шаг в ее сторону. Когда твоя сестра плачет, ее полагается утешать... но Серсею? Он с опаской тронул ее за плечо.

– Не трогай, – отшатнулась она. Это не должно было задеть его, однако задело – хуже всякой пощечины. Серсея тяжело дышала – вся красная, обуреваемая гневом и

горем. — И не смотри на меня так... только не ты.

Тирион повернулся к ней спиной, чтобы дать ей успокоиться.

— Я не хотел тебя пугать. Обещаю тебе, с Мирцеллой ничего худого не случится.

— Лжешь. Я не ребенок, чтобы успокаивать меня пустыми обещаниями. Ты обещал освободить Джейме — а где он?

— В Риверране, полагаю, в целости и сохранности — вот и пусть хранится, пока я не найду способа его вызволить.

Серсея шмыгнула носом:

— Надо было мне родиться мужчиной. Тогда бы я ни в ком из вас

не нуждалась, и ничего бы этого не случилось. Как мог Джейме позволить, чтобы этот мальчишка взял его в плен? А отец — я была дурой, что так полагалась на него, но где он теперь, когда он так нужен? Чем он занимается?

— Войной.

— За стенами Харренхолла? Станный способ вести войну. Больше похоже на то, что он прячется.

— Присмотрись получше.

— А как еще это можно назвать? Отец сидит в одном замке, Робб Старк в другом, и никто ничего не делает.

— Сидение сидению рознь.

Каждый из них ждет, когда двинется другой, но лев спокоен, подобран и подергивает хвостом, олененок же замер от страха, и кишки у него превратились в студень. Он знает, что лев прикончит его, куда бы он ни скакнул.

— А ты уверен, что наш батюшка — это лев?

— Этот зверь нарисован на наших знаменах, — хмыкнул Тирион.

Серсея пропустила шутку мимо ушей.

— Если бы в плен взяли отца, Джейме не сидел бы сложа руки, уверяю тебя.

«Да, Джейме расколошматил бы свое войско под стенами Риверрана,

послав к Иным неравенство сил. Он никогда не отличался терпением — как и ты, дражайшая сестрица».

— Не все такие храбрецы, как Джейме, но есть и другие способы выиграть войну. Харренхолл крепок и хорошо расположен.

— В отличие от Королевской Гавани, что прекрасно известно нам обоим. Пока отец играет с маленьким Старком во льва и олененка, Ренли идет по Дороге Роз и того и гляди может появиться у наших ворот.

— Этот город за один день тоже не возьмешь, а от Харренхолла до нас путь недолог — напрямик по Королевскому Тракту. Ренли не

успеет еще собрать свои осадные машины, когда отец ударит на него сзади. Его войско будет молотом, а городские стены — наковальней. Славная получится картинка.

Зеленые глаза Серсеи впились в него — настороженные, но очень желающие поверить в то, что он говорил.

— А если Робб Старк выступит первым?

— Харренхолл находится достаточно близко от бродов через Трезубец — Русе Болтон не сможет перевести северную пехоту, чтобы соединиться с конницей Молодого Волка. Старк не может идти на Королевскую Гавань, не взяв сначала

Харренхолл, а на это у него силенок даже и с Болтоном не хватит. — Тирион улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок. — Тем временем отец выжмет весь жир из речных земель, а дядя Стаффорд соберет в Утесе свежих рекрутов.

— Откуда ты все это знаешь? — подозрительно спросила Серсея. — Может, отец поделился с тобой своими намерениями, посылая тебя сюда?

— Нет — я просто посмотрел на карту.

Подозрительность в ее взгляде сменилась презрением.

— И ты все это придумал собственной дурной головой, правда,

Бес?

Тирион цокнул языком:

– Скажи мне вот что, дражайшая сестрица: не будь перевес на нашей стороне, разве Старки начали бы переговоры о мире? – Он достал письмо, привезенное сиром Клеосом Фреем. – Молодой Волк шлет нам свои условия. Неприемлемые, само собой, но лиха беда начало. Хочешь посмотреть?

– Да. – В один миг она вновь преобразилась в королеву. – Откуда у тебя это? Письмо должны были доставить мне.

– На то и десница, чтобы передавать тебе то и другое. – Он отдал сестре письмо. Щека у него

еще горела от ее оплеухи. «Пусть хоть кожу с меня сдерет, лишь бы дала согласие на дорнийский брак». Он чувствовал, что это согласие все равно что у него в кармане.

Кроме того, он знал теперь, кто ей наушничает... В этом и заключалась изюминка этого пудинга.

Бран

Плясунью облачили в попону из белоснежной шерсти с серым лютоволком дома Старков, а Брана – в серые бриджи и белый дублет, отделанный по рукавам и вороту серой белкой. У сердца была приколата волчья голова из темного янтаря в серебряной оправе. Бран предпочел бы Лето серебряному волку на груди, но сир Родрик был непреклонен.

Пологие каменные ступени остановили Плясунью только на миг. Бран послал ее вперед, и она их запросто преодолела. За дубовыми,

окованными железом дверьми Великого Чертога стояли в ряд восемь длинных столов – по четыре с обеих сторон срединного прохода. Люди сидели на скамьях плечом к плечу.

– Старк! – кричали они, вскакивая на ноги, пока Бран ехал мимо них. – Винтерфелл! Винтерфелл!

Бран был достаточно большой, чтобы понять, что на самом деле они приветствуют не его: они празднуют урожай и победы Робба, славят его лорда-отца, и деда, и всех Старков, правивших здесь восемь тысячелетий. Он понимал это и все-таки пыжился от гордости. Проезжая

через зал, Бран и думать забыл о том, что он сломанный. Когда он под взглядами всех собравшихся достиг помоста, Оша с Ходором отстегнули сбрую, державшую его в седле, сняли его с лошади и усадили на высокий трон его предков.

Сир Родрик сидел по левую руку от него вместе со своей дочерью Бет, Рикон — по правую. Рыжие лохмы малыша так отросли, что падали на горностаевую мантию. Но он никому не давал себя стричь, пока матери не было. Последнюю служанку, которая попыталась это сделать, он покусал.

— Я тоже хочу покататься, — сказал он, когда Ходор увел Плясунью. — Я езжу лучше тебя.

– Ничего не лучше – молчи сиди,
– сказал Бран младшему брату. Сир Родрик громко потребовал тишины. Бран, повысив свой голос, приветствовал всех от имени своего брата, Короля Севера, прося гостей возблагодарить богов, старых и новых, за победы Робба и обильный урожай.

– Да увеличатся наши блага сторицей, – закончил он, подняв отцовский серебряный кубок.

– Сторицей! – Оловянные кружки, глиняные чаши, окованные железом рога с громом сошлись вместе. Брану вино сдобрили медом, корицей и гвоздикой, но оно все-таки было крепче, чем он привык. Пока он

пил, ему казалось, что горячие дрожащие пальцы проникают ему в грудь. Голова у него кружилась, когда он поставил кубок.

— Молодец, Бран, — сказал сир Родрик. — Лорд Эддард гордился бы тобой.

Сидевший чуть ниже мейстер Лювин тоже кивнул одобрительно, и слуги начали разносить еду.

Такого Бран еще не пробовал. Блюдо следовало за блюдом так быстро, что он едва успевал отщипнуть. Огромные ноги зубров, зажаренные с луком-пореем, пироги с начинкой из оленины, моркови и грибов, бараньи отбивные с медом и гвоздикой, утка, кабанятина с

перцем, гусь, голуби и каплуны на вертелах, ячменная похлебка с говядиной, холодный компот. Лорд Виман привез из Белой Гавани двадцать бочонков рыбы, переложенной солью и водорослями: сига и сельдь, крабов и мидий, треску и семгу, омара и миногу. К столу подавали черный хлеб, медовые коврижки и овсяные бисквиты, репу, горошек и свеклу, бобы, тыкву и огромные красные луковицы. На сладкое были печеные яблоки, вишневые пирожные и груши в крепком вине. На каждом столе выше и ниже соли лежали круги белого сыра, и слуги сновали туда-сюда со штофами подогретого со

специями вина и охлажденного осеннего эля.

Музыканты лорда Вимана играли отменно, но скоро арфу, скрипку и рожок не стало слышно за смехом, разговорами, стуком посуды и рычанием собак, дерущихся из-за объедков. Певец пел славные песни: «Железные копья», «Сожжение кораблей», «Медведь и прекрасная дева», но слушал его, похоже, только Ходор, который топтался рядом с дударем, перескакивая с ноги на ногу.

Шум постепенно перешел в настоящий рев, густой поток звуков. Сир Родрик говорил с мейстером Лювином поверх кудрявой головы

Бет, счастливый Рикон кричал что-то Уолдерам. Бран не хотел сажать Фреев за высокий стол, но мейстер напомнил ему, что они скоро породнятся: Робб женится на одной из их теток, Арья выйдет замуж за дядюшку. «Вот уж нет, только не Арья», – сказал Бран, но мейстер настоял на своем, и Фреи сидели рядом с Риконом.

Каждое блюдо первым делом подносили Брану, чтобы он мог взять причитающуюся лорду долю, но когда дело дошло до уток, он уже не мог больше есть, а только кивал одобрительно и отсылал блюдо прочь. То, что пахло особенно вкусно, он отправлял одному из

лордов на помосте в знак дружбы и расположения, как учил его мейстер Лювин. Семгу он послал бедной грустной леди Хорнвуд, вепря — шумливым Амберам, гуся с ягодами — Клею Сервину, огромного омара — Джозету, мастеру над конями, который не был ни лордом, ни гостем, зато вышколил Плясунью так, что Бран мог ездить на ней. Он посылал сладости Ходору и старой Нэн только за то, что любил их. Сир Родрик напомнил ему о названных братьях, и Бран послал Уолдеру Малому вареную свеклу, а Уолдеру Большому — репу с маслом.

На нижних скамьях
винтерфеллцы сидели вперемешку с

простолюдинами из зимнего городка, соседями из ближних острогов и челядью лордов-гостей. Одних Бран видел впервые, других знал очень хорошо, но все они казались ему одинаково чужими. Он смотрел на них как-то издали, словно из окна своей спальни во двор, видя все, но ни в чем не принимая участия.

Оша ходила между столами, разливая эль. Кто-то из людей Леобальда Толхарта полез ей под юбку, и она разбила кувшин о его голову, к хохоту окружающих. А вот женщина, которой Миккен запустил руку за корсаж, как будто ничего против не имела. Фарлен заставлял свою рыжую суку служить,

протягивая ей кости, старая Нэн расковыривала корку горячего пирога морщинистыми пальцами. Бран улыбнулся ей. Лорд Виман за высоким столом накинута на блюдо с дымящимися миногами, словно на вражеское войско. Он был так толст, что сир Родрик велел сколотить для него особый широкий стул, но смеялся часто и громко и, пожалуй, нравился Брану. Бедная леди Хорнвуд сидела около него с лицом как каменная маска и что-то жевала без всякого аппетита. На другом конце высокого стола пьяные Хозер и Морс играли, сшибаясь рогами для питья, как рыцари на турнире.

«Тут слишком жарко, слишком

шумно, и они все перепились. — У Брана все тело чесалось под его шерстяным нарядом, и ему вдруг захотелось оказаться подальше отсюда. — В богороще сейчас прохладно, от горячих прудов поднимается пар, и шелестят красные листья чардрева. Запахи там богаче, чем здесь, а скоро взойдет луна, и мой брат будет петь, глядя на нее».

— Бран, ты ничего не ешь, — сказал сир Родрик.

Сон наяву был таким живым, что Бран не сразу понял, где находится.

— Попозже, сейчас у меня живот так набит, что вот-вот лопнет.

Белые усы старого рыцаря стали розовыми от вина.

– Ты вел себя молодцом, Бран. И здесь, и на беседах с лордами. Когда-нибудь из тебя тоже выйдет прекрасный лорд.

«Но я-то хочу быть рыцарем». Бран отпил еще глоток медового вина из отцовского кубка, радуясь, что можно за что-то ухватиться. На кубке скалилась, как живая, голова лютоволка. Серебряная морда вжалась в ладонь Брана, и он вспомнил, как отец при нем в последний раз пил из этого кубка.

Это было на пиру в честь приезда короля Роберта, прибывшего со всем двором в Винтерфелл. Тогда

еще стояло лето. Родители Брана сидели на помосте рядом с королем, королевой и ее братьями. Дядя Бенджен тоже был здесь, весь в черном. Бран, его братья и сестры сидели вместе с детьми короля, Джоффри, Томменом и принцессой Мирцеллой, которая все время с обожанием смотрела на Робба. Арья исподтишка через стол строила рожи, Санса жадно слушала рыцарские песни королевского арфиста, Рикон то и дело спрашивал, почему Джона нет с ними. «Потому что он бастард», – вынужден был наконец шепнуть ему Бран.

А теперь никого из них здесь нет. Словно какой-то жестокий бог

протянул свою длань и расшвырял кого куда: девочек в неволю, Джона на Стену, Робба с матерью на войну, отца, короля Роберта, а может быть, и дядю Бенджена — в могилу.

Даже на нижних скамьях сидели теперь новые люди. Нет больше Джори, Толстого Тома, Портера, Алина, Десмонда, Халлена, прежнего мастера над конями, и его сына Харвина... и септы Мордейн, и Вейона Пуля — всех, кто уехал на юг с отцом. Другие отправились с Роббом на войну и тоже могут не вернуться. Брану нравились Хэйхед, Рябой Том, Скиттрик и другие новенькие, но он скучал по старым друзьям.

Он оглядывал лица за столами,

веселые и печальные, и гадал, кого из них не окажется здесь на тот год и на следующий. Ему хотелось плакать, но нельзя было. Он – Старк из Винтерфелла, сын своего отца, наследник своего брата и почти взрослый мужчина.

Двери в конце зала открылись, и факелы вспыхнули ярче от порыва холодного воздуха. Вошел Эйлбелли с двумя новыми гостями.

– Леди Мира из дома Ридов, что в Сероводье, – громогласно объявил он, перекрывая шум, – с братом своим Жойеном.

Пирующие оторвались от своих кубков и мисок, чтобы взглянуть на новоприбывших.

– Лягушатники, – шепнул Уолдер Малый на ухо Уолдеру Большому.

Сир Родрик встал:

– Добро пожаловать, друзья, и прошу разделить с нами плоды этого урожая. – Слуги поспешили удлинить стол на помосте, поставив козлы и стулья.

– Кто это? – спросил Рикон.

– Болотные жители, – презрительно процедил Уолдер Малый. – Все они воры и трусы, и зубы у них зеленые, потому что они лягушек едят.

Мейстер Лювин, подойдя к Брану, сказал ему на ухо:

– Окажи им теплый прием. Я не думал увидеть их здесь, но... ты

знаешь, кто они такие?

— Островные жители с Перешейка, — кивнул Бран.

— Хоуленд Рид был большим другом твоего отца, — заметил Водрик, — а это, как видно, его дети.

Пока новые гости шли через зал, Бран разглядывал девушку, одетую совсем не по-женски. На ней были овчинные бриджи, ставшие мягкими от долгой носки, и безрукавка, покрытая бронзовой чешуей. Она, хотя и ровесница Робба, фигурой походила на мальчика — длинные каштановые волосы связаны сзади, и грудь почти незаметна. На одном боку у нее висела нитяная сетка, а на другом — длинный бронзовый нож, на

руке она несла старый железный шлем, тронутый ржавчиной, за спиной — лягушачью острогу и круглый кожаный щит.

Брат, на несколько лет младше ее, оружия не имел. Он был весь в зеленом, считая и сапоги. Когда он подошел поближе. Бран увидел, что и глаза у него цветом походят на мох, хотя зубы белые, как у всех людей. И брат, и сестра были тонки, стройны, как мечи, а ростом чуть повыше самого Брана. Они преклонили одно колено перед помостом.

— Милорд Старк, — сказала девушка, — века и тысячелетия минули с тех пор, как наш род впервые присягнул на верность

Королю Севера. Мой лорд-отец послал нас сюда, чтобы вновь повторить эту клятву от имени всех наших людей.

Бран видел, что она смотрит на него, — надо было что-то отвечать.

— Мой брат Робб сражается на юге, но вы можете присягнуть мне, если хотите.

— От имени Сероводья присягаем Винтерфеллу на верность, — хором сказали брат и сестра. — Мы отдаем вам, милорд, сердце свое, дом и очаг. Наши мечи, копья и стрелы к вашим услугам.

Будьте справедливы к нам всем, милосердны к тем, кто слаб, помогайте тем, то нуждается в

помощи, и мы никогда вас не оставим.

— Клянусь в этом землей и водой, — сказал мальчик в зеленом.

— Клянусь бронзой и железом, — сказала его сестра.

— Клянемся льдом и огнем, — вместе закончили они. Бран не знал, что сказать. Может, ему тоже надо в чем-то поклясться? Их клятва была не такая, как та, которую велели выучить ему.

— Пусть зима ваша будет недолгой, а лето изобильным, — сказал он. Эти слова годились для всякого случая. — Брандон Старк говорит вам: встаньте.

Девушка, Мира, поднялась и

помогла встать брату. Мальчик все это время не сводил глаз с Брана.

— Мы привезли вам в дар рыбу, лягушек и птицу, — сказал он.

— Благодарствую. — Уж не придется ли ему из учтивости съесть лягушку? — И предлагаю вам в ответ мясо и мед Винтерфелла. — Бран старался вспомнить все, что знал об островных людях, которые живут среди болот Перешейка и редко покидают родные топи. Это бедный народ, они промышляют рыболовством и ловлей лягушек, а живут в тростниковых хижинах на плавучих островках. Говорят, что они трусливы, пользуются отравленным оружием и предпочитают прятаться

от врага, нежели встречаться с ним лицом к лицу. Однако Хоуленд Рид был одним из самых стойких сторонников отца в борьбе за корону для короля Роберта, когда Бран еще не родился.

Жойен Рид, сев на свое место, с любопытством оглядел зал.

— А где же лютоволки?

— В богороще, — ответил Рикон. — Лохматик плохо себя вел.

— Мой брат хотел бы посмотреть их, — сказала Мира.

— Как бы они его первые не увидели — как раз откусят что-нибудь, — громко вмешался Уолдер Малый.

— При мне не откусят. — Брану

приятно было, что Риды хотят посмотреть на волков. — Лето уж точно нет, а Лохматого мы не подпустим близко. — Болотные жители вызывали в нем любопытство. Он не помнил, чтобы видел раньше хотя бы одного. Отец посылал лорду Сероводья письма в течение многих лет, но никто из них так и не появился в Винтерфелле. Брану хотелось о многом поговорить с этими двумя, но в чертоге стоял такой шум, что и себя-то с трудом было слышно. Но сир Родрик сидел рядом, и Бран спросил его:

— Они правда лягушек едят?

— Да, — ответил старый рыцарь. —

Лягушек, рыбу, львоящеров и

всевозможную птицу.

«Может, это потому, что у них нет овец и крупного скота», — подумал Бран. Он приказал слугам подать гостям бараньи отбивные, зубрятину и налить им говяжьей похлебки. Еда, кажется, понравилась им. Девушка заметила, что Бран смотрит на нее, и улыбнулась. Он покраснел и отвел глаза.

Много позже, когда сладкое доели и запили его галлонами летнего вина, со столов убрали и сдвинули их обратно к стенам, освободив место для танцев. Музыканты заиграли громче, к ним присоединились барабанщики, а Хозер Амбер притащил огромный

боевой рог, оправленный в серебро. Когда певец в «Конце долгой ночи» дошел до места, где Ночной Дозор выступает на Рассветную Битву с Иными, он затрубил так, что все собаки залились лаем.

Двое Gloverовских домочадцев завели быстрый мотив на волынке и арфе. Морс Амбер вскочил первый и подхватил проходившую мимо служанку, выбив у нее из рук штоф с вином. Он закружился с ней по тростнику среди костей и огрызков хлеба, вскидывая ее на воздух. Девушка, вся красная, визжала и смеялась, а юбки у нее взлетали выше головы.

В пляску вступили другие пары.

Ходор плясал один, лорд Виман пригласил маленькую Бет Кассель. Он двигался грациозно, несмотря на свою толщину. Когда он устал, с девочкой пошел Клей Сервин. Сир Родрик подошел к леди Хорнвуд, но она, извинившись, удалилась. Бран побыл еще немного, сколько требовала учтивость, а потом подозвал Ходора. Он устал, вспотел, разгорячился от вина, и танцы нагоняли на него тоску. Вот еще одно, чего он никогда не сможет делать.

— Я хочу уйти.

— Ходор, — ответил Ходор и стал на колени. Мейстер Лювин и Хэйхед посадили Брана в корзину.

Винтерфеллцы сто раз это видели, но гостям, конечно, показалось чудно, и многие, любопытствуя, забыли о вежливости — Бран чувствовал, как они пялятся на него.

Они нырнули в боковой выход, чтобы не тащиться через весь зал, и Бран нагнул голову, проходя в дверь для лордов. В тускло освещенной галерее Джозет, мастер над конями, занимался верховой ездой особого рода. Он прижал к стене незнакомую Брану женщину, задрав ей юбки до пояса. Она хихикала, пока Ходор не остановился поглядеть — тогда она завизжала.

— Оставь их, Ходор, — пришлось сказать Брану. — Неси меня в

спальню.

Ходор внес его по винтовой лестнице на башню и стал на колени перед одним из железных брусьев, вбитых Миккеном в стену. Бран, цепляясь за них, перебрался на кровать, и Ходор снял с него сапоги и бриджи.

— Ты можешь вернуться на праздник, только не докучай Джозету и той женщине, — сказал мальчик.

— Ходор, — ответил конюх, кивая.

Бран задул свечу у постели, и тьма покрыла его, как мягкое, знакомое одеяло. Сквозь ставни окна слабо доносилась музыка.

Мальчику вдруг вспомнились слова, которые когда-то давно сказал

ему отец. Бран тогда спросил лорда Эддарда, правда ли, что в Королевской Гвардии служат самые достойные рыцари Семи Королевств. «Теперь уж нет, — ответил отец, — но когда-то они и верно были чудом, блистательным уроком миру». «А кто из них был самый лучший?» «Лучшим рыцарем, которого я знал, был сир Эртур Дейн, клинок которого звался Меч Зари и был выкован из сердца упавшей на землю звезды. Он убил бы меня, если б не Хоуленд Рид». Сказав это, отец опечалился и замолчал. Теперь Бран жалел, что не расспросил его получше.

Когда он ложился, голова его

была полна рыцарей в блестящих доспехах, которые сражались мечами, сияющими, как звезды, но во сне снова оказался в богороще. Запах кухни и Великого Чертога были так сильны, словно он и не уходил. Он крался под деревьями вместе с братом. Буйная ночь наполнилась воем играющей человеческой стаи. Эти звуки вселяли в него беспокойство. Ему хотелось бегать, охотиться, хотелось...

Лязг железа заставил его насторожить уши. Брат тоже услышал, и они ринулись сквозь подлесок на этот звук. Перепрыгнув через стоячую воду у подножия старого белого дерева, он уловил

чужой запах — человеческий духе
примесью кожи, земли и железа.

Чужие проникли в рощу на
несколько ярдов, когда он настиг их —
самка и молодой самец, и они не
испугались, даже когда он показал
им зубы. Брат грозно зарычал на них,
но они и тогда не побежали.

— Вот они, — сказала самочка.
«Мира», — шепнула какая-то часть
его разума, часть памяти мальчика,
спящего и видящего волчий сон. —
Думал ли ты, что они окажутся
такими большими?

— Они будут еще больше, когда
вырастут совсем, — сказал молодой
самец, глядя на них большими,
зелеными, лишенными страха

глазами. – Черный полон страха и ярости, но серый очень силен... он сам не знает, какой он сильный... чувствуешь ты это, сестра?

– Нет. – Она опустила руку на свой длинный бурый нож. – Будь осторожен, Жойен.

– Он меня не тронет. Не в этот день мне суждено умереть. – Самец подошел к ним, ничего не боясь, и протянул руку к его морде, коснувшись легко, как летний бриз. Но от прикосновения этих пальцев деревья исчезли и земля под ногами обратилась в дым и умчалась прочь – он вертелся в пустоте и падал, падал, падал...

Кейтилин

Она спала среди зеленых холмов, и ей снилось, что Бран цел и невредим, Арья с Сансой держатся за руки, а Рикон, ее младенец, у ее груди. Робб, без короны, играл с деревянным мечом. Когда все они мирно уснули, ее в постели ждал улыбающийся Нед.

Какой это был сладкий сон, и как быстро он кончился. Жестокий рассвет пронзил ее своим кинжалом. Она проснулась измученная и одинокая, уставшая от езды, от разных недугов и от долга. «Заплакать бы сейчас — и чтобы кто-

нибуть утешил. Я так устала быть сильной. Хочу хоть немножко побыть глупой и испуганной. Совсем немножко... один день... один час...»

Снаружи, за стенками шатра, уже суетились мужчины. Ржали лошади, Шадд жаловался на боль в спине, сир Вендел требовал свой лук. Провалиться бы им всем. Они люди славные и преданные, но она от них устала. Ее дети — вот кто был ей нужен сейчас. Когда-нибудь непременно позволю себе не быть сильной, пообещала она.

Но не сегодня. Сегодня не получится.

Она оделась, и собственные

пальцы показались ей еще более неловкими, чем обычно. Что ж, надо быть благодарной и за то, что они хоть как-то ее слушаются. Тот кинжал был из валирийской стали, а валирийская сталь жалит остро и глубоко. Стоило только посмотреть на шрамы, чтобы вспомнить.

Шадд помешивал овсянку в котелке, сир Вендел Мандерли натягивал лук.

— Здесь в траве много птицы, миледи, — сказал он, когда Кейтилин вышла. — Не угодно ли жареного перепела на завтрак?

— Довольно будет овсянки с хлебом. Перед нами еще много лиг, сир Вендел.

— Как прикажете, миледи. — Круглое лицо рыцаря выразило огорчение, моржовые усы разочарованно поникли. — Овсянка с хлебом — что может быть лучше! — Он был одним из самых толстых людей, известных Кейтилин, но при всем своем обжорстве оставался человеком чести.

— Я нарвал крапивы и заварил чай, — объявил Шадд. — Не желаете ли чашечку, миледи?

— Охотно.

Она взяла чашку в свои изрезанные руки и подула, чтобы охладить. Шадд был из Винтерфелла. Робб дал двадцать лучших своих людей, чтобы проводить ее к Ренли.

И послал с ней пятерых лордов, чтобы придать больший вес ее посольству. Путешествуя на юг и останавливаясь подальше от городов и селений, они не раз замечали отряды одетых в кольчуги людей и видели дым на восточном горизонте, однако на них никто не нападал: они были слишком слабы, чтобы представлять для кого-то угрозу, и слишком многочисленны, чтобы показаться легкой добычей. Когда они переправились через Черноводную, худшее осталось позади — уже четыре дня им не встречалось никаких признаков войны.

Кейтилин не хотелось ехать —

она так и сказала Роббу в Риверране.

— Когда я видела Ренли в последний раз, он был мальчиком не старше Брана. Я не знаю его. Пошли кого-нибудь другого. Мое место здесь, рядом с отцом, на то время, что ему еще осталось.

Сын огорчился.

— Некого больше. Сам я ехать не могу, твой отец тяжело болен, Черная Рыба — мои глаза и уши, и я не решусь расстаться с ним. Твой брат нужен мне, чтобы удерживать Риверран, когда мы выступим...

— Выступим? — Об этом она слышала впервые.

— Я не могу сидеть в Риверране и ждать заключения мира. Подумают

еще, будто я боюсь выйти в поле. Когда долго нет сражений, люди начинают думать о доме и урожае – так отец говорил. Даже мои северяне начинают беспокоиться.

Мои северяне. Он говорит теперь, как настоящий король.

– От беспокойства еще никто не умирал, а вот бесшабашность – дело иное. Мы посеяли семена – дай им прорасти.

Робб упрямо потряс головой.

– Мы бросили семена на ветер, только и всего. Если бы твоя сестра Лиза решила помочь нам, мы уже слышали бы об этом. Сколько птиц мы послали в Орлиное Гнездо, четырех? Я тоже хочу мира, но зачем

Ланнистерам на него соглашаться, если я сижу здесь сиднем, а войско мое тем временем тает, как снег среди лета?

— Выходит, ты готов плясать под дудку лорда Тайвина, лишь бы только не показаться трусом? Ему того и нужно, чтобы ты двинулся на Харренхолл, — спроси своего дядю Бриндена...

— Разве я сказал хоть слово о Харренхолле? Так что же — поедешь ты к Ренли, или мне послать Большого Джона?

...Кейтилин улыбнулась слегка, вспомнив об этом. Хитрость, шитая белыми нитками, однако недурная для мальчика пятнадцати лет. Робб

знал, как плохо подходит Большой Джон Амбер для переговоров с таким человеком, как Ренли Баратеон, — и знал, что она тоже знает. Ей оставалось только согласиться, уповая на то, что отец доживет до ее возвращения. Будь лорд Хостер здоров, он поехал бы сам. Но разлука с ним далась ей тяжело. Он даже не узнал ее, когда она пришла проститься. «Миниса, — сказал он ей, — а где же дети? Малютка Кет, душечка Лиза...» Кейтилин поцеловала его в лоб и сказала, что девочки здоровы. «Дождись меня, милорд, — добавила она, когда его глаза закрылись. — Я столько раз тебя ждала — дождись и ты меня».

«Судьба снова гонит меня на юг, — думала она, попивая терпкий чай, — хотя душа моя рвется на север, домой». В последнюю ночь она написала из Риверрана Брану и Рикону: «Я не забыла вас, мои дорогие, поверьте — но вашему брату я нужна больше».

— Сегодня мы должны добраться до верховьев Мандера, миледи, — сказал сир Вендел, пока Шадд раздавал овсянку. — Лорд Ренли где-то недалеко, если верить слухам.

«Что же я скажу ему, когда мы встретимся? Что мой сын не считает его королем?» Предстоящая встреча ее не радовала. Им нужны друзья, а не новые враги, однако Робб никогда

не склонит колена перед человеком, не имеющим, по его мнению, никаких прав на трон.

Кейтилин очистила миску, даже не почувствовав вкуса, и отставила ее в сторону.

– Пора трогаться. – Чем скорее она поговорит с Ренли, тем скорее вернется домой. Она первая села в седло и задала темп всей колонне. Хел Моллен ехал рядом с ней со знаменем дома Старков – серым лютоволком на белоснежном поле.

Их встретили, когда до лагеря Ренли оставалось еще полдня езды. Робин Флинт, высланный на разведку, примчался галопом назад и доложил, что кто-то смотрит в

подзорную трубу с крыши ветряной мельницы. Когда отряд Кейтилин добрался до мельницы, соглядатай давно исчез. Они двинулись дальше, но не успели покрыть и мили, как появился передовой дозор Ренли — двадцать конных в кольчугах под командой седобородого рыцаря с синими сойками на камзоле. Увидев знамена Кейтилин, он выехал ей навстречу один.

— Позвольте представиться, миледи, — я сир Колин Гринпул. Вы едете по опасным землям.

— Неотложное дело вынуждает меня к этому. Я приехала как посланница от моего сына, Робба Старка, Короля Севера, чтобы

поговорить с Ренли Баратеоном, Королем Юга.

– Король Ренли есть венчанный и помазанный правитель всех Семи Королевств, миледи, – учтиво, но твердо ответил сир Колин. – Его величество стоит со своим войском у Горького Моста, где Дорога Роз пересекает Мандер. Для меня будет честью сопровождать вас к нему. – Рыцарь вскинул руку в кольчуге, и его люди построились по обе стороны отряда Кейтилин – не то почетный караул, не то конвой. Ей оставалось только положиться на честь сира Колина и лорда Ренли.

Дым лагерных костров стал виден ею в часе езды от реки. Потом

через поля и равнины до них докатился шум, подобный рокоту далекого моря. Когда впереди блеснули под солнцем мутные воды Мандера, в общем гуле стало возможно различить людские голоса, конское ржание и бряцание стали. Но ни дым, ни шум не подготовили их к открывшемуся перед ними виду.

Дымовую завесу создавали тысячи костров. Одни только лошадиные загоны тянулись на многие лиги. Не иначе как целый лес вырубили на шесты для знамен. Вдоль зеленой обочины Дороги Роз тянулись осадные машины — катапульты, требюшеты и тараны на колесах выше всадника на коне.

Наконечники пик рдели на солнце, словно уже обогренные кровью. Шатры лордов и рыцарей торчали в траве, как шелковые грибы. Повсюду копья, мечи, стальные шлемы и кольчуги, лагерные потаскушки, лучники, оперяющие стрелы, возницы, погоняющие свои упряжки, скотники со стадами свиней, пажина побегушках, оруженосцы, острящие клинки, верховые рыцари, конюхи, ведущие в поводу горячих боевых скакунов.

— Да их тут тьма-тьмущая, — заметил сир Вендел Мандерли, переезжая старинный каменный мост, называемый Горьким.

— Да, — согласилась Кейтилин.

Казалось, что все рыцарство юга откликнулось на зов Ренли. Золотая роза Хайгардена мелькала повсюду: на груди латников и слуг, на зеленых шелковых знаменах, реющих на копьях и пиках, на щитах над шатрами сыновей, племянников и кузенов дома Тиреллов. Кроме них Кейтилин разглядела лису среди цветов дома Флорентов, яблоки Фоссовеев, красное и зеленое, охотника лорда Тарли, дубовые листья Окхартов, журавлей Крейнов, черно-оранжевых мотыльков Маллендоров.

За Мандером поставили свои штандарты штормовые лорды — знаменосцы самого Ренли,

присягнувшие дому Баратеонов и Штормовому Пределу. Кейтилин узнала соловьев Брюса Карона, перепелов Пенроза и морскую черепаху лорда Эстермонта, зеленую на зеленом. Но на каждый знакомый ей щит приходилась дюжина незнакомых, принадлежавших мелким лордам, вассалам знаменосцев, межевым рыцарям и вольным всадникам — все они собрались сюда, чтобы сделать Ренли королем на деле, а не только по имени.

Знамя Ренли развевалось выше всех на самой большой осадной башне, огромном дубовом сооружении, крытом сыромятными

шкурами. Такого флага Кейтилин еще не видывала — им можно было застелить целый зал замка. Знамя переливалось золотом, и черный коронованный олень Баратеонов гордо высился на нем.

— Миледи, вы слышите этот шум? — спросил, подъехав к ней, Хеллис Моллен. — Что это?

Она прислушалась. Крики, отчаянное ржание, лязг стали и...

— Там кричат «ура». — Они поднимались на пологий холм с разноцветными шатрами вдоль гребня. Когда они въехали наверх, толпа стала гуще, шум громче, и Кейтилин увидела.

Внизу, под каменными с

деревом стенами маленького замка, шел турнир.

Поле расчистили, поставив на нем изгороди, галереи и барьеры для конных поединков. Вокруг стояли сотни – если не тысячи, зрителей. Судя по изрытой, усеянной обломками доспехов и копий земле, турнир начался не сейчас, а может, и не сегодня, и уже близился к концу. Меньше двух десятков рыцарей, оставшихся в седлах, рубились друг с другом, зрители и выбывшие из боя сотоварищи подбадривали их криками. Два коня в полных доспехах на глазах у Кейтилин сшиблись и упали, превратившись в груды железа и копыт.

– Турнир, – произнес Хел Моллен, имевший привычку высказывать вслух то, что и так ясно.

– Отличная работа, – сказал сир Вендел, когда рыцарь в плаще семи цветов радуги нанес обратный удар боевым топором по щиту своего противника так, что тот зашатался в седле.

Толпа впереди затрудняла их продвижение.

– Леди Старк, – сказал сир Колин, – если ваши люди любезно согласятся подождать здесь, я представлю вас королю.

– Хорошо. – Она отдала приказ, повысив голос, чтобы быть услышанной. Сир Колин двинулся

вперед пешком, ведя коня в поводу, Кейтилин ехала за ним. Толпа взревела — это один из рыцарей выбил из седла другого — без шлема, с рыжей бородой и грифоном на щите. Доспехи победителя сверкали яркой синевой, даже булава, которой он нанес столь мастерский удар, была синяя, на попоне коня красовались солнца и луны дома Тартов.

— Проклятие богам, Рыжего Роннета свалили, — выругался кто-то.

— Ничего, Лорас разделается с сине... — общий рев заглушил остальные слова.

Раненый конь упал, придавив еще одного рыцаря. И конь, и всадник вопили от боли.

Оруженосцы бросились им на помощь.

«Что за безумие, – подумала Кейтилин. – Самые настоящие враги со всех сторон, половина государства охвачена пламенем, а Ренли сидит здесь и играет в войну, словно мальчик, впервые получивший деревянный меч».

Лордов и леди на галерее было не меньше, чем рыцарей на поле. Кейтилин присмотрелась к ним. Ее отец часто заключал договоры с южными лордами, и многие из них гостили в Риверране. Она узнала лорда Матиса Рована, раздобревшего и цветущего, как никогда, с золотым деревом своего дома на белом

дублете. Чуть ниже сидела маленькая хрупкая леди Окхарт, слева от нее — лорд Рендилл Тарли с Рогова Холма. Свой меч, Губитель Сердец, он прислонил к спинке сиденья. Других она знала только по эмблемам, а некоторых вовсе не знала.

А в середине, рядом со своей молодой королевой, сидел смеющийся призрак в золотой короне.

Неудивительно, что лорды сбежались на его зов — он ведь вылитый Роберт. Такой же красивый, длинноногий и широкий в плечах, с теми же угольно-черными прямыми волосами, синими глазами и легкой улыбкой. Корона на лбу очень шла

ему. Обруч мягкого золота состоял из искусно отлитых роз, а спереди возвышалась голова оленя из темно-зеленой яшмы, с золотыми глазами и рогами.

На зеленом бархатном камзоле короля тоже был вышит золотом коронованный олень — герб Баратеонов в цветах Хайгардена. Из Хайгардена происходила и юная дама, делившая высокое сиденье с королем, — Маргери, дочь лорда Мейса Тирелла. Их брак послужил раствором, скрепившим великий южный союз. Ренли двадцать один год, королева не старше Робба и очень хороша, с мягкими глазами лани и грудой каштановых локонов,

ниспадающих на плечи, с робкой и милой улыбкой.

На поле еще один боец не выдержал натиска рыцаря в радужном плаще, и король закричал вместе с остальными:

— Лорас! Хайгарден! — А королева захлопала в ладоши.

Кейтилин обернулась посмотреть, чем кончится сражение. На поле осталось всего четверо, и не было сомнений в том, кому отдают предпочтение король и его народ. Она ни разу не встречалась с сиром Лорасом Тиреллом, но Рыцарь Цветов прославился даже на их далеком севере. Сир Лорас, на высоком скакуне в серебряной

кольчуге, сражался длинным топором, и шлем его украшал гребень из золотых роз.

Два других рыцаря, объединившись, напали на воина в синей броне. Они набросились на него с двух сторон, но синий рыцарь, круто натянув поводья, ударил одного в лицо своим расщепленным щитом, а его вороной скакун лягнул кованым копытом другого. Один противник тут же вылетел из седла, другой зашатался. Синий рыцарь бросил на землю сломанный щит, освободив левую руку, и тут на него налетел Рыцарь Цветов. Тяжесть доспехов почти не влияла на грацию и проворство сира Лораса, радужный

плащ развевался за плечами.

Белый конь и черный закружились, как влюбленная пара в танце на празднике урожая, но здесь обменивались не поцелуями, а ударами. Сверкнул топор, свистнула булава. И то, и другое оружие, хоть и затупленное, производило ужасный лязг. Синему рыцарю, оставшемуся без щита, приходилось несладко. Сир Лорас осыпал ударами его голову и плечи под рев толпы, кричащей «Хайгарден!». Тот отбивался булавой, но сир Лорас каждый раз подставлял под удары свой побитый зеленый щит с тремя золотыми розами. Топор, зацепив руку синего рыцаря, выбил из нее булаву, и толпа взвыла,

как зверь во время гона. Рыцарь Цветов поднял топор для последнего удара.

Синий рыцарь ринулся вперед. Кони сшиблись, топор врезался в поцарапанный синий панцирь... но рыцарь из дома Тартов зажал рукоять своими стальными пальцами и вырвал топор из руки сира Лораса. Оба всадника сцепились и начали падать. Кони разомкнулись, и рыцари с грохотом рухнули наземь. Сир Лорас оказался внизу, а синий рыцарь, достав длинный кинжал, открыл ему забрало. За ревом толпы Кейтилин не слышала, что сказал сир Лорас, но видела, как разбитые губы сложились в слово: «Сдаюсь».

Синий рыцарь нетвердо поднялся на ноги и поднял кинжал, повернувшись к Ренли, – это был салют победителя своему королю. Оруженосец выбежал на поле, чтобы помочь побежденному рыцарю. С него сняли шлем, и Кейтилин подивилась его молодости – он был всего на пару лет старше Робба. Вероятно, красотой он не уступал сестре, но распухшие губы, расплывающийся взгляд и спутанные, испачканные кровью волосы мешали убедиться в этом.

– Приблизьтесь, – сказал король Ренли победителю. Тот заковылял к галерее. Вблизи великолепные синие доспехи имели далеко не блестящий

вид. Повсюду виднелись вмятины от палицы и боевого топора, царапины от меча, эмаль на шлеме и панцире во многих местах облупилась, плащ превратился в лохмотья. Человек внутри этой железной скорлупы, судя по его походке, пострадал не меньше. Немногие голоса кричали ему «Тарт!» и почему-то «Красотка! Красотка!», но большинство молчало. Синий рыцарь преклонил колени перед королем.

— Ваше величество, — глухо произнес он из-под шлема.

— Вы действительно таковы, как говорил ваш лорд-отец, — громко, так что слышали все, сказал Ренли. — Я видел пару раз, как сира Лораса

выбивали из седла... но таким манером никогда.

– Так не спешивают, – проворчал какой-то пьяный лучник с розой Тиреллов на кафтане. – Это подлый прием – стаскивать человека с седла.

Толпа стала потихоньку расходиться.

– Сир Колин, – сказала Кейтилин, – кто этот человек и почему его так не любят?

– Потому что это не он, а она. Это Бриенна Тарт, миледи, дочь лорда Сельвина Вечерней Звезды.

– Дочь?! – ужаснулась Кейтилин.

– Ее называют Бриенна Красотка, но не в лицо, иначе за такие слова можно крепко

поплатиться.

Король Ренли провозгласил Бриенну Тарт победителем большого турнирного сражения у Горького Моста, последней оставшейся в седле из ста шестнадцати рыцарей.

— Как победитель можете просить у меня чего пожелаете. И если это будет в моей власти, я вашу просьбу исполню.

— Ваше величество, я прошу о чести быть принятой в вашу Радужную Гвардию. Хочу быть одной из семерых ваших рыцарей, сопровождать вас конной и пешей и хранить от всякого вреда.

— Пусть будет так, — сказал король. — Встаньте и снимите ваш

шлем.

Она повиновалась, и Кейтилин поняла, что имел в виду сир Колин.

Красоткой ее назвали в насмешку. Волосы под шлемом были как охапка грязной соломы, а лицо... у нее большие голубые глаза, настоящие девичьи глаза, доверчивые и невинные, но остальное... черты крупны и грубы, кривые зубы торчат из здоровенного рта, губы такие толстые, что кажутся опухшими. Лоб и щеки в сплошных веснушках, нос явно был сломан, и не раз. Сердце Кейтилин наполнилось жалостью. Есть ли в мире создание более несчастное, чем некрасивая женщина?

Но Бриенна Тарт, когда Ренли снял с нее изорванный плащ и накинул ей на плечи радужный, отнюдь не казалась несчастной. Улыбка озарила ее лицо, и она сказала голосом звучным и гордым:

— Моя жизнь принадлежит вам, ваше величество. Отныне и впредь я ваш щит — клянусь в этом старыми богами и новыми. — Кейтилин больно было видеть, как она смотрит на короля — притом смотрела Бриенна сверху вниз, будучи выше его на целую ладонь, хотя Ренли был ростом со своего покойного брата.

— Ваше величество! — сказал сир Колин Гринпул, подойдя к галерее. — Смиренно прошу вашего внимания. —

Он преклонил колено. — Имею честь представить вам леди Кейтилин Старк, посланную к нам своим сыном Роббом, лордом Винтерфелла.

— Лордом Винтерфелла и Королем Севера, сир, — поправила Кейтилин, спешившись и став рядом с сиром Колином.

— Леди Кейтилин? — удивленно произнес Ренли. — Вот нежданная радость. Маргери, дорогая, это леди Кейтилин Старк из Винтерфелла.

— Мы рады видеть вас здесь, леди Старк, — с ласковой учтивостью сказала королева. — Я сожалею о вашей потере.

— Вы очень добры, — сказала Кейтилин.

– Клянусь, миледи, я заставлю Ланнистеров ответить за убийство вашего мужа, – объявил король. – Когда я возьму Королевскую Гавань, я пришлю вам голову Серсеи.

«Разве это вернет мне Неда?» – подумала она.

– Мне довольно будет знать, что правосудие свершилось, милорд.

– «Ваше величество», – резко поправила ее Бриенна Синяя. – И когда вы говорите с королем, полагается преклонять колени.

– Разница между «милордом» и «величеством» не так уж велика, миледи, – ответила Кейтилин. – Лорд Ренли носит корону, но и мой сын тоже. Мы можем сколько угодно

стоять здесь в грязи и спорить о почестях и титулах, но мне думается, есть более важные дела, которые нам следует обсудить.

Кое-кто из лордов Ренли набычился, услышав это, но король только рассмеялся.

— Хорошо сказано, миледи. О величествах будем толковать после окончания войны. Скажите, когда ваш сын располагает выступить на Харренхолл?

Кейтилин не собиралась раскрывать планы Робба, не выяснив сначала, друг им этот король или враг.

— Я не присутствую на военных советах моего сына, милорд.

– Не имею ничего против его действий – лишь бы оставил нескольких Ланнистеров и на мою долю. Как он поступил с Цареубийцей?

– Джейме Ланнистер содержится под стражей в Риверране.

– Как, он еще жив? – изумился лорд Матис Рован.

– Как видно, у лютоволка нрав мягче, чем у льва, – заметил Ренли.

– «Мягче, чем Ланнистеры»? – с горькой улыбкой вставила леди Окхарт. – Это все равно что сказать «суше, чем море».

– Я бы назвал это слабостью. – Лорд Рендилл Тарли со щетинистой седой бородой славился своим

прямым нравом. – И при всем моем уважении к вам, леди Старк, лорду Роббу подобало бы самому засвидетельствовать свое почтение королю, а не прятаться за материнские юбки.

– Король Робб ведет войну, милорд, – с ледяной вежливостью ответила Кейтилин, – а не выступает на турнирах.

– Берегитесь, лорд Рендилл, – как бы вам не оконфузиться, – усмехнулся Ренли, подозвав к себе стюарда в ливрее Штормового Предела. – Разместите спутников этой леди со всевозможными удобствами, сама же леди Кейтилин расположится в моем шатре. Мне он

не нужен, поскольку лорд Касвелл любезно предоставил нам свой замок. Когда вы отдохнете, миледи, надеюсь иметь честь разделить с вами мясо и мед на пиру, который дает нам нынче вечером лорд Касвелл. Это прощальный пир – его милости, полагаю, не терпится поскорее выпроводить отсюда мою голодную орду.

– Ничего подобного, ваше величество, – возразил хлипкий молодой человек – это, видимо, и был Касвелл. – Все мое принадлежит вам.

– Если бы вы сказали это моему брату Роберту, он поймал бы вас на слове. У вас ведь есть дочери?

– Да, ваше величество. Две.

– Тогда благодарите богов, что я не Роберт. Моя милая королева – вот единственная женщина, желанная мне. – Ренли встал и подал руку Маргери. – Мы поговорим, когда вы подкрепите силы после дороги, леди Кейтилин.

Ренли повел жену обратно в замок, а его стюард проводил Кейтилин в королевский шатер из зеленого шелка.

– Если вам что-то понадобится, стоит только сказать, миледи.

Кейтилин не могла вообразить, что еще ей может понадобиться помимо того, что здесь имелось. Шатер, больше, чем комната в иной

гостинице, был обставлен с необычайной роскошью: пуховые перины и меха, ванна из дерева и меди, где могли поместиться двое человек, жаровни, поддерживающие тепло в холодные ночи, складные кожаные стулья, письменный стол с перьями и чернильницей, вазы с персиками, сливами и грушами, штоф вина с набором серебряных кубков, кедровые сундуки, набитые одеждой Ренли, книгами, картами и игральными досками, большая арфа, длинный лук и колчан со стрелами, пара краснохвостых охотничьих ястребов и настоящий арсенал превосходного оружия. Он себя ни в чем не стесняет, этот Ренли,

подумала Кейтилин, оглядываясь кругом. Неудивительно, что его войско движется так медленно.

У входа стояли королевские доспехи: лиственнно-зеленый панцирь с золотой гравировкой, шлем с высокими золотыми оленьими рогами на гребне. Сталь была так начищена, что Кейтилин видела в панцире свое отражение, глядящее на нее, словно из глубокого зеленого пруда. «Лицо утопленницы», — подумала она. Можно ли утонуть в своем горе? Она резко отвернулась, рассердившись на себя за проявленную слабость. Не время предаваться жалости к себе. Надо смыть пыль с волос и

переодеться в нечто более подобающее для королевского пира.

В замок ее сопровождали сир Вендел Мандерли, Люкас Блэквуд, сир Первин Фрей и другие ее высокородные спутники. Великий Чертог замка лорда Касвелла мог называться великим разве что из вежливости, но рыцари Ренли потеснились, и людям Кейтилин тоже нашлось место. Кейтилин усадили на помосте между краснолицым лордом Матисом Рованом и добродушным сиром Джоном из Фоссовеев зеленого яблока. Сир Джон отпускал шутки, лорд Матис учтиво расспрашивал о здоровье ее отца, брата и детей.

Бриенна Тарт сидела на дальнем конце высокого стола. К вечеру она оделась нарядно – но не как дама, а как рыцарь: в бархатный дублет с розовыми и лазурными квадратами и красивым наборным поясом, бриджи и сапоги. Новый радужный плащ покрывал ее плечи. Но никакой наряд не мог скрыть ее безобразия – огромных веснушчатых рук, широкого плоского лица, торчащих зубов. Без доспехов она казалась неуклюжей – широкие бедра, крутые мускулистые плечи, толстые руки и ноги и почти плоская грудь. Все движения Бриенны говорили о том, что она это знает и страдает из-за этого. Она говорила, только когда к

ней обращались, и почти не поднимала глаз от стола.

Стол был весьма изобилен. Война не затронула сказочно богатых земель Хайгардена. Гости, под пение музыкантов и кувыркание акробатов, начали с груш в вине и перешли к мелкой рыбке, обвалянной в соли и зажаренной до хруста, а затем к каплунам, начиненным луком и грибами. На столах высились ковриги черного хлеба, горы репы, кукурузы и горошка, громадные окорока, жареные гуси и миски оленьей похлебки с ячменем и пивом. На сладкое слуги лорда Касвелла подали лакомства, изготовленные на кухне замка:

сливочных лебедей, единорогов из жженого сахара, лимонные витушки в виде роз, медовые коврижки, пирожные с яблоками и смородиной и круги мягкого сыра.

От такой роскоши у Кейтилин кружилась голова, но нельзя было поддаваться слабости, когда столь многое зависело от ее силы. Она ела умеренно, наблюдая за человеком, который называл себя королем. По левую руку от Ренли сидела королева, по правую — ее брат. Сир Лорас, если не считать белой повязки на лбу, как будто совсем не пострадал от дневных передряг, и его красота не обманула предположений Кейтилин. В глазах, утративших

остекленевшее выражение, светился живой ум, а буйным каштановым локонам позавидовала бы не одна из девиц. Истрепанный на турнире плащ он заменил новым, таким же — с переливчатыми красками Радужной Гвардии, а застежкой служила золотая роза Хайгардена.

Король Ренли время от времени подавал Маргери на кончике кинжала какой-нибудь лакомый кусочек или целовал ее в щеку, но большей частью он говорил и шутил с сиром Лорасом. Видно было, что еда и питье доставляют королю удовольствие, но он не казался ни обжорой, ни пьяницей. Смеялся он часто и от души и был одинаково

приветлив со знатными лордами и с прислужницами.

Некоторые из его гостей были не столь умеренны — на взгляд Кейтилин они пили слишком много и хвастались слишком громко. Сыновья лорда Виллюма Жозуа и Элиас горячо спорили о том, кто первый переберется через стену Королевской Гавани. Лорд Варнер качал на коленях служанку, зарывшись лицом в ее шею и запустив руку за корсаж. Гюйард Зеленый, воображавший себя певцом, пропел, бренча на арфе, стишки, отчасти даже зарифмованные, о львах, которых свяжут вместе за хвосты. Сир Марк Маллендор принес обезьянку,

черную с белым, и кормил ее из своей тарелки, сир Тантон из Фоссовеев красного яблока взобрался на стол и поклялся убить Сандора Клигана на поединке. К этой клятве, возможно, отнеслись бы более серьезно, не стань сир Тантон одной ногой в соусницу.

Веселье достигло пика, когда прискакал толстый дурак на золоченой палочке с тряпичной львиной головой и стал гонять вокруг столов карлика, лупя его по голове надутым пузырем. Король Ренли в конце концов спросил его, зачем он бьет своего брата.

— Как же, ваше величество, я ведь цареубийца, — отвечал тот.

– Цареубийца надо говорить, глупый ты дурак, – сказал Ренли, и зал грохнул со смеху.

Лорд Рован рядом с Кейтилин не разделял общего веселья.

– Как же они все молоды, – сказал он.

Он говорил правду. Вряд ли Рыцарь Цветов дожил до своих вторых именин, когда Роберт убил на Трезубце принца Рейегара, и многие здесь были лишь на пару лет старше его. Они были младенцами во время взятия Королевской Гавани, и мальчиками, когда Бейлон Грейджой поднял восстание на Железных островах. Они и теперь еще не нюхали крови, думала Кейтилин,

глядя, как сир Брюс подбивает сира Робара жонглировать кинжалами. Все это для них пока еще игра, большой турнир, на котором они жаждут отличиться и взять богатую добычу. Они совсем еще мальчики, охмелевшие от песен и сказаний, – и, как все мальчики, почитают себя бессмертными.

– Война скоро состарит их, как состарила нас, – сказала Кейтилин. Она тоже была девочкой, когда Роберт, Нед и Джон Аррен подняли свои знамена против Эйриса Таргариена, и стала женщиной, когда та война кончилась. – Мне жаль их.

– Почему? Посмотрите на них. Молодые, сильные, полные жизни и

смеха. Похоть их тоже разбирает, да так, что они не знают, как и быть с ней. Немало бастардов будет зачато этой ночью, ручаюсь вам. За что же их жалеть?

— За то, что долго это не протянется, — с грустью ответила Кейтилин. — За то, что они рыцари лета, а зима между тем близко.

— Ошибаетесь, леди Кейтилин. — Бриенна устремила на нее свой взор, синий, как ее доспехи. — Для таких, как мы, никогда не настанет зима. Если мы падем в битве, о нас будут петь, а в песнях всегда стоит лето. В песнях все рыцари благородны, все девы прекрасны и солнце никогда не заходит.

«Зима настает для всех, — подумала Кейтилин. — Для меня она настала, когда умер Нед. К тебе она тоже придет, дитя, — и скорее, чем тебе бы хотелось». Но у нее не хватило сердца сказать это вслух.

Ее выручил король, сказав:

— Леди Кейтилин, мне хочется подышать воздухом. Не хотите ли пройти со мной?

Кейтилин тут же поднялась с места:

— Почту за честь.

Бриенна вскочила тоже:

— Ваше величество, прошу дать мне один миг, чтобы надеть кольчугу. Вам нельзя оставаться без охраны.

— Если я не могу быть спокоен за

себя даже здесь, в замке лорда Касвелла, посреди моего войска, — улыбнулся Ренли, — то один меч меня не спасет, даже ваш, Бриенна. Ешьте и пейте. Если вы мне понадобится, я пошлю за вами.

Видно было, что его слова поразили девушку сильнее любого из ударов, которые она получила нынче днем.

— Как прикажете, ваше величество, — сказала она и села, опустив глаза. Ренли, взяв Кейтилин под руку, вывел ее из зала мимо вольготно стоящего часового, который вытянулся так поспешно, что чуть не выронил копье. Ренли весело хлопнул его по плечу.

— Сюда, миледи. — Король ввел Кейтилин в дверь, ведущую на башню. Они стали подниматься вверх, и он спросил:

— Сир Барристан Селми, случаем, не у вашего сына в Риверране?

— Нет, — с недоумением ответила она. — Разве он больше не служит Джоффри? Ведь он был лордом-командующим Королевской Гвардии.

— Да, был — но Ланнистеры заявили, что он слишком стар, и отдали его плащ Псу. Мне сказали, что он, покидая Королевскую Гавань, поклялся поступить на службу к настоящему королю. Тот плащ, что сегодня попросила себе Бриенна, я

придерживал для Селми в надежде, что он предложит свой меч мне. Он так и не появился в Хайгардене – и я подумал, уж не отправился ли он в Риверран.

– Нет, мы его не видели.

– Он стар, это верно, но еще хоть куда. Надеюсь, с ним не случилось ничего худого. Ланнистеры – просто дураки. – Они поднялись еще на несколько ступенек. – В ночь смерти Роберта я предложил вашему мужу сто мечей, чтобы захватить Джоффри. Если бы он послушался меня, сейчас он был бы регентом, а мне не пришлось бы заявлять права на трон.

– Но Нед отказал вам. – Она не

нуждалась в подтверждении.

— Он дал клятву защищать детей Роберта. У меня неоставало сил, чтобы действовать в одиночку, и когда лорд Эддард меня отверг, у меня не осталось иного выхода, кроме бегства. Если бы я остался, королева уж позаботилась бы о том, чтобы я не надолго пережил своего брата.

«Если бы ты остался и подержал Неда, он был бы жив», — с горечью подумала Кейтилин.

— Ваш муж нравился мне, миледи. Он был верным другом Роберту, я знаю... но никого не слушал и ни перед чем не сгибался. Я хочу кое-что вам показать. —

Лестница кончилась, Ренли открыл деревянную дверцу, и они вышли наружу.

Башня лорда Касвелла была совсем невелика, но в этом равнинном краю вид открывался на много лиг во все стороны — и повсюду Кейтилин видела огни. Они покрывали землю, как упавшие звезды, и, как звездам, им не было числа.

— Если хотите, можете сосчитать их, миледи, — сказал Ренли, — но вам пришлось бы считать до утренней зари. А сколько костров горит в эту ночь вокруг Риверрана, хотел бы я знать?

Из зала, где шел пир, доносилась

тихая музыка. У Кейтилин не доставало смелости сосчитать эти звезды.

— Мне сказали, что ваш сын прошел через Перешеек с двадцатью тысячами мечей, — продолжал Ренли. — Теперь, когда к нему примкнули лорды Трезубца, у него, возможно, тысяч сорок.

«Нет, — подумала она, — далеко не так много — одних мы потеряли в бою, другие ушли убирать урожай».

— У меня здесь вдвое больше — и это лишь часть моей армии. Десять тысяч осталось у Мейса Тирелла в Хайгардене, в Штормовом Пределе тоже сильный гарнизон, и скоро ко мне присоединятся дорнийцы со

всей своей мощью. Не забывайте и о Станнисе, который держит Дракониий Камень и командует лордами Узкого моря.

— По-моему, это вы забываете о Станнисе, — ответила Кейтилин резче, чем намеревалась.

— О его претензиях, хотите вы сказать? — засмеялся Ренли. — Будем откровенны, миледи. Из Станниса вышел бы никуда не годный король. Да он им никогда и не станет. Станниса уважают, даже боятся, но мало кому он внушает любовь.

— Тем не менее он старший ваш брат. Если кто-то из вас имеет права на Железный Трон, то это лорд Станнис.

— А какие права имел на него мой брат Роберт? — пожал плечами Ренли. — Были, конечно, толки о кровных узах между Баратеонами и Таргариенами, о браках, заключенных сто лет назад, о вторых сыновьях и старших дочерях. Но никому, кроме мейстеров, дела до этого нет. Роберт добыл себе трон своим боевым молотом. — Ренли обвел рукой костры, пылавшие от горизонта до горизонта. — А вот это — мое право, которое ничем не хуже Робертова. Если ваш сын поддержит меня, как его отец поддержал Роберта, он убедится в том, что я умею быть благодарным. Я охотно закреплю за ним все его земли,

титулы и почести, и пусть правит в Винтерфелле, как ему угодно. Он может даже называть себя Королем Севера, если хочет, — но он должен будет преклонить колено и признать меня своим сюзереном. «Король» — всего лишь слово, но служить и повиноваться он должен мне.

— А если он не захочет вам повиноваться, милорд?

— Я намерен стать королем, миледи, и не собираюсь дробить свое королевство. Проще, кажется, некуда. Триста лет назад король Старк преклонил колено перед Эйегоном Драконовластным, поняв, что победить его не сможет. И поступил мудро. Такую же мудрость должен

проявить и ваш сын. Как только он примкнет ко мне, войну можно будет считать законченной. Мы... Это еще что такое? – внезапно прервал сам себя Ренли, услышав, как загремели цепи подъемной решетки.

Всадник в крылатом шлеме на взмыленном коне въехал в ворота.

– Позовите сюда короля! – крикнул он. Ренли встал на зубец башни.

– Я здесь, сир.

– Ваше величество, – всадник подъехал поближе, – я скакал быстро, как только мог, от самого Штормового Предела. Мы окружены, ваше величество. Сир Кортни держится стойко, но...

– Это невозможно! Мне сказали бы, если б лорд Тайвин вышел из Харренхолла.

– Это не Ланнистеры, государь. Лорд Станнис стоит у ваших ворот. Король Станнис, как он себя именует.

Джон

Под хлещущим в лицо дождем Джон направил коня через вздувшийся ручей. Рядом лорд-командующий Мормонт надвинул пониже капюшон плаща, ругательски ругая непогоду. Ворон сидел, нахохлившись, у него на плече, мокрый и недовольный, как сам Старый Медведь. Ветер носил и швырял палые листья, словно дохлых птиц. «Это не зачарованный лес, а потопленный», – с тоской подумал Джон.

Каково-то Сэму там, в хвосте? Он и в хорошую погоду был

неважным наездником, а от шестидневного дождя земля расползлась — жидкая грязь, а под ней камни. Ветер бросал воду прямо в глаза. Этак и Стена на юге растает, и лед, смешавшись с теплым дождем, потечет в реки. Пип и Жаба теперь сидят у огня в общей комнате и пьют перед ужином подогретое вино. Джон завидовал им. Тело под мокрой шерстью чесалось, шея и плечи болели от тяжести кольчуги и меча, а от солонины, соленой трески и твердого сыра его мутило.

Впереди охотничий рог вывел дрожащую трель, чуть слышную за шумом дождя.

— Раквел трубит, — сказал

Старый Медведь. — Крастер, слава богам, на месте. — Ворон хлопнул крыльями, каркнул «Зерно» и снова нахохлился.

В Дозоре ходило много рассказов о Крастере и его замке. Теперь Джон увидит его собственными глазами. После семи пустых деревень они боялись найти жилище Крастера таким же покинутым, но, как видно, им наконец посчастливилось. Авось Старый Медведь наконец получит какой-то ответ — да и от дождя передохнем.

Торен Смолвуд уверял, что Крастер — друг Дозора, несмотря на свою паршивую репутацию. «Он

наполовину сумасшедший, не спорю, — говорил разведчик Старому Медведю, — но ведь всякий свихнется, просидев всю жизнь в этом проклятом лесу. Но он никогда не прогонял разведчиков от своего очага, да и Манса-Разбойника не жалует. Он нам что-нибудь да посоветует».

«Лишь бы накормил нас горячим да позволил просушить одежду — и то хорошо». Дайвен говорил другое — что Крастер убийца, лгун, насильник и трус, и намекал, что тот якшается с работоторговцами и водится с демонами. «Хуже того, — шептал старый лесовик, клацая деревянными зубами. — От него тянет холодом, вот

что».

— Джон, — приказал Старый Медведь, — поезжай обратно вдоль колонны и оповести всех. Напомни офицерам, чтобы не было никаких неприятностей с женами Крастера. Пусть ребята держат руки при себе и разговаривают с этими женщинами как можно меньше.

— Да, милорд. — Джон повернул коня назад, радуясь, что оказался к дождю спиной хотя бы ненадолго. Все, мимо кого он проезжал, казались плачущими. Отряд растянулся по лесу на добрых полмили.

Посреди обоза скрючился в седле под огромной обвисшей

шляпой Сэмвел Тарли. За собой он вел еще двух лошадей. Вороны в клетках, закутанных от дождя, кричали и трепыхались.

— Ты что, лису к ним посадил? — спросил Джон. Сэм поднял голову, и с полей его шляпы потекла вода.

— А, Джон, здорово. Нет, просто они, как и мы, терпеть не могут дождь.

— Как ты тут, Сэм?

— Мокну. — Толстяк выдавил из себя улыбку. — Но жив пока, как видишь.

— Это хорошо. Впереди нас ждет Дворец Крастера. Если боги будут милостивы, он пустит нас переночевать у своего очага.

— Скорбный Эдд говорит, что Крастер ужасный дикарь, — засомневался Сэм. — Он берет в жены своих дочерей и соблюдает только те законы, которые придумывает сам. А Дайвен сказал Гренну, что у Крастера в жилах течет черная кровь. Его мать была одичалая, и она спала с разведчиком, поэтому он бас... — Сэм осекся.

— Бастард? — со смехом договорил Джон. — Не стесняйся, Сэм. Мне уже доводилось слышать это слово. — Он пришпорил своего крепконового конька. — Мне надо найти сира Оттина. Смотри там, поосторожнее с женщинами Крастера. — Точно Сэмвел Тарли

нуждался в подобном предостережении. — Поговорим после, когда разобьем лагерь.

Джон передал что следовало сирю Оттину Уитерсу, ехавшему в хвосте колонны. Сир Оттин, маленький и сморщенный, одних лет с Мормонтом, всегда казался усталым, даже в Черном Замке, а под дождем совсем сник.

— Хорошая новость, — сказал он. — Я промок до костей и ляжки протер до них же.

На обратном пути Джон отклонился от колонны и поехал коротким путем через лес. Мокрая зелень поглощала шум, производимый людьми и конями, и

скоро стал слышен дождь, струящийся по листьям и камням. Была середина дня, но в лесу стоял полумрак. Джон пробирался между луж и валунов, мимо старых дубов, серо-зеленых страж-деревьев и черных железостолов. Кое-где ветви нависали низко над головой, ненадолго прикрывая от дождя. Около расколотого молнией каштана, увитого белыми дикими розами, он услышал в подлеске шорох и позвал:

— Призрак, ко мне.

Но из кустов вылез не волк, а Дайвен на лохматом сером коньке. С ним ехал Гренн. Старый Медведь разослал дозорных во все стороны от колонны, для прикрытия и на случай

появления врагов. Даже здесь он соблюдал меры предосторожности и посылал людей не поодиночке, а парами.

— А, это ты, лорд Сноу. — Дайвен ощерился в своей дубовой улыбке. Зубы его, выточенные из дерева, плохо помещались во рту. — Я уж думал, нас с парнем нанесло на Иного. Волка своего потерял?

— Он охотится. — Призрак не любил бежать в колонне, но далеко тоже не уходил. Когда отряд останавливался на ночь, волк всегда находил Джона около палатки лорда-командующего.

— Скорей уж рыбачит в такую-то мокрядь.

— Моя мать всегда говорила, что дождь нужен для урожая, — вставил Гренн.

— Да уж, плесень уродится на славу, — проворчал Дайвен. — Одно только хорошо — мыться не надо. — Он клацнул деревянными зубами.

— Баквел нашел Крастера, — сообщил Джон.

— А он его терял? — хмыкнул Дайвен. — Глядите вы, молодые бычки, не лезьте к его бабам, слышите?

— Хочешь, чтоб все тебе достались, Дайвен? — улыбнулся Джон.

Тот снова клацнул зубами.

— А чего ж. У Крастера десять

пальцев и один хрен, поэтому считать он умеет только до одиннадцати. Если парочка пропадет, он и не хватится.

— Сколько ж у него жен — спросил Гренн.

— Больше, чем тебе хотелось бы иметь, браток. Хотя ему легче — он их сам разводит. Вот и твой зверь, Сноу.

Призрак возник рядом с лошадей Джона, задрал хвост, взъерошив мокрый белый мех. Он двигался так тихо, что Джон не заметил, откуда он взялся. Конь Гренна шарахнулся, почуяв волка; лошади и теперь еще, год спустя, не могли к нему привыкнуть.

— За мной, Призрак, — сказал

Джон и поскакал к Дворцу Крастера.

Он не ожидал, конечно, найти каменный замок по эту сторону Стены – усадьба представлялась ему скорее глинобитной, с палисадом и деревянной сторожевой башней. В действительности же их взорам предстала навозная куча, свинарник, пустой овечий загон и служащая жильем мазанка без окон, низкая и длинная, кое-как скрепленная бревнами и крытая дерном. Строение стояло на небольшом пригорке, окруженное земляным валом. Бурые ручейки стекали по склону в пробитые дождем бреши и впивались в бурный раздувшийся ручей, бегущий на север.

На юго-западной стороне находились открытые ворота, у которых торчали на высоких шестах черепа животных: по одну сторону медведь, по другую – дикий баран. Джон, проезжая мимо в чередѐ других, заметил, что на черепе медведя еще сохранились ошметки мяса. Внутри передовые Джармена Барквела и Торена Смолвуда уже устраивали коновязи и ставили палатки. В хлеву вокруг трех огромных свиноматок копошилась целая орава поросят. В огороде маленькая девочка нагишом дергала морковку, две женщины связывали свинью, готовясь зарезать ее. Свинья визжала жутким, почти

человеческим голосом. Собаки Четта в ответ подняли лай, несмотря на его ругань, пара псов Крастера не осталась в долгу. При виде Призрака собаки стали беситься еще пуще. Волк не обращал на них внимания, Джон тоже.

Обсушиться смогут разве что тридцать человек, решил Джон, разглядев дом как следует. От силы пятьдесят. Двести уж точно не поместятся — большинству придется остаться снаружи, вот только где? На дворе вязкая грязь перемежалась глубокими, по щиколотку, лужами.

Лорд-командующий передал своего коня Скорбному Эдду, и тот счищал грязь с лошадиных копыт,

когда Джон подъехал и спешился.

— Лорд Мормонт в доме, — сообщил Эдд. — Велел тебе пройти туда же. Волка лучше оставь тут — как бы он не слопал кого-нибудь из Крастеровых детишек. Я, по правде сказать, сам готов слопать ребятенка, лишь бы его подали горячим. Иди, я возьму твою лошадь. Если внутри тепло и сухо, лучше не говори мне — меня туда не приглашали. — Он соскреб с копыта большой ком грязи. — Дерьмо, что ли? Тебе не кажется, что этот бугор слеплен из Крастерова дерьма?

— Все может быть — он ведь тут долго живет.

— Ну спасибо, утешил. Ступай к

своему Старому Медведю.

— Призрак, жди здесь, — приказал Джон. Дверь во Дворец Крастера была сделана из двух оленьих шкур. Джон раздвинул их и пригнулся под низкой притолокой. Десятка два старших разведчиков стояли вокруг ямы посреди земляного пола, где горел огонь. У их сапог собрались лужи. Пахло копотью, навозом и мокрой псиной. В воздухе висел дым, но сырость все равно чувствовалась. Дождь проникал сквозь дымовое отверстие в крыше. В единственной комнате наверху помещались полати, куда вели две приставные лесенки.

Джону вспомнилось, как они

покидали Стену. В тот день он трепетал, как робкая дева, но жаждал увидеть тайны и чудеса, скрывавшиеся за каждым новым горизонтом. Ну что ж, вот тебе одно из чудес, подумал он, оглядывая жалкую зловонную хибару. От едкого дыма слезились глаза. Жаль, Пип с Жабой не видят, чего они лишились.

Крастер сидел у огня. Стул имелся только у него — даже лорду-командующему пришлось сесть на скамью. На плече у Мормонта бубнил ворон. Джармен Баквел стоял позади, роняя капли с кожаной куртки и кольчуги, рядом занял место Торен Смолвуд в тяжелом панцире и подбитом соболем плаще

покойного сира Джареми.

Крастер в овчинном кожухе и сшитом из шкур плаще выглядел не в пример скромнее, но на запястье у него красовался тяжелый браслет — золотой, судя по блеску. Все еще мощный с виду, он был уже на склоне своих дней, и его седая грива кое-где совсем побелела. Плоский нос и рот углами вниз делали его лицо жестоким, одного уха недоставало. Вот, значит, какие они, одичалые. Джон вспомнил сказки старой Нэн о диких людях, пьющих кровь из человеческих черепов. Крастер пил жидкое желтое пиво из каменной чаши — наверно, он не слышал этих сказок.

– Бенджена Старка я уж три года как не видал, – говорил он Мормонту. – И, по правде сказать, не скучаю. – Между скамейками сновало с полдюжины черных щенков, тут же бродила пара свиней, а женщины в обтрепанных оленьих шкурах разносили им рога с пивом, ворошили огонь, крошили в котел морковку и лук.

– Он должен был проехать тут в прошлом году, – сказал Торен Смолвуд. Собака подошла обнюхать его ногу – он пнул ее, и она с визгом отлетела.

– Бен искал сира Уэймара Ройса, – объяснил лорд Мормонт, – который пропал вместе с Гаредом и молодым

Уиллом.

— Этих трех я помню. Лордик был не старше этих вот щенков. Слишком гордый, чтоб спать под моим кровом, в соболином плаще и черной стали. Бабы мои таращились на него коровьими глазами. — Крастер покосился на ближайшую к нему женщину. — Гаред мне сказал, что они преследуют разбойников, а я ему — с таким, мол, командиром за ними лучше не гоняться. Сам-то Гаред был не так уж плох для вороны. Ушей у него осталось еще меньше, чем у меня, — тоже отморозил. — Крастер засмеялся. — А теперь он, слышать, и головы лишился — отморозил, видно, и ее.

Джон вспомнил струю красной крови на белом снегу и то, как Теон Грейджой отшвырнул ногой отрубленную голову. Тот человек был дезертир. Обратно в Винтерфелл Джон с Роббом скакали наперегонки и нашли в снегу шестерых волчат. Тысячу лет назад это было.

— Куда направился сир Уэймар, уехав от тебя?

— Делать мне больше нечего, только за воронами следить. — Он хлебнул еще пива и отставил чашу. — Ох и давненько я не пробовал хорошего южного винца. И топор бы мне новый. Мой уже не рубит, а это не годится, мне ведь женщин защищать надо.

— Вас здесь мало, и вы одни, — сказал Мормонт. — Если хочешь, я оставляю тебе людей, чтобы проводить вас на юг, к Стене. Ворону эта мысль, видимо, понравилась. — Стена, — крикнул он, растопылив крылья вокруг шеи Мормонта, словно черный воротник. Крастер ухмыльнулся, показав поломанные бурые зубы.

— А что мы там будем делать — прислуживать тебе за ужином? Здесь мы свободные люди. Крастер не служит никому.

— Не те сейчас времена, чтобы жить одним в такой глуши. Холодные ветры задувают с севера.

— Пусть себе задувают — у меня

глубокие корни. — Крастер поймал за руку проходившую мимо женщину. — Скажи им, жена. Скажи лорду Вороне, что мы тут всем довольны.

Женщина облизнула тонкие губы:

— Наше место здесь. Крастер о нас заботится. Лучше уж умереть свободными, чем жить рабами.

— Рабами, — повторил ворон. Мормонт подался вперед:

— Все деревни, которые мы проезжали, покинуты. Вы — первые живые люди, которых мы встретили за Стеной. Других нет, и я не знаю, умерли они, бежали или их куда-то увели вместе со всей их живностью. А еще раньше мы нашли тела двух

разведчиков Бена Старка, всего в нескольких лигах от Стены. Они были бледные, холодные, с черными руками и ступнями, и их раны уже перестали кровоточить. Мы привезли их в Черный Замок, но ночью они поднялись и стали убивать. Один убил сира Джареми Риккера, другой пришел ко мне — стало быть, они запомнили кое-что с тех времен, когда были живы, но милосердия больше в них не осталось.

Женщина широко разинула мокрый розовый рот, но Крастер только хмыкнул:

— Тут мы ничего такого не видим — и сделай милость, не рассказывай такие страсти в моем доме. Я

человек набожный, и боги меня берегут. Если какой упырь и явится сюда, я знаю, как загнать его обратно в могилу. Топор бы мне только новый, чтобы острый был. — Он отослал жену прочь, хлопнув ее по ноге и приказав:

— Тащи еще пива, да поживее.

— Допустим, мертвые тебя не беспокоят, — сказал Джармен Баквел, — а как насчет живых, милорд? Как насчет твоего короля?

— Короля! — каркнул ворон. — Короля, короля, короля.

— Это ты про Манса-Разбойника? — Крастер плюнул в огонь. — Король-за-Стеной. На кой вольным людям короли? — Он

прищурился, глядя на Мормонта. – Я бы мог кое-что порассказать о Разбойнике и его делишках, если б захотел. Пустые деревни – его работа. Здесь бы вы тоже никого не застали, если б я слушался этого молодчика. Он шлет ко мне конного и велит мне бросить собственный дом и ползти к нему на брюхе. Я этого малого отправил назад, только язык его у себя оставил. Вон он, на стенке прибит. Я сказал бы вам, где искать Манса-Разбойника, – если б захотел. – Он снова оскалил бурые зубы в улыбке. – Ну, для этого еще времени хоть отбавляй. Вы же, поди, захотите заночевать здесь и пожрать моей свининки?

– Хорошо бы, милорд, – сказал Мормонт. – Дорога по такой мокряди далась нам тяжело.

– Ладно, оставайтесь. На одну ночь, не больше, – я не настолько люблю ворон. Я со своими лягу на полатях, а пол весь ваш. Но мяса и пива у меня только на двадцать человек – остальные вороны пусть клюют собственный корм.

– Съестного у нас достаточно, милорд. Мы с радостью разделим с тобой нашу еду и вино.

Крастер вытер рот волосатой рукой.

– Винца я выпью с удовольствием, лорд Ворона. Но вот что если кто из твоих парней

протянет руку к моей жене, руки у него больше не будет.

– Твой дом, твои и правила, – сказал Торен Смолвуд, а лорд Мормонт коротко кивнул, хотя вид у него был не слишком довольный.

– Ну, значит, договорились, – проворчал Крастер. – Есть у вас такой, что может карту нарисовать?

– Сэм Тарли может. – Джон выступил вперед. – Он любит рисовать карты.

– Пришли его сюда, когда поест, – распорядился Мормонт. – Пусть возьмет перо и пергамент. Толлета тоже найди – пусть принесет мой топор в подарок хозяину.

– Это кто же такой? – спросил

Крастер, не успел Джон уйти. — Вроде на Старка смахивает.

— Мой стюард и оруженосец, Джон Сноу.

— Бастард, значит? — Крастер смерил Джона взглядом. — Если ты спишь с женщиной, надо брать ее себе в жены, как делаю я. Ладно, беги, бастард, да смотри, чтоб топор острый был. Тупая сталь мне ни к чему.

Джон скованно поклонился и вышел, чуть не столкнувшись в дверях с сиром Оттином Уитерсом. Дождь как будто начал утихать. Палатки занимали весь двор, под деревьями виднелись другие.

Скорбный Эдд кормил лошадей.

– Топор в подарок одичалому? Хорошее дело. – Он отыскал топор Мормонта, с короткой рукоятью и золотой гравировкой на черном лезвии. – Он вернет его воткнутым в череп Старого Медведя как пить дать. Почему бы не отдать ему все наши топоры, да и мечи в придачу? Уж больно они дребезжат но время езды. Без них мы доедем быстрее – прямиком до пекла. Как по-твоему, в пекле тоже идет дождь? Может, лучше поднести Крастеру хорошую шапку?

– Ему нужен топор, – улыбнулся Джон. – И вино.

– Умная голова наш Старый Медведь. Если одичалого напоить

хорошенько, авось он только ухо ему отрубит, а не убьет до смерти. Ушей-то два, а голова одна.

— Смолвуд говорит, что Крастер друг Дозора.

— Знаешь разницу между одичалым — другом Дозора и одичалым недругом? Недруги оставляют наши тела волкам и воронам, а друзья закапывают, чтобы никто не нашел. Знать бы, долго ли провисел этот медведь на воротах и что поделявал Крастер до нашего приезда? — Эдд смотрел на топор с сомнением, и дождь струился по его длинному лицу. — Как там внутри, сухо?

— Посуше, чем тут.

– Если я заберусь в уголок подальше от огня, может, меня до утра не заметят? Тех, кто будет ночевать в доме, он убьет первыми, зато по крайней мере умрешь в сухости.

Джон не удержался от смеха:

– Крастер один, а нас двести. Вряд ли он станет кого-то убивать.

– Ты меня радуешь, – с мрачным унынием сказал Эдд. – Впрочем, от хорошего острого топора и умереть можно. Не хотел бы я, чтоб меня убили дубиной. Я видел человека, которого огрели дубиной по лбу – кожа совсем чуток лопнула, зато голова раздулась что твоя тыква и побагровела. Он был хорош собой, а

помер урод уродом. Хорошо, что мы дубину Крастеру не дарим. — Эдд ушел, трясая головой и роняя воду с черного плаща.

Джон покормил лошадей и только тогда подумал о собственном ужине. Прикидывая, где бы найти Сэма, он вдруг услышал испуганный крик:

— Волк!! — Джон бросился в ту сторону, чмокая сапогами по грязи. Одна из женщин Крастера прижалась к заляпанной стене дома, крича на Призрака:

— Уйди! Уйди прочь! — Лютоволк держал в зубах кролика. Еще один, мертвый и окровавленный, лежал на земле перед ним. — Уберите его,

милорд, — взмолилась женщина, увидев Джона.

— Он вас не тронет. — Джон сразу смекнул, что случилось: деревянная клетка, вся разломанная, валялась на боку в мокрой траве. — Он, должно быть, проголодался. В пути нам почти не попадалась дичь. — Джон свистнул. Призрак поспешно сожрал кролика, хрустя костями, и подбежал к нему.

Женщина смотрела на них с опаской. Она была моложе, чем показалось Джону с первого взгляда, — лет пятнадцати или шестнадцати, темные волосы от дождя прилипли к лицу, босые ноги в грязи по щиколотку. Фигура под платьем из

шкур говорила о раннем сроке беременности.

— Вы, должно быть, дочь Крастера?

— Теперь жена. — Она приложила руку к животу, пятась от волка, и в расстройстве упала на колени перед сломанной клеткой. — Вот тебе и развела кроликов. Овец-то у нас не осталось.

— Дозор возместит вам ущерб. — Своих денег у Джона не было, а то он заплатил бы... хотя вряд ли несколько медяков или даже серебро пригодятся ей здесь, за Стеной — Завтра я поговорю с лордом Мормонтом.

Она вытерла руки о подол.

– Милорд...

– Я не лорд.

Но вокруг уже собрались другие, привлеченные женским криком и треском дерева.

– Не верь ему, девушка, – крикнул Ларк Сестринец, известный своим подлым нравом. – Это сам лорд Сноу.

– Бастард из Винтерфелла и брат короля, – ухмыльнулся Четт, бросивший своих собак, чтобы поглядеть, что стряслось.

– А волк-то глаз с тебя не спускает, девушка, – не унимался Ларк. – Зарится, должно, на лакомый кусочек у тебя в животе.

– Не пугай ее, – рассердился

Джон.

– Он не пугает, а предупреждает.

– Ухмылка у Четта была такая же мерзкая, как и чирьи, усеивающие его рожу.

– Нам нельзя говорить с вами, – спохватилась женщина.

– погоди, – сказал Джон, но она уже убежала. Ларк хотел сцапать второго кролика, но Призрак его опередил. Он оскалил зубы, и Сестринец шлепнулся тощей задницей в грязь под смех остальных. Волк взял кролика в пасть и принес Джону.

– Незачем было пугать девчонку, – укорил Джон.

– Ты нас не учи, бастард. – Четт

винил Джона за то, что потерял свое теплое местечко около мастера Эйемона, – и, в общем, был прав. Если бы Джон не пошел к Эйемону просить за Сэма Тарли, Четт и теперь ходил бы за стариком, а не возился бы со сворой злобных охотничьих псов. – Любимчик лорда-командующего еще не сам лорд – командующий... и ты не был бы таким смелым, не будь рядом твоего зверя.

– Я не стану драться с братом, пока мы за Стеной, – ответил Джон спокойно, хотя внутри у него все кипело. Ларк припал на одно колено:

– Он тебя боится, Четт. У нас на Трех Сестрах есть хорошее словечко

для таких, как он.

– Все словечки я знаю без тебя. Побереги дыхание. – Джон ушел вместе с Призраком. Когда они дошли до ворот, дождь сменился мелкой моросью. Скоро стемнеет, и настанет еще одна мокрая пакостная ночь. Тучи скроют луну, звезды и Факел Мормонта, и в лесу станет черным-черно. Даже отлучка за нуждой будет приключением – хотя и непохожим на то, что когда-то воображал себе Джон Сноу.

Разведчики нашли под деревьями достаточно сухого валежника, чтобы развести за наклонной скалой костер. Они поставили палатки или устроили

шалаши, набросив плащи на нижние ветви. Великан забился в дупло сухого дуба.

– Как тебе мой замок, лорд Сноу?

– Похоже, там уютно. Не знаешь, где Сэм?

– Иди как шел. Палатка сира Оттина – это самый край. Если, конечно, Сэм тоже не сидит в дупле – недурственное это должно быть дуплецо.

В конце концов Сэма нашел Призрак, рванувшись вперед, как стрела из арбалета. Сэм кормил воронов под валунами, немного защищавшими от дождя. В сапогах у него хлюпало.

— Промочил ноги насквозь, — пожаловался он. — Слез с лошади и провалился по колено в какую-то яму.

— Снимай сапоги и сушишь. Я наберу хвороста. Если под скалой не слишком мокро, запалим костер — и попируем. — Джон показал Сэму кролика.

— Ты разве не будешь прислуживать лорду Мормонту?

— Нет, а вот ты скоро к нему отправишься. Старый Медведь хочет, чтобы ты нарисовал для него карту. Крастер обещал навести нас на Манса-Разбойника.

— А-а. — Сэм явно не стремился повидаться с Крастером, даже у

теплого очага.

– Но Мормонт сказал, чтобы ты сначала поел. Давай разувайся. – Джон стал собирать валежник, роясь под палыми листьями и отколупывая слои слежавшейся мокрой хвои. Но даже когда он отыскал подходящую растопку, огонь не занимался целую вечность. Преуспев наконец, Джон повесил на скалу плащ, чтобы защитить дымный костерок от влаги, и у них получилось уютное убежище.

Он принялся обдирать кролика, а Сэм стянул сапоги.

– По-моему, у меня уже мох пророс между пальцами, – сказал он жалобно, шевеля ими. – Кролик – это хорошо. Меня даже кровь не пугает...

– Он отвел глаза. – Ну, разве что чуть-чуть.

Джон насадил тушку на прутик и пристроил его на двух камнях над огнем. Кролик был тощий, но запах от него шел восхитительный. Другие разведчики поглядывали на них с завистью, а Призрак жадно принюхивался с огоньком в красных глазах.

– Ты своего уже съел, – напомнил ему Джон.

– Крастер правда такой дикарь, как о нем говорят? – спросил Сэм. Кролик немного не дожарился, но от этого был не менее вкусен. – Какой у него замок?

– Навозная куча с крышей и

ямой вместо очага. — И Джон рассказал Сэму обо всем, что видел и слышал во Дворце Крастера. К тому времени стало темно, и Сэм облизал пальцы.

— Вкусно было, но теперь мне захотелось съесть баранью ногу. Чтоб вся нога мне одному, с подливкой из мяты, меда и гвоздики. Ты там барашков не видал?

— Загон есть, но он пустой.

— Чем же он кормит своих людей?

— Всех людей там — это Крастер, его женщины и малолетние девчушки. Не знаю, как он ухитряется оборонять свои владения. Единственное его укрепление —

земляной вал. Давай-ка иди рисуй свою карту. Дорогу найдешь?

— Если только в грязь не шлепнусь. — Сэм снова натянул сапоги, взял перо и пергамент и ушел в ночь. Дождь стучал по его плащу и обвислой шляпе.

Призрак, положив голову на лапы, задремал у огня. Джон вытянулся рядом с ним, благодарный за этот островок тепла. Было по-прежнему холодно и мокро, но уже не так, как раньше. «Возможно, Старый Медведь узнает что-нибудь, что наведет нас на след дяди Бенджена».

Проснувшись, он увидел в холодном утреннем воздухе облачко

собственного дыхания. Он шевельнулся, и кости у него заныли. Призрак ушел, костер догорел. Джон сдернул плащ со скалы — тот застыл и не гнулся. Джон залез под него, встал и увидел вокруг кристальный лес.

Бледно-розовый свет зари сверкал на ветках, листьях и камнях. Каждая травинка превратилась в изумруд, каждая капля воды — в алмаз. Цветы и грибы остекленели. Даже грязные лужи переливались, как бархатные. Черные палатки Дозора среди сверкающей зелени тоже оделись тонкой ледяной броней.

Значит, за Стеной все-таки есть волшебство? Джон подумал о своих

сестрах — возможно, потому, что ночью они ему снились. Санса сказала бы, что здесь чудесно, и слезы бы навернулись ей на глаза, Арья же смеялась бы, скакала и старалась все кругом потрогать.

— Лорд Сноу! — позвал кто-то тихо, и Джон обернулся.

На скале, под которой он спал, съежилась вчерашняя девочка. Черный плащ был ей так широк, что она совсем утонула в нем. Это же плащ Сэма, сообразил Джон. Почему на ней плащ Сэма?

— Толстяк рассказал мне, где найти вас, милорд.

— Кролика мы съели, если вы за ним. — Сказав это, Джон

почувствовал себя до нелепости виноватым.

— Старый лорд Ворона, у которого говорящая птица, подарил Крастеру арбалет, который стоит сотни кроликов. — Она обхватила живот руками. — Милорд, а вы правда брат короля?

— Наполовину. Я бастард Неда Старка, и мой брат Робб — Король Севера. Зачем ты пришла сюда?

— Толстяк Сэм послал меня к вам. И дал мне свой плащ, чтобы никто меня не узнал.

— А Крастер на тебя не рассердится?

— Отец ночью выпил слишком много вина лорда Вороны и теперь

весь день проспит. – Дыхание вырывалось у нее изо рта дрожащими белыми клубами. – Говорят, что король справедлив и защищает слабых. – Женщина стала слезать со скалы, но поскользнулась и чуть не упала. Джон подхватил ее и благополучно спустил вниз. Она преклонила колени на обледенелой земле. – Молю вас, милорд...

– Не надо меня ни о чем молить. Ступай домой, тебе нельзя здесь оставаться. Нам не велели говорить с женами Крастера.

– Вам и не нужно со мной говорить, милорд. Просто возьмите меня с собой – больше я ни о чем не прошу.

Больше ни о чем. Как будто эта ее просьба – сущие пустяки.

– Я... Я буду вашей женой, если захотите. У отца и без того девятнадцать – обойдется и без меня.

– Черные братья дают обет никогда не жениться – ты разве не знаешь? Притом мы в гостях у твоего отца.

– Только не вы. Я видела. Вы не ели за его столом и не спали под его кровом. Он не оказывал вам гостеприимства, поэтому вы ничем не связаны. Это из-за ребенка я хочу уйти.

– Я даже имени твоего не знаю.

– Отец назвал меня Лилли – как цветок.

— Красиво. — Санса как-то учила его, что нужно говорить, когда леди называет тебе свое имя. Он не мог помочь этой женщине, но мог хотя бы проявить учтивость. — Кого ты боишься, Лилли? Крастера?

— Я не за себя боюсь — за ребенка. Будь это девочка, еще бы ничего — она подросла бы, и он на ней женился. Но Нелла говорит, что будет мальчик, а у нее своих шестеро было, она в этом толк знает. Мальчиков он отдает богам. Он делает это, когда приходит белый холод, а в последние времена холод стал приходиться часто. Крастер уж овец всех отдал, хотя любит баранину. Больше ни одной не

осталось. Потом настанет черед собак, а потом... — Лилли потупилась, поглаживая свой живот.

— Что же это за боги такие? — Джон вспомнил, что не видел во Дворце Крастера ни мальчиков, ни мужчин, кроме самого хозяина.

— Боги холода. Боги ночи. Белые тени.

Внезапно Джон вновь перенесся в башню лорда-командующего. Отрубленная рука вцепилась ему в ногу, а когда он отшвырнул ее прочь острием, меча, она продолжала раскрывать и сжимать пальцы. Мертвый встал, сверкая синими глазами на опухшем лице. Лохмотья мяса свисали с его взрезанного

живота, но крови не было.

— А какого цвета у них глаза? — спросил он.

— Синие и яркие, как звезды, и такие же холодные. «Она видела их, — подумал Джон. — Крастер лгал».

— Так вы возьмете меня с собой? Хотя бы до Стены...

— Мы едем не к Стене, а на север — к Мансу-Разбойнику, к Иным, к белым теням и упырям. Мы сами ищем их, Лилли. Мы не сможем уберечь твоего ребенка.

Ее лицо выражало неприкрытый страх.

— Но ведь вы вернетесь. Вы закончите свою войну и снова поедете мимо нас.

– Возможно. – «Если будем живы». – Это решит Старый Медведь, тот, которого ты зовешь лордом Вороной. Я всего лишь его оруженосец и не выбираю, какой дорогой нам ехать.

– Да-да, – сказала она, совсем упав духом. – Извините, что побеспокоила вас, милорд. Я просто слышала, что король всех берет под свою защиту, ну и... – И она пустилась бежать, хлопая плащом Сэма, как большими черными крыльями.

Джон посмотрел ей вслед, и вся его радость от хрупкой красоты этого утра пропала. «Провались ты совсем, – сердито подумал он, – а Сэм пусть

дважды провалится за то, что послал тебя ко мне. Что он себе вообразил на мой счет? Мы здесь, чтобы драться с одичалыми, а не спасать их».

Черные братья выползали из своих шалашей, зевая и потягиваясь. Красота уже исчезала — яркая изморозь под солнцем превращалась в обычную росу. Кто-то разжег костер, запахло дымом и поджаренной ветчиной. Джон поколотил плащ о камень, разбив корочку льда, взял Длинный Коготь и надел на себя портупею. Отойдя на несколько ярдов, он помочился на замерзший куст — струя на холоде дымилась и плавила лед. Джон

завязал свои черные шерстяные бриджи и пошел на запах съестного.

Гренн и Дайвен сидели у костра с другими братьями. Хейк отдал Джону краюху хлеба с ломтем ветчины и разогретыми в жиру кусочками соленой рыбы. Джон умял все это, слушая, как Дайвен хвастает, что поймел за ночь трех женщин Крастера.

– Врешь ты все, – нахмурился Гренн. – Я видел бы, будь это правда.

Дайен несильно съездил ему по уху.

– Это ты-то? Да ты слеп, как мастер Эйемон. Ты даже медведя не видал.

– Какого медведя? Разве тут был

медведь?

— Медведи всегда приходят, — со своей обычной мрачностью вмешался Скорбный Эдд. — Один убил моего брата, когда я был мал, а я после носил его зубы на кожаном шнурке вокруг шеи. У брата были хорошие зубы, лучше моих. Со своими мне одни хлопоты.

— Сэм ночевал в доме? — спросил его Джон.

— Тоже мне ночлег называется. Пол твердый, тростник вонючий, а братья ужас как храпят. Ни один медведь не рычит так громко, как Бурый Бернарр. Но, правда, тепло было, это да. Только на меня собаки залезли. Плащ мой почти высох, а

какой-то пес возьми и обмочи его – то ли пес, то ли Бурый Бернарр. А вы заметили – стоило мне попасть под крышу, как дождь прекратился? Теперь я вернулся, и он начнется снова. Все кому не лень льют на меня – и боги, и собаки.

– Пойду-ка я к лорду Мормонту, – сказал Джон. Хотя дождь перестал, земля оставалась раскисшей. Черные братья сворачивали палатки, кормили лошадей и жевали полоски вяленого мяса. Дозорные Джармена Баквела затягивали подпруги, готовясь выехать.

– Джон, – окликнул сидящий верхом Баквел, – наточи как следует свой бастардный меч. Скоро он нам

понадобится.

В доме у Крастера после солнечного света было темно. Факелы за ночь почти догорели, и не верилось, что солнце уже взошло. Первым Джона заметил ворон Мормонта. Сделав три ленивых взмаха большими крыльями, он сел на рукоять Длинного Когтя, дернул Джона за волосы и сказал:

— Зерно.

— Гони этого попрошайку, Джон, — он только что слопал половину моей ветчины — Старый Медведь сидел за столом Крастера и вместе с другими офицерами завтракал поджаренным хлебом, ветчиной и бараньей колбасой. Новый топор

Крастера лежал на столе, поблескивая позолотой при свете факела. Сам хозяин дома в беспмятстве валялся на полатах, но женщины сновали вокруг, прислуживая гостям. — Как там погода?

— Холодно, но дождь перестал.

— Это хорошо. Вели оседлать моего коня — я собираюсь выехать не позже чем через час. Ты поел? У Крастера еда простая, но сытная.

«Я не стану есть в доме Крастера», — внезапно решил Джон.

— Я уже перекусил с братьями, милорд, — сказал он и согнал ворона с Длинного Когтя. Тот снова перелетел на плечо Мормонта и тут

же нагадил там.

— Мог бы и Сноу осчастливить вместо меня, — проворчал Старый Медведь. Ворон каркнул.

Джон нашел Сэма за домом — тот стоял с Лилли у сломанной кроличьей клетки. Женщина отдала Сэму плащ и шмыгнула прочь, увидев Джона, Сэм посмотрел на друга с горьким упреком.

— Я думал, ты ей поможешь.

— Это каким же образом? — напустился на него Джон. — Возьму ее с нами, завернув в твой плащ? Нам приказывали не...

— Я знаю, — виновато сказал Сэм, — но она так боится. Уж мне-то известно, что это значит — бояться. Я

сказал ей... — Он проглотил слюну.

— Что ты ей сказал? Что мы возьмем ее с собой?

— На обратном пути. — Сэм густо побагровел, не глядя Джону в глаза. — У нее будет ребенок.

— Сэм, ты что, вконец рехнулся? Может, мы пойдем обратно совсем не той дорогой. А если даже и заедем сюда — думаешь, Старый Медведь позволит тебе умыкнуть одну из жен Крастера?

— Ну... может, к тому времени я придумаю что-нибудь...

— Некогда мне с тобой — мне еще лошадей чистить и седлать. — Джон зашагал прочь, смущенный и рассерженный в равной мере.

«Сердце у Сэма большое, как и он сам, но при всей своей начитанности он временами бывает таким же тупицей, как Гренн. То, что он затеял, немыслимо и бесчестно к тому же. Почему же мне тогда так стыдно?»

Джон занял свое привычное место рядом с Мормонтом, и Ночной Дозор двинулся из ворот Крастера между двумя черепами. Путь их лежал на северо-запад по кривой звериной тропе. С деревьев капало, и тихая музыка этого медленного дождя играла по всему лесу. Ручей к северу от усадьбы разлился, запруженный ветками и листьями, но дозорные нашли брод, и отряд

стал переправляться. Вода доходила коням до брюха. Призрак, переплыв поток, вылез на берег не белым, а бурым. Он отряхнулся, разбрызгивая воду и грязь во все стороны. Мормонт ничего на это не сказал, но ворон у него на плече выразил свое недовольство.

— Милорд, — сказал Джон тихо, когда они снова въехали в лес, — у Крастера нет ни овец, ни сыновей.

Мормонт не ответил.

— В Винтерфелле одна женщина рассказывала нам сказки, — продолжал Джон. — Она говорила, что у одичалых есть женщины, которые спят с Иными и потом рожают полулюдей.

— Бабыи рассказы. Разве Крастер, по-твоему, не человек?

«Это как посмотреть», — подумал Джон.

— Он отдает своих сыновей лесу. Мормонт долго молчал и наконец сказал:

— Да.

— Да, да-да, — откликнулся ворон.

— Так вы знали?

— Смолвуд мне сказал. Давно уже. Все разведчики знают, только не любят говорить об этом.

— И дядя тоже?

— Все разведчики, — повторил Мормонт. — Ты думаешь, что мне следует его остановить. Убить его,

если понадобится. — Старый Медведь вздохнул. — Если бы он хотел только избавиться от лишних ртов, я охотно посылал бы Йорена забирать у него мальчиков. Мы бы их воспитали, как черных братьев, и онигодились бы Дозору. Но боги одичалых более жестоки, чем наши с тобой. Эти мальчики — жертва, которую приносит Крастер. Его молитва, если угодно.

«Его жены, должно быть, молятся по-иному», — подумал Джон.

— А ты-то как узнал об этом? — спросил Мормонт. — От одной из жен Крастера?

— Да, милорд, — признался Джон. — Я не хотел бы говорить вам, как ее

зовут. Ей страшно, и она просила о помощи.

— Мир полон людей, которые нуждаются в помощи, Джон. Лучше всего, если они наберутся мужества и помогут себе сами. Крастер сейчас валяется на полатах, упившись до бесчувствия, а на столе внизу лежит острый топор. Будь это я, я назвал бы его «Посланный Богами» и положил бы конец своим горестям.

Да, Джон подумал о Лилли и ее сестрах. Их девятнадцать, а Крастер один, но...

— Однако нам придется худо, если Крастера не станет. Твой дядя мог бы рассказать тебе, что его дом не раз спасал разведчиков от смерти.

– Мой отец... – Джон замялся.

– Смелей, Джон. Говори.

– Отец однажды сказал, что есть

люди, которыми не стоит дорожить.

Жестокий и не праведный, знаменосец бесчестит не только себя, но и своего сюзерена.

– Крастер сам себе господин – он нам на верность не присягал. И нашим законам он не подчиняется. У тебя благородное сердце, Джон, но это будет для тебя полезным уроком. Мы не можем исправить мир. У нас другая цель. Ночной Дозор ведет свою войну.

«Свою войну. Да, придется мне это запомнить».

– Джармен Баквел сказал, что

мой меч может скоро понадобится мне.

— Вот как? — Мормонту это, видимо, не понравилось. — Крастер ночью наговорил такого, что нагнал на меня страху и обеспечил мне бессонную ночь у себя на полу. Манс-Разбойник собирает всех своих подданных в Клыках Мороза. Потому-то деревни и опустели. То же самое рассказал сиру Деннису Маллистеру одичалый, которого его люди взяли в Теснине, но Крастер назвал место — в этом вся разница.

— Он строит город или создает армию?

— Кабы знать. Сколько их там? Каково число боеспособных

мужчин? Никто этого сказать не может. Клыки Мороза – это жестокая негостеприимная пустыня, сплошной камень и лед. Много народу там не прокормить. Я вижу только одну причину такого сбора. Манс намерен нанести удар на юг, на Семь Королевств.

– Одичалые и раньше к нам вторгались. – Об этом рассказывали и старая Нэн, и мейстер Лювин. – Реймун Рыжебородый привел их на юг во времена моего деда, а перед ним был король по имени Баэль Бард.

– Да, а задолго до них был Рогатый Лорд и братья-короли Гендел и Горн, а в стародавние

времена Джорамун, который протрубил в Рог Зимы и поднял из земли гигантов. Все они бывали разбиты либо у Стены, либо дальше, у Винтерфелла... но ныне Ночной Дозор только тень былого, и кто готов сразиться с одичалыми, кроме нас? Лорд Винтерфелла умер, а его наследник увел свои войска на юг, чтобы драться с Ланнистерами. Одичалым никогда больше не представится такого случая. Я знал Манса-Разбойника, Джон. Он клятвопреступник, но глаза у него есть, и никто не посмел бы назвать его слабодушным.

— Что же нам делать? — спросил Джон.

– Найти его. Сразиться с ним.
Остановить его. Триста человек
против полчищ одичалых.

Пальцы Джона сжались в кулак.

Теон

Она была красавица – этого никто бы не дерзнул отрицать. «Впрочем, твоя первая всегда красавица», – подумал Теон Грейджой.

– Ишь как разулыбался, – сказал позади женский голос. – Нравится она тебе, молодой лорд?

Теон смерил женщину взглядом и остался доволен увиденным. Сразу видно, островитянка: стройная, длинноногая, с коротко стриженными черными волосами, обветренной кожей, сильными уверенными руками и кинжалом у

пояса. Нос великоват и слишком остер для худого лица, но улыбка возмещает этот недостаток. Немного постарше его, пожалуй, но ей никак не больше двадцати пяти, и движется так, словно привыкла к палубе под ногами.

– Да, на нее приятно смотреть, – сказал Теон, – но и наполовину не столь приятно, как на тебя.

– Ого, – усмехнулась она. – Надо мне быть поосторожнее. У молодого лорда медовый язык.

– Это правда. Хочешь попробовать?

– Вот оно как? – Она дерзко смотрела прямо ему в глаза. На Железных островах встречаются

женщины, которые плавают на ладьях вместе со своими мужчинами, и говорят, море до того меняет их, что они и в любви становятся жадными, как мужчины. — Ты так долго пробыл в море, лордик? Или там, откуда ты приплыл, женщин вовсе не было?

— Были — но не такие, как ты.

— Почему тебе знать, какая я?

— Мои глаза тебя видят, мои уши слышат твой смех, и мой член встает, как мачта.

Она подошла и пощупала его между ног.

— Смотри-ка, не соврал. — Ее рука сжала его сквозь одежду. — Сильно он тебя мучает?

– Невыносимо.

– Бедный лордик. – Она отпустила его и отошла на шаг. – Только я ведь замужем и понесла к тому же.

– Боги милостивы – стало быть, я не сделаю тебе бастарда.

– Мой тебе все равно спасибо не скажет.

– Зато, быть может, скажешь ты.

– С чего бы? У меня лорды и прежде бывали. Они сделаны так же, как все прочие мужики.

– Принца у тебя уж верно не было. Когда ты поседеешь, покроешься морщинами и груди у тебя отвиснут ниже пояса, будешь рассказывать своим внукам, что

когда-то любила короля.

— Ах, теперь уже речь о любви? Не просто о том, что у нас между ног?

— Значит, тебе хочется любви? — Теону решительно нравилась эта бабенка, кем бы она ни была. Ее острый язычок служил приятным отдохновением после унылой сырости Пайка. — Хочешь, чтобы я назвал свою ладью твоим именем, играл тебе на арфе и поселил тебя в башне моего замка, одевая в одни драгоценности, как принцессу из песни?

— Ладью ты можешь назвать моим именем, — сказала она, умолчав об остальном. — Ведь это я ее

строила.

— Ее строил Сигрин — корабельный мастер моего лорда-отца.

— И мой муж. Я Эсгред, дочь Амброда.

Теон не знал, что у Амброда есть дочь, а у Сигрина жена... но с молодым корабельщиком он виделся только раз, а старого и вовсе не помнил.

— Ты ему не пара.

— А вот Сигрин сказал мне, что этот славный корабль — не пара тебе.

— Так ты знаешь, кто я? — насторожился Теон.

— Принц Теон из дома Грейджоев, кто же еще? Скажи

правду, милорд, — что ты думаешь о ней, о своей новой женщине? Сигрину любопытно будет узнать.

Ладья была такая новенькая, что от нее еще пахло смолой. Завтра дядя Эйерон освятит ее, но Теон нарочно приехал из Пайка, чтобы посмотреть на нее до того, как ее спустят на воду. Не такая большая, как отцовский «Великий кракен» или «Железная победа» дяди Виктариона, она тем не менее казалась ладной и быстрой даже в своей деревянной колыбели. Черная и стройная, ста футов длиной, с единственной высокой мачтой, пятьюдесятью длинными веслами и палубой, где хватит места для ста человек, — а на носу большой

железный таран в форме
наконечника стрелы.

— Сигрин сослужил мне
хорошую службу — если она так же
быстра, как кажется.

— Еще быстрее — если попадет в
руки мастера.

— Вот уж несколько лет, как я не
плавал на кораблях. — (И никогда не
водил их, по правде сказать.) — Но я
Грейджой и родом с островов — море
у меня в крови.

— А кровь твоя скоро будет в
море, потому что моряк из тебя
аховый.

— Я не причиню вреда столь
прекрасной деве.

— Прекрасной деве? — засмеялась

женщина. — Она морская сука, вот она кто.

— Так я ее и назову. «Морская сука».

Это развеселило ее, и в темных глазах зажглись огоньки.

— Ты обещал назвать ее в мою честь, — упрекнула она.

— Обещал. — Он поймал ее руку.
— Окажи мне услугу, миледи. В зеленых землях верят, что беременная женщина приносит удачу мужчине, который с ней спит.

— Что в зеленых землях могут знать о кораблях? Или о женщинах, если уж на то пошло? Мне сдается, ты сам это выдумал.

— Если я признаюсь, ты не

утратишь любви ко мне?

— Не утрачу? Да разве я тебя любила?

— Нет — но я пытаюсь исправить этот ущерб, милая Эсгред. На ветру холодно. Пойдем ко мне на корабль и позволь мне согреть тебя. Завтра мой дядя Эйерон полет ее нос морской водой и прочтет молитву Утонувшему Богу, но я предпочитаю освятить ее молоком моих и твоих чресл.

— Утонувшему Богу это может не понравиться.

— Пропади он совсем, Утонувший Бог. Если он будет нам докучать, я утоплю его снова. Через две недели мы отплываем на войну.

Неужели ты отпустишь меня в бой потерявшим сон от желания?

— Запросто.

— Жестокая. Я хорошо назвал свой корабль. Если я, доведенный до отчаяния, ненароком направлю его на скалы, вини в этом себя.

— Чем будешь править — им? — Эсгред снова коснулась его мужского естества, улыбнувшись железной твердости мышцы.

— Поедем со мной в Пайк, — сказал он внезапно и подумал: «Что-то скажет на это лорд Бейлон? Впрочем, какое мне дело. Я взрослый мужчина, и если я привожу с собой женщину, это касается только меня».

— А что я там буду делать? —

спросила она, не убирая руки.

— Отец дает вечером пир своим капитанам. — Он задавал такие пиры каждую ночь в ожидании тех, кто еще не явился, но ей это знать было не обязательно.

— Ты и меня сделаешь своим капитаном на эту ночь, милорд принц? — Он еще ни у одной женщины не видел такой ехидной улыбки.

— Охотно — если ты благополучно введешь меня в гавань.

— Ну что ж, я знаю, каким концом макать в море весло, а с веревками и узлами никто лучше меня не управляется. — Свободной рукой она распустила завязки его

бриджей и с усмешкой отступила назад. — Жаль, что я замужем и к тому же с ребенком.

Теон торопливо завязал тесемки.

— Мне пора обратно в замок. Если ты не поедешь со мной, я собьюсь с дороги от горя, и острова лишатся главного своего украшения.

— Этого я не могу допустить... но у меня нет лошади, милорд.

— Ты можешь взять лошадь моего оруженосца.

— Значит, бедный оруженосец пойдет в Пайк пешком?

— Тогда поедем вдвоем на моей.

— Тебе того и хотелось, да? —

Снова эта улыбочка. — Где же ты

меня посадишь — впереди или позади?

— Где захочешь.

— Я хочу сверху.

Где же эта женщина была всю его жизнь?

— В чертоге моего отца темно и сыро. Нужна Эсгред, чтобы огонь горел поярче.

— У молодого лорда медовый язык.

— Разве мы не с этого начинали?

— Этим и закончим. — Она вскинула руки вверх. — Эсгред твоя, прекрасный принц. Вези меня в свой замок — я хочу увидеть его гордые башни, встающие из моря.

— Я оставил коня в гостинице.

Пойдем. – Они вместе зашагали по берегу, и когда Теон взял ее за руку, она не отстранилась. Ему нравилась ее походка – смелая, упругая, чуть вразвалку, – видно, она и в постели такая же бедовая. В Лордпорте былолюдно, как никогда, – его наполняли команды с кораблей, стоящих у берега или на якоре за волнорезом. Железные Люди нечасто сгибают колено, но Теон заметил, что и гребцы, и горожане присмирывают при виде их и кланяются вслед. «Наконец-то они стали меня узнавать – да и пора бы».

Лорд Гудбразер подошел
прошлой ночью со своими
основными силами – около сорока

ладей. Его люди кишели повсюду, приметные в своих полосатых кушаках из козьей шерсти. В гостинице говорили, что эти безусые мальчишки из Большого Вика так заездили шлюх Оттера Хромононого, что те ходят враскоряк. Пусть себе ребята забавляются. Более рябых и гнусных баб Теон еще не видывал. Теперешняя его спутница ему куда больше по вкусу. То, что она замужем за отцовским корабельщиком и носит ребенка, придавало ей еще больше остроты.

— Милорд принц уже начал подбирать себе команду? — спросила на ходу Эсгред. — Эй, Синий Зуб, — окликнула она проходящего морехода

в медвежьем полушубке и крылатом шлеме. — Как там твоя молодка?

— Брюхата — говорят, двойня будет.

— Так скоро? — Она снова сверкнула своей улыбкой. — Глубоко ты, видать, весло запускаешь.

— Ага — и гребу что есть мочи, — заржал моряк.

— Крепкий парень, — заметил Теон. — Синий Зуб его зовут? Может, взять его на «Морскую суку»?

— Не предлагай ему этого, если не хочешь его оскорбить. У него свой корабль.

— Я слишком долго отсутствовал, чтобы знать, кто есть кто, — сознался Теон. Он попробовал отыскать своих

друзей, с которыми играл мальчишкой, но все они либо уехали, либо умерли, либо стали чужими ему. — Дядя Виктарион дает мне своего кормчего.

— Римолфа Буревестника? Славный моряк, пока трезв, Уллер, Кварл, — снова окликнула она, — а где ваш брат Скайт?

— Как видно, Утонувшему Богу понадобился хороший гребец, — ответил коренастый человек с проседью в бороде.

— Он хочет сказать, что брат выдул слишком много вина и у него лопнуло брюхо, — пояснил розовощекий юноша рядом с ним.

— То, что мертво, умереть не

может, – сказала Эсгред.

– То, что мертво, умереть не может.

Теон произнес эти слова вместе с ними.

– Я вижу, тебя тут хорошо знают, – сказал он женщине, когда они двинулись дальше.

– Жену корабельщика все привечают – кому же охота, чтобы его корабль потонул? Если тебе нужны парни на весла, эти двое могли бы подойти.

– Сильные руки в Лордпорте всегда найдутся. – Теон немало думал об этом. Ему нужны бойцы – и такие, что будут преданы ему, а не его лорду-отцу или дядьям. Роль

послушного молодого принца он будет играть лишь до тех пор, пока отец не раскроет свои планы полностью. Если же ему не понравятся эти планы или та часть, которая отведена в них ему, тогда...

— Одной силы недостаточно. Весла ладьи должны двигаться как одно — только тогда она покажет все, на что способна. Умнее всего подбирать людей, которые уже сидели вместе на веслах.

— Хороший совет. Не сможешь ли мне подобрать их? — (Пусть думает, что я ценю ее ум, — женщинам это нравится.)

— Возможно, если будешь хорошо со мной обходиться.

– Как же иначе?

Около «Мириам», которая пустая покачивалась у причала, Теон прибавил шаг. Капитан хотел отплыть еще две недели назад, но лорд Бейлон ему не позволил. Никому из торговцев, оказавшихся в Лордпорте, не разрешалось покинуть его – лорд Бейлон не желал, чтобы весть о созыве им своего флота достигла материка раньше времени.

– Милорд, – позвал жалобный голосок с юта. Дочь капитана стояла у борта, глядя на них. Отец запретил ей сходить на берег, но всякий раз, когда Теон приезжал в Лордпорт, она слонялась по палубе. – Постойте, милорд, пожалуйста...

– Ну и как? – спросила Эсгред, когда Теон поспешно провел ее мимо барки. – Угодила она милорду?

Теон не видел нужды стесняться:

– На какое-то время. Она хочет стать моей морской женой.

– Ого. Ну, немного соли ей не помешало бы. Слишком она мягкотелая – или я ошибаюсь?

– Ты не ошибаешься. – (В самую точку – мягкотелая. Откуда она знает?)

Он велел Вексу ждать его у гостиницы. В общем зале было столько народу, что в дверь пришлось протискиваться. Внутри не осталось

ни одного свободного места. Теон, оглядевшись, не увидел своего оруженосца.

— Векс, — заорал он, перекрикивая гвалт. «Если он с одной из этих рябых девок, шкуру спущу», — решил Теон. Наконец он углядел парня — тот играл в кости у очага и выигрывал, судя по куче монет перед ним.

— Нам пора, — сказал Теон. Парень и ухом не повел, пока Теон не поднял его за это самое ухо с пола. Векс собрал свои медяки и пошел за хозяином, не говоря ни слова. Это в нем Теону нравилось больше всего. Почти все оруженосцы любят чесать языком, но Векс — глухонемой от

рождения, что не мешает ему быть очень смышленным для двенадцатилетнего паренька. Он побочный сын одного из сводных братьев лорда Ботли, и взять его в оруженосцы входило в цену, которую Теон отдал за коня.

Увидев Эсгред, Векс вылупил глаза, точно никогда не встречал ни одной женщины.

– Эсгред едет со мной в Пайк. Седлай лошадей, да поживее.

Сам Векс приехал на тощем низеньком коньке из конюшен лорда Бейлона, но конь Теона был совсем другого рода.

– Где ты взял этого зверюгу? – спросила Эсгред. Но Теон по ее

смеху понял, что конь произвел на нее впечатление.

— Лорд Ботли купил его в Ланниспорте в прошлом году, но конь оказался для него слишком прыток, и Ботли решил его продать. — Железные острова чересчур скудны и каменисты для разведения породистых лошадей, и местные жители в большинстве своем неважные наездники — они куда лучше чувствуют себя на палубе ладьи, чем в седле. Даже лорды ездят на мелких лошадках, на лохматых пони Харло, а в телеги здесь чаще запрягают волов, чем коней. Крестьяне, слишком бедные, чтобы иметь какую ни на есть животину,

сами таскают свои плуги по тощей, полной камней земле.

Но Теон, проживший десять лет в Винтерфелле, не собирался идти на войну без хорошего скакуна, и неудачная покупка лорда Ботли пришлась ему кстати: жеребец с нравом таким же черным, как его шкура, и крупнее обычной скаковой лошади, хотя и не такой большой, какими бывают боевые кони. Теон тоже был не такой большой, как многие рыцари, поэтому его это вполне устраивало. Глаза у жеребца горели огнем. Увидев нового хозяина, он оскалил зубы и попытался укусить ему щеку.

— А имя у него есть? — спросила

Эсгред.

— Улыбчивый. — Теон сел в седло, подал ей руку и усадил перед собой, где мог обнимать ее всю дорогу. — Вроде меня. Один человек сказал мне, что я вечно улыбаюсь когда не надо.

— Это правда?

— Разве что для тех, кто вовсе не улыбается. — Теон подумал о своем отце и дяде Эйероне.

— Ты и теперь улыбаешься, милорд принц?

— О да. — Он взял поводья, полюбнрав ее и при этом заметив, что ей не мешало бы вымыть голову. Он увидел давний розовый шрам на ее красивой шее, и ему понравилось,

как от нее пахнет — солью, потом и женщиной.

Обратная дорога обещала стать куда более приятной, чем поездка из Пайка сюда.

Когда они отъехали довольно далеко от Лордпорта, Теон положил руку ей на грудь, но Эсгред тут же ее сбросила.

— Держись лучше за поводья обеими руками, не то твой черный зверь скинет нас с себя и залягает насмерть.

— Это я из него уже выбил. — Некоторое время Теон вел себя пристойно, рассуждая о погоде, ненастной с самого его приезда и часто дождливой, и рассказывая ей,

сколько человек он убил в Шепчущем Лесу. Объясняя, как близко он был от Цареубийцы, он вернул руку на прежнее место. Грудь у нее были маленькие, но твердые, и он это оценил.

— Не стоит этого делать, милорд принц.

— Еще как стоит. — Он слегка стиснул пальцы.

— Твой оруженосец смотрит на нас.

— Пусть его. Он никому об этом не скажет — клянусь.

Эсгред отцепила от себя его пальцы, крепко зажав их в своих. У нее были сильные руки.

— Люблю, когда женщина

держит крепко.

– Вот уж не сказала бы, судя по той бабенке у пристани, – фыркнула она.

– По ней не суди. Просто на корабле больше не было женщин.

– Как по-твоему – твой отец хорошо меня примет?

– С чего бы? Он и меня-то принял не слишком хорошо – а ведь я его родная кровь, наследник Пайка и Железных островов.

– Наследник? Но ведь у тебя, кажется, есть братья, несколько дядек и сестра.

– Братьев давно нет в живых, а сестра... говорят, любимый наряд Аши – это кольчуга, свисающая ниже

колен, а бельишко у нее из вареной кожи. Но мужской наряд еще не делает ее мужчиной. Я хорошо выдам ее замуж, когда мы выиграем войну, если найду такого, кто согласится ее взять. Насколько я помню, нос у нее как клюв у коршуна, рожа вся в прыщах, а грудь плоская, как у мальчишки.

— Ладно, сестру ты выдашь замуж — а дядья?

— Дядья... — По праву Теон как наследник шел впереди трех братьев отца, однако женщина коснулась больного места. На островах нередко случалось так, что сильная рука дяди отпихивала в сторону слабого племянника, который при этом

обычно прощался с жизнью. «Но я не из слабеньких, — сказал себе Теон, — и стану еще сильнее, когда отец умрет». — Они для меня не опасны, — заявил он. — Эйерон пьян от морской воды и собственной святости и живет только ради своего бога...

— Разве его бог — не твой?

— Отчего же, мой. То, что мертво, умереть не может. — Он улыбнулся уголками губ. — Если я буду говорить слова вроде этих, с Мокроголовым у меня не будет хлопот. А Виктарион...

— Лорд-капитан Железного Флота и могучий воин. В пивных только о нем и поют.

— Когда мой лорд-отец поднял

восстание, он отплыл в Ланниспорт вместе с дядей Эуроном и сжег флот Ланнистеров прямо на якоре, – вспомнил Теон. – Но этот план принадлежал Эурону. Виктарион все равно что большой серый буйвол – сильный, неумолимый и послушный, но скачку выиграть не может. Не сомневаюсь, что он и мне будет служить столь же преданно, как служил моему лорду-отцу. Для заговорщика у него маловато ума и честолубия.

– Зато Эурону Вороньему Глазу хитрости не занимать. О нем рассказывают жуткие вещи.

Теон поерзал в седле.

– Дядю Эурана вот уже два года

не видели на островах. Возможно, он умер. — Хорошо бы. Старший из братьев лорда Бейлона никогда не отказывался от старого закона. Его «Молчаливый» с черными парусами и темно-красным корпусом снискал себе мрачную славу во всех портах от Иббена до Асшая.

— Возможно, — согласилась Эсгред, — а если он и жив, то так долго пробыл в море, что стал здесь все равно что чужой. Железные Люди никогда не потерпят чужака на Морском Троне.

— Пожалуй, — ответил Теон и смекнул, что ведь и его тоже могут счесть чужаком. Он нахмурился, подумав об этом. «Десять лет —

долгий срок, но теперь я вернулся, а отец еще и не думает умирать. У меня будет время показать себя».

Он подумывал, не поласкать ли снова грудь Эсгред, но она скорее всего скинет его руку, притом эти разговоры о дядюшках порядком охладили его пыл. Успеется еще поиграть, когда они окажутся в его покоях.

– Я поговорю с Хельей, когда мы приедем, и позабочусь, чтобы тебе дали почетное место на пиру. Я сам буду сидеть на помосте, по правую руку отца, но, когда он удалится, спущусь к тебе. Обычно он долго не засиживается – желудок не позволяет ему много пить.

– Печально это, когда великий человек стареет.

– Лорд Бейлон – всего лишь отец великого человека.

– Экая скромность.

– Только дурак принижает себя – ведь в мире полно людей, готовых сделать это за него. – Он легонько поцеловал ее в затылок.

– А что же я надену на твой роскошный пир? – Она протянула руку назад и оттолкнула его голову.

– Попрошу Хелью дать тебе одно из матушкиных платьев – авось подойдет. Моя леди-мать в Харло и возвращаться не собирается.

– Да, я слышала – холодные ветры изнурили ее. Почему ты не

съездишь к ней? До Харло всего день морем, а леди Грейджой наверняка хочется увидеть сына.

— Надо бы, да дела не пускают. Отец после моего возвращения во всем полагается на меня. Возможно, когда настанет мир...

— Твой приезд мог бы принести мир ей.

— Теперь ты заговорила как женщина.

— Я и есть женщина... притом беременная.

Мысль об этом почему-то возбудила его.

— По тебе совсем незаметно. Как ты можешь это доказать? Прежде чем поверить, я должен посмотреть,

набухли ли твои груди, и отведасть
твоего молока.

— А что скажет на это мой муж?
Слуга твоего отца, присягнувший
ему?

— Мы велели ему построить
столько кораблей — он и не заметит,
что тебя нет.

— Как жесток молодой лорд,
похитивший меня, — засмеялась она.
— Если я пообещаю дать тебе
посмотреть, как мое дитя сосет
грудь, ты расскажешь еще что-нибудь
про войну, Теон из дома Грейджоев?
Перед нами еще горы и мили — я хочу
послушать о волчьем короле,
которому ты служил, и о золотых
львах, с которыми он сражается.

Теону очень хотелось угодить ей, и он стал рассказывать. Весь остаток длинной дороги он занимал ее историями о Винтерфелле и о войне. Некоторые ее замечания изумляли его. «Как с ней легко говорить, благослови ее боги, – словно я знаю ее уже много лет. Если она столь же хороша в постели, как умна, надо будет оставить ее себе...» Он вспомнил Сигрина-Корабельщика, грузного тугодума, с белобрысыми, уже редеющими над прыщавым лбом волосами, и потряс головой. Нет, такая женщина не для него.

Крепостная стена Пайка возникла перед ними как-то совсем неожиданно, ворота были открыты.

Теон пришпорил Улыбчивого и крупной рысью въехал во двор. Собаки подняли лай, когда он снял Эсгред с коня, и бросились к ним, виляя хвостами. Промчавшись мимо Теона, они чуть не сбили женщину с ног и принялись скакать вокруг нее, таявкать и лизаться.

– Прочь! – крикнул Теон, пнув большую бурую суку, но Эсгред только смеялась.

Вслед за собаками подоспел и конюх.

– Возьми коня, – сказал ему Теон, – и отгони этих проклятых...

Но малый, не обращая на него никакого внимания, осклабился всем своим щербатым ртом и сказал:

– Леди Аша. Вы вернулись...

– Да, прошлой ночью, – сказала она. – Лорд Гудбразер и я пришли с Большого Вика, и я заночевала в гостинице, а сегодня мой младший братец любезно подвез меня из Лордпорта. – Она чмокнула одну из собак в нос и усмехнулась, глядя на Теона.

Он только и мог, что стоять и пялить на нее глаза. Нет. Не может она быть Ашей. В его воображении, как он понял сейчас, жили две Аши – одна девчонка-подросток, которую он знал, другая смутно похожая на их мать. Ни одна из них не походила на эту... эту...

– Прыщи у меня пропали, когда

груди выросли, — пояснила она, — но клюв, как у коршуна, остался.

Теон обрел дар речи:

— Почему ты мне не сказала?!

Аша отпустила собаку и выпрямилась.

— Хотела сперва посмотреть, каков ты есть. Вот и посмотрела. — Она отвесила ему насмешливый полупоклон. — А теперь прошу извинить меня, братец. Мне надо помыться и переодеться для пира. Не знаю, сохранилось ли еще у меня то кольчужное платье, которое я так люблю носить поверх кожаного бельешка? — Она ухмыльнулась и пошла через мост своей легкой, чуть развалистой походкой, которая так

полюбилась ему.

Векс ослабился, и Теон съездил ему по уху.

— Это за то, что тебе так весело.
— Еще одна затрещина, посильнее. —
А это за то, что не предупредил меня. В следующий раз отрасти себе язык.

Его комнаты никогда еще не казались ему такими холодными, хотя жаровня горела постоянно. Теон стянул с себя сапоги, скинул плащ на пол и налил себе вина, вспоминая неуклюжую прыщавую девчонку с мосластыми коленками. «Она развязала мне бриджи, — бесился он, — и сказала... о боги, а я-то...» Он застонал. Нельзя было выставить

себя большим дураком, чем это сделал он.

«Нет, это не я – это она сделала из меня дурака. Вот уж повеселилась, должно быть, сука вредная. А как она хватала меня между ног...»

Он взял чашу и сел на подоконнике, глядя, как солнце закатывается за море и Пайк. «Мне здесь не место – Аша права, Иные ее забери!» Вода внизу из зеленой стала серой, а после черной. Услышав далекую музыку, он понял, что пора одеваться для пира.

Он выбрал простые сапоги и еще более простую одежду – в черных и серых тонах, под стать

своему настроению. Украшений никаких — ведь у него нет ничего, купленного железом. «Я мог бы снять что-то с одичалого, которого убил, спасая Брана Старка, но на нем ничего ценного не было. Таково уж мое счастье — я убил нищего».

В длинном дымном чертоге сидели отцовские лорды и капитаны — около четырехсот человек. Дагмер Щербатый еще не вернулся со Старого Вика со Стонхаузами и Драммами, но все остальные были в наличии — Харло с острова Харло, Блэкриды с Блэкрида, Спарры, Мерлины и Гудбразеры с Большого Вика, Сатклиффы и Сандерли с Сатклиффа, Ботли и Винчи с той

стороны острова Пайк. Невольники разносили эль, играла музыка — скрипки, волынки и барабаны. Трое крепких парней плясали военный танец, перебрасываясь короткими топориками. Весь фокус был в том, чтобы поймать топор или перескочить через него, не прерывая танца. Пляска называлась «персты», поскольку танцоры в ней нередко теряли пару-другую пальцев.

Ни они, ни пирующие не обратили особого внимания на Теона Грейджоя, идущего к помосту. Лорд Бейлон сидел на Морском Троне в виде огромного кракена, вырубленном из глыбы блестящего черного камня. Легенда гласила, что

Первые Люди, высадившись на Железных островах, нашли этот камень на берегу Старого Вика. Слева от трона помещались дядья Теона. Аша восседала на почетном месте, по правую руку.

– Ты опоздал, Теон, – заметил лорд Бейлон.

– Прошу прощения. – Теон сел на свободное место рядом с Ашей и прошипел ей на ухо:

– Ты заняла мое место.

Она устремила на него невинный взор.

– Ты, должно быть, ошибся, брат. Твое место в Винтерфелле. – Ее улыбка резала его как ножом. – А где же твои красивые наряды? Я

слышала, ты любишь носить шелк и бархат. — Сама она надела простое платье из мягкой зеленой шерсти, подчеркивающее стройные линии ее тела.

— Твоя кольчуга, должно быть, заржавела, сестрица, а жаль, — отпарировал он. — Хотел бы я поглядеть на тебя в железе.

— Поглядишь еще, братец, — засмеялась Аша, — если, конечно, твоя «Морская сука» угонится за моим «Черным ветром». — Один из невольников подошел к ним со штофом вина. — Что ты будешь пить сегодня, Теон, — эль или вино? — Она подалась к нему. — Или тебе все еще хочется отведать моего материнского

молока?

Теон, покраснев, бросил невольнику:

– Вина. – Аша отвернулась и, стуча по столу, потребовала эля. Теон разрезал надвое ковригу хлеба, вынул мякиш из одной половины и велел налить туда рыбной похлебки. От запаха его слегка замутило, но он заставил себя поест, выпил еще и кое-как продержался две перемены, думая: «Если и выблюю, то на нее».

– Знает ли отец, что ты замужем за его корабельщиком? – спросил он.

– Не больше, чем сам Сигрин. «Эсгред» был первый корабль, который он построил, – он назвал его в честь своей матери. Не знаю, кого

из них он любит больше.

— Значит, каждое твое слово было ложью.

— Нет, не каждое, — усмехнулась она. — Помнишь, я сказала, что люблю быть наверху?

Это рассердило его еще больше.

— А твои рассказы о том, что ты замужем и ждешь ребенка?

— Это тоже правда. — Аша вскочила на ноги, протянула руку к танцорам и крикнула одному из них:

— Рольф! — Он метнул свой топор, и тот, кувыркаясь и сверкая при свете факелов, полетел через зал. Теон и ахнуть не успел, как Аша поймала топор за рукоять и вогнала его в стол, разрубив его миску надвое

и обрызгав его подливкой. – Вот он, мой лорд-муж. – Аша запустила руку за корсаж и достала кинжал, спрятанный между грудей. – А вот мое милое дитяtko.

Теон Грейджой не мог видеть себя в эту минуту, но вдруг услышал, как весь Великий Чертог грохнул со смеху, и понял, что смеются над ним. Даже отец улыбался, проклятие богам, а дядя Виктарион посмеивался вслух. Лучшее, на что оказался способен Теон, – это выдавить из себя ухмылку. Посмотрим, кто будет смеяться последним, сука.

Аша выдернула топор и бросила его обратно танцору под свист и

громкое «ура».

— На твоём месте я прислушалась бы к тому, что я сказала тебе насчет подбора команды. — Невольник поднес им блюдо, и Аша, подцепив кинжалом соленую рыбину, стала есть прямо с острия. — Если бы ты хоть что-нибудь знал о Сигрине, мне бы не удалось тебя одурачить. Ты десять лет пробыл волком, а теперь строишь из себя принца островов, ничего и никого не зная. С какой же стати люди станут сражаться и умирать за тебя?

— Я их законный принц, — надменно молвил Теон.

— По закону зеленых земель, может, и так. Но здесь у нас свои

законы — или ты забыл?

Теон хмуро уставился на расколотую миску перед собой. Сейчас это все потечет ему на колени. Он приказал невольнику вытереть стол. «Полжизни я ждал, что вернусь домой, и что же я встретил здесь? Насмешки и пренебрежение». Это не тот Пайк, который он помнил, — да помнил ли он хоть что-нибудь? Он был совсем мал, когда его увезли отсюда.

Пир был довольно убог — сплошная рыба, черный хлеб да пресная козлятина. Самым вкусным Теону показался луковый пирог. Но вино и эль продолжали наливать в изобилии и после того, как со стола

уже убрали.

Лорд Бейлон Грейджой поднялся с Морского Трона.

— Допивайте и приходите в мою горницу, — сказал он тем, кто сидел с ним на помосте. — Обсудим наши планы. — Не сказав больше ни слова, он удалился в сопровождении двух стражников. Его братья вскоре последовали за ним. Теон тоже встал с места.

— Не терпится, братец? — Аша, взяв рог, приказала налить ей еще эля.

— Наш лорд-отец ждет.

— Он ждал тебя много лет — пусть подождет еще немного...
впрочем, если ты боишься

прогневать его, то беги. Ты еще успеешь догнать дядюшек. Один из них пьян от морской воды, а другой, большой серый буйвол, до того туп – того гляди заблудится.

Теон раздраженно сел на место.

– Я не из тех, кто за кем-то бегают.

– А как насчет женщин?

– Я тебя за член не хватал.

– Так ведь у меня его и нет. Зато за все остальное ты хватался почему зря.

Он почувствовал, что краснеет.

– Я мужчина, и желания у меня, как у всех мужчин. А вот ты – извращенное существо.

– Я всего лишь робкая дева. –

Рука Аши под столом снова стиснула его член, и Теон чуть не свалился со стула. – Так ты больше не хочешь, чтобы я ввела тебя в гавань, братец?

– Да, замужество – это явно не для тебя, – решил Теон. – Когда стану правителем, отправлю тебя к Молчаливым Сестрам. – Он встал и нетвердыми шагами устремился в покои отца.

Когда он дошел до подвесного моста в Морскую башню, начался дождь. Желудок у Теона бурлил, как волны внизу, и от вина его пошатывало. Теон, скрипнув зубами, вцепился в веревку и пошел через мост, представляя себе, что сжимает шею Аши.

В горнице было так же сыро и так же дуло, как во всем прочем замке. Отец в своей тюленьей накидке сидел у жаровни, дяди — у него по бокам. Виктарион, когда Теон вошел, говорил что-то о ветрах и приливах, но лорд Бейлон жестом велел ему замолчать.

— Мой план готов, и я хочу, чтобы вы его выслушали.

— Позволь мне предложить... — начал Теон.

— Когда мне понадобится твой совет, я спрошу его. Прилетела птица со Старого Вика. Дагмер возвращается с Драммами и Стонхаузами. Если боги даруют нам попутный ветер, мы отплывем, как

только они придут... вернее, отплывешь ты. Я хочу, чтобы первый удар нанес ты, Теон. Ты поведешь на север восемь кораблей...

— Восемь?! — Теон побагровел. — Что же я смогу всего с восемью кораблями?

— Ты будешь совершать набеги на Каменный Берег, разорять рыбацьи деревни и топить все корабли, которые встретишь. Авось и выманишь кого-нибудь из северных лордов из-за каменных стен. С тобой пойдут Эйерон и Дагмер.

— И да благословит Утонувший Бог наши мечи, — сказал жрец.

Теон чувствовал себя так, словно получил пощечину. Его посылают

делать разбойничью работу, жечь хибары рыбаков и насиловать их безобразных девок – притом лорд Бейлон явно не надеется, что он и с этим-то справится. Мало того что ему придется терпеть угрюмые попреки Мокроголового – с ним отправится еще и Дагмер Щербатый, а стало быть, командиром он будет только на словах.

– Аша, дочь моя, – продолжал лорд Бейлон, и Теон, оглянувшись, увидел, что сестра тоже здесь, – ты поведешь тридцать кораблей с лучшими нашими людьми вокруг мыса Морского Дракона. Вы причалите на отмелях к северу от Темнолесья. Действуйте быстро – и

замок падет, не успев еще узнать о вашей высадке.

Аша улыбнулась, как кошка при виде сливок.

— Всегда мечтала иметь свой замок. — Промурлыкала она.

— Вот и возьми его себе.

Теон прикусил язык, чтобы не сказать лишнего. Темнолесье — усадьба Гловеров. Теперь, когда Роберт и Галбарт воюют на юге, оборона там, вероятно, не так сильна — и Железные Люди, взяв его, займут сильную крепость в самом сердце севера. Это его следовало бы послать в Темнолесье. Он знает этот замок, он несколько раз бывал у Гловеров вместе с Эддардом Старком.

– Виктарион, – сказал лорд Бейлон брату, – главный удар нанесешь ты. Когда мои дети начнут войну, Винтерфеллу придется ответить им, и ты не встретишь большого сопротивления, поднимаясь по Соленому Копью и Горячке. Достигнув верховий реки, ты окажешься менее чем в двадцати милях от Рва Кейлин. Перешеек – это ключ ко всему Северу. Западные моря уже наши. Когда мы возьмем Ров Кейлин, щенок не сможет вернуться на север... а если у него хватит глупости попытаться, его враги закупорят южный конец Перешейка позади него, и Робб-молокосос застрянет, как крыса в бутылке.

Теон не мог больше молчать:

— Это смелый план, отец, но лорды в своих замках...

— Все лорды ушли на юг со щенком — кроме трусов, стариков и зеленых юнцов. Замки сдадутся или падут один за другим. Винтерфелл, может, с год и продержится, но что с того? Все остальное будет нашим — леса, поля и селения, и северяне станут нашими рабами, а их женщины — морскими женами.

Эйерон Мокроголовый воздел руки.

— И воды гнева подымутся высоко, и длань Утонувшего Бога протянется над зелеными землями.

— То, что мертво, умереть не

может, – произнес Виктарион. Лорд Бейлон и Аша подхватили его слова, и Теону поневоле пришлось повторять за ними.

Дождь снаружи стал еще сильнее. Веревоочный мост извивался и плясал под ногами. Теон Грейджой остановился посередине, глядя на скалы внизу. Волны ревели, и он чувствовал на губах соленые брызги. От внезапного порыва ветра он потерял равновесие и упал на колени.

Аша помогла ему встать.

– Пить ты тоже не умеешь, братец.

Теон, опершись на ее плечо, поплелся по скользкому настилу.

— Ты мне больше нравилась, когда была Эсгред, — с упрёком сказал он.

— Хвалю за честность, — засмеялась она. — А ты мне больше нравился в девятилетнем возрасте.

Тирион

Сквозь дверь доносились мягкие звуки высокой арфы и свирели. Голос певца глушили толстые стены, но Тирион узнал песню: «Была моя любовь прекрасна, словно лето, и локоны ее – как солнца свет...»

Этим вечером дверь в покои королевы охранял сир Меррин Трант. Его произнесенное сквозь зубы «Милорд» показалось Тириону весьма неучтивым, но дверь он все же открыл. Тирион вошел в опочивальню сестры, и песня внезапно оборвалась.

Серсея возлежала на груди

подушек босая, с распущенными золотыми волосами, в зеленых с золотом шелках, отражавших пламя свечей.

– Дражайшая сестрица, как ты нынче хороша. И ты тоже, кузен, – сказал Тирион певцу. – Я и не знал, что у тебя такой красивый голос.

Похвала заставила сира Лансея надуться – видимо, он принял ее за насмешку. Парень, на взгляд Тириона, подросток дюйма на три с тех пор, как его посвятили в рыцари. У него густые песочные волосы, зеленые ланнистерские глаза и светлый пушок над губой. Ему шестнадцать, и он страдает злокачественной юношеской

самоуверенностью, не смягченной ни единым проблеском юмора или сомнения и усугубленной надменностью, столь естественной для тех, кто рождается красивым, сильным и белокурим. Его недавнее возвышение только ухудшило дело.

— Разве ее величество за тобой посылала? — осведомился он.

— Не припомню что-то, — признался Тирион. — Мне жаль прерывать ваше веселье, Лансель, но увы — у меня к сестре важное дело.

Серсея смерила его подозрительным взглядом.

— Если ты по поводу этих нищенствующих братьев, Тирион, то избавь меня от упреков. Нельзя было

допускать, чтобы они вели на улицах свои грязные изменнические речи. Пусть проповедуют друг другу в темницах.

— И благодарят судьбу за то, что у них столь милосердная королева, — добавил Лансель. — Я бы вдобавок вырезал им языки.

— Один осмелился даже сказать, будто боги наказывают нас за то, что Джейме убил истинного короля, — молвила Серсея. — Такого терпеть нельзя, Тирион. Я предоставила тебе возможность разделаться с этой заразой, но вы с твоим сиром Джаселином не делали ровно ничего, поэтому я приказала Валарру взять это на себя.

— И он себя показал. — Тирион действительно был раздражен, когда красные плащи бросили в темницу с полдюжины покрытых паршой пророков, не посоветовавшись с ним, но из-за столь незначительных лиц воевать не стоило. — Тишина на улицах пойдет нам только на пользу, и я пришел не поэтому. Я получил новости, которые определенно беспокоят тебя, дражайшая сестра, и о них лучше поговорить наедине.

— Хорошо. — Арфист и дудочник, поклонившись, поспешили выйти, а Серсея целомудренно поцеловала кузена в щеку. — Оставь нас, Лансель. Мой брат безобиден, когда он один, — а если бы он привел с собой своих

любимцев, мы бы их учуяли.

Юный рыцарь, злобно посмотрев на кузена, захлопнул за собой дверь.

— Надо тебе знать, что я заставляю Шаггу мыться каждые две недели, — заметил Тирион.

— Я вижу, ты очень доволен собой. С чего бы это?

— А почему бы и нет? — Молотки звенели на Стальной улице днем и ночью, и громадная цепь росла. Тирион вспрыгнул на высокую, с пологом, кровать. — Это здесь умер Роберт? Странно, что ты сохранила ее.

— Она навевает мне сладкие сны. Выкладывай, в чем твое дело, и

ступай прочь, Бес.

— Лорд Станнис отплыл с Драконьего Камня, — с улыбкой сообщил Тирион.

Серсея так и взвилась:

— А ты сидишь тут и скалишься, словно тыква в праздник урожая? Байвотер уже созвал городскую стражу? Надо сейчас же послать птицу в Харренхолл. — Видя, что он смеется, она схватила его за плечи и потрясла. — Перестань. Спятил ты, что ли, или пьян? Перестань!

— Н-не могу, — выдохнул он. — О боги... вот умора. Станнис...

— Ну?!

— Он отплыл не сюда, — выговорил наконец Тирион. — Он

осадила Штормовой Предел. Ренли повернул назад, чтобы встретиться с ним.

Ногти сестры больно впились ему в плечи. Какой-то миг она смотрела на него, не понимая, словно он говорил на чужом языке.

— Станнис и Ренли сцепились друг с другом? — Он кивнул, и Серсея заулыбалась. — Боги праведные, я начинаю верить, что Роберт у них был самый умный.

Тирион откинул голову назад, и они оба расхохотались. Серсея, подхватив брата с кровати, покружила его и даже прижала к себе, расшалившись, как девчонка. У Тириона, когда она его отпустила,

закружилась голова, и ему пришлось ухватиться за шкаф.

– Думаешь, они будут биться? Ведь если они придут к согласию...

– Не придут, – сказал Тирион. – Слишком они разные и слишком похожи в то же время, и оба не переваривают друг друга.

– Притом Станнис всегда полагал, что Штормовой Предел у него отняли нечестно, – задумчиво добавила Серсея. – Древнее поместье дома Баратеонов по праву принадлежит ему... он постоянно твердил это Роберту своим угрюмым, обиженным тоном. Когда Роберт отдал поместье Ренли, Станнис так заскрипел зубами, что я думала, они

у него раскрошатся.

— Он воспринял это как оскорбление.

— Это и было оскорблением.

— Не выпить ли нам за братскую любовь?

— Да, — в изнеможении выдохнула она. — О боги, да. Повернувшись к ней спиной, он наполнил две чаши сладким красным вином из Бора. Не было ничего легче, чем бросить в ее чашу щепотку порошка.

— За Станниса! — сказал он, подав ей вино. «Так я, по-твоему, безобиден, когда один?»

— За Ренли! — со смехом ответила она. — Пусть бьются долго и

упорно, и пусть Иные возьмут их обоих!

Вот такой, наверно, видит Серсею Джейме. Когда она улыбается, она поистине прекрасна. «Была моя любовь прекрасна, словно лето, и локоны ее — как солнца свет». Он почти сожалел о том, что подсыпал ей отраву.

На следующее утро, когда он завтракал, от Серсеи прибыл гонец. Королева нездорова и сегодня не выйдет из своих комнат. «Вернее сказать — с горшка не слезет», — подумал Тирион. Он выразил подобающее сочувствие и передал Серсее: пусть, мол, отдыхает спокойно, он скажет сиру Клеосу

все, что они намеревались сказать.

Железный Трон Эйегона Завоевателя встречал всякого дурака, желающего устроиться на нем с удобством, оскалом шипов и лезвий, а ступени были нешуточным испытанием для коротких ног Тириона. Он взбирался по ним, остро чувствуя, как должен быть смешон со стороны. Но одно свойство трона искупало все остальные: он был высок.

По одну его сторону выстроились гвардейцы Ланнистеров в своих красных плащах и львиных шлемах. Лицом к ним стояли золотые плащи сира Джаселина. У подножия трона несли караул Бронн

и сир Престон из Королевской Гвардии. Галерею заполнили придворные, за дубовыми, окованными бронзой дверьми толпились просители. Санса Старк этим утром была особенно хороша, хотя и бледна как полотно. Лорд Джайлс кашлял, бедный кузен Тирек был в бархатной, отороченной горностаем жениховской мантии. Три дня назад он женился на маленькой леди Эрмесанде, и другие оруженосцы дразнили его «нянюшкой» и спрашивали, в каких пеленках была его невеста в брачную ночь.

Тирион смотрел на них сверху вниз, и ему это нравилось.

– Позовите сира Клеона Фрея. – Его голос, отразившись от каменных стен, прогремел по всему залу. Тириону это тоже понравилось. Жаль, что Шая не видит. Она хотела прийти, но это было невозможно.

Сир Клеос, идя по длинному проходу между красными и золотыми плащами, не смотрел ни вправо, ни влево. Он преклонил колени, и Тирион заметил, что кузен лысеет.

– Сир Клеос, – сказал Мизинец, сидевший за столом совета, – мы благодарим вас за то, что вы привезли нам мирное предложение от лорда Старка.

Великий мейстер Пицель прочистил горло.

— Королева-регентша, десница короля и Малый Совет обсудили условия, предложенные самозванным Королем Севера. К сожалению, они нам не подходят, и вы должны будете передать это северянам, сир.

— Наши условия таковы, — сказал Тирион. — Робб Старк должен сложить свой меч, присягнуть нам на верность и вернуться в Винтерфелл. Он должен освободить моего брата, не причинив ему никакого вреда, и поставить его во главе своего войска, дабы выступить против мятежников Ренли и Станниса Баратеонов. Каждый из знаменосцев Старка должен дать нам одного сына в заложники. Если нет сыновей,

сгодится и дочь. С ними будут хорошо обращаться и дадут им почетные места при дворе. Если их отцы не совершат новой измены.

Клеос Фрей, позеленев, заявил:

— Милорд десница, лорд Старк никогда не согласится на такие условия.

— Мы и не ожидали, что он согласится, Клеос.

— Скажите ему, что мы собрали в Бобровом Утесе еще одно войско, которое выступит на него с запада и в то же время, когда мой лорд-отец ударит с востока. Скажите, что он один и союзников ему ждать неоткуда. Станнис и Ренли Баратеоны воюют друг с другом, а

принц Дорнийский дал согласие женить своего сына Тристана на принцессе Мирцелле. — По галерее пробежал восторженно-испуганный шепот.

— Что до моих кузенов, — продолжал Тирион, — мы предлагаем Харриона Карстарка и сира Вилиса Мандерли в обмен на Виллема Ланнистера, а лорда Сервина и сира Доннела Локе за вашего брата Тиона. Скажите Старку, что двое Ланнистеров за четырех северян — это честная сделка. — Он подождал, когда утихнет смех. — Кроме того, мы отдаем ему кости его отца — в знак доброй воли Джоффри.

— Лорд Старк просит вернуть

ему также сестер и отцовский меч, — напомнил сир Клеос.

Сир Илин Пейн стоял безмолвно с мечом Эддарда Старка за спиной.

— Лед он получит, когда заключит с нами мир, — сказал Тирион. — Не раньше.

— Хорошо. А его сестры?

Тирион, посмотрев на Сансу, ощутил укол жалости и сказал:

— Пока он не освободит моего брата Джейме целым и невредимым, они останутся здесь как заложницы. И от него зависит, насколько хорошо с ними будут обращаться. — И если боги будут милостивы, Байвотер найдет Арию живой до того, как Робб узнает, что она пропала.

– Я передам ему ваши слова, милорд.

Тирион потрогал кривое лезвие, торчащее из подлокотника. А теперь самое главное.

– Виларр, – позвал он.

– Да, милорд.

– Людей, которых прислал сюда Старк, достаточно для сопровождения тела лорда Эддарда, но Ланнистер должен иметь подобающий эскорт. Сир Клеос – кузен королевы и мой. Мы будем спать спокойнее, если вы лично проводите его обратно в Риверран.

– Слушаюсь. Сколько человек мне взять с собой?

– Всех, сколько есть.

Виларр стоял как каменный, но великий мейстер Пицель засуетился:

– Милорд десница, так нельзя... ваш отец, лорд Тайвин, сам прислал сюда этих воинов, чтобы они защищали королеву Серсею и ее детей...

– Королевская Гвардия и городская стража – достаточно сильная защита. Да сопутствуют вам боги, Виларр.

Варис за столом совета понимающе улыбался, Мизинец притворялся, что скучает, растерянный Пицель разевал рот, как рыба. Вперед выступил герольд:

– Если кто-то желает изложить свое дело перед десницей короля,

пусть выскажется сейчас или хранит молчание отныне и навсегда.

– Я желаю. – Худощавый человек в черном приблизился к трону, растолкав близнецов Редвинов.

– Сир Аллистер? – воскликнул Тирион. – Я не знал о вашем приезде. Нужно было известить меня.

– Я известил, и вы это прекрасно знаете. – Торне был колюч, как всегда, – тощий, остролицый, лет пятидесяти, с тяжелым взглядом и тяжелой рукой, с проседью в черных волосах. – Но меня держали в отдалении и заставляли ждать, как простолюдина.

– В самом деле? Бронн, так не годится. Мы с сиром Аллистером

старые друзья – мы вместе стояли на Стене.

– Дорогой сир Аллистер, – пропел Варис, – не думайте о нас слишком плохо. Столь многие ищут милости нашего Джоффри в эти смутные тревожные времена.

– Куда более тревожные, чем ты полагаешь, евнух.

– В глаза мы зовем его лордом евнухом, – съязвил Мизинец.

– Чем мы можем помочь вам, добрый брат? – успокаивающе вмешался Пицель.

– Лорд-командующий послал меня к его величеству королю. Дело слишком серьезно, чтобы отдавать его на рассмотрение слугам.

– Король играет со своим новым арбалетом, – сказал Тирион. Чтобы избавиться от Джоффри, довольно оказалось этой громоздкой мирийской игрушки, пускающей по три стрелы зараз – королю тут же загорелось ее испробовать. – Вам придется говорить с его слугами либо хранить молчание.

– Как вам угодно. – Сир Аллистер выражал недовольство всем своим существом. – Я послан, чтобы рассказать вам следующее: мы нашли двух наших разведчиков, давно пропавших. Они были мертвы, но, когда мы привезли их обратно на Стену, ночью они встали. Один убил сира Джареми Риккера, другой

пытался убить лорда-командующего.

Тирион уловил краем уха чей-то смешок. Что он такое несет? Тирион беспокойно шевельнулся, посмотрев на Вариса, Мизинца и Пицеля. Уж не подстроил ли это кто-то из них, чтобы над ним пошутить? Достоинство карлика держится на тонкой нитке. Если двор и все королевство начнут над ним смеяться, ему конец. И все же...

Тирион вспомнил ту холодную ночь, когда он стоял под звездами рядом с юным Джоном Сноу и большим белым волком на Стене, на краю света, и смотрел в нехоженный мрак за ней. Он что-то почувствовал тогда... страх резанул его, как

ледяной северный ветер, а волк завыл, и от этого звука его бросило в дрожь.

Не будь дураком, сказал он себе. Волк, ветер, темный лес — все это сущая чепуха. И все же... За время своего пребывания в Черном Замке он полюбил старого Джиора Мормонта.

— Надеюсь, Старый Медведь пережил это нападение?

— Да.

— И ваши братья убили этих... э-э... мертвецов?

— Да.

— Вы уверены, что на этот раз их окончательно убили? — Бронн прыснул со смеху, и Тирион понял, в

каком духе должен продолжать. — Насовсем?

— Они и в первый раз были мертвы, — рявкнул сир Аллистер. — Белы и холодны, с черными руками и ногами. Я привез сюда руку Джареда, оторванную от тела волком бастарда...

— И где же эта диковина? — осведомился Мизинец. Сир Аллистер нахмурился:

— Она сгнила, пока я дожидался приема. Остались только кости.

В зале раздались новые смешки.

— Лорд Бейлиш, — сказал Тирион, — купите нашему славному сиру Аллистеру сотню лопат — пусть увезет их с собой на Стену.

— Лопат? — подозрительно прищурился Торне.

— Если вы будете хоронить своих мертвых, они уже не встанут, — пояснил Тирион под смех двора. — Лопаты — и крепкие руки, которые будут ими орудовать, — положат конец вашим бедам. Сир Джаселин, позаботьтесь, чтобы добрый брат отобрал в городских темницах потребных ему людей.

— Слушаюсь, милорд, — ответил сир Джаселин Байвотер, — но тюрьмы почти пусты. Йорен забрал всех, кто чего-нибудь стоил.

— Ну так посадите новых. Или распустили слух, что на Стене дают хлеб и репу — тогда они повалят к вам

по доброй воле. – В городе слишком много лишних ртов, а Ночной Дозор постоянно нуждается в людях.

Герольд по знаку Тириона объявил, что прием окончен, и присутствующие начали выходить из зала.

Но от сира Аллистера Торне отделаться было не так просто. Он остался у Железного Трона, ожидая, когда Тирион спустится.

– Думаете, я для того проделал путь от Восточного Дозора, чтобы такие, как вы, насмехались надо мной? Это не шутки. Я видел все своими глазами. Говорю вам: мертвые встают.

– Так постарайтесь убивать их

ненадежнее. – Тирион прошел мимо. Торне хотел поймать его за рукав, но Престон Гринфилд оттолкнул черного брата.

– Не приближайтесь, сир.

У Торне хватило ума не связываться с королевским гвардейцем, и он крикнул вслед Тириону:

– Ох и дурак же ты, Бес.

Карлик обернулся к нему лицом:

– Да ну? Почему же все тогда смеялись над тобой, а не надо мной? Тебе нужны люди, так или нет?

– Поднимаются холодные ветры. Мы должны удержать Стену.

– А чтобы удержать ее, нужны люди, и я тебе их дал... ты должен

был это слышать, если у тебя уши на месте. Бери их, говори спасибо и убирайся, пока я опять не воткнул в тебя вилку для крабов. Передай мой горячий привет лорду Мормонту... и Джону Сноу.

Бронн взял сира Аллистера за локоть и повел к двери. Великий мейстер Пицель уже удалился, но Варис и Мизинец слышали все с начала до конца.

— Я восхищаюсь вами еще больше, чем прежде, милорд, — сказал евнух. — Вы одним ударом умиротворили юного Старка, отдав ему кости отца, и лишили вашу сестру ее защитников. Вы даете черному брату людей и тем

избавляете город от голодных ртов, но оборачиваете это в шутку, и никто не сможет сказать, что карлик боится снарков и грамкинов. Ловко, весьма ловко.

Мизинец погладил бороду.

— Вы действительно намерены отослать прочь всю вашу гвардию, Ланнистер?

— Не мою, а сестрину.

— Королева никогда этого не позволит.

— Я думаю иначе. Я как-никак ее брат, и вы, узнав меня получше, поймете, что слов на ветер я не бросаю.

— Даже если это ложь?

— Особенно если это ложь. Я,

кажется, чем-то вызвал ваше недовольство, лорд Петир?

— Моя любовь к вам нисколько не убавилась, милорд. Просто я не люблю, когда из меня делают дурака. Если Мирцелла выходит за Тристана Мартелла, она едва ли сможет выйти за Роберта Аррена, не так ли?

— Разве что с большим скандалом, — согласился карлик. — Я сожалею о своей маленькой хитрости, лорд Петир, — но, когда мы разговаривали с вами, я еще не мог знать, примут дорнийцы мое предложение или нет.

Мизинца это не умиротворило.

— Я не люблю, когда мне лгут, милорд. Не надо больше обманывать

меня, прошу вас.

«Тебя я мог бы попросить о том же», — подумал Тирион, бросив взгляд на кинжал у Мизинца на бедре.

— Я глубоко сожалею, если обидел вас. Все знают, как мы вас любим, милорд, и как мы в вас нуждаемся.

— Не забывайте же об этом, — сказал Мизинец и ушел.

— Пойдем со мной, Варис, — позвал Тирион. Они вышли в королевскую дверь за тронном. Мягкие туфли евнуха тихо Шуршали по камню.

— Знаете, лорд Бейлиш прав. Королева ни за что не позволит вам

отослать ее гвардию из города.

— Позволит. Ты позаботишься об этом.

— Я? — На пухлых губах Вариса мелькнула улыбка.

— Да. Ты скажешь ей, что это входит в мой план освобождения Джейме.

Варис погладил свою напудренную щеку.

— Это, безусловно, объясняет, зачем ваш Бронн разыскивал по всем притонам Королевской Гавани четырех человек: вора, отравителя, лицедея и убийцу.

— Если надеть на них красные плащи и львиные шлемы, они ничем не будут отличаться от прочих

гвардейцев. Я долго думал, как бы заслать их в Риверран, и наконец решил не прятать их вовсе. Они въедут туда через главные ворота, под знаменем Ланнистеров, сопровождая кости лорда Эддарда. За четырьмя чужаками наблюдали бы неусыпно, — криво улыбнулся Тирион, — но среди ста других их никто не заметит. Вот почему я должен послать туда и настоящих гвардейцев, не только фальшивых... так и скажи моей сестре.

— И она ради любимого брата согласится на это, несмотря на все свои опасения. — Они прошли через пустую колоннаду. — И все же утрата красных плащей определенно

обеспокоит ее.

— Я люблю, когда она
неспокойна.

Сир Клеос Фрей уехал в тот же день, сопровождаемый Виларром и сотней ланнистерских гвардейцев в красных плащах. Люди Робба Старка присоединились к ним у Королевских ворот, чтобы начать долгий путь на запад.

Тирион нашел Тиметта в казарме — тот играл в кости со своими Обгорелыми.

— Придешь ко мне в горницу в полночь, — приказал Тирион. Тиметт посмотрел на него единственным глазом и коротко кивнул — он был не из речистых.

В ту ночь Тирион пировал в Малом Чертоге с Каменными Воронами и Лунными Братьями, но сам пил мало, желая сохранить ясную голову.

– Шагга, которая теперь луна?

Шагга нахмурился, приняв свирепый вид.

– Вроде бы черная.

– На западе ее называют луной предателя. Постарайся не слишком напиваться, и пусть твой топор будет острым.

– Топоры Каменных Ворон всегда остры, а топор Шагги острее всех. Когда я срубаю человеку голову, он чувствует это только тогда, когда хочет причесаться, — тогда она

отваливается.

— Вот, значит, почему ты сам никогда не причесываешься?

Каменные Вороны загоготали, топоча ногами. Шагга ржал громче всех.

К полуночи замок погасил огни и затих. Несколько золотых плащей на стенах, конечно, видели, как они вышли из башни Десницы, но голоса никто не подал. Тирион — десница короля, и это его дело, куда он идет.

Тонкая деревянная дверь раскололась, когда Шагга ударил в нее сапогом. Посыпались щепки, и внутри ахнула женщина. Шагга окончательно разнес дверь тремя ударами топора и вломился в

комнату. Следом вошел Тиметт, за ним Тирион, осторожно переступая через обломки. Угли в очаге едва тлели, и спальню наполнял мрак. Тирион отдернул тяжелые занавески кровати, и голая служанка уставилась на него круглыми белыми глазами.

– Не трогайте меня, милорды, – взмолилась она, – прошу вас. – Она съежилась под взглядом Шагги, пытаясь прикрыться руками – но рук не хватало.

– Ступай, – сказал ей Тирион. – Ты нам без надобности.

– Шагга хочет эту женщину.

– Шагга хочет каждую шлюху в этом городе шлюх, – пожаловался Тиметт, сын Тиметта.

– Да, – не смутился Шагга. – Шагга сделает ей здорового ребенка.

– Если ей понадобится здоровый ребенок, она будет знать, к кому обратиться. Тиметт, проводи ее – только без грубостей.

Обгорелый стащил девушку с кровати и выволок за дверь. Шагга смотрел ей вслед грустными собачьими глазами. Крепкий тумак Тиметта препроводил служанку в коридор. Над головой орали вороны.

Тирион откинул одеяло, под которым обнаружился великий мейстер Пицель.

– Что сказала бы Цитадель на ваши шашни со служаночками, мейстер?

Старик был гол, как и девушка, хотя далеко не столь соблазнителен. Его глаза с тяжелыми веками, вопреки привычке, были распахнуты во всю ширь.

— Ч-то это значит? Я старый человек и верный ваш слуга... Тирион вспрыгнул на кровать.

— До того верный, что отправил Дорану Мартеллу только одно из моих писем — а второе снесли моей сестре.

— Нет, — заверещал Пицель. — Это поклеп, клянусь, это не я. Это Варис, Паук, я предупреждал вас...

— Неужели все мейстеры так неумело лгут? Варису я сказал, что отдаю Дорану в воспитанники моего

племянника Томмена. Мизинцу – что собираюсь выдать Мирцеллу за лорда Роберта из Орлиного Гнезда. О том, что я предложил Мирцеллу дорнийцу, я никому не говорил... это было только в письме, которое я доверил тебе.

Пицель вцепился в уголок одеяла.

– Птицы не долетели, письма пропали или были похищены... это все Варис, я расскажу вам об этом евнухе такое, что у вас кровь застынет в жилах.

– Моя дама предпочитает, чтобы кровь у меня оставалась горячей.

– Будьте уверены: на каждый секрет, который евнух шепчет на ухо,

приходится семь, которые он оставляет про себя. А уж Мизинец...

— О лорде Петире мне все известно. Он почти такой же негодяй, как и ты. Шагга, отсеки ему мужские части и скорми их козлу.

Шагга взвесил на руке огромный обоюдоострый топор.

— Тут нет козлов, полумуж.

— Делай, что говорят.

Шагга с ревом ринулся вперед. Пицель завизжал, пытаясь отползти, и обмочился. Горец сгреб его за пушистую белую бороду и одним ударом обрубил ее на три четверти.

— Не думаешь ли ты, Тиметт, что наш друг станет сговорчивей без этой поросли, за которой он прячется? —

Тирион вытер концом простыни мочу, брызнувшую ему на сапоги.

— Скоро он скажет правду. — Выжженную глазницу Тиметта наполнял мрак. — Я чую, как смердит его страх.

Шагга швырнул пригоршню волос на пол и схватил мастера за остаток бороды.

— Лежи смирно, мастер, — предостерег Тирион. — Когда Шагга сердится, у него трясутся руки.

— У Шагги руки никогда не трясутся, — возмущенно возразил горец. Он прижал громадный полумесяц лезвия к дрожащему подбородку Пицеля и сбрил еще клочок бороды.

– Как давно ты шпионишь на мою сестру? – спросил Тирион. Пицель дышал часто и хрипло.

– Все, что я делал, я делал на благо дома Ланнистеров. – Испарина покрыла его лысый лоб, к сморщенной коже прилипли белые волоски. – Всегда... долгие годы... спросите вашего лорда-отца, я всегда преданно служил ему... это я убедил Эйериса открыть ворота...

Для Тириона это было внове. Когда город пал, он был еще мальчонкой и жил в Бобровом Утесе.

– Значит, взятие Королевской Гавани – тоже твоя работа?

– Для блага державы! С гибелью Рейегара война была проиграна.

Эйерис был безумен, Визерис слишком мал, принц Эйегон — грудной младенец, а страна между тем нуждалась в короле... я молился, чтобы им стал ваш добрый отец, но Роберт был слишком силен, и лорд Старк действовал очень быстро...

— Скольких же ты предал, хотел бы я знать? Эйерис, Эддард Старк, я... кто еще? Король Роберт? Лорд Аррен, принц Рейегар? Когда это началось, Пицель? — Тирион не спрашивал, когда это кончится, — он и так знал.

Топор царапнул Пицеля по кадыку и лизнул отвисшую кожу под челюстью, сббив последние волоски.

— Вас не было здесь, —

прохрипел мейстер, когда лезвие двинулось к щеке. — Раны Роберта... если бы вы их видели, чувствовали, как от них пахнет, вы бы не сомневались...

— Да, я знаю, вебрь потрудился за тебя... но если бы он не доделал свою работу, ты, несомненно, завершил бы ее.

— Он был скверный король... тщеславный, распутный пьяница... он готов был оставить вашу сестру, свою королеву... Ренли замышлял привезти ко двору девицу из Хайгардена, чтобы соблазнить короля... это правда, клянусь богами...

— А что замышлял лорд Аррен?

– Он знал – знал о...

– Я знаю о чем, – прервал

Тирион – он вовсе не желал чтобы Шагга с Тиметтом тоже узнали об этом.

– Он отправил свою жену обратно в Гнездо, а сына хотел отдать в воспитанники на Драконий Камень... чтобы развязать себе руки...

– И ты поспешил его отравить.

– Нет, – затрепыхался Пицель.

Шагга, зарывав, сгреб его за волосы. Казалось, что горец своей ручищей способен раздавить череп мейстера, как яичную скорлупу, – стоит только стиснуть.

Тирион поцокал языком:

– Я видел в твоей аптеке «слезы Лисса». Кроме того, ты отослал собственного мастера лорда Аррена и лечил его сам, чтобы Аррен уж наверняка умер.

– Клевета!

– Побрей-ка его еще, – распорядился Тирион. – Там, на горле.

Топор царапнул кожу. С дрожащих губ Пицеля стекла струйка слюны.

– Я пытался спасти лорда Аррена, клянусь...

– Осторожно теперь, Шагга, ты его порезал.

– Дольф рождал воинов, а не брадобреев, – проворчал Шагга.

Почувствовав, что по шее течет кровь, старик содрогнулся, и последние силы оставили его. Он точно усох, съежившись и в длину и в ширину.

— Да, — проскулил он, — Колемон давал лорду слабительное, и я отослал его прочь. Королеве нужно было, чтобы Аррен умер, — она этого не говорила, не могла сказать, Варис постоянно подслушивает, но я понимал это по ее лицу. Но не я дал ему яд, клянусь. — Старик заплакал. — Спросите Вариса — это был мальчишка, его оруженосец, Хью... это точно был он, спросите у своей сестры.

— Свяжи его и уведи отсюда, — с

отвращением бросил Тирион. — Бросьте его в каменный мешок. Мейстера выволокли за дверь.

— Ланнистеры, — стонал он. — Все, что я делал, было ради Ланнистеров...

Когда его увели, Тирион не спеша обшарил его комнаты и взял с полка еще несколько пузырьков. Вороны бормотали у него над головой — в этих звуках было что-то странно умиротворяющее. Надо будет приставить кого-нибудь ухаживать за птицами, пока Цитадель не пришлет нового мейстера на место Пицеля.

«А я-то надеялся, что смогу ему доверять. Варис и Мизинец скорее

всего не более преданы, чем он... просто они хитрее, а следовательно, опаснее. Отец, пожалуй, предложил наилучший выход: призвать Илина Пейна, воткнуть три эти головы над воротами — и делу конец. Приятнейшее было бы зрелище».

Арья

Страх ранит глубже, чем меч, твердила себе Арья, но это плохо помогало. Страх стал такой же неотъемлемой частью ее жизни, как черствый хлеб или волдыри на ногах после твердой, изрытой колеями дороги.

Ей уже много раз бывало страшно, но настоящий страх она узнала только в том сарае у Божьего Ока. Восемь дней пробыла она там, пока Гора не отдал приказа выступать, и каждый день видела чью-нибудь смерть.

Гора являлся в сарай после

завтрака и брал кого-нибудь из узников на допрос. Жители деревни старались не смотреть на него. Может быть, они думали, что тогда и он их не заметит... но он их видел и брал, кого хотел. Ни спрятаться, ни схитрить было нельзя, и спасения не было.

Одна девушка три ночи подряд спала с солдатом — на четвертый день Гора выбрал ее, и солдат ничего не сказал.

Улыбчивый старик чинил солдатам одежду и рассказывал о своем сыне, который служил золотым плащом в Королевской Гавани. «Он человек короля, — повторял старик, — и я тоже — мы за

Джоффри». Он так часто это говорил, что другие узники называли его «Мы-за-Джоффри», когда стража не слышала. Мы-за-Джоффри взяли на пятый день.

Молодая мать с изрытым оспой лицом сама вызвалась рассказать все, что знает, — лишь бы ее дочку не тронули. Гора выслушал ее, а на следующее утро забрал у нее ребенка — вдруг она что-то утаила.

Тех, кого выбирали, допрашивали на глазах у других: пусть видят, какая участь ждет мятежников и предателей. Допрос вел человек по прозвищу Щекотун. Лицо у него было самое обыкновенное, а одежда такая

простая, что Арья могла бы принять его за кого-то из деревенских, пока не увидела за работой. «У Щекотуна всякий обмочится», — заявил пленным старый сутулый Чизвик — тот самый, кого Арья хотела укусить, который назвал ее злюкой и разбил ей голову кольчужным кулаком. Иногда Щекотуну помогал он, иногда другие. Сам сир Грегор Клиган только стоял и смотрел, пока жертва не умирала.

Вопросы были всегда одни и те же. Есть ли в деревне спрятанное золото, серебро, драгоценности? Не припрятано ли где-нибудь съестное? Где лорд Берик Дондаррион? Кто из местных ему помогал? В какую

сторону он уехал? Сколько с ним было человек – рыцарей, лучников и пехотинцев? Как они вооружены? Сколько у них лошадей? Сколько раненых? Каких еще врагов видели селяне? Когда? Сколько? Под какими знаменами? Куда они направились? Где в деревне спрятано золото, серебро, драгоценности? Где лорд Берик Дондаррион? Сколько с ним было человек? К третьему дню Арья знала все эти вопросы наизусть.

Люди Клигана нашли немного золота, немного серебра, большой мешок с медными монетами и украшенный гранатами помятый кубок, из-за которого двое солдат чуть не подрались. Они узнали, что с

лордом Бериком было десять заморышей, сотня конных рыцарей, что он направился на юг, на север, на запад, что он переправился через озеро на лодке, что он силен, как зубр, что он ослаб от кровавого поноса. Допроса Щекотуна не пережил никто — ни мужчины, ни женщины, ни дети. Самые крепкие дотягивали до вечера. Их тела вывешивали у деревни на поживу волкам.

Когда они выступили в поход, Арья поняла, что никакой она не водяной плясун. Сирио Форель никогда не позволил бы сбить его с ног и отнять у него меч — и он не стал бы стоять и смотреть, как убивают

Ломми Зеленые Руки. Сирио не сидел бы молча в этом сарае и не тащился бы покорно в толпе других пленников. Эмблема Стариков — лютоволк, но Арья чувствовала себя ягненком, бредущим в стаде других овец. Она ненавидела селян за их овечье непротивление — почти так же, как себя.

Ланнистеры отняли у нее все: отца, друзей, дом, надежду, мужество. Один забрал Иглу, другой сломал о колено ее деревянный меч. Даже ее глупую тайну у нее отняли. В сарае было достаточно места, чтобы справлять нужду в уголке, где никто не видит, но на дороге это стало невозможно. Она терпела

сколько могла, но в конце концов ей пришлось присесть у обочины и спустить штаны на глазах у всех — иначе она бы обмочилась. Пирожок вылупил на нее глаза, но другие даже и не смотрели. Сиру Грегору и его людям было все равно, какого пола их овцы.

Разговаривать не разрешалось. Разбитая губа научила Арию держать язык за зубами, но многие так и не усвоили этот урок. Один мальчик — их было трое братьев — все время звал отца, и ему разmozжили голову шипастой булавой. Тогда подняла крик его мать, и Рафф-Красавчик убил ее тоже.

Ария видела все это и ничего не

сделала. Какой смысл быть храброй? Одна женщина, взятая на допрос, старалась быть храброй, но умерла, крича в голос, как и все остальные. В этом походе не было храбрецов — были испуганные, голодные люди, большей частью женщины и дети. Немногие мужчины были либо стары, либо совсем молоды — всех прочих оставили на виселице на корм волкам и воронам. Джендри пощадили только потому, что он признался, что сам сковал свой рогатый шлем — кузнецы, даже подмастерья, слишком ценились, чтобы убивать их.

Гора объявил, что их ведут в Харренхолл, где они будут служить

лорду Тайвину Ланнистеру. «Благодарите богов, что лорд Тайвин дает вам, предателям и мятежникам, такой случай. Это больше, чем вы заслуживаете. Служите усердно — и будете жить».

— Это нечестно, — пожаловалась одна старуха другой, когда они укладывались на ночь. — Никакие мы не изменники — просто те, другие, пришли и взяли, что хотели, так же как эти.

— Лорд Берик нам зла не делал, — прошептала в ответ ее подруга. — А красный жрец заплатил за все, что они взяли.

— Заплатил? Забрал у меня двух кур, а взамен дал бумажку с

каракулями. Съесть мне ее, что ли? А может, она мне яйца снесет? — Старуха посмотрела, не видят ли часовые, и плюнула трижды: на Талли, на Ланнистеров и на Старков.

— Стыд и срам, — прошипел старик. — Будь старый король жив, он не допустил бы такого.

— Король Роберт? — не сдержавшись, спросила Арья.

— Король Эйерис, да благословят его боги, — слишком громко ответил старик. Часовой тут же прибежал, чтобы заткнуть ему рот. Старик лишился обоих своих зубов и в ту ночь уже больше не разговаривал.

Кроме пленных, сир Грегор гнал с собой дюжину свиней, тощую

корову, вез клетку с курами и девять повозок с соленой рыбой. Он и его люди ехали верхом, пленники были пешие. Слишком слабых и неспособных идти убивали на месте, как и тех, кто имел глупость бежать. Ночью солдаты уводили женщин в кусты – те как будто ждали этого и особо не сопротивились. Одну девушку, красивее остальных, каждую ночь забирали четверо или пятеро человек, пока она не ударила кого-то камнем. Сир Грегор на глазах у всех срубил ей голову одним взмахом своего массивного двуручного меча.

– Бросьте ее волкам, – приказал он после и отдал меч оруженосцу, чтобы тот его вычистил.

Арья покосилась на Иглу, висящую на боку у чернобородого, лысеющего латника по имени Полливер. Хорошо, что меч у нее забрали. Иначе она попыталась бы заколоть сира Грегора, а он разрубил бы ее пополам, и волки съели бы и ее тоже.

Полливер был не так плох, как кое-кто из других, хотя и забрал себе Иглу. В ночь, когда ее схватили, все люди Ланнистеров были для Арьи безымянными и на одно лицо в своих шлемах с носовыми стрелками, но теперь она знала их хорошо. Это было просто необходимо — знать, кто ленив, а кто жесток, кто умен, а кто глуп. Полезно было знать, что солдат

по прозвищу Сраный Рот хоть и сквернословит так, что уши вянут, может дать тебе лишний ломоть хлеба, если попросишь, а веселый старый Чизвик и сладкоречивый Рафф только влепят тебе затрещину.

Арья смотрела, слушала и наводила глянец на свою ненависть так, как Джендри прежде — на свой рогатый шлем. Теперь этот шлем носил Дансен, и она ненавидела его за это. Полливера она ненавидела за Иглу, старого Чизвика — за то, что полагал себя забавником. Раффа-Красавчика, пронзившего копьем горло Ломми, она ненавидела еще сильнее. Она ненавидела сира Амори Лорха из-за Йорена, сира Меррина

Транта – из-за Сирио, Пса – за то, что убил мясницкого сына Мику, сира Илина, Джоффри и королеву – из-за отца, Толстого Тома, Десмонда и остальных, даже из-за Леди, волчицы Сансы. Щекотун был слишком страшен, чтобы его ненавидеть. Порой она даже забывала, что он по-прежнему с ними – когда он не допрашивал, он был солдат как солдат, даже смирнее многих, и с совсем неприметным лицом.

Каждую ночь Арья повторяла эти имена.

– Сир Грегор, – шептала она в свою соломенную подушку. – Дансен, Полливер, Чизвик, Рафф-Красавчик,

Щекотун и Пес, сир Амори, сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея. – В Винтерфелле она молилась с матерью в септе, а с отцом в богороще, но на дороге в Харренхолл богов не было, и эти имена составляли единственную молитву, которую она позаботилась заучить.

Весь день они шли, а ночью она повторяла имена – но вот деревья стали редеть, уступая место холмам, извилистым ручьям и солнечным полям, где, как гнилые зубы, торчали там и сям остовы сожженных укреплений. Еще один долгий дневной переход – и впереди, у голубых озерных вод, показались

башни Харренхолла.

В Харренхолле им будет лучше, говорили друг другу пленники, но Арья не была в этом так уверена. Она слишком хорошо помнила сказки старой Нэн об этом страшном замке. Харрен Черный подмешивал в раствор, скреплявший кладку, человеческую кровь, говорила старая Нэн, понижая голос так, что детям приходилось подвигаться к ней поближе — но драконы Эйегона зажарили в этих стенах и его, и всех его сыновей. Арья закусывала губы, неотвратимо приближаясь к этому замку на своих ороговевших от мозолей ногах. Теперь уж скоро — до башен осталось не больше

нескольких миль, по всему видно.

Однако они шли весь этот день и большую часть следующего, пока не увидели войско лорда Тайвина, расположившееся лагерем к западу от замка, среди сгоревших руин какого-то городка. Харренхолл обманывал глаз, ибо был огромен. Его колоссальные крепостные стены поднимались у озера, как утесы, и скорпионы на них казались маленькими, как насекомые, от которых получили свое название.

Вонь ланнистерского войска дошла до Арьи задолго до того, как она стала различать эмблемы на знаменах вдоль озера, над шатрами западных лордов. Судя по запаху,

лорд Тайвин стоял здесь уже довольно долго. Отхожие канавы, окаймлявшие лагерь, переполнились и кишели мухами, заостренные колья ограждения обросли зеленой плесенью.

Воротная башня Харренхолла, величиной с винтерфеллский Великий Чертог, зияла трещинами. Снаружи поверх стен виднелись только верхушки пяти громадных башен. Самая маленькая из них в полтора раза превышала самую высокую башню Винтерфелла, но не было в них подобающей башням стройности. Они скорее напоминали скрюченные, узловатые стариковские пальцы, ловящие пролетающие

облака. Нэн рассказывала, как во время пожара камень плавился и стекал, словно свечной воск, из окон и по ступеням, раскаленный докрасна, отыскивая Харрена в его убежище. Арья охотно этому верила: каждая башня была уродливее и чуднее другой, бугорчатая, кособокая и щербатая.

— Не хочу я туда, — заскулил Пирожок, когда Харренхолл открыл им свои ворота. — Там привидения.

Чизвик услышал его, но в кои-то веки ничего не сделал, только улыбнулся.

— Выбор за тобой, пекаренок. Либо живи с привидениями, либо станешь одним из них.

Пленники, и Пирожок в том числе, прошли в ворота. В бане, гулком строении из камня и дерева, их заставили раздеться и отмыться дочиста в корытах с настоящим кипятком. Две злобные старухи надзирали за ними, обсуждая их без всякого стеснения, точно вновь приобретенных ослов. Тетка Амабель неодобрительно щелкнула языком, поглядев на ноги Арьи, а тетка Харра ощупала ее пальцы, ставшие мозолистыми от долгих упражнений с Иглой.

— Масло, поди, сбивала. Крестьянская дочка, что ли? Ничего, девка, — тут ты сможешь подняться повыше, только работай на совесть.

А лениться вздумаешь, будешь бита. Как тебя звать-то?

Арья не осмелилась назвать свое настоящее имя, и Арри тоже не годилось — так зовут только мальчишек, а теперь уж видно, что она не мальчик.

— Ласка. — Это было первое девчоночье имя, пришедшее ей на ум. — Ломми звал меня Лаской.

— Да уж ясно почему, — фыркнула тетка Амабель. — Волосы — прямо страсть, и вшей в них небось полно. Снимем их — и пойдешь на кухню.

— Я лучше за лошадьми ходить буду. — Арья любила лошадей — и потом, она, быть может, сумеет увести одну и сбежать.

Тетка Харра закатила ей такую оплеуху, что ссадина на губе открылась заново.

– Прикуси язык, не то хуже будет. Тебя никто не спрашивал.

Кровь во рту отдавала солью и металлом. Арья, потупившись, промолчала, думая угрюмо: «Будь у меня Игла, она не посмела бы меня ударить».

– У лорда Тайвина и его рыцарей за лошадьми смотрят конюхи и оруженосцы – таких, как ты, там не надобно, – сказала тетка Амабель. – На кухне чисто и уютно, там тепло спать и еды вдоволь. Тебе бы там было хорошо, но я уж вижу что для такой работы у тебя ума

маловато. Отдадим-ка ее Визу, Харра.

– Как скажешь, Амабель. – Арье дали рубаху из грубой серой шерсти, пару башмаков не по ноге и отослали ее прочь.

Виз был младшим стюардом башни Плача – коренастый, с мясистым носом и россыпью красных прыщей в углу пухлого рта. Арья входила в число шестерых, присланных под его начало. Каждую из них он просверлил взглядом.

– Ланнистеры щедры с теми, кто хорошо им служит, – вы такого обхождения недостойны, но на войне приходится брать то, что есть. Работайте усердно, помните свое

место — когда-нибудь сможете занять столь же высокое положение, как я. Но не рассчитывайте особо на доброту его милости — милорд-то был и ушел, а я всегда тут. — Он долго расхаживал перед ними, уча их уму-разуму: благородным господам в глаза не смотреть и не обращаться к ним, пока тебя не спросят, и не путаться под ногами у его милости. — Мой нос никогда не врет, — похвастался он. — Я мигом унюхаю и дерзость, и гордыню, и непослушание. И если я учую такой душок, вы мне за это ответите. Все, чем от вас должно пахнуть, — это страх.

Дейенерис

На стенах Кварта били в гонги, возвещая о ее прибытии, и трубили в невиданные рога, свернутые кольцами, как большие бронзовые змеи. Колонна всадников на верблюдах вышла из ворот, чтобы с почетом проводить ее в город. На верховых были чешуйчатые медные доспехи и шлемы в виде звериных морд с медными бивнями и длинными плюмажами из черного шелка, седла украшали рубины и гранаты. Верблюдов покрывали попоны ста различных цветов.

«Такого города, как Кварт, еще

не бывало на свете и не будет, — сказал ей Пиат Прей в Вейес Толорро. — Это пуп земли, врата между севером и югом, мост между востоком и западом, он существует с незапамятных времен и столь великолепен, что Саатос Премудрый выколол себе глаза, увидев его впервые, — ибо знал, что отныне все по сравнению с ним покажется ему жалким и убогим».

Дени не приняла слов чародея слишком всерьез, но город, бесспорно, был великолепен. Три толстые стены опоясывали Кварт. Внешняя была из красного песчаника, тридцати футов высотой, и резьба на ней представляла

животных: ползущих змей, парящих коршунов, плывущих рыб, перемежаемых волками красной пустыни, полосатыми зебрами и чудовищными слонами. На средней, из серого гранита сорока футов высотой, изображались батальные сцены: мечи и копья били в щиты, летели стрелы, сражались герои, гибли невинные младенцы и высились груды мертвых тел. Фигуры на третьей, пятидесятифутовой стене из черного мрамора вогнали Дени в краску, но она приказала себе не быть дурочкой. Она давно не девица; если она спокойно встретила страшные картины серой стены, с чего ей отводить глаза от мужчин и

женщин, доставляющих удовольствие друг другу?

Внешние ворота были окованы медью, средние железом, внутренние усеяны золотом и алмазами. Все трое открылись перед Дени, а когда она въехала на своей Серебрянке в город, малые дети стали бросать цветы под ноги лошади. Малыши были обуты в золотые сандалии, и их нагие тельца ярко раскрашены.

Все краски, которых недоставало в Вейес Толорро, собрались здесь, в Кварте. Дома, точно в горячечном сне, пестрели розовыми, лиловыми и янтарными тонами. Дени проехала под бронзовой аркой в виде двух

совокупляющихся змей — их чешуя блистала яшмой, обсидианом и ляпис-лазурью. Стройные башни были выше всех виденных Дени, и на каждой площади стояли фонтаны с фигурами грифонов, драконов и мантикоров.

Квартийцы толпились на улицах и на балконах, которые казались слишком хрупкими, чтобы выдержать их вес. Высокие, светлокожие, они были одеты в полотно, шелка и тигровый мех — каждый казался Дени лордом или леди. Женские платья оставляли открытой одну грудь, мужчины носили шитые бисером шелковые юбки. Дени чувствовала себя нищенкой и варваркой,

проезжая мимо них в своей львиной шкуре с черным Дрогоном на плече. Дотракийцы называли жителей Кварта «молочными людьми» за их белую кожу, и кхал Дрого мечтал когда-нибудь разграбить великие города востока. Дени взглянула на своих кровных всадников, чьи темные миндалевидные глаза не выдавали их мыслей. Неужели они думают только о добыче? «Какими дикарями должны мы казаться этим квартирцам».

Пиат Прей провел ее маленький кхаласар под большой аркадой, где стояли статуи древних героев втрое больше натуральной величины из белого и зеленого мрамора. Затем

они пересекли громадное здание базара, чей ажурный потолок служил пристанищем тысяче пестрых птиц. На ступенчатых стенах за торговыми местами росли деревья и цветы, а внизу продавалось все, когда-либо созданное богами.

Серебристая кобылка беспокойно заплясала, когда к ней подъехал Ксаро Ксоан Даксос: Дени убедилась, что лошади не терпят близкого соседства верблюдов.

— Если ты пожелаешь здесь что-нибудь, о прекраснейшая из женщин, тебе стоит лишь сказать — и это будет твоим, — сказал Ксаро с высоты своего нарядного, украшенного рогами седла.

– Ей принадлежит весь Кварт – на что ей твои безделушки? – отозвался с другой стороны синегубый Пиат Прей. – Все будет так, как я обещал, кхалиси. Пойдем со мной в Дом Бессмертных, и ты вкусишь истину и мудрость.

– Зачем ей твой Пыльный Чертог, когда у меня ее ждет солнечный свет, сладкая вода и шелковая постель? – возразил Ксаро.

– Тринадцать увенчают ее прекрасную голову короной из черной яшмы и огненных опалов.

– Единственный дворец, где я хотела бы жить, – это красный замок в Королевской Гавани, милорд Пиат.

– Дени остерегалась чародея –

мейега Мирри Маз Дуур отбила у нее охоту водиться с теми, кто занимается колдовством. — И если сильные мужи Кварта хотят поднести мне дары, Ксаро, пусть подарят мне корабли и мечи, чтобы я могла отвоевать то, что принадлежит мне по праву.

Синие губы Пиата сложились в учтивую улыбку.

— Как тебе будет угодно, кхалиси, — сказал он и поехал прочь, покачиваясь в такт шагам верблюда, а шитые бисером одежды колыхались у него за спиной.

— Юная королева мудра не по годам, — молвил Ксаро с высокого седла. — В Кварте говорят, что дом

колдуна построен из костей и лжи.

— Почему же тогда люди понижают голос, говоря о колдунах Кварта? Весь восток почитает их силу и мудрость.

— Да, некогда они были могущественны, но теперь они похожи на дряхлых солдат, которые похваляются своей доблестью, давно утратив и силу, и мастерство. Они читают свои ветхие свитки, пьют «вечернюю тень», пока у них губы не посинеют, и намекают на некую смертоносную власть, но они — пустая шелуха по сравнению с белыми чародеями. Предупреждаю тебя: дары Пиата Прея в твоих руках обернутся прахом. — Ксаро стегнул

своего верблюда кнутом и усккал.

— Ворона говорит, что ворон черен, — пробормотал сир Джорах на общем языке Вестероса. Рыцарь-изгнанник, как всегда, ехал по правую руку от Дени. Ради въезда в Кварт он снял свою дотракийскую одежду и облачился в панцирь, кольчугу и шерсть Семи Королевств, лежащих за полсвета отсюда. — Лучше вам не иметь дела с этими людьми, ваше величество.

— Они помогут мне взойти на престол. Ксаро сказочно богат, а Пиат Прей...

— ...делает вид, что обладает тайной силой. — На темно-зеленом камзоле рыцаря стоял на задних

лапах медведь дома Мормонтов, черный и свирепый. Сир Джорах, хмуро глядящий на кишачий народом базар, казался не менее свирепым. — Я бы не стал задерживаться здесь надолго, моя королева. Мне противен самый запах этого места.

— Возможно, это пахнет верблюдами, — улыбнулась Дени. — Запах самих квартирцев мне кажется весьма приятным.

— Сладкие ароматы порой прикрывают смрад. «Мой медведь, — подумала Дени. — Пусть я его королева — для него я навсегда останусь маленьким медвежонком, и он всегда будет беречь меня». Это

вселяло в нее чувство безопасности, но и печалило тоже. Она жалела, что не может любить его иной любовью.

Ксаро Ксоан Даксос давно уже предложил Дени свое гостеприимство, и она ожидала увидеть нечто грандиозное, но дворец, больше, чем иной рыночный городок, явился для нее неожиданностью. Дом магистра Иллирио в Пентосе рядом с ним показался бы хижинкой свинопаса. Ксаро заверил ее, что здесь свободно разместятся все ее люди вместе с конями, и дворец в самом деле поглотил их без остатка. Самой Дени было предоставлено целое крыло с собственным садом, мраморным

бассейном, магической кристальной башней и волшебным лабиринтом. Рабы предупреждали любое ее желание. Полы в ее покоях были из зеленого мрамора, на стенах висели шелковые драпировки, мерцающие красками при каждом дуновении.

– Ты слишком щедр, – сказала она Ксаро.

– Для Матери Драконов ни один дар не будет слишком велик. – Ксаро, томный щеголь с лысой головой и огромным крючковатым носом, был весь увешан рубинами, опалами и яшмой. – Завтра на пиру ты отведаешь павлинов и жавороньих язычков и услышишь музыку, достойную прекраснейшей из

женщин. Тринадцать придут засвидетельствовать тебе свое почтение, а с ними все именитые граждане Кварта.

«Твои именитые граждане придут посмотреть моих драконов», — подумала Дени, но вслух поблагодарила Ксаро. Вскоре он покинул ее, как и Пиат Прей, пообещавший устроить ей встречу с Бессмертными. «Это честь столь же редкая, как снег летом», — сказал чародей. На прощание он поцеловал ее босые ноги бледно-синими губами и вручил ей баночку с мазью, которая, как он клялся, позволит Дени увидеть духов воздуха. Последней ушла Куэйта,

заклинательница теней. От нее Дени получила только предостережение.

– Берегись, – сказала женщина в красной лакированной маске.

– Но чего?

– Всего. И всех. Они будут приходить днем и ночью, чтобы посмотреть на чудо, вновь пришедшее в мир, а увидев, они его возжелают. Ибо драконы – это огонь, облеченный плотью, а огонь – это власть.

После ее ухода сир Джорах сказал:

– Она говорит правду, моя королева... хотя нравится мне не больше, чем остальные.

– Я не понимаю ее. – Пиат и

Ксаро осыпали Дени обещаниями с тех самых пор, как увидели драконов, и провозглашали себя ее верными слугами, но от Куэйты она слышала лишь редкие загадочные слова. Беспокоило Дени и то, что она никогда не видела лица этой женщины. «Помни Мирри Маздуур, – говорила она себе. – Помни ее измену». – Будем нести собственную стражу, пока мы здесь, – сказала Дени своим кровным всадникам. – Пусть никто не входит в это крыло дворца без моего разрешения, и пусть драконов охраняют неусыпно.

– Будет исполнено, кхалиси, – сказал Агго.

– Мы видели лишь ту часть

Кварта, которую пожелал показать нам Пиат Прей. Осмотри остальное, Ракхаро, и расскажи мне об увиденном. Возьми с собой надежных мужчин — и женщин, чтобы они побывали там, куда мужчинам доступа нет.

— Будет исполнено, кровь моей крови.

— Ты, сир Джорах, отправляйся в гавань и посмотри, какие там стоят корабли. Я уже полгода не слышала никаких новостей из Семи Королевств. Быть может, боги прислали сюда из Вестероса какого-нибудь доброго капитана, который отвезет нас домой.

— Для этого доброта не

требуется, — нахмурился рыцарь. — Узурпатор убьет вас, это ясно как день. — Мормонт заправил большие пальцы за пояс. — Мое место здесь, рядом с вами.

— Меня постережет Чхого. Ты знаешь больше языков, чем мои кровные всадники, притом дотракийцы не доверяют морю и тем, кто плавает по нему. Эту услугу оказать мне можешь только ты. Походи между кораблей, поговори с матросами, узнай, откуда они пришли и куда следуют и что за люди командуют ими.

— Хорошо, моя королева, — неохотно кивнул рыцарь. Когда мужчины разошлись, служанки сняли

с Дени запылившуюся в пути одежду, и она прошла к мраморному бассейну в тени портика. Вода была восхитительно прохладна, и в ней плавали крошечные золотые рыбки — они легонько пощипывали кожу, заставляя Дени хихикать. Как хорошо было нежиться, закрыв глаза, и знать, что она может отдыхать, сколько ей вздумается. Есть ли в Красном Замке Эйегона такой бассейн и такие сады, благоухающие лавандой и мятой? Должны быть. Визерис всегда говорил, что Семь Королевств — самое прекрасное место на свете.

Мысль о доме нарушила ее покой. Будь ее солнце и звезды живы, он переправился бы со своим

кхаласаром через злые воды и разбил бы ее врагов, но его сила ушла из мира. У нее есть кровные всадники – они посвятили ей свою жизнь и умеют убивать, но лишь так, как это заведено у табунщиков. Дотракийцы грабят города и разоряют королевства, но править ими не могут. Дени не желала превращать Семь Королевств в выжженную пустыню, полную беспокойных духов. Довольно она видела слез. «Я хочу, чтобы мое королевство было прекрасным, чтобы в нем жили веселые дородные люди, красивые девушки и беззаботные дети. Хочу, чтобы люди улыбались, когда я проезжаю мимо, как, по словам

Визериса, улыбались моему отцу».

Но для этого она должна одержать победу.

«Узурпатор убьет вас, это ясно как день», – сказал Мормонт. Роберт убил ее отважного брата Рейегара, а один из его приспешников переплыл Узкое море и пересек дотракийские степи, чтобы убить ее вместе с сыном, которого она носила. Говорят, Роберт Баратеон силен как бык, бесстрашен в бою и любит войну больше всего на свете. На его стороне могучие лорды, которых Визерис называл псами узурпатора, – Эддард Старк с холодными глазами и ледяным сердцем и золотые Ланнистеры, отец и сын, богатые,

всесильные и вероломные.

Может ли она надеяться победить их? Когда был жив кхал Дрого, люди дрожали перед ним и задаривали его, чтобы отвлечь от себя его гнев. У тех, кто не делал этого, он отнимал их города, богатства и жен. Но его кхаласар был огромен, а ее — ничтожно мал. Ее люди пересекли вместе с ней красную пустыню, следуя за кометой, и последуют за ней через злые воды, но их будет недостаточно. Даже драконы не помогут. Визерис верил, что вся страна поднимется на защиту своего законного короля... но Визерис был глупец и верил в глупые вещи.

От этих сомнений Дени бросило в дрожь. Вода вдруг показалась ей холодной, покусывание рыбок стало раздражать. Она встала и вышла из бассейна, кликнув Ирри и Чхику.

Служанки вытерли ее, завернули в халат из песочного шелка, и мысли Дени вернулись к тем троим, что приехали к ней в Город Костей. «Кровавая Звезда привела меня в Кварт не напрасно. Здесь я найду то, что ищу, если у меня достанет силы взять то, что мне предлагают, и мудрости, чтобы избежать ловушек. Если боги хотят моей победы, они не оставят меня и пошлют мне знак, если же нет...»

Близился вечер, и Дени кормила

драконов, когда Ирри, раздвинув шелковый занавес, сказала, что сир Джорах вернулся из гавани... и не один.

— Впусти их, кого бы он ни привел, — сказала охваченная любопытством Дени.

Когда они вошли, она расположилась на груди подушек, окруженная своими драконами. Человек, пришедший с рыцарем, был одет в плащ из зеленых и желтых перьев, а сам черен, как смола.

— Ваше величество, — сказал Мормонт, — позвольте представить вам Квухуру Мо, капитана «Пряного ветра» из города Высокодрева.

Чернокожий преклонил колени.

— Великая честь для меня, королева, — сказал он не на языке Летних островов, которого Дени не знала, а на беглом валирийском Девяти Вольных Городов.

— Взаимно, Квухуру Мо, — ответила ему Дени на том же языке. — Ты приплыл сюда с Летних островов?

— Это так, ваше величество, но прежде, с полгода тому назад, мы заходили в Старомест — и я привез вам оттуда чудесный подарок.

— Подарок?

— Да. Чудесную новость. Матерь Драконов, Бурерожденная, да будет тебе известно, что Роберт Баратеон мертв.

Над Квартом опускались сумерки, но в душе у Дени взошло солнце.

— Мертв! — повторила она. Черный Дрогон у нее на коленях зашипел, и бледный дымок окутал ее лицо, как вуаль. — Ты уверен? Узурпатор мертв?

— Так говорят в Староместе, и в Дорне, и в Лиссе, и во всех других портах, куда мы заходили.

«Он прислал мне отравленное вино — но я жива, а он умер».

— Какая смерть постигла его? — Белый Визерион у нее на плече захлопал кремовыми крыльями, всколыхнув воздух.

— Он был растерзан чудовищным

вепрем, охотясь в своем королевском лесу, – так я слышал в Староместе. В других местах говорят, что его погубила королева, либо его брат, либо лорд Старк, который был его десницей. Но все истории сводятся к одному: король Роберт умер и лежит в могиле.

Дени никогда не видела узурпатора в лицо, но дня не проходило, чтобы она о нем не думала. Его тень легла на нее с самого ее рождения, с того часа, когда она под вой бури явилась в мир, где ей не было места. А теперь чернокожий мореход убрал эту тень.

– На Железном Троне теперь сидит мальчик, – сказал сир Джорах.

– Да, король Джоффри царствует, – подтвердил Квухуру Мо, – но правят за него Ланнистеры. Братья Роберта бежали из Королевской Гавани. Говорят, они намерены бороться за корону. А десница, лорд Старк, друг короля Роберта, схвачен за измену.

– Нед Старк – изменник? – фыркнул сир Джорах. – Не ври мне. Скорее Долгое Лето настанет вновь, чем этот молодчик запятнает свою драгоценную честь.

– О какой чести может идти речь? – скачала Дени. – Он предал своего короля, как и Ланнистеры. – Ей приятно было услышать, что псы узурпатора передрались между

собой, и она этому нисколько не удивилась. То же самое произошло, когда умер Дрого и его большой кхаласар распался на части. — Мой брат Визерис, который был истинным королем, тоже умер, — сказала она капитану с Летних островов. — Кхал Дрого, мой лорд-муж, убил его, увенчав короной из расплавленного золота. — (Быть может, брат вел бы себя умнее, если бы знал, что возмездие, о котором он молился, свершится так скоро.)

— Я соболезнаю твоему горю. Мать Драконов, — и несчастному Вестеросу, лишенному истинного короля.

Зеленый Рейегаль под ласковой

рукой Дени уставился на гостя глазами из жидкого золота и оскалил зубы, блестящие, как черные иглы.

— Когда твой корабль опять придет в Вестерос, капитан?

— Боюсь, не раньше, чем через год. «Пряный ветер» отплывает на восток, чтобы совершить круг по Яшмовому морю.

— Вот как, — молвила разочарованная Дени. — Ну что ж, попутного тебе ветра и удачной торговли. Ты принес мне бесценный дар.

— Ты вознаградила меня с лихвой, о великая королева.

— Как так? — удивилась она.

— Я видел драконов, — с блеском

в глазах ответил он.

– Надеюсь, не в последний раз,
– засмеялась Дени. – Приезжай ко мне в Королевскую Гавань, когда я взойду на отцовский трон, и я вознагражу тебя по-настоящему.

Чернокожий пообещал, что придет, поцеловал ее пальцы и удалился. Чхику пошла проводить его, но сир Джорах остался.

– Кхалиси, – сказал он, – на вашем месте я не стал бы столь откровенно говорить о своих планах. Этот человек будет сеять слухи повсюду.

– Пусть его. Пусть целый мир знает о моих намерениях. Узурпатор мертв – что мне за дело?

– Не всем моряцким байкам можно верить – и даже если Роберт на самом деле умер, страной теперь правит его сын. Его смерть, в сущности, ничего не меняет.

– Она меняет все! – Дени резко поднялась на ноги, и драконы, завопив, растопырили крылья. Дрогон взлетел на карниз, двое других поскакали по полу, скребя концами крыльев по мрамору. – Прежде Семь Королевств были как кхаласар моего Дрого, спявшего своей волей сто тысяч человек. Теперь государство распалось, как кхаласар после смерти моего кхала.

– Знатные лорды всегда дрались между собой. Скажите мне, кто из

них победил, и я скажу вам, что это значит. Кхалиси, Семь Королевств не упадут вам в руки, как спелые персики с ветки. Вам понадобится флот, армия, золото, союзники...

— Все это я знаю. — Она взяла его руки в свои и заглянула в его темные настороженные глаза. «Порой он смотрит на меня как на ребенка, которого должен защищать, порой как на женщину, с которой хотел бы лечь в постель, но видит ли он во мне по-настоящему свою королеву?» — Я уже не та испуганная девочка, которую ты встретил в Пентосе. Да, у меня за плечами всего пятнадцать именин... но я стара, как старухи из дош кхалина, и юна, как мои

драконы. Я родила ребенка, схоронила кхала, я пересекла красную пустыню и Дотракийское море. Во мне течет кровь дракона.

— В вашем брате она тоже текла, — упрямо сказал Мормонт.

— Я не Визерис.

— Это верно. В вас, пожалуй, больше от Рейегара, но даже Рейегар дал себя убить. Роберт уложил его на Трезубце своим боевым молотом — всего лишь. Даже драконы смертны.

— Драконы смертны. — Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в небритую щеку. — Но смертны и те, кто их убивает.

Бран

Мира настороженно описала круг. В левой ее руке болталась сетка, в правой она держала тонкий трезубец. Лето следил за ней своими золотистыми глазами, высоко держа неподвижный хвост.

— Йай! — крикнула девушка и сделала выпад острой. Волк метнулся влево и прыгнул. Мира метнула сеть — та развернулась в воздухе, и волк угодил прямо в нее. Опутанный ею, он рухнул Мира на грудь и повалил ее на спину, выбив острогу у нее из руки. Влажная трава смягчила удар, но воздух с шумом

вырвался у Миры из легких.

— Ты проиграла! — возликовал Бран.

— Нет, выиграла, — сказал ее брат Жойен. — Ведь Лето попался. И правда — волк рычал и барахтался в сети, пытаясь ее разорвать, но только еще хуже запутывался. Прогрызть сеть он тоже не мог.

— Выпусти его.

Мира, смеясь, обхватила пленного волка руками и покатила с ним по траве. Лето жалобно заскулил, дрыгая лапами. Мира стала на колени, распутала там, дернула здесь, и волк внезапно освободился.

Бран распростер руки.

— Лето, ко мне. Осторожно! — Но

волк уже врезался в него. Они упали, сцепившись, и стали возиться — один рычал, другой смеялся. В конце концов Бран оказался наверху, а волк, весь перемазанный в грязи, под ним. — Хороший зверь, — выдохнул мальчик, и Лето лизнул его в ухо.

Мира покачала головой:

— Он совсем никогда не злится?

— На меня — нет. — Бран сгреб волка за уши, и тот свирепо лязгнул зубами, но это была только игра. — Иногда он рвет мне одежду, но до крови ни разу не укусил.

— Тебя-то нет, но если б он проскочил мимо моей сети...

— Тебя бы он тоже не тронул. Он знает, что ты мне нравишься. — Все

прочие лорды и рыцари разъехались после праздника урожая, но Риды остались и сделались постоянными спутниками Брана. Жойен был так серьезен, что старая Нэн прозвала его маленьким дедушкой, но Мира напоминала Брану его сестру Арью — она не боялась испачкаться, бегать, драться и кидать камни умела не хуже мальчика. Правда, она старше Арьи — ей почти шестнадцать, и она взрослая женщина. Они оба старше Брана, хотя его девятые именины наконец-то миновали, но никогда не обращаются с ним, как с ребенком.

— Лучше бы вы были нашими воспитанниками вместо Уолдеров. — Бран пополз к ближайшему дереву.

Это было неприглядное зрелище, но когда Мира хотела поднять его, он сказал:

— Нет, не надо мне помогать. — Он извернулся, опираясь на руки, и привалился спиной к стволу высокого ясеня. — Вот видишь? — Лето растянулся рядом, положив голову ему на колени. — Никогда не видел раньше, как сражаются с помощью сети, — сказал Бран Мире, почесывая волка за ушами. — Это ваш мастер над оружием тебя научил?

— Нет, отец. У нас в Сероводье нет ни рыцарей, ни мастера над оружием, ни мейстера.

— А кто же занимается вашими воронами?

— Почтовые вороны не могут найти Сероводье, — улыбнулась она, — и враги тоже.

— Почему?

— Потому что наш дом движется.

Бран никогда еще не слышал о движущихся замках. Может, Мира дразнит его?

— Хотелось бы мне на это посмотреть. Как ты думаешь, ваш лорд-отец позволит мне побывать там, когда война кончится?

— Ты будешь у нас желанным гостем, мой принц, — и тогда, и теперь.

— Теперь? — Бран всю свою жизнь провел в Винтерфелле и очень хотел бы повидать дальние края. — Я

спрошу сира Родрика, когда он вернется. — Старый рыцарь отправился на восток, чтобы уладить возникшие там беспорядки. Бастард Русе Болтона похитил леди Хорнвуд, когда она возвращалась с праздника урожая, и в ту же ночь женился на ней, хотя годился ей в сыновья. Затем лорд Мандерли захватил ее замок — чтобы защитить владения Хорнвудов от Болтонов, как уверял он в письме, но сир Родрик рассердился на него почти так же, как и на бастарда. — Он, может быть, меня отпустит — а вот мейстер Лювин ни за что.

Жойен Рид, сидевший, поджав ноги, под чардревом, серьезно сказал:

– Будет хорошо, если ты уедешь из Винтерфелла, Бран.

– Хорошо?

– Да. И чем скорее, тем лучше.

– У моего брата зеленый глаз, – сказала Мира. – Ему снится то, чего не было, но иногда его сны сбываются.

– Почему ты говоришь «иногда», Мира? – Они обменялись взглядом – она смотрела с вызовом, он с грустью.

– Тогда скажи, что с нами будет, – попросил Бран.

– Скажу, если и ты расскажешь мне о своих снах.

В богороще стало совсем тихо. Бран слышал, как шелестят листья и

Ходор плещется в горячем пруду. Он вспомнил о золотом человеке и трехглазой вороне, вспомнил хруст костей на зубах и медный вкус крови.

— Мне ничего не снится. Мейстер Лювин дает мне сонное зелье.

— И как, помогает?

— Иногда.

— Весь Винтерфелл знает, что ты по ночам кричишь и просыпаешься весь в поту, Бран, — сказала Мира. — Женщины говорят об этом у колодца, а стражники — в караульной.

— Скажи нам — чего ты так боишься? — спросил Жойен.

— Не хочу. Это всего лишь сны. Мейстер Лювин говорит, что сны

могут означать все что угодно или ничего.

— Брату тоже снятся самые обыкновенные сны, которые могут означать что угодно, но зеленые сны — дело иное.

Глаза у Жойена были цветом, как мох, и порой, когда он смотрел на тебя, казалось, будто он видит что-то другое — вот как теперь.

— Мне приснился крылатый волк, прикованный к земле серыми каменными цепями, — сказал он. — Это был зеленый сон, поэтому я знаю, что он правдивый. Ворона пыталась расклевать его цепи, но ее клюв откалывал от камня только крохотные кусочки.

– У этой вороны было три глаза?

Жойен кивнул. Лето поднял голову с колен Брана и уставился на юного Рида темно-золотыми глазами.

– Когда я был маленький, я чуть не умер от серой лихорадки – тогда ворона и явилась мне впервые.

– А ко мне она прилетела после того, как я упал, – вырвалось у Брана. – Я долго спал, и она сказала «лети или умри», и я проснулся сломанным, но так и не полетел.

– Ты можешь полететь, если захочешь. – Мира окончательно распутала свою сеть и стала складывать ее.

– Тот крылатый волк – это ты,

Бран, — сказал Жойен. — Я не был уверен в этом, когда мы сюда приехали, но теперь я уверен. Ворона послала нас, чтобы разбить твои цепи.

— А где она? У вас в Сероводье?

— Нет. Ворона на севере.

— На Стене? — Брану всегда хотелось посмотреть Стену — а теперь и его сводный брат Джон служит там в Ночном Дозоре.

— За Стеной. — Мира прицепила сеть к поясу. — Когда Жойен рассказал свой сон нашему лорду-отцу, он послал нас в Винтерфелл.

— Как же мне разорвать эти цепи, Жойен? — спросил Бран.

— Ты должен открыть свой глаз.

– Они и так открыты оба – не видишь, что ли?

– Да, два глаза открыты.

– Так у меня больше и нет.

– У тебя их три. Ворона дала тебе третий глаз, но ты не хочешь его открывать. – Жойен говорил мягко и медленно. – Двумя глазами ты видишь мое лицо – тремя ты заглянул бы мне в сердце. Двумя глазами ты видишь вот этот дуб – тремя ты увидел бы желудь, из которого он вырос, и пень, который когда-нибудь от него останется. Двумя глазами ты видишь не дальше своих стен – тремя ты увидел бы южные земли вплоть до Летнего моря и северные, что лежат за Стеной.

Лето встал, а Бран сказал с нервной улыбкой:

— Мне незачем видеть так далеко. И я не хочу больше говорить о воронах. Поговорим лучше о волках. Или о львоящерах. Вы когда-нибудь охотились на них, Мира? У нас они не водятся.

Мира нашла в кустах свою острогу.

— Они живут в воде, в тихих ручьях и глубоких болотах...

— Львоящеры тебе тоже снились? — прервал Жойен.

— Нет. Я же сказал, что не хочу...

— А волки?

Его расспросы сердили Брана.

— Я не обязан рассказывать тебе

мои сны. Я принц. Я Старк из Винтерфелла.

– Тебе снился Лето?

– Замолчи.

– В ночь праздника урожая тебе снилось, что ты Лето и бегаешь в богороще, правда?

– Перестань! – крикнул Бран. Лето подался к чардреву, оскалив белые зубы.

Жойен Рид, не обращая на них внимания, гнул свое:

– Когда я притронулся к Лету, я почувствовал в нем тебя. Ты и теперь в нем.

– Не мог ты ничего почувствовать. Я был в постели и спал.

– Ты был в богороще, одетый в серую шкуру.

– Это был просто дурной сон...

Жойен встал:

– Я почувствовал тебя.

Почувствовал, как ты падаешь. Вот чего ты боишься, да? Падения?

«Да, падения, – подумал Бран, – и золотого человека, брата королевы. Но падения больше». Вслух он этого не сказал. Как он мог? Он не рассказывал об этом ни сиру Родрику, ни мейстеру Лювину – и Ридам тоже не скажет. Если не говорить, то все может быть, и забудется. Он не хотел ничего помнить – да это, может, и ненастоящее воспоминание.

– Ты каждую ночь падаешь, Бран? – тихо спросил Жойен. Басовитое ворчание вырвалось из горла Лета, и это больше не было игрой. Волк двинулся вперед, ощерившись и сверкая глазами. Мира встала между ним и братом с острой в руке.

– Отзови его, Бран.

– Жойен его злит. Мира потрянула сетью.

– Это твой гнев, Бран, – сказал ее брат. – И твой страх.

– Не правда. Я не волк. – Однако он был с ними по ночам и чувствовал вкус крови в своих волчьих снах.

– Часть тебя – это Лето, а часть Лета – это ты. Ты это знаешь, Бран.

Лето ринулся вперед, но Мира загородила ему дорогу, грозя своим трезубцем. Волк шмыгнул в сторону, сделал круг и стал подкрадываться. Мира повернулась к нему лицом.

– Отзови его, Бран.

– Лето! Ко мне, Лето! – крикнул Бран и хлопнул себя ладонью по ляжке так, что руке стало больно – но мертвая нога ничего не почувствовала.

Волк снова бросился вперед, и снова Мира отогнала его, пригрозив острой. Лето увернулся и отскочил назад. Кусты позади зашелестели, и оттуда появилась черная поджарая фигура с оскаленными зубами. Бран почуял запах ярости Лета. Волосы у

Брана на затылке встали дыбом. Мира придвинулась к брату, волки были по обе стороны от них.

— Бран, отзови их.

— Не могу!

— Жойен, лезь на дерево.

— Нет нужды. Не в этот день мне суждено умереть.

— Быстро! — вскричала она, и Жойен полез на чардрево, цепляясь за вырезанный на нем лик. Волки приближались. Мира, бросив острогу и сеть, подпрыгнула и ухватилась за ветку у себя над головой. Лохматый Песик щелкнул зубами, едва не задев ее лодыжку, но она уже подобрала ноги. Лето сел и завыл, а Лохматый Песик принялся трепать сеть.

Только тогда Бран вспомнил, что они тут не одни. Он сложил руки у рта и позвал:

– Ходор! Ходор! Ходор!! – Он чувствовал сильный испуг и почему-то стыд. – Ходора они не тронут, – заверил он своих сидящих на дереве друзей.

Вскоре послышалось нестройное, без слов, пение. Ходор прибежал от горячих прудов полуодетый и весь в грязи, но Бран никогда еще так ему не радовался.

– Ходор, помоги мне. Прогони
ВОЛКОВ.

Ходор принялся за дело рьяно — он махал руками, топал ногами и бегал от одного волка к другому,

крича: «Ходор! Ходор!» Лохматый Песик, рыкнув напоследок, удрал в кусты, а Лето вернулся к Брану и лег рядом с ним.

Мира слезла, подхватила с земли острогу и сеть, не сводя глаз с Лета.

– Мы еще поговорим с тобой, – пообещала она Брану. «Но это ведь волки, а не я», – подумал он. Бран не понимал, с чего они так озверели. Может, мейстер Лювин и прав, что держит их в богороще.

– Ходор, – сказал Бран, – отнеси меня к мейстеру.

Башенка мейстера под вороньей вышкой принадлежала к числу излюбленных мест Брана. Лювин был безнадежным неряхой, но

нагромождение его книг, свитков и бутылок казалось Брану столь же знакомым и успокоительным, как мейстерова плешь или широкие рукава его просторных серых одежд. Вороны Брану тоже нравились.

Лювин сидел на высоком табурете и что-то писал. С отъездом сира Родрика все хозяйственные заботы по замку пали на его плечи.

— А-а, мой принц. Чего-то вы рано сегодня явились на уроки. — Мейстер каждый день по несколько часов давал уроки Брану, Рикону и Уолдерам Фреям.

— Ходор, стой смирно. — Бран ухватился руками за стенной светильник, подтянулся и вылез из

корзины. Какой-то миг он висел на руках, потом Ходор перенес его на стул. – Мира говорит, что у ее брата зеленый глаз.

Мейстер почесал нос гусиным пером.

– Вот как?

– Да. Вы говорили, что зеленым зрением обладали Дети Леса, – я помню.

– Некоторые их мудрецы будто бы имели великую власть – их называли «видящими сквозь зелень».

– Это было волшебство?

– Можно и так сказать, за неимением лучшей слова. Но в сущности это просто знание особого рода.

– Как они это делали?

Лювин отложил перо.

– Никто не знает толком, Бран.

Дети Леса ушли из мира, и мудрость их ушла с ними. Мы думаем, что это было как-то связано с ликами на деревьях. Первые Люди верили, что видящие сквозь зелень каким-то образом способны смотреть глазами чардрев. Потому-то люди и рубили деревья, когда воевали с Детьми Леса. Считается также, что древовидцы имели власть над лесными зверями, птицами и даже рыбами. Маленький Рид хочет сказать, что он тоже обладает такой силой?

– Нет, не думаю. Но Мира

говорит, что он видит сны, которые иногда сбываются.

– Все мы видим сны, которые иногда сбываются. Ты, скажем, увидел своего лорда-отца в крипте еще до того, как мы узнали о его смерти, – помнишь?

– Рикон тоже его видел. Нам приснился одинаковый сон.

– Ты можешь назвать его зеленым, если хочешь... но не забудь при этом о тех десятках тысяч ваших с Риконом снов, которые не сбылись. Помнишь, я рассказывал тебе о цепях, которые каждый мейстер носит на шее?

Бран подумал немного, вспоминая.

— Мейстер выковывает свою цепь в Цитадели Староместа. Вы надеваете ее на себя, потому что даете обет служения, и она сделана из разных металлов, потому что вы служите государству, а в государстве живут разные люди. Изучив какую-нибудь науку, вы прибавляете к цепи еще одно звено: чугун дается за искусство воспитывать воронов, серебро — за врачевание, золото — за науку счета и цифири. А дальше я не помню.

Лювин продел палец под свою цепь и стал поворачивать ее дюйм за дюймом. Шея у него для человека маленького роста была толстая, и цепь сидела туго, но все же

поддавалась вращению.

— Это валирийская сталь, — сказал мейстер, когда ему на кадык легло звено из темно-серого металла. — Только у одного мейстера из ста есть такое. Оно означает, что я изучил то, что в Цитадели называется «высшими тайнами» — то есть магию, за неимением лучшего слова. Захватывающая наука, но пользы от нее мало — вот почему лишь немногие из мейстеров дают себе труд заниматься ею.

Все те, кто изучает высшие тайны, сами рано или поздно пробуют чародействовать. Я тоже, должен признаться, поддался искушению. Что поделаешь, я тогда

был мальчишкой, а какой юнец не мечтает втайне открыть в себе неведомую ранее силу? Но в награду за свои усилия я получил не больше, чем тысяча мальчиков до меня и тысяча после. Магия, как это ни печально, не действует больше.

— Нет, иногда действует, — возразил Бран. — Мне ведь приснился тот сон, и Рикону тоже. И на востоке есть маги и колдуны...

— Вернее, люди, которые называют себя магами и колдунами. У меня в Цитадели был друг, который мог достать розу у тебя из уха, но колдовать он умел не больше, чем я. Есть, конечно, многое, чего мы еще не понимаем. Время складывается из

веков и тысячелетий, а что видит всякий человек за свою жизнь, кроме нескольких лет и нескольких зим? Мы смотрим на горы и называем их вечными, и они действительно кажутся такими... но с течением времен горы вздымаются и падают, реки меняют русло, звезды слетают с небес, и большие города погружаются в море. Мне думается, даже боги умирают. Все меняется... Возможно, некогда магия была в мире могущественной силой, но теперь это больше не так. Нам осталась разве что струйка дыма, висящая в воздухе после большого пожара, да и она уже тает. Последним углем, тлеющим на

пожарище, была Валирия, но Валирии больше нет. Драконы исчезли, великаны вымерли. Дети Леса вместе со всем своим знанием преданы забвению. Нет, мой принц, — может, Жойен Рид и видел пару снов, которые, как он думает, сбылись, но он не древовидец. Ни у кого из ныне живущих нет такой власти.

Все это Бран передал Мире — она пришла к нему в сумерки, когда он сидел на окне и смотрел, как в замке зажигаются огни.

— Я сожалею о том, что случилось с волками. Лето не должен был нападать на Жойена, но и Жойену не надо было расспрашивать меня про мои сны.

Ворона солгала, сказав, что я могу летать, и твой брат тоже лжет.

— А может быть, это твой мейстер заблуждается?

— Ну уж нет. Даже мой отец доверял его советам.

— Да, твой отец выслушивал его, не сомневаюсь, но в конце концов решал все по-своему. Хочешь, я расскажу, что приснилось Жойену о тебе и твоих приемных братьях?

— Уолдеры мне не братья.

Мира пропустила это мимо ушей.

— Вы сидели за ужином, но вместо слуги еду подавал мейстер Лювин. Перед тобой он положил сочный кусок мяса с кровью,

пахнувшим так, что слюньки текли, а Фреям подал какую-то серую мертвечину. Но им их ужин понравился больше, чем тебе твой.

— Не понимаю.

— Еще поймешь — так брат сказал. Вот тогда и поговорим.

В тот вечер Бран побаивался садиться за ужин, но когда время пришло, ему подали пирог с голубями, как и всем остальным, и он не усмотрел ничего необычного в том, что ели Уолдеры. «Мейстер Лювин прав, — сказал себе Бран. — Ничего плохого в Винтерфелле не случится, что бы там ни говорил Жойен». Бран испытал облегчение... но и разочарование тоже.

Волшебство способно на все: мертвые оживают, деревья говорят, а сломанные мальчики становятся рыцарями, когда вырастают.

— Но волшебства больше нет, — сказал он во мрак своей комнаты, улегшись в постель, — а сказки — они и есть сказки.

Не будет он никогда ни ходить, ни летать и рыцарем тоже не станет.

Тирион

Тростник на полу колот подошвы босых ног.

– Странное же время выбрал мой кузен для визита, – сказал Тирион одуревшему со сна Подрику Пейну, явно ожидавшему хорошей взбучки за то, что разбудил хозяина. – Проведи его в горницу и скажи, что я сейчас приду.

Судя по черноте за окном, было далеко за полночь. Быть может, Лансель рассчитывал найти его в этот час сонным и плохо соображающим? Да нет, Ланселю рассчитывать несвойственно – тут

чувствуется воля Серсеи. Но сестру ждет разочарование. Тирион, даже когда укладывался в постель, работал допоздна при свече – читал, изучал донесения шептунов Вариса и корпел над счетными книгами Мизинца, пока цифры не расплывались и глаза не начинали болеть.

Он поплескал на лицо чуть теплой водой из таза и не спеша посидел на судне в чулане, где ночной воздух охлаждал голое тело. Сиру Ланселю шестнадцать, и терпением он не славится. Пусть подождет и дозреет. Тирион накинул халат и взъерошил свои редкие желтые волосы, придав себе вид только что проснувшегося человека.

Лансель расхаживал взад-вперед перед догоревшим очагом в красном бархатном камзоле, чьи прорези открывали черную шелковую подкладку, с мечом в золоченых ножнах и украшенным драгоценностями кинжалом на поясе.

— Здравствуй, кузен, — сказал Тирион. — Ты нечасто балуешь меня визитами. Чему я обязан столь неожиданным удовольствием?

— Ее величество королева-регентша приказывает тебе освободить великого мастера Пицеля. — Сир Лансель показал Тириону красную ленту с оттиснутой на золотом воске львиной печатью

Серсеи. – Вот ее приказ.

– Вижу, – отмахнулся Тирион. – Надеюсь, сестра не переоценила свои силы – ведь она только что оправилась после болезни. Великая будет жалость, если она расхворается снова.

– Ее величество совершенно здорова, – кратко заверил сир Лансель.

– Это звучит музыкой для моего слуха. – (Только вот мотив не совсем мне по вкусу. Надо было дать ей дозу побольше.) Тирион надеялся, что еще несколько дней обойдется без вмешательства Серсеи, но ее быстрое выздоровление не слишком удивило его. Она как-никак близнец Джейме.

Тирион изобразил на лице приятную улыбку. — Разведи нам огонь, Под, здесь слишком холодно, на мой взгляд. Выпьешь со мной, Лансель? От подогретого вина я сплю крепче.

— Я в снотворном не нуждаюсь. Я пришел по поручению ее величества, а не затем, чтобы пить с тобой, Бес.

«Рыцарство сделало мальчика дерзким, — подумал Тирион, — рыцарство и та печальная роль, которую он сыграл в смерти короля Роберта».

— Да, вино может быть опасным, — улыбнулся Тирион, наливая себе. — Что до великого мастера Пицеля... я думаю, если бы мою дорогую

сестру по-настоящему заботила его участь, она пришла бы ко мне сама. Вместо этого она посылает тебя. Что я должен из этого заключить?

— Заключай что хочешь, только освободи его. Великий мейстер — испытанный друг королевы-регентши и находится под ее личным покровительством. — На губах юноши мелькнула тень усмешки — он наслаждался своей ролью. Берет уроки у Серсеи. — Ее величество решительно не согласна с твоим самоуправством и напоминает тебе, что регент Джоффри — она.

— Однако я — десница Джоффри.

— Десница служит, — указал ему юный рыцарь, — регент же правит до

совершеннолетия короля.

— Запиши это, чтобы я лучше запомнил. — Огонь разгорелся, весело треща. — Ты можешь идти, Под. — Мальчик вышел, и Тирион спросил кузена:

— Ты хотел сказать еще что-то, верно?

— Да. Ее величество велела передать тебе, что сир Джаселин Байвотер отказался выполнить приказ, отданный от имени самого короля.

Итак, Серсея уже приказывала Байвотеру освободить Пицеля, но он отказался.

— Понимаю.

— Она настаивает на том, чтобы

снять его с должности и арестовать за измену. Предупреждаю тебя...

Тирион отставил свой кубок.

— Твоих предупреждений я слушать не стану, мальчик.

— Сир, — надменно поправил Лансель и положил руку на меч — возможно, чтобы напомнить Тириону, что он у него есть. — Выбирай слова, когда говоришь со мной, Бес. — Он очень старался быть грозным, но эти его нелепые усики портили все дело.

— Оставь свой меч в покое. Стоит мне крикнуть, сюда ворвется Шагга и убьет тебя — топором, заметь, а не винным мехом.

Лансель покраснел. Неужели он

так глуп, что полагает, будто его участие в смерти Роберта прошло незамеченным?

— Я рыцарь...

— Это я уже понял. Скажи — Серсея посвятила тебя в рыцари до того, как уложила к себе в постель, или после?

Блеск в зеленых глазах Лансея ответил Тириону лучше всяких слов. Варис сказал правду. Ну что ж, никто не упрекнет Серсею в том, что она не любит своих родных.

— Тебе нечего сказать? Ты больше ни о чем не хочешь предупредить меня, сир?

— Возьми свои грязные обвинения назад, не то...

— Постой. Ты никогда не думал о том, как поступит Джоффри, когда я скажу ему, что ты убил его отца, чтобы спать с его матерью?

— Все было совсем не так! — в ужасе воскликнул Лансель.

— Да ну? А как же все было?

— То вино дала мне королева! И ваш собственный отец лорд Тайвин, когда меня назначили оруженосцем короля, наказал мне повиноваться ей во всем.

— А спать с ней он тебе тоже наказывал? — Поглядите только. Он не так высок, не так красив, и волосы у него не золотые, а песочные... но, как видно, даже бледная копия Джейме лучше, чем пустая постель. —

Нет? Я так и думал.

— Я не хотел... Я делал только то, что мне приказывали, я...

— ...повиновался с глубочайшим отвращением — это ты хочешь мне внушить? Высокое положение при дворе, рыцарство, моя сестра, раздвигающая для тебя ноги по ночам, — что может быть ужаснее! — Тирион вскочил на ноги. — Жди здесь. Его величеству любопытно будет послушать об этом.

Вся дерзость мигом слетела с Лансея. Юный рыцарь упал на колени, превратившись в испуганного мальчика.

— Сжальтесь, милорд, молю вас.

— Прибереги это для Джоффри.

Он любит, когда его молят.

— Милорд, вы знаете, что я действовал по приказу вашей сестры, но его величество этого никогда не поймет...

— Ты хочешь, чтобы я скрыл правду от короля?

— Ради моего отца! Я уеду из города, и все забудется! Клянусь, я покончу...

Тириону трудно было удержаться от смеха.

— Да нет, не стоит.

— Милорд? — растерялся юноша.

— Ты говоришь, мой отец приказал тебе слушаться Серсею. Вот и слушайся. Будь рядом с ней, не выходи у нее из доверия, доставляй

ей удовольствие всякий раз, как она этого пожелает. Никто ничего не узнает... пока будешь слушаться и меня тоже. Я хочу знать, что Серсея делает, куда она пошла, о чем она говорит, какие она строит планы, ведь будешь рассказывать мне об этом, правда?

— Да, милорд, — ответил Лансель не колеблясь. Тириону это понравилось. — Клянусь — я сделаю все, что вы прикажете.

— Встань. — Тирион наполнил второй кубок и дал кузену. — Выпей за наше понимание. Пей — в замке, насколько я знаю, вебрей не водится. — Лансель взял кубок и выпил, как неживой. — Улыбнись же, кузен.

Сестра моя – красивая женщина, и ты делаешь это для блага государства. И с выгодой для себя. Рыцарство – это пустяки. Если будешь умницей, я сделаю тебя лордом. – Тирион качнул своим кубком. – Серсея должна верить в тебя нерушимо. Ступай к ней и скажи, что я прошу у нее прощения. Скажи, что ты меня напугал, что я не хочу с ней ссориться и отныне ничего не сделаю без ее согласия.

– Но как же...

– О, Пицеля я ей отдам.

– Отдадите?

– Я освобожу его завтра, – улыбнулся Тирион. – Я мог бы поклясться, что не тронул даже

волоска на его голове, но это было бы не совсем правдиво. Во всяком случае, он почти не пострадал, хотя не поручусь за его бодрость. Каменные мешки — не слишком здоровое место для человека его лет. Серсея может оставить его при себе вместо собачки или отправить на Стену — мне все равно, лишь бы в совете его не было.

— А сир Джаселин?

— Скажи сестре, что со временем надеешься переманить его от меня. Это должно удовлетворить ее на какой-то срок.

— Как прикажете, — сказал Лансель и допил вино.

— И еще. Короля Роберта больше

нет, и было бы нежелательно, если бы его скорбящая вдова вдруг забрюхатела.

— Милорд, я... мы... королева велела, чтобы я... — Уши у парня стали красными, как знамя Ланнистеров. — Я изливаю свою влагу ей на живот, милорд.

— Прелестный животик, не сомневаюсь. Орошай его сколько душе угодно... но смотри, чтобы твоя роса не пролилась мимо. Больше племянников мне не надобно — ясно?

Сир Лансель отвесил испуганный поклон и удалился.

На миг Тирион позволил себе пожалеть его. «Еще один дурачок, и слабенький к тому же, — но он не

заслужил того, что я и Серсея с ним проделываем. Счастье, что у дяди Кивана есть еще два сына – этот едва ли протянет до конца года. Серсея убьет его на месте, если узнает, что он ее предал, и если даже она по милости богов этого не узнает, Лансель все равно не переживет того дня, когда Джейме вернется в Королевскую Гавань. Вопрос только в том, зарубит его Джейме в припадке ревности или Серсея прикончит его первая, чтобы оставить Джейме в неведении. Тирион ставил на Серсею.

Его обуяло беспокойство, и он понимал, что больше уже не уснет. Во всяком случае, здесь. Подрик

Пейн спал на стуле за дверью горницы, и Тирион тряхнул его за плечо.

— Позови Бронна, а потом беги на конюшню и вели оседлать двух лошадей.

— Лошадей? — пробормотал сонный оруженосец.

— Ну да. Таких больших четвероногих тварей, которые любят яблоки. Ты их уже видел, я уверен. Но сначала Бронна.

Наемник не заставил себя ждать.

— Кто напрудил тебе в суп? — осведомился он.

— Серсея, кто же еще. Мне пора бы уже привыкнуть к этому вкусу. Моя дражайшая сестрица, похоже,

принимает меня за Неда Старка.

— Я слышал, он был выше ростом.

— Только не после того, как Джефф снял с него голову. Надо было тебе одеться потеплее — ночь холодная.

— Мы что, куда-то едем?

— Блестящий ум. Наемники все такие?

На улицах было опасно, но с Бронном Тирион не слишком боялся за себя. Стража выпустила их через калитку в северной стене, и они поехали по Дороге Тени вокруг холма Эйегона, а потом свернули в Свиной переулок, где стояли высокие дома с выбитыми окнами, чьи

верхние этажи выдавались так далеко вперед, что почти соприкасались с противоположными. Луна бежала за всадниками, прячась за дымовые трубы. На всем пути им встретилась только старуха, тащившая за хвост дохлую кошку. Она с опаской посмотрела на них, словно боясь, что они отнимут у нее добычу, и молча шмыгнула во тьму.

Тирион размышлял о тех, кто был десницей до него и не сумел противостоять сестриному коварству. Да и где им! Чересчур честные, чтобы жить, чересчур благородные, чтобы врать. Серсея таких каждый день на завтрак ест. Единственный способ победить сестру – это играть

по ее правилам, а на это лорды Старк и Аррен никогда бы не пошли. Не диво, что они оба мертвы, – а вот Тирион Ланнистер никогда еще не чувствовал себя более живым. Короткие ноги сделали бы его смешным на балу в праздник урожая, но этот танец он знает как никто.

Бордель, несмотря на поздний час, был полнехонек. Катая встретила их радушно и проводила в зал. Бронн отправился наверх с темноглазой девицей из Дорна, но Алаяйя была занята.

– Она будет вам рада, – сказала Катая. – Я распоряжусь, чтобы приготовили комнату в башне. Не хочет ли милорд тем временем

выпить вина?

— Охотно.

Напиток был неважнецкий по сравнению с винами из Бора, которые подавались в этом доме прежде.

— Вы уж простите нас, милорд, — сказала Катая. — Хорошее вино теперь ни за какие деньги не купишь.

— Это ты верно говоришь.

Катая, посидев с ним немного, извинилась и ушла. «Красивая баба, — подумал Тирион, проводив ее взглядом. — Такое достоинство и грацию у шлюхи редко встретишь. Хотя она себя, конечно, считает скорее жрицей. В этом-то, пожалуй, и весь секрет. Не столь уж важно, что

мы делаем, – важно как». Эта мысль почему-то успокоила его.

Другие посетители поглядывали на него искоса. В последний раз, когда он выезжал в город, один человек плюнул на него... вернее, попытался. Плевков вместо него попал на Бронна – впредь тот малый будет плевать без зубов.

– Милорду одиноко? Его никто не любит? – Даней скользнула ему на колени и куснула за ухо. – У меня есть лекарство от этого.

Тирион с улыбкой покачал головой:

– Ты просто прелесть, милочка, но я уже привык к лекарству Алаяйи.

– Потому что мое не пробовали.

Вы всегда выбираете одну только Яйю. Она, конечно, хороша, но я лучше – хотите удостовериться?

– Может быть, в следующий раз.

– Тирион не сомневался, что с Даней он не соскучится. Этакая курносая попрыгунья, конопатенькая и с рыжей гривой ниже пояса. Но его ждет Шая.

Даней, хихикая, пощупала его между ног.

– А вот он не хочет ждать до следующего раза. Спорить могу, он хочет выскочить и пересчитать все мои веснушки.

– Даней. – Алаяйя появилась на пороге, черная и веющая холодом, в прозрачных зеленых шелках. – Его

милость пришел ко мне.

Тирион мягко освободился из объятий другой и встал. Даней не стала возражать.

— В следующий раз, — напомнила она, сунув в рот палец.

— Бедная Даней, — сказала темнокожая девушка, поднимаясь с Тирионом по лестнице. — У нее осталось две недели, чтобы залучить к себе милорда, — иначе она проиграет свой черный жемчуг Марей.

Тирион видел эту Марей пару раз — бледная, сдержанная, деликатная. Зеленые глаза, фарфоровая кожа, длинные, прямые, серебристые волосы — очень

красивая, но уж слишком серьезная.

— Мне будет жаль, если бедное дитя проиграет из-за меня.

— Ну так пойдите с ней в следующий раз.

— Может, и пойду.

— Я вам не верю, милорд, — улыбнулась Алаяйя. «Да, она права. Пусть Шая всего лишь шлюха, я верен ей по-своему».

В башенке он, открыв шкаф, с любопытством взглянул на Алаяйю.

— А что ты делаешь, пока меня нет?

Она потянулась всем телом, как гибкая черная кошечка.

— Сплю. У меня стало куда больше отдыха, когда вы начали

ходить к нам, милорд. Марей учит нас читать — может быть, скоро я смогу коротать время с книгой.

— Сон — это хорошо. А книги еще лучше. — Тирион чмокнул ее в щеку и спустился в подземный ход.

Выехав из конюшни на своем лысом мерине, он услышал плывущие над крышами звуки музыки. Приятно было, что люди еще способны петь посреди всей этой бойни и голода. Знакомые ноты напомнили ему Тишу — так она пела ему полжизни назад.

Он остановился послушать. Мотив был не тот, а слов за дальностью он не разбирал. Нет, это другая песня — оно и понятно. Его милая Тиша лгала ему с начала и до

конца — она была обыкновенная шлюха, нанятая его братом Джейме, чтобы сделать Тириона мужчиной.

«Теперь я освободился от нее, — думал он. — Полжизни она преследовала меня, но теперь я не нуждаюсь в ней больше — точно так же, как в Алаяйе, Даней, Марей и всех прочих, с которыми переспал за эти годы. Теперь у меня есть Шая. Шая».

Ворота ее дома были наглухо заперты. Тирион стучал, пока в них не открылся резной бронзовый глаз.

— Это я. — Человек, впустивший его, был одной из лучших находок Вариса — браавосский головорез с заячьей губой и бельмом на глазу.

Тирион не желал, чтобы Шаю охраняли красивые молодые парни. «Подбери мне старых, безобразных, изуродованных, а всего лучше страдающих бессилием, — сказал он евнуху. — Таких, что предпочитают мальчиков — или овец, если на то пошло». Любителей овец Варис не нашел, зато сыскал евнуха-душителя и пару дурно пахнущих ибенессцев, любивших свои топоры не меньше, чем друг друга. Остальные, один другого страшнее, могли бы украсить любую тюрьму. Когда Варис провел их перед ним, Тирион испугался даже, не слишком ли далеко он зашел, но Шая не произнесла ни слова жалобы. Да и с чего бы? «На

меня-то она не жалуется, а я страшнее всех ее стражников, вместе взятых. Может, она уже и не замечает чужого уродства».

Но он и теперь предпочел бы, чтобы Шаю охраняли его горцы — Черноухие Чиллы или Лунные Братья. Он полагался на их железную преданность и чувство чести больше, чем на корыстных наемников. Однако риск был слишком велик. Вся Королевская Гавань знала, что дикари служат ему. Если он пошлет сюда Черноухих, весь город рано или поздно узнает, что десница короля содержит наложницу.

Один из ибенессцев принял у него коня.

– Ты уже разбудил ее? – спросил Тирион.

– Нет, милорд.

– Хорошо.

Очаг в спальне прогорел до углей, но тепло еще держалось. Шая, сбросив во сне одеяло и простыни, лежала на перине нагая, и тусклый свет очага обрисовывал мягкие округлости ее молодого тела. Тирион стоял в дверях и упивался ее видом. «Она моложе Марей, милее Даней, красивее Алаяйи – она все, что мне нужно, и больше того. Как может шлюха казаться такой чистой и невинной?»

Он не хотел ее беспокоить, но один ее вид привел его в полную

готовность. Он сбросил одежду на пол, забрался в постель, тихонько раздвинул ей ноги и поцеловал ее там. Шая пробормотала что-то во сне. Он поцеловал еще раз и стал лизать ее тайную сладость, пока его борода и ее лоно не увлажнились. Она тихо застонала и вздрогнула — тогда он лег сверху, вошел в нее и почти сразу взорвался.

Она открыла глаза и с улыбкой погладила его по голове.

— Какой сладкий сон мне приснился, милорд.

Тирион куснул ее маленький твердый сосок и положил голову ей на плечо. Он не ушел из нее — он хотел бы никогда из нее не уходить.

– Это не сон, – сказал он. «Да, это не сон, а действительность – война, интриги, вся эта большая кровавая игра, – и в середине я, карлик, чудовище, презираемый и осмеиваемый, но крепко забравший в руки власть, город и эту женщину. Именно для этого я был создан – и мне это нравится, да простят меня боги.

А ее я люблю. Люблю».

Арья

Если Харрен Черный и дал своим башням какие-то имена, то они давно забылись. Теперь они назывались башня Страха, Вдовья башня, башня Плача, башня Призраков и Королевский Костер. Арья спала теперь в бездонных подвалах башни Плача, в маленькой нише, на соломе. У неё всегда было вдоволь воды, чтобы помыться, и мыла тоже. Работа была тяжелая, но не тяжелее целодневных пеших переходов. Ласке не приходилось каждый день искать себе жуков и червяков, как Арри, – ей давали хлеб

и ячменную похлебку с морковкой и репой, а раз в две недели и кусочек мяса.

Пирожок устроился еще лучше — на своем исконном месте, на кухне, в круглом каменном строении под куполом, которое было в замке обособленным мирком. Виз и его подчиненные ели в подвале, за поставленным на козлы столом, но иногда Арью посылали за едой на кухню, и ей удавалось переговорить с Пирожком. Он никак не мог запомнить, что она теперь Ласка, и продолжал звать ее Арри, хотя и знал, что она девочка. Однажды он попытался сунуть ей еще горячее яблочное пирожное, но сделал это

так неловко, что двое поваров заметили, отняли лакомство и побили его деревянной поварешкой.

Джендри отправили в кузницу, и Арья виделась с ним редко. Тех, с кем она работала, ей даже по именам не хотелось знать — так легче, если кто-нибудь из них умирает. Почти все они были старше ее и не стремились завязать с ней дружбу.

Харренхолл был огромен, но сильно разрушен. Прежде замком владела леди Уэнт, как знаменосец дома Талли, но она пользовалась только нижними этажами двух из пяти башен, а все остальное пришло в запустение. После ее бегства небольшое количество слуг,

оставленных ею, никак не могло соответствовать нуждам всех лордов, рыцарей и знатных пленников, которых привез с собой лорд Тайвин, поэтому Ланнистеры в своих набегах добывали не только провизию, но и рабочую силу. Поговаривали, что лорд Тайвин хочет восстановить Харренхолл во всем его былом великолепии и сделать его своим поместьем после окончания войны.

Арья была у Виза на посылках, таскала воду, ходила за едой, а иногда прислуживала за столом в казармах над оружейной, где ели латники. Но чаще всего она занималась уборкой. Нижний этаж башни Плача отдали под кладовые и житницы, на двух

других размещалась часть гарнизона, но верхние оставались необитаемыми в течение восьмидесяти лет, и лорд Тайвин приказал сделать их пригодными для жилья. Нужно было отскрести полы, отмыть окна, вынести вон поломанные стулья и прогнившие кровати. На самом верху гнездились громадные черные летучие мыши, которых дом Уэнтов избрал своей эмблемой, а в подвалах водились крысы... и призраки тоже, как утверждали многие, духи Харрена Черного и его сыновей.

Арья полагала, что это глупо. Харрен и его сыновья сгорели в башне Королевский Костер, потому

ее так и называли, — очень им нужно тащиться через двор, чтобы кого-то пугать. Их башня Плача плакала только тогда, когда ветер дул с севера, — и это был именно такой звук, который производит воздух, проходя через трещины в камне (эти щели образовались после пожара). Если в Харренхолле и были призраки, Арью они не тревожили. Она боялась живых — Виза, сира Грегора Клигана и самого лорда Тайвина Ланнистера, обитавшего в Королевском Костре; эта башня оставалась самой высокой и величественной из всех, хотя сильно покосилась и походила на оплывшую черную свечу.

Арье хотелось знать, как поступил бы лорд Тайвин, если бы она подошла к нему и призналась, что она Арья Старк. Впрочем, ей не удалось бы подойти к нему достаточно близко, да он и не поверил бы ей, а после Виз избил бы ее в кровь.

Виз на свой лад был почти так же страшен, как сир Грегор. Гора бил людей, как мух, но большую часть времени даже не замечал, что эти мухи вьются около. Виз же всегда знал, где ты, что ты делаешь, а порой и о чем ты думаешь. Он мог ударить за малейшую провинность, и у него была собака, такая же злющая, как и он, мерзкая пятнистая сука, от

которой пахло противнее, чем от любой известной Арье собаки. Однажды Виз натравил ее на мальчишку-золотаря, чем-то ему не угодившего. Собака вырвала у мальчика из икры целый кусок мяса, а Виз только посмеялся.

Ему понадобилось всего три дня, чтобы заслужить почетное место в ночных молитвах Арьи.

– Виз, – шептала теперь она. – Дансен, Чизвик, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес, сир Грегор, сир Амори, сир Илин, сир Меррин, король Джофффри, королева Серсея. – Если она забудет хотя бы одного, как же она сможет потом найти его и убить?

На дороге Арья чувствовала себя овцой, но Харренхолл обратил ее в мышь. Серая, как мышь, в своей колючей шерстяной рубаше, она, как мышь, жалась по темным углам замка, чтобы не попасться на пути сильных и могущественных.

Иногда ей казалось, что все они мыши среди этих толстых стен — даже рыцари и знатные лорды. Этот замок даже Грегора Клигана делал маленьким. Харренхолл занимал втрое больше места, чем Винтерфелл, а его здания даже в сравнение не шли с винтерфеллскими. Харренхоллские конюшни вмещали тысячу лошадей, богороща покрывала двадцать акров,

кухня была величиной с
винтерфеллский Великий Чертог, а
сам Великий Чертог пышно
именовался Залом Тысячи Очагов,
хотя их там было всего тридцать с
лишком (Арья считала дважды, но
один раз у нее вышло тридцать три, а
другой тридцать пять), и был столь
громаден, что лорд Тайвин мог бы
задать там пир всему своему войску,
хотя никогда этого не делал. Стены,
двери, залы, лестницы — все здесь
было таким нечеловечески большим,
что Арье вспоминались сказки
старой Нэн о великанах, живших за
Стеной.

Лорды и леди не замечают
маленьких серых мышек у себя под

ногами, и Арья слышала самые разные секреты — для этого требовалось всего лишь не затыкать уши. Красотка Пиа из маслобойни — потаскушка, побывавшая под каждым рыцарем в замке. Жена тюремщика ждет ребенка, но настоящий отец — либо сир Алин Стакспир, либо певец по имени Уот Белозубый. Лорд Лефффорд за столом смеется над привидениями, но всегда оставляет у постели зажженную свечу. Джодж, оруженосец сира Дунавера, прудит ночью в кровать. Сира Хариса Свифта повара не любят и плюют ему в еду. Однажды Арья даже подслушала, как служанка мейстера Тотмура рассказывала своему брату о

каком-то письме, где говорилось, что Джоффри – бастард, а не настоящий король. «Лорд Тайвин велел мейстеру сжечь письмо и никому не повторять подобных мерзостей», – шептала девушка.»

Братья короля Роберта Станнис и Ренли вступили в войну. «Они теперь короли оба, – сказал Виз. – В стране теперь больше королей, чем в ином замке крыс». Даже люди Ланнистера сомневались, долго ли Джоффри усидит на Железном Троне. «У мальчишки нет армии, одни золотые плащи, – говорил какой-то лорд за чашей вина, – а вертят им евнух, карлик и женщина. Много в них будет проку, если дело

дойдет для боя!» Часто говорилось также о Берике Дондаррионе. Какой-то толстый лучник сказал, что Кровавые Скоморохи убили его, но другие только посмеялись. «Лорх убил его у Водопадов и Гора тоже два раза убивал. Ставлю серебряного оленя, что он и теперь живехонек».

Арья не знала, кто такие Кровавые Скоморохи, — но прошло две недели, и в Харренхолл заявилось самое странное сборище, которое ей доводилось видеть. Под знаменем, изображавшим черного козла с окровавленными рогами, ехали меднокожие люди с колокольчиками в косах; копейщики на полосатых белых с черным

лошадях; напудренные лучники; маленькие волосатые человечки с мохнатыми щитами; темнолицые чужеземцы в плащах из перьев; шут в зеленом и розовом наряде; воины с раздвоенными бородами, выкрашенными в зеленый, пурпурный и серебристый цвет; другие воины с разноцветными шрамами на лицах; худощавый человек в одеждах септона; другой, пожилой, в сером одеянии мейстера, и еще один, чахлый, в кожаном плаще, обшитом длинными белокурыми волосами.

Во главе следовал тощий, как палка, и очень высокий человек с вытянутым изможденным лицом,

которое казалось еще длиннее из-за жидкой черной бороды, опускавшейся до самого пояса. Черный стальной шлем, висевший на луке его седла, имел форму козлиной головы. На шее у него болталось ожерелье из монет самой разной величины и ценности, а лошадь под ним была из тех, диковинных, в черную и белую полоску.

— От них лучше держись подальше, Ласка, — сказал Виз, увидев, что она смотрит на человека с козлиным шлемом. С Визом были двое его подвыпивших приятелей, латники лорда Леффорда.

— А кто это? — спросила Арья.

— Козлоногие, девочка, —

засмеялся один из солдат. – Кровавые Скоморохи лорда Тайвина.

– Ты, умник, – вмешался Виз. – Если с нее сдерут шкуру, ступеньки будешь драить сам. Это наемники, Ласка. Именуют себя Бравыми Ребятами. По-другому их в глаза не называй, не то плохо тебе будет. Тот, что впереди, – их капитан, лорд Варго Хоут.

– Какой там лорд, – сказал второй солдат. – Сир Амори говорил, он просто наемник, только говорит красно и много о себе понимает.

– Да, – согласился Виз, – но лучше звать его лордом – целее будешь.

Арья посмотрела на Варго Хоута

еще раз. Каких только чудищ нет на службе у лорда Тайвина!

Бравых Ребят разместили во Вдовьей башне, поэтому Арье не пришлось им прислуживать, и она порадовалась этому. В самую ночь их приезда между ними и солдатами Ланнистера завязалась драка, где зарезали насмерть оруженосца сира Хариса Свифта и ранили двух наемников. На другое утро лорд Тайвин повесил их обоих на воротах вместе с одним из лучников лорда Лиддена. Виз сказал, что из-за лучника все и началось: он дразнил наемников по поводу Берика Дондарриона. Когда повешенные перестали дергаться, Варго Хоут и

сир Харис обнялись, поцеловались и поклялись в вечной дружбе перед лордом Таивином. Шепелявая речь Варго Хоута показалась Арье забавной, но у нее хватило ума не засмеяться вслух.

Кровавые Скоморохи не задержались надолго в Харренхолле, но Арья успела услышать от одного из них, что северяне под командованием Русе Болтона заняли красный брод на Трезубце.

— Если он перейдет, лорд Тайвин расколошматит его снова, как на Зеленом Зубце, — сказал ланнистерский лучник, но приятели высмеяли его.

— Не станет Болтон переходить,

пока Молодой Волк не выступит из Риверрана со своими северными ордами и волками.

Арья не знала, что ее брат так близко. Риверран гораздо ближе Винтерфелла, хотя она не представляла, как он расположен по отношению к Харренхоллу. Но она могла бы это узнать — точно могла бы, надо только выбраться отсюда. При одной мысли о том, что она снова увидит Робба, Арья закусила губу. «Джона я тоже хочу увидеть, и Брана с Риконом, и матушку. Даже Сансу... я поцеловала бы ее и попросила прощения, как настоящая леди, — ей бы понравилось».

Из разговоров на дворе она

узнала, что в верхних комнатах башни Страха помещаются три дюжины пленных, взятых на Зеленом Зубце. Почти всем разрешали свободно передвигаться по замку в обмен на честное слово не пытаться бежать. «Они пообещали, что сами бежать не станут, — сказала себе Арья, — но не обещали, что не станут помогать мне».

Пленные ели за собственным столом в Зале Тысячи Очагов, и их часто видели в замке. Четверо братьев каждый день упражнялись во дворе Расплавленного Камня с палками и деревянными щитами. Трое были Фреи с Переправы, четвертый — их сводный брат,

бастард. Но они пробыли здесь недолго — однажды в замок явились еще двое братьев под мирным знаменем, с сундуком золота и выкупили Фреев у пленивших их рыцарей, а после все шестеро уехали.

А вот северян никто не выкупал. Пирожок сказал, что один толстый лорд все время толчется на кухне — норовит урвать лишний кусок. Усы у него такие лохматые, что весь рот закрывают, а плащ заколот серебряным трезубцем с сапфиром. Он пленник лорда Тайвина, а вот свирепый бородатый молодой человек, любящий гулять один по крепостной стене в черном плаще с белыми солнцами, взят межевым

рыцарем, который надеется на нем разбогатеть. Санса сразу сказала бы, кто они оба такие, но Арья никогда особенно не интересовалась титулами и гербами. Когда септа Мордейн рассказывала им об истории того или иного дома, Арья витала в облаках и не могла дожидаться конца урока.

Но лорда Сервина она помнила. Его земли граничили с Винтерфеллом, поэтому он и его сын Клей часто бывали у Старков. Однако судьба распорядилась так, что он, единственный из пленных, не показывался нигде, а лежал в башне, выздоравливая после ранения. Арья долго раздумывала, как бы ей

пробраться мимо часовых и повидать его. Если он ее узнает, честь обяжет его помочь ей. У лорда должно быть золото — оно есть у всех лордов. Быть может, он заплатит одному из наемников лорда Тайвина, чтобы тот отвез ее в Риверран. Отец всегда говорил, что наемник за золото предаст кого угодно.

Но однажды она увидела во дворе трех женщин в серых с капюшонами одеждах Молчаливых Сестер — они укладывали в свою повозку мертвое тело, зашитое в плащ из тончайшего шелка с эмблемой боевого топора. Арья спросила, кто это, и один из часовых сказал ей, что умер лорд Сервин. Она

восприняла эти слова как удар ногой в живот. «Он все равно бы тебе не помог, — сказала она себе, когда сестры выехали за ворота. — Он и себе-то не смог помочь, глупая ты мышка».

И снова она скребла полы, бегала на посылках и слушала под деревьями. Говорили, что лорд Тайвин скоро выступит на Риверран либо двинется на юг к Хайгардену, чего от него никто не ждет. Да нет же, он должен защитить Королевскую Гавань, которой угрожает Станнис. Он пошлет Грегора Клигана и Варго Хоута разгромить Русе Болтона — надо же убрать этот кинжал у себя из спины.

Он отправил воронов в Орлиное Гнездо — он намерен жениться на леди Лизе Аррен и завладеть Долиной. Он закупил тонну серебра, чтобы выковать волшебные мечи против оборотней Старка. Он написал леди Старк, предлагая ей мир, и Цареубийцу скоро освободят.

Вороны прилетали и улетали каждый день, но сам лорд Тайвин почти все время проводил за закрытыми дверями со своим военным советом. Арья видела его мельком и всегда издали — один раз он прохаживался по стене с тремя мастерами и толстым усатым пленником, другой — выезжал со своими лордами-знаменосцами

осматривать лагерь, но чаще всего он стоял на арке крытой галереи и смотрел, как солдаты копошатся во дворе внизу. Он стоял, сложив руки на золотом эфесе своего длинного меча. Говорили, что лорд Тайвин любит золото больше всего на свете, что он даже испражняется золотом, так пошутил один оруженосец. Лорд Ланнистер, лысый, с густыми золотыми бакенбардами, казался крепким для своих лет. Что-то в его лице напоминало Арье собственного отца, хотя он и Ланнистер были совсем не похожи. У него лицо лорда — вот в чем дело. Леди-мать Арьи не раз говорила отцу, чтобы он сделал лицо как у лорда и уладил то или

другое, а отец смеялся. Лорда Тайвина Арья себе не представляла смеющимся.

Как-то днем, когда она ждала своей очереди набрать воды из колодца, Арья услышала, как закрипели петли восточных ворот. В них шагом въехал конный отряд. Арья увидела мантикора на щите предводителя, и ненависть пронзила ее.

При свете дня сир Амори Лорх казался совсем не таким страшным, как освещенный факелами, но его поросячьи глазки она запомнила хорошо. Одна из женщин сказала, что он объехал вокруг всего озера, преследуя Берика Дондарриона и

убивая мятежников. «Но мы-то не были мятежниками, — подумала Арья. — Мы были Ночным Дозором, а Ночной Дозор ничью сторону не принимает». У сира Амори осталось меньше людей, чем ей помнилось, и многие были ранены. Хоть бы раны у них воспалились. Хоть бы они все перемерли.

Потом она увидела троих, едущих в конце колонны.

Рорж надел на себя черный полушлем с широкой стрелкой, скрывавшей отсутствие носа. Рядом высился Кусака — казалось, что конь вот-вот рухнет под его тяжестью. Полузажившие ожоги на теле делали его еще уродливее, чем раньше.

Но Якен Хгар улыбался, как всегда. Он был все в тех же грязных лохмотьях, но успел вымыть и расчесать волосы. Они струились у него по плечам – блестящие, рыжие с белым, и девушки рядом с Арьей восхищенно захихикали.

«Жаль, что я не дала им сгореть. Джендри так и хотел – напрасно я его не послушалась». Если бы она не бросила им тот топор, они бы все погибли. Арью охватил испуг, но они проехали мимо нее, не выказав ни малейшего интереса. Только Якен Хгар глянул в ее сторону, да и то поверх ее головы. «Он меня не узнал, – подумала она. – Арри был злой мальчишка с мечом, а я серая мышка-

девочка с ведром».

Весь остаток дня она драила ступеньки в башне Плача. К вечеру она стерла руки в кровь, и они дрожали, когда она плелась с ведром обратно в подвал. От усталости ей даже есть не хотелось – Арья отпросилась у Виза и забралась в свою солому.

– Виз, – зевая, пробормотала она. – Дансен, Чизвик, Полливер, Рафф-Красавчик, Щекотун и Пес, сир Грегор, сир Амори, сир Илин, сир Меррин, король Джофффри, королева Серсея. – Ей подумалось, что к молитве нужно добавить еще три имени, но она слишком устала, чтобы решить это сегодня.

Арье снились волки, бегущие по лесу, когда чья-то сильная рука зажала ей рот, словно каменная. Арья проснулась и стала брыкаться.

— Пусть девочка молчит, — сказали шепотом у самого ее уха. — Незачем кому-то слышать — друзьям надо поговорить по секрету. Да?

Арья с бьющимся сердцем едва заметно кивнула. Якен Хгар убрал руку. В подвале было черным-черно, и Арья не видела его лица даже в нескольких дюймах от себя. Но от него приятно пахло мылом, и он надушил себе волосы.

— Был мальчик, стала девочка, — тихо произнес он.

— Я всегда была девочкой. Я

думала, ты меня не заметил.

— Человек замечает. Человек видит.

Она вспомнила, что ненавидит его.

— Ты меня напугал. Ты теперь с ними. Зря я не дала тебе сгореть. Что тебе здесь надо? Уходи, или я позову Виза.

— Человек платит свои долги. Человек должен тебе трех.

— Трех?

— Красный Бог должен получить свое, милая девочка, и только смертью можно расплатиться за жизнь. Девочка лишила его троих — девочка должна заменить их тремя другими. Назови имена, и человек

сделает остальное.

«Он хочет мне помочь!» От прилива надежды у Арьи даже голова закружилась.

— Отвези меня в Риверран — это недалеко. Если украсть лошадей, мы могли бы...

Он приложил палец к ее губам:

— Три жизни ты получишь от меня. Ни больше ни меньше. Три — и мы в расчете. Пусть девочка поразмыслит. — Он легонько поцеловал ее в голову. — Но не слишком долго.

Когда Арья зажгла свой огарок, от Якена Хгара остался только запах — слабая струйка имбиря и гвоздики. Женщина в соседней нише

заворачивалась на соломё и пожаловалась на свет; Арья задула свечку, закрыла глаза, и перед ней поплыли лица. Джоффри и его мать, Илин Пейн, Меррин Трат, Сандор Клиган... но они все в Королевской Гавани, за сотни миль отсюда, а сир Грегор пробыл в замке всего несколько дней и снова уехал в набег, взяв с собой Раффа, Чизвика и Щекотуна. Но сир Амори здесь, а его она ненавидит не менее сильно. Ведь так? Она не была уверена. И, конечно, всегда остается Виз.

Наутро Арья снова подумала о нем. Она не выспалась и без конца зевала, а Виз промурлыкал:

— Ласка, если ты еще раз

раззявишь рот, я вырву у тебя язык и скормлю его моей суке. — Для пущей убедительности он крутанул ей ухо и снова послал мыть лестницу — да чтобы до третьей площадки к вечеру все было чисто.

За работой Арья думала о людях, чьей смерти желала. Ей казалось, что она видит их лица на ступеньках, и она терла что есть силы, чтобы смыть их. Старки воюют с Ланнистерами, а она Старк, поэтому ей надо убить как можно больше Ланнистеров — на то и война. Но стоит ли доверяться Якену? «Нет, я должна убить их сама». Отец, приговаривая человека к смерти, всегда сам исполнял приговор своим

мечом. «Если Ты отнимаешь у человека жизнь, ты обязан перед этим взглянуть ему в лицо и выслушать его последние слова», — сказал он как-то Роббу и Джону.

Два дня она избегала Якена Хгара. Это было нетрудно. Она так мала, а Харренхолл так велик — в нем много мест, где может спрятаться мышка.

А потом вернулся сир Грегор, раньше, чем ожидалось, — на этот раз он вместо пленников пригнал стадо коз. Арья слышала, что он потерял четырех человек после очередной ночной атаки лорда Берика, но все ненавистные ей вернулись целехоньки и поселились на втором

этаже башни Плача. Виз заботился о том, чтобы у них было вдоволь выпивки.

— Этих всегда жажда мучает, — проворчал он. — Ступай спроси, Ласка, не надо ли им какую одежду починить. Я засажу женщин за работу.

Арья взбежала по отмытым ею ступенькам. Никто не обратил на нее внимания, когда она вошла. Чизвик сидел у огня с рогом зля в руке и рассказывал одну из своих смешных историй. Арья не осмелилась прервать его, опасаясь схлопотать по губам.

— После турнира десницы это было, еще до войны. Ехали это мы

обратно на запад, нас семеро и сир Грегор. Рафф тоже был с нами, и молодой Джосс Стилвуд – на турнире он состоял оруженосцем при сире Грегоре. Подъезжаем к этой вонючей речке, а она раздулась от дождей – ни пройти, ни проехать. Видим – кабак рядом, мы туда и наладились. Сир говорит хозяину – гляди, мол, чтоб у нас рога были полны, пока вода не спадет. Тот как увидал серебро, так у него пороссячьи глазки и разгорелись. Ну, подают они нам, он и дочка, а пиво-то жидкое, чисто моча, – мне от него радости никакой, и сиру тоже. Только пивовар знай разливается: как он, мол, рад, что мы к нему завернули, а то из-за дождей, мол,

никого не видать. И мелет, и мелет, точно не замечает, что сир ни слова в ответ и сидит туча тучей – все думает о подлости, которую Цветочный Рыцарь ему подстроил. Мы-то с ребятами видим, какой он, ну и помалкиваем, а кабатчик еще возьми и спроси: как, мол, милорд проявил себя на турнире? Сир только взглянул на него – вот этак. – Чизвик, хмыкнув, хлебнул эля и утер пену с губ. – А дочка тем временем подает и наливает – толстушка такая, лет восемнадцати...

– Скорей уж тринадцати, – протянул Рафф-Красавчик.

– Так или этак, глядеть там особо не на что, но Эггон подвыпил

и стал ее щупать – ну, может, и я пощупал малость, а Рафф говорит молодому Стилвуду: сведи-ка эту девку наверх, пора тебе стать мужчиной – подначивает его, стало быть. Джосс в конце концов и полез ей под юбку, а она как завизжит, кувшин бросила и бежать на кухню. Тут бы все и кончилось, так нет: старый дурак прется пряником к сирю и просит его оставить девушку в покое: вы, мол, помазанный рыцарь и прочее.

Сир Грегор и не глядел, что мы делаем, – но тут взглянул, вот этак, и потребовал привести к нему девку. Старикан приволок ее из кухни – сам виноват, больше винить некого. Сир

оглядел ее и говорит. «Из-за этой-то шлюхи ты так беспокоишься?» — а старый дурак ему прямо в лицо: «Моя Лайна не шлюха, сир». Сир глазом не моргнув говорит: «Ошибаешься». Кинул старику еще монету, разодрал на девке платье и взял ее тут же на столе, у него на глазах, хоть она брыкалась что твой кролик и орала почему зря. Я только глянул на старикана и стал ржать так, что эль из носу потек. Тут парень услышал шум — сын, что ли, — и прибежал из подвала, пришлось Раффу пырнуть его в живот. Сир кончил и снова взялся за пиво, а мы все тоже попользовались по очереди. Тоббот, как у него водится, повернул

ее и давай сзади наяривать. Когда до меня дошло, девчонка уж и трепыхаться перестала — может, ей понравилось в конце концов, хотя я бы не прочь, чтоб она малость подрыгалась. А самое лучшее вот что когда все кончилось, сир возьми да и потребуй со старика сдачи. Она мол, серебра не стоит... и провалиться мне на этом месте: старик притащил пригоршню медяков, попросил у сира прощения и поблагодарил за оказанную честь!

Все заржали, а громче всех сам Чизвик — до того, что у него из носа потекло на всклокоченную седую бороду. Арья стояла в полумраке на лестнице и смотрела на него, а

потом потихоньку вернулась в подвал, так ничего и не спросив. Виз за это задрал ей рубаху и отхлестал тростью до крови, но Арья закрыла глаза, повторяя все поговорки, которым научил ее Сирио, и почти ничего не почувствовала.

Еще через два вечера он послал ее в казарму прислуживать за столом. Она ходила вокруг столов со штофом вина и разливала. Вскоре на глаза ей попался Якен Хгар. Арья закусил губы и оглянулась, убедилась, что Виза поблизости нет, и сказала себе: страх ранит глубже, чем меч.

Она сделала шаг, потом другой. С каждым шагом она все меньше чувствовала себя мышью. Она

продвигалась вдоль скамьи, наполняя чаши. Рорж сидел рядом с Якеном, но был сильно пьян и не заметил ее. Арья нагнулась и шепнула Якену на ухо:

– Чизвик. – Лоратиец не подал виду, что слышал ее. Когда ее штоф опустел, Арья поспешила в погреб, чтобы наполнить его из бочонка, и быстро вернулась в зал. За это время никто не умер от жажды и не заметил ее отсутствия.

Назавтра ничего не случилось, на следующий день тоже, а на третий Арья вместе с Визом пошла на кухню за обедом.

– Один из людей Горы свалился ночью со стены и сломал свою

дурацкую шею, – сказал Виз кухарке.

– Пьяный, что ли? – спросила женщина.

– Не больше, чем всегда. Кое-кто говорит, будто это призрак Харрена его спихнул. – Виз фыркнул, показывая, что уж его-то этим не испугаешь.

«Нет, это не Харрен, – хотелось сказать Арье, – это я». Она убила Чизвика, прошептав его имя, и убьет еще двоих. «Призрак Харренхолла – это я», – подумала она и ночью помянула в своей молитве на одно имя меньше.

Кейтилин

Встречу назначили на зеленом лугу, где торчали бледно-серые грибы и пни недавно срубленных деревьев.

– Мы первые, миледи, – заметил Хеллис Моллен. Они были здесь одни между двух армий. Знамя с лютоволком Старков трепетало у Хела на пике. Отсюда не было видно моря, но Кейтилин чувствовала, что оно близко. Ветер, дующий с востока, нёс резкий запах соли.

Фуражиры Станниса Баратеона вырубили деревья на постройку осадных башен и катапульт. Знать бы, сколько простояла здесь эта роща и

останавливался ли здесь Нед, когда вел свое войско на юг снять осаду со Штормового Предела. В тот день он одержал великую победу – тем более великую, что она обошлась без кровопролития.

«Пусть боги позволят мне добиться того же», – молилась Кейтилин. Ее вассалы между тем считали, что дать согласие было безумием с ее стороны. «Это не наша битва, миледи, – сказал ей сир Вендел Мандерли. – Я знаю, король не пожелал бы, чтобы его мать подвергала себя опасности». «Мы все подвергаемся опасности, – чуть резковато ответила она. – Думаете, мне самой этого хочется, сир? (Мое

место в Риверране, рядом с умирающим отцом, или в Винтерфелле с сыновьями). Робб послал меня на юг вести переговоры от его имени — это самое я и делаю». Она знала, что заключить мир между двумя братьями будет нелегко, но ради блага королевства она должна попытаться.

За мокрыми от дождя полями и грядами каменистых холмов высился, спиной к невидимому морю, замок Штормовой Предел. Под этой громадой бледно-серого камня осадная армия лорда Станниса Баратеона походила на мышей со знаменами.

В песнях говорилось, что

Штормовой Предел построил в
стародавние времена Дюранн,
первый Штормовой Король,
завоевавший любовь прекрасной
Эленеи, дочери морского бога и
богини ветра. В их свадебную ночь
Эленеи отдала свое девичество
смертному, чем и себя обрекла на
участь смертной, а ее опечаленные
родители в гнев наслали ветер и
воды на жилище Дюранна. Его
друзья, братья и свадебные гости
погибли под рухнувшими стенами
или были смыты в море, но Эленеи
укрыла Дюранна в своих объятиях, и
он уцелел, а когда пришел рассвет, он
объявил войну богам и поклялся
отстроить замок вновь.

Пять замков построил он, каждый выше и крепче прежнего, но все они рушились, когда буря накатывала с залива, гоня перед собой губительные валы, от которых залив и получил свое название. Лорды умоляли короля строиться подальше от берега, жрецы говорили, что он должен умилоstitь богов, вернув Эленеи в море, и даже простой народ просил его уступить. Но Дюранн не слушал никого. Седьмой замок воздвиг он, прочнее всех остальных. Одни говорили, что ему помогли Дети Леса, напивав камни своим волшебством, другие — что ему дал совет маленький мальчик, который, когда вырос, стал

Браном-Строителем. Но как эту сказку ни рассказывать, конец у нее всегда один и тот же. Хотя гневные боги продолжали насылать шторм за штормом седьмой замок выстоял, и Дюранн-Богоборец с прекрасной Эленеи жили в нем до конца своих дней.

Боги ничего не забывают, и штормы продолжали бушевать в Узком море, но Штормовой Предел стоял века и десятки веков, и не было ему равных. Его крепостные стены вздымались ввысь на сто футов, круглые, гладкие, без единой калитки или амбразуры. Их камни столь плотно прилегали друг к другу, что не осталось ни единой трещины,

куда мог бы проникнуть ветер. Говорили, что эти стены в самом узком месте насчитывают в ширину сорок футов, а со стороны моря — восемьдесят: двойная кладка с песком и щебнем в середине. Службы за этими мощными укреплениями надежно защищены от ветра и волн. Башня там только одна — громадный каменный барабан, не имеющий окон со стороны моря, вмещающий в себя и житницу, и казарму, и пиршественный зал, и господские покои. Увенчанная укрепленным гребнем, издали она кажется рукой с воздетым шипастым кулаком.

— Миледи, — окликнул Хел

Моллен. Из небольшого лагеря, аккуратно разбитого под стенами замка, медленным шагом выехали двое всадников. — Это, должно быть, король Станнис.

— Несомненно. — Кейтилин смотрела, как они приближаются. Это определенно должен быть Станнис, но едет он не под знаменем Баратеона. Стяг у него ярко-желтый, а не густо-золотой, как штандарты Ренли, а эмблема на нем красная, хотя различить ее пока невозможно.

Ренли приедет последним. Он так и сказал ей, когда она выехала. Он не сядет на коня, пока не увидит, что брат его уже в пути. Первому, кто прибудет на место, придется ждать

другого, а Ренли ждать не намерен. Таковы игры королей. Ну что ж — Кейтилин не король и может не играть в них, а ждать ей не в новинку.

На голове Станниса стала видна корона с зубцами в виде языков пламени, на поясе — гранаты и желтые топазы, на рукояти меча — большой четырехугольный рубин. Если не считать этого, он был одет просто: в кожаный колет со стальными заклепками поверх клетчатого дублета, поношенные сапоги и бурые грубошерстные бриджи. На его желтом, как солнце, знамени было изображено красное сердце, окруженное оранжевым пламенем. Коронованный олень тоже

присутствовал... маленький и заключенный внутри сердца. Еще примечательнее был знаменосец — женщина, вся в красном, с лицом, закрытым глубоким капюшоном алого плаща. Красная жрица, с удивлением сказала себе Кейтилин. Их культ широко распространен и имеет большую власть в Вольных Городах и на далеком востоке, но в Семи Королевствах почти неизвестен.

— Леди Старк, — с холодной учтивостью произнес Станнис Баратеон, склонив голову. Лысина у него стала больше, чем запомнилось Кейтилин.

— Лорд Станнис, — ответила она.

Он стиснул челюсти под коротко подстриженной бородкой, но не стал ее поправлять – и на том спасибо.

– Не думал, что встречу вас в Штормовом Пределе.

– Я сама не думала, что окажусь здесь. Взгляд его глубоко посаженных глаз выражал неловкость – светская беседа давалась ему с трудом.

– Я сожалею о смерти вашего мужа, – сказал он, – хотя Эддард Старк не был мне другом.

– Он никогда не был вам врагом, милорд. Когда лорды Тирелл и Редвин морили вас голодом в этом замке, именно Эддард Старк снял осаду.

– По приказу моего брата – не из любви ко мне. Лорд Эддард исполнил свой долг, не отрицаю. А разве я когда-нибудь не исполнял своего? Это мне следовало стать десницей Роберта.

– Такова была воля вашего брата. Нед этого не хотел.

– Однако дал согласие и принял то, что должно было принадлежать мне. Но вот вам мое слово: его убийцам скоро воздается по заслугам.

Как они любят обещать чужие головы, эти люди, именующие себя королями.

– Ваш брат обещал мне то же самое. Но, по правде говоря, я

предпочла бы вернуть назад моих дочерей, а правосудие оставить богам. Санса все еще у Серсеи, а об Арье ничего не было слышно со дня смерти Роберта.

— Если ваши дети будут найдены, когда я возьму город, их отдадут вам. — «Живыми или мертвыми», — говорил его тон.

— Когда же это будет, лорд Станнис? От вашего Драконьего Камня до Королевской Гавани рукой подать, между тем я нахожу вас здесь.

— Вы откровенны, леди Старк. Хорошо — я отвечу вам с той же откровенностью. Чтобы взять город, мне нужны силы тех южных лордов,

которых я вижу по ту сторону поля. Они принадлежат Ренли, и я должен забрать их у него.

— Люди сами выбирают себе вожда, милорд. Эти лорды присягали на верность Роберту и дому Баратеонов. Если бы вы с братом согласились забыть о вашей ссоре...

— Мне не из-за чего ссориться с Ренли, если он будет послушен долгу. Я старший, и я его король. Я хочу лишь того, что принадлежит мне по праву. Ренли обязан повиноваться мне, и я добьюсь послушания — и от него, и от всех прочих лордов. — Станнис пристально посмотрел на Кейтилин. — Но что привело на это поле вас, миледи? Следует ли мне

понять это так, что дом Старков принял сторону моего брата?

«Этого не согнешь, – подумала Кейтилин, – но все же попытаться надо. Слишком многое поставлено на карту».

– Мой сын коронован Королем Севера волей наших лордов и нашего народа. Он ни перед кем не склонит колена, но руку дружбы протягивает всем.

– У королей нет друзей, – заявил Станнис, – есть только подданные и враги.

– И братья, – произнес веселый голос за спиной у Кейтилин. Она обернулась – конь Ренли ступал по утыканному пнями лугу. Младший

Баратеон был великолепен в зеленом бархатном дублете и атласном, подбитом горностаем плаще. На длинных черных волосах сидела корона из золотых роз с яшмовой головой оленя на лбу. Осколки черных алмазов усеивали рукоять меча, шею украшала золотая цепь с изумрудами.

В знаменосцы себе он тоже выбрал женщину, хотя по лицу и доспехам Брисины трудно было определить ее пол. На ее двенадцатифутовом копье реял под ветром, дующим с моря, черный на золотом поле олень.

— Лорд Ренли, — кратко приветствовал его Станнис.

– Король Ренли. Неужели это правда ты, Станнис?

– А кто же еще? – нахмурился тот.

– Я уж было засомневался, увидев твое знамя. Чье оно?

– Мое собственное.

– Король избрал своей эмблемой огненное сердце Владыки Света, – пояснила красная жрица. Ренли это, по всей видимости, позабавило.

– Ну что ж, все к лучшему. Будь у нас одинаковыми знамена, сражаться было бы ужасно неловко.

– Будем надеяться, что сражаться нам не придется, сказала Кейтилин. – У нас троих общий враг, способный всех нас уничтожить.

Станнис посмотрел на неё без улыбки.

– Железный Трон мой по праву, и всякий, кто отрицает это, мой враг.

– Вся страна это отрицает, братец, – сказал Ренли. – Это отрицают старики, испускающие последний вздох, и младенцы во чреве матерей. Это отрицают в Дорне и на Стене. Никто не хочет тебя в короли – как ни жаль.

Станнис стиснул челюсти.

– Я поклялся, что не стану иметь с тобой дела, пока ты носишь свою изменническую корону. Я сожалею, что нарушил эту клятву.

– Это безумие, – резко вмешалась Кейтилин. – Лорд Тайвин

сидит в Харренхолле с двадцатью тысячами мечей. Остатки войска Цареубийцы вновь собрались у Золотого Зуба, еще одна армия Ланнистеров собирается под сенью Бобрового Утеса, а Серсея с сыном держат Королевскую Гавань и ваш драгоценный Железный Трон. Вы оба именуете себя королями, а королевство между тем истекает кровью, и никто еще не поднял меч в его защиту, кроме моего сына.

— Ваш сын выиграл несколько сражений — я выиграю войну, — пожал плечами Ренли. — Ланнистеры могут подождать своей очереди.

— Если хочешь предложить мне что-то, предлагай, — отрывисто

бросил Станнис, — не то я уеду.

— Очень хорошо. Я предлагаю тебе спешиться, склонить колено и присягнуть мне.

Станнис подавил порыв ярости.

— Этому не бывать никогда.

— Ты ведь служил Роберту — почему мне не хочешь?

— Роберт был моим старшим братом, а ты младший.

— Верно — я моложе, храбрее и гораздо красивее...

— ...к тому же вор и узурпатор.

— Таргариены называли узурпатором Роберта, однако он как-то это перенес — перенесу и я.

«Нет, так не пойдет», — подумала Кейтилин.

– Вдумайтесь в то, что вы говорите! Будь вы моими сыновьями, я стукнула бы вас лбами и заперла в спальне, пока вы не вспомнили бы, что вы братья.

– Вы слишком много на себя берете, леди Старк, – насупился Станнис. – Я законный король, а сын ваш изменник не в меньшей степени, чем мой брат. Его час еще настанет.

Откровенная угроза привела Кейтилин в ярость.

– Вольно вам называть других изменниками и узурпаторами, милорд, но вы-то сами чем от них отличаетесь? Вы говорите, что только вы – полноправный король, но у Роберта, помнится мне,

осталось два сына. По всем законам Семи Королевств, законный наследник — принц Джоффри, а после него Томмен... а мы изменники все без исключения, какие бы благие побуждения нами ни руководили.

— Ты должен извинить леди Кейтилин, Станнис, — засмеялся Ренли. — Она едет верхом от самого Риверрана и, боюсь, не читала твоего письмаца.

— Джоффри — не сын моего брата, — заявил Станнис. — И Томмен тоже. Они бастарды, как и девочка. Все трое — гнусный плод кровосмешения.

Кейтилин лишилась дара речи.

Неужели женщина могла быть столь безумной – даже Серсея?

– Славная история, правда, миледи? – Спросил Ренли. – Я стоял лагерем у Рогова Холма, когда лорд Тарли получил письмо Станниса, – и, должен признаться, у меня захватило дух. Я и не подозревал, Станнис, что ты так умен. Будь это правдой, наследником Роберта в самом деле следовало бы считать тебя.

– Будь это правдой? Ты хочешь сказать, что я лжец?

– А чем ты можешь подкрепить свою басню? Хоть одно доказательство у тебя есть?

Станнис скрипнул зубами.

«Роберт не мог этого знать, –

думала Кейтилин, – иначе Серсея мигом лишилась бы головы».

– Лорд Станнис, – сказала она, – если вы знали, что королева повинна в столь чудовищных преступлениях, почему же вы молчали?

– Я не молчал. Я поделился своими подозрениями с Джоном Аренном.

– Почему с ним, а не с вашим братом?

– В наших с ним отношениях он руководствовался только чувством долга. В моих устах эти обвинения показались бы ему вздорными и своекорыстными, выдвинутыми с целью занять место наследника. Я полагал, что Роберт отнесется с

большим доверием к словам лорда Аррена, которого он любил.

— Итак, наш свидетель — мертвец, — сказал Ренли.

— Ты думаешь, он умер своей смертью, слепец несчастный? Серсея отравила его, боясь разоблачения. Лорд Джон собрал некоторые улики...

— ...которые, без сомнения, погибли вместе с ним. Весьма плачевно.

Кейтилин вспоминала, стараясь сложить вместе кусочки головоломки.

— Моя сестра Лиза обвиняла королеву в убийстве своего мужа в письме, которое прислала мне в

Винтерфелл. Но позже, в Орлином Гнезде, она возложила вину на брата королевы, Тириона.

— Если вы вступили в змеиное гнездо, разве важно, которая ужалит вас первой? — фыркнул Станнис.

— Все эти фразы насчет змей и кровосмешения очень заняты, но ничего не меняют. Возможно, у тебя и больше прав, Станнис, зато у меня армия больше. — Ренли сунул руку за пазуху. Станнис, увидев это, схватился за меч, но прежде чем он успел обнажить свой клинок, его брат достал... персик. — Не хочешь ли, братец? Это из Хайгардена. Ты никогда еще не пробовал таких сладких, уверяю тебя. — Ренли

надкусил плод, и с его губ потек сок.

— Я здесь не затем, чтобы есть персики, — рявкнул Станнис.

— Милорды! — вмешалась Кейтилин. — Нам следует выработать условия нашего союза, а не дразнить друг друга.

— Отказываться от персика — вот чего не следует делать. — Ренли выбросил косточку. — Тебе ведь может больше не представиться случая. Жизнь коротка, Станнис. Как говорят Старки, зима близко. — Он вытер рот ладонью.

— Угроз я тоже выслушивать не желаю.

— Это не угроза, — отрезал Ренли. — Если уж я возьмусь угрожать, ты

поймешь это сразу. По правде говоря, я никогда не любил тебя, Станнис, но ты все же моя кровь, и мне не хочется тебя убивать. Поэтому, если тебе нужен Штормовой Предел, бери его... как подарок от брата. Роберт когда-то отдал его мне, а я отдаю тебе.

— Он не твой, чтобы им распоряжаться. Он мой по праву.

Ренли, вздохнув, повернулся в седле.

— Ну что прикажешь делать с таким братом, Бриенна? Он отказывается от моего персика, отказывается от моего замка, он даже на свадьбу мою не явился...

— Мы оба знаем, что твоя

свадьба – просто комедия. Год назад ты замышлял подложить эту девицу в постель к Роберту.

– Год назад я замышлял сделать ее королевой – но какая теперь разница? Роберт достался вепрю, а Маргери – мне. Тебе будет приятно услышать, что она была девственницей.

– В твоей постели она наверняка ею и умрет.

– Полагаю, что еще до конца года она родит мне сына. Кстати, сколько сыновей у тебя, Станнис? Ах да – ни одного. – Ренли улыбнулся с невинным видом. – Что до твоей дочери, то будь у меня такая жена, как у тебя, я бы тоже приставил к ней

дурака.

– Довольно! – взревел Станнис.
– Я не позволю тебе насмеяться
надо мной, слышишь? Не позволю. –
Он выхватил свой меч из ножен, и
сталь в слабом солнечном свете
вспыхнула неожиданно ярко,
переливаясь красным, желтым и
ослепительно белым. Воздух вокруг
клинки замерцал, словно от зноя.

Лошадь Кейтилин заржала и
попятилась, но Бриенна, въехав в
пространство между братьями с
собственным мечом в руке, крикнула
Станнису:

– Убери меч!

«Серсея Ланнистер сейчас,
наверно, смеется до колик», – устало

подумала Кейтилин.

Станнис указал сверкающим мечом на своего брата.

— Я не лишен милосердия, — прогремел он, хотя все знали, что он лишен его напрочь, — и не хочу осквернять Светозарный братской кровью. Ради матери, родившей нас обоих, я даю тебе ночь на раздумье. Если до рассвета ты придешь ко мне со всеми своими знаменами, я оставлю тебе Штормовой Предел, твое старое место в совете и даже назначу тебя своим наследником, пока у меня не родится сын. В противном случае я тебя уничтожу.

— Станнис, — засмеялся Ренли, — меч у тебя очень красивый, спору нет,

но мне думается, от его блеска у тебя повредилось зрение. Погляди через поле, братец. Видишь, сколько там знамен?

— Думаешь, эти тряпки сделают тебя королем?

— Королем меня сделают мечи Тирелла, топор Рована, палица Тарли, боевой молот Карона. Стрелы Тарта и копья Пенроза, Фоссовеи, Кью, Маллендоры, Эстермонты, Селми, Хайтауэры, Окхарты, Крейны, Касвеллы, Блэкбары, Морригоны, Бисбери, Шермеры, Дунны, Футли... даже дом Флорентов, братья и дядя твоей жены — вот кто сделает меня королем. За мной следует все рыцарство юга, и

это еще самая меньшая часть моего войска. Следом идет моя пехота – это тысячи и тысячи пик. И ты собираешься меня уничтожить? Каким образом, скажи на милость? Уж не с помощью ли той жалкой кучки, которую я вижу под стенами замка? Если я скажу, что их тысяч шесть, я хвачу через край, – твоих тресковых лордов, луковых рыцарей и наемников. Половина из них перебегут ко мне еще до начала сражения. Мои разведчики доносят, что конницы у тебя меньше четырехсот человек – да и те вольные всадники в вареной коже, которым нипочем не устоять против рыцарей в броне и с копьями. Каким бы

опытным воином ты себя ни мнил, Станнис, твоё войско не выдержит первой же атаки моего авангарда.

— Там увидим, брат. — Станнис убрал меч в ножны, и всем показалось, что мир лишился части своего света. — Придет рассвет, и мы увидим.

— Надеюсь, брат, что твой новый бог милостив.

Станнис, не удостоив Ренли ответом, повернулся и поскакал прочь, но красная жрица задержалась ещё на миг.

— Советую вам покаяться в своих грехах, лорд Ренли, — сказала она и последовала за Станнисом.

Кейтилин и лорд Ренли

вернулись в лагерь, где его тысячи и ее горстка ждали их возвращения.

— Это было забавно, хотя большой пользы не принесло, — проронил Ренли. — Вот бы и мне такой меч! Впрочем, Лорас, несомненно, поднесет мне его в дар после битвы. Я сожалею, что до этого дошло.

— Уж очень весело выражаете вы свое сожаление, — сказала Кейтилин, чье огорчение было непритворным.

— В самом деле? Что ж, пусть так. Станнис, должен сознаться, не из тех братьев, которых любят. Как вы думаете, его сказка правдива? Если Джоффри — отродье Цареубийцы...

— ...то законный наследник — ваш брат.

— Да — пока он жив. Дурацкий, впрочем, закон — вы не находите? Почему старший сын, а не тот, который лучше годится? Корона мне к лицу куда больше, чем Роберту, не говоря уж о Станнисе. Я чувствую в себе задатки великого короля — сильного, но великодушного, умного, справедливого, усердного, верного друзьям и беспощадного к врагам, однако способного прощать, терпеливого...

— И скромного? — подсказала Кейтилин.

— Нет короля без порока, миледи, — засмеялся Ренли.

Кейтилин чувствовала большую усталость. Все было напрасно. Братья Баратеоны потопят друг друга в крови, и ее сын останется с Ланнистерами один на один — а она бессильна это остановить. «Давно пора мне вернуться в Риверран и закрыть глаза отцу, — подумала она. — Это по крайней мере в моих силах. Пусть я плохая посланница, зато хорошая плакальщица, да помилуют меня боги».

Их лагерь расположился на гребне низкой каменистой гряды, идущей с севера на юг. Он был намного аккуратнее, чем широко расползшийся стан на Мандере, поскольку и людей здесь было

вчетверо меньше. Узнав о нападении брата на Штормовой Предел, Ренли разделил свое войско, как и Робб у Близнецов. Свою многочисленную пехоту он оставил у Горького Моста вместе со своей молодой королевой, обозами, вьючными животными и громоздкими осадными машинами, а сам повел своих рыцарей и вольных всадников быстрым маршем на восток.

Как он похож на Роберта, даже и в этом... но у Роберта всегда был Эддард Старк, сдерживавший его бесшабашные порывы. Нед, конечно, настоял бы на том, чтобы взять с собой все войско и окружить осадную армию Станниса. Ренли же

отверг этот выбор в своем упрямом стремлении поскорее сцепиться с братом. И провизия, и фураж – все осталось в нескольких дневных переходах позади с повозками, мулами и волами. Он должен вступить в бой немедленно – иначе они начнут голодать.

Кейтилин, отдав лошадей Хелу Моллену, направилась вместе с Ренли к королевскому шатру в середине лагеря. В его зеленых шелковых стенах собрались капитаны и лорды-знаменосцы, чтобы узнать, чем кончились переговоры.

– Мой брат совсем не изменился, – сказал молодой король,

пока Бриенна расстегивала его плащ и снимала с него корону. — Его нельзя смягчить ни учтивостью, ни замками — он хочет крови. Ну что ж, я настроен удовлетворить его желание.

— Ваше величество, я не вижу нужды давать сражение здесь, — заметил лорд Матис Рован. — В замке сильный гарнизон, основательный запас провизии, сир Кортни Пенроз — опытный командир, и не построен еще такой требюшет, который проломил бы стену Штормового Предела. Пусть лорд Станнис держит свою осаду. Ничего хорошего это ему не принесет, а пока он сидит здесь голодный, холодный и без надежды на успех, мы возьмем Королевскую

Гавань.

— И дадим повод говорить, что я испугался встретиться со Станнисом лицом к лицу?

— Только дураки могут сказать такое, — возразил лорд Матис.

— А вы что скажете? — обратился Ренли к остальным.

— Я скажу, что Станнис для нас опасен, объявил лорд Ренделл Тарли.
— Если оставить его в покое, он окрепнет, в то время как наши силы после сражения уменьшатся. Ланнистеров в один день не побьешь. К тому времени, когда вы с ними разделаетесь, лорд Станнис может стать столь же сильным, как вы... или еще сильнее.

Все прочие хором выразили свое одобрение. Король явно остался доволен этим.

– Хорошо. Будем сражаться.

«Я подвела Робба, как раньше Неда», – подумала Кейтилин.

– Милорд, – сказала она Ренли.

– Коль скоро вы решили дать сражение, мне здесь более нечего делать. Прошу вашего разрешения вернуться в Риверран.

– Я не разрешаю вам этого, – сказал Ренли, садясь на походный стул.

Кейтилин оцепенела.

– Я надеялась помочь вам заключить мир, милорд. Помогать вам в войне я не стану.

— Без ваших двадцати пяти человек мы уж как-нибудь обойдемся, миледи, — пожал плечами Ренли. — Я не прошу вас принимать участие в битве — я хочу лишь, чтобы вы наблюдали за ней.

— Я была в Шепчущем Лесу, милорд, и вдоволь насмотрелась на всю эту резню. Я приехала сюда как посланница...

— И как посланница уедете — только знать будете больше, чем прежде. Вы увидите своими глазами, какая участь ждет мятежников, чтобы сын ваш мог бы слышать об этом из ваших собственных уст. От опасности мы вас оградим — можете не страшиться. — И Ренли принялся

отдавать распоряжения. – Вы, лорд Матис, возглавите центр, ты, Брюс, возьмешь левый фланг, а я – правый. Вы, лорд Эстермонт, будете командовать резервом.

– Я не подведу вас, ваше величество, – заверил Эстермонт.

– А кто поведет авангард? – спросил Рован.

– Ваше величество, – сказал сир Джон Фоссовей, – прошу доверить эту честь мне.

– Проси сколько хочешь, – отозвался сир Гюйард Зеленый, – но по правилам первый удар должен нанести один из семерых.

– Чтобы атаковать стену из щитов, красивого плаща мало, –

заметил Рендилл Тарли. – Я командовал авангардом Мейса Тирелла, когда ты еще титьку сосал, Гюйард.

В шатре поднялся шум – каждый отстаивал свое право. Летние рыцари, подумала Кейтилин.

– Довольно, милорды, – поднял руку Ренли. – Будь у меня дюжина авангардов, вы все получили бы по одному, но эта честь по праву принадлежит лучшему из рыцарей. Первый удар нанесет сир Лорас.

– С великой радостью, ваше величество. – Рыцарь Цветов преклонил колени перед королем. – Благословите меня и дайте мне рыцаря, который поскачет около

меня с вашим знаменем. Пусть олень и роза идут в бой бок о бок.

Ренли посмотрел вокруг себя.

— Бриенна!

— Ваше величество. — Бриенна осталась в своих синих доспехах, только шлем сняла. В битком набитом шатре было жарко, и жидкие желтые волосы, намокшие от пота, прилипли к ее широкому некрасивому лицу. — Мое место рядом с вами. Я поклялась быть вашим щитом...

— Одним из семерых, — напомнил король. — Не опасайтесь — в бою меня будут сопровождать четверо ваших братьев.

Бриенна упала на колени.

– Если уж я должна расстаться с вашим величеством, позвольте хотя бы облачить вас в доспехи перед битвой.

Кейтилин слышала чей-то смешок у себя за спиной. Она его любит, бедняжка. Как это грустно. Она предлагает ему услуги оруженосца, лишь бы дотронуться до него, и ей все равно, что другие считают ее дурой.

– Хорошо, – сказал Ренли. – А теперь прошу всех оставить меня. Даже короли должны отдыхать перед боем.

– Милорд, – сказала Кейтилин, – в последней деревне, которую мы проезжали, есть маленькая септа.

Если вы не разрешаете мне уехать в Риверран, позвольте съездить туда и помолиться.

— Как вам будет угодно. Сир Робар, дайте леди Старк эскорт, чтобы проводить ее до септы... и позаботьтесь, чтобы перед рассветом она вернулась к нам.

— Вам тоже не мешало бы помолиться, — заметила Кейтилин.

— За победу?

— За ниспослание мудрости.

— Останься, Лорис, и помолись со мной, — засмеялся Ренли. — Я так давно этого не делал, что уж и позабыл, как надо. Остальные к рассвету должны быть на местах в доспехах, при оружии и конные. Это

утро запомнится Станнису надолго.

Когда Кейтилин вышла из шатра, уже смеркалось. Сир Робар Ройс шел рядом с ней. Она знала его не слишком хорошо — один из сыновей Бронзового Джона, красивый на свой грубоватый лад, довольно известный турнирный боец. Ренли пожаловал ему радужный плащ и кроваво-красные доспехи, сделав его одним из семерых своих гвардейцев.

— Далеко же вы заехали от Долины, сир, — заметила она.

— Как и вы от Винтерфелла, миледи.

— Я знаю, что меня сюда привело, ну а вы? Это не ваша битва — не больше, чем моя.

– Эта битва стала моей, когда Ренли стал моим королем.

– Ройсы – знаменосцы дома Арренов.

– Мой лорд-отец обязан верностью леди Лизе, как и его наследник. Второй сын ищет славы там, где может. А турниры человеку со временем надоедают.

Ему наверняка не больше двадцати одного года – ровесник королю... но ее король, ее Робб, в свои пятнадцать умнее, чем этот юноша. По крайней мере Кейтилин хотелось в это верить.

В отведенном им уголке лагеря Шадд крошил морковку в котелок, Хел Моллен играл в кости с тремя

своими винтерфеллцами, Люкас Блэквуд точил кинжал.

– Леди Старк, – сказал он, увидев ее, – Моллен говорит, что на рассвете будет бой.

– Это правда, – ответила она. (Экий длинный язык у этого Хела.)

– Ну и что же – будем биться или убежим?

– Мы будем молиться, Люкас. Молиться.